

В. Л. Васильев, М. В. Добровольская,
А. Л. Смирнов, Н. Н. Вихрова

**НАСЕЛЕНИЕ ВОДОРАЗДЕЛА
ВОЛГИ, ЗАПАДНОЙ ДВИНЫ И ПОЛЫ
В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ**

(по данным топонимики, археологии,
палеодемографии)

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НОВГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ЯРОСЛАВА МУДРОГО»

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НОВГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ЯРОСЛАВА МУДРОГО»

**В. Л. Васильев, М. В. Добровольская,
А. Л. Смирнов, Н. Н. Вихрова**

**НАСЕЛЕНИЕ ВОДОРАЗДЕЛА ВОЛГИ,
ЗАПАДНОЙ ДВИНЫ И ПОЛЫ
В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ
(по данным топонимики, археологии,
палеодемографии)**

Коллективная монография

Великий Новгород
2023

УДК 902/904
ББК 63.4
В19

Печатается по решению РИС НовГУ и Ученого Совета ИА РАН

Рецензенты:

доктор филологических наук, член-корреспондент РАН **С. А. Мызников**
(Центр ареальной лингвистики Института славяноведения РАН, Москва)

кандидат исторических наук, доцент **Е. В. Торопова**
(Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого,
Великий Новгород)

кандидат исторических наук **Е. А. Клещенко**
(Институт археологии РАН, Москва)

Васильев В. Л., Добровольская М. В., Смирнов А. Л., Вихрова Н. Н.

В19

Население водораздела Волги, Западной Двины и Полы в древности и средневековье (по данным топонимики, археологии, палеодемографии): коллективная монография / Институт археологии РАН; Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2023. – 200 с.

ISBN 978-5-89896-894-6

DOI: 10.34680/978-5-89896-894-6/2023.toponymy

Путем объединения и сопоставления материалов топонимики, археологии, палеодемографии, антропологии авторы попытались воссоздать основные этапы заселения и характер освоения водораздела Волги, Западной Двины и Полы представителями различных этнических групп. Территория этого микрорегиона с первых веков н.э. и в эпоху средневековья была полем взаимодействия носителей археологических культур и диалектов, традиционно связываемых с финнами, балтами и славянами. В монографии обобщены новые данные, полученные при изучении географических имен, археологических памятников и антропологических материалов, что отражает современный уровень исследованности истории земель, игравших важнейшую роль в сложении древнерусской общности.

Издание предназначено для специалистов в области языкознания, истории, археологии, географии.

УДК 902/904
ББК 63.4

ISBN 978-5-89896-894-6

© Институт археологии РАН, 2023
© Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, 2023
© В. Л. Васильев, М. В. Добровольская, А. Л. Смирнов, Н. Н. Вихрова, 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
ГЛАВА 1. Водораздел Волги, Западной Двины и Полы. Краткий очерк природных особенностей	10
Расположение микрорегиона исследований	10
Особенности геологического сложения	11
Рельеф	12
Водоемы	13
Распространение леса	15
Климатические особенности	17
ГЛАВА 2. Формирование населения водораздела Волги, Западной Двины и Полы в раннем железном веке и средневековье по данным археологии и палеоантропологического источника	19
Ранний железный век в истоках Волги и Западной Двины по данным археологии	19
Культурное разнообразие исследуемого микрорегиона по данным археологии (с сер. I тыс. н.э. до нач. II тыс. н.э.)	38
Верхневолжский камень в контексте анализа демографических барьеров и территориальных разграничений в истоках Волги и Западной Двины в XII веке	48
Краткий очерк изучения антропологического состава населения верховьев Волги и Западной Двины в средневековье и анализ основных векторов расселения	54
Приложения к главе 2	60
ГЛАВА 3. Топонимия балтов и финнов на Волжско-Двинско-Полавском водоразделе	70
Имена главных рек исследуемого микрорегиона	70
Топонимическое наследие древних балтов. Этимологии балтизмов	73
Связи балтизмов с природными и антропогенными ландшафтами	87
К вопросу хронологии балтского топонимического наследия	89
Вопрос финского топонимического наследия	92
ГЛАВА 4. Средневековые славяне Волжско-Двинско-Полавского водораздела в зеркале топонимии	98
Предварительные замечания	98
Гидронимическое отражение реалий природного ландшафта	99
Поселенческая топонимия с отражением объектов природного ландшафта	108
Топонимия от терминологии флоры и фауны	113
Водные и сухопутные коммуникации по топонимическим данным	118
Именованье населенных пунктов по озерам и рекам	126
Топонимия с корнем <i>город</i> -	136

Топонимия от поселенческой терминологии	139
Топонимическое отражение земельных угодий	142
Топонимия рыболовства, охоты и других занятий населения	148
Топонимическое отражение реалий язычества и христианства	151
Топонимические оценки объектов ландшафта	153
Отдельные топонимы от обозначений и наименований лиц	156
К проблеме хронологизации славянской топонимии	157
ПРИЛОЖЕНИЕ К ГЛАВАМ 3–4	162
ГЛАВА 5. Взаимодействие ранних славян и балтов в истоках Волги, Западной Двины и Пола	171
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	178
ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ	180
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	192
Наименования языков, диалектов, территорий	192
Прочее	193
Расшифровка отдельных знаков	194
УКАЗАТЕЛЬ ОПОРНЫХ ТОПОНИМОВ	195
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	199

ПРЕДИСЛОВИЕ

Современное изучение культурно-исторических процессов предполагает междисциплинарное взаимодействие, которое существенно расширяет наши знания о прошлом и делает их более доказательными. В поле междисциплинарного взаимодействия особое место занимает синтез лингвистического и археологического подходов. Как пример такого взаимодействия, инициированного лингвистами и успешно развивавшегося на протяжении нескольких десятилетий у нас в стране, можно назвать тематику древности балто-славянского континуума в контексте истории индоевропейских языков, мифов, этногенеза народов, говорящих (говоривших) и пишущих (писавших) на индоевропейских языках. Институт славяноведения РАН стал инициатором широкого обсуждения множества проблем в рамках этой тематики. К обсуждению были привлечены ведущие лингвисты, включая В. В. Иванова, В. Н. Топорова, А. А. Зализняка и многих других. В обсуждениях принимали участие ведущие археологи, работавшие в этих тематиках (напр., В. В. Седов, Э. С. Мугуревич, В. И. Кулаков). Публикации Балто-славянских сборников начались в 1972 г., и к настоящему времени серия насчитывает 21 выпуск (последний вышел в 2021 г.). Кроме того, были выпущены в свет сборники более узкого тематического направления: «Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд» (1990), «Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Заговор» (1993). Они также демонстрируют возможности междисциплинарного взаимодействия.

Исследования балто-славянского континуума, взаимодействия балтских и славянских культур и традиций были и остаются актуальными для археологии средневековья и раннего железного века. При описании археологических культур и памятников зачастую можно встретить этнические обозначения. Правомерность таких характеристик должна обсуждаться в каждом конкретном случае.

Актуальность взаимодействия археологии и топонимики неоднократно отмечалась (Васильев 2012; Васильев, Вихрова 2019). Оно базируется, прежде всего, на возможностях применения географического анализа. Примером успешного взаимодействия представителей двух наук является плодотворное сотрудничество лингвиста А. С. Герда с петербургскими археологами В. А. Булкиным и Г. С. Лебедевым с целью выявления устойчивых историко-культурных зон на Русском Северо-Западе, результатом чего стало появление коллективных монографий (Основания регионалистики 1999; Очерки исторической географии 2001) и серии совместных статей. Палеоантропологические материалы из археологических памятников традиционно привлекались в качестве независимого источника для этногенетических исследований. Несмотря на то, что этнос – явление сугубо культурное, представители той или иной этнической идентичности имеют собственную историю сложения. Методы палеоантропологии на популяционном уровне определяют антропологические особенности и истоки их происхождения. Последнее десятилетие отмечено введением в научный оборот большого объема палеогеномных исследований, которые позволяют подробно видеть состав древних популяций – носителей определённых культурных традиций.

Таким образом, треугольник междисциплинарного взаимодействия, построенный на данных лингвистики, археологии и анализе антропологических данных, позволяет соотносить независимые источники исследований. Можно упомянуть в этой связи фундаментальный труд В. В. Седова «Славяне: историко-археологическое исследование» (2002), в котором, пусть в небольшой мере, но используются данные лингвистики и палеоантропологии, коллективную монографию «Восточные славяне. Антропология и этническая история» под ред. Т. И. Алексеевой (1999).

Предлагаемое исследование – опыт сопоставления анализа топонимических,

археологических, отчасти антропологических сведений для изучения динамики историко-культурного развития в истоках Волги, Западной Двины и Пола в кон. I тыс. до н. э. – сер. II тыс. н. э. Водораздел балтийского и каспийского стоков потенциально рассматривается как локус взаимодействия трех компонентов, которые по лингвистическим дефинициям могут быть названы как славянский, балтский и финский.

В анализе использованы сведения об археологических памятниках раннего железного века – раннего средневековья и средневековья. Рассматриваются характер смены культурных традиций, категории, численность и плотность распространения памятников. Также мы привлекаем данные палеоантропологии, реконструируя в гипотетическом виде основные векторы заселения региона и особенности антропологического состава региона в средневековье. Данные о морфологическом и генетическом разнообразии древнего, средневекового и современного населения Северо-Запада Европейской части России привлекаются как дополнительные. К сожалению, два тысячелетия (первое до н. э. и первое н. э.) представляют огромную лауну в палеоантропологических материалах. В связи с этим невозможно прямое исследование останков людей этого периода. Нам остается только сопоставлять данные о населении эпохи бронзы, средних веков, современности. Очевидно, что такие широкие сопоставления позволяют видеть только явления очень крупного порядка. Но, с другой стороны, как ни парадоксально в большинстве случаев, обсуждая происхождение той или иной группы населения, привлекая методы палеоантропологии, мы все равно остаемся в масштабах крупных массивов населения. В соответствующем разделе работы привлечены данные отдельных популяционно-генетических и палеогенетических исследований, которые также дают основания только для очень осторожных замечаний, так как сочетание методических сложностей палеогенетики и малой численности изученных индивидов оставляет нас пока в поле многочисленных неопределенностей.

В связи с последними ремарками может возникнуть вопрос о причинах объ-

единения столь разных по репрезентативности, содержанию, интерпретационным возможностям материалов, которые обсуждаются и объединяются под общей обложкой. Так как темой исследования обозначено население водораздела Волги, Западной Двины и Пола в древности и средневековье, то методы анализа должны, по нашему мнению, отражать различные стороны его жизни: практическую деятельность, запечатленную в археологических памятниках, язык, представленный топонимами, физический облик и генетическое происхождение. Неравномерность проработки источников усложняет, но не отменяет системности в решении поставленной задачи. Если бы нашей целью было изучение языка, той или иной традиции расселения, генетического сложения населения определенной территории, то следовало бы эти составляющие развести и публиковать отдельно. Но, по нашему мнению, сочетание этих аспектов приближает нас к пониманию исторической динамики, развития региона. Анализируемые аспекты неоднозначно связаны друг с другом. Археологическая культура **не подразумевает** обязательного этнического единства, использования только единого языка; принадлежность к этнической группе **не предусматривает** единства происхождения людей, в нее объединившихся, и т. д. «Узор», в который складывается сочетание культурно-исторических и генетических особенностей, будет лежать в основе нашего понимания исторического развития определенной территории. В этом комплексе явно не хватает еще одного компонента – экологического. Важно видеть культурную, демографическую динамику, изменение состава населения на фоне природных изменений, которые происходят не без участия хозяйственного освоения территории. Этот аспект исследований мало затронут в издании. Думается, это станет следующим этапом комплексного исследования. В настоящей книге мы представляем опыт междисциплинарного исследования, основа которого – топонимические и археологические источники.

Топонимическое исследование частично выполнялось в 2019–2020 гг. при поддержке гранта РФФИ в рамках научного проекта № 18-00-01583 (К) «Созданные земли: Ис-

тория средневековых природных и культурных ландшафтов на Валдайском водоразделе» (№ 18-00-00838 «Историко-топонимическое отражение объектов ландшафта в междуречье Волги, Пoles, Западной Двины и Днепра (в период с середины I тыс. н. э. до XVIII в.)»).

Результаты археологического и палеоантропологического исследования получены в ходе выполнения НИОКТР № 122011200264-9 «Междисциплинарный подход в изучении становления и развития древних и средневековых антропогенных экосистем».

ГЛАВА 1.

Водораздел Волги, Западной Двины и Полы. Краткий очерк природных особенностей

Если бы возможно было с достаточной высоты взглянуть на поверхность русской равнины, она представилась бы нам в виде узорчатой ряби, какую представляет обнажившееся песчаное дно реки или поверхность моря при лёгком ветре. При всём однообразии, каким отличается природа нашей равнины, всматриваясь в неё подробнее, можно заметить некоторые местные особенности, которые также связаны тесно с геологическим образованием страны и оказали ощутительное действие на историю нашего народа.

В. О. Ключевский

Изучение материальной и духовной культуры, системы жизнеобеспечения, характера расселения невозможно без понимания тех реалий, с которыми сталкивался человек, живший в определённое время в том или ином регионе. Представление о том, что характер местных ресурсов в известной мере определял экономику, уже не требует специальных обоснований. Гораздо сложнее обстоит дело с нашими представлениями о связи ментального мира и природного окружения человека и о том, какой, собственно, у нас есть инструментарий для изучения этой связи. В самом общем виде очевидно, что восприятие окружающего мира человеком прошлого, живущим не в городской среде, а в формах расселения, предпо-

лагающих постоянную и непосредственную связь с местными природными обстоятельствами, связано с разноаспектным восприятием живого природного окружения. Это многократно подтверждено историческими, этнографическими, лингвистическими исследованиями.

Имея в виду возможность такой связи, а также очевидные характеристики распределения археологических погребальных и поселенческих памятников, связанные с рельефом, близостью к воде и другими стандартными факторами, которые диктуются необходимостью, мы считаем важным предварить результаты исследований кратким очерком природных особенностей.

Расположение микрорегиона исследований

Самые истоки рек Волги, Западной Двины и Полы сближены между собой на ограниченной площади, образуя микрорегион, обладающий определённым набором ландшафтно-географических, культурно-исторических и лингвистических особенностей. По современному административно-территориальному делению, территория водораздела Волги, Западной Двины и Полы (далее сокращённо – ВВДП) принадлежит преимущественно Пенновскому и Андреапольскому районам, небольшими участками входит в Торопецкий и Осташковский районы Тверской области и Марёвский район Новгородской области. Микрорегион ВВДП занимает северо-западную окраину Валдайской возвышенности (Осташковская гряда). Он располагается к западу от Верхневолжских озёр (Стерж, Вселук, Пено, Волго) и р. Жукопа

и охватывает западные пределы возвышенности, граничащие с Приильменской низиной. С северной стороны пределы микрорегиона ограничены верховьями Полы и ее правобережных притоков Каменка, Стабёнка, Руна, Марёвка, с западной – притоками р. Волкота, южные пределы ВВДП проходят приблизительно по широте истока Западной Двины из оз. Охват севернее Андреаполя (рис. 1). Высоты на северо-западных водораздельных участках составляют 230–300 м. Волжско-Двинско-Полавский водораздел является частью более обширного водораздела трёх крупнейших рек Каспийского, Балтийского и Черноморского бассейнов. Таким образом, в фокусе нашего исследования оказалась северная часть территории древнерусского Оковского Леса (иначе – Волоковского Леса, Волконского Леса), пределы

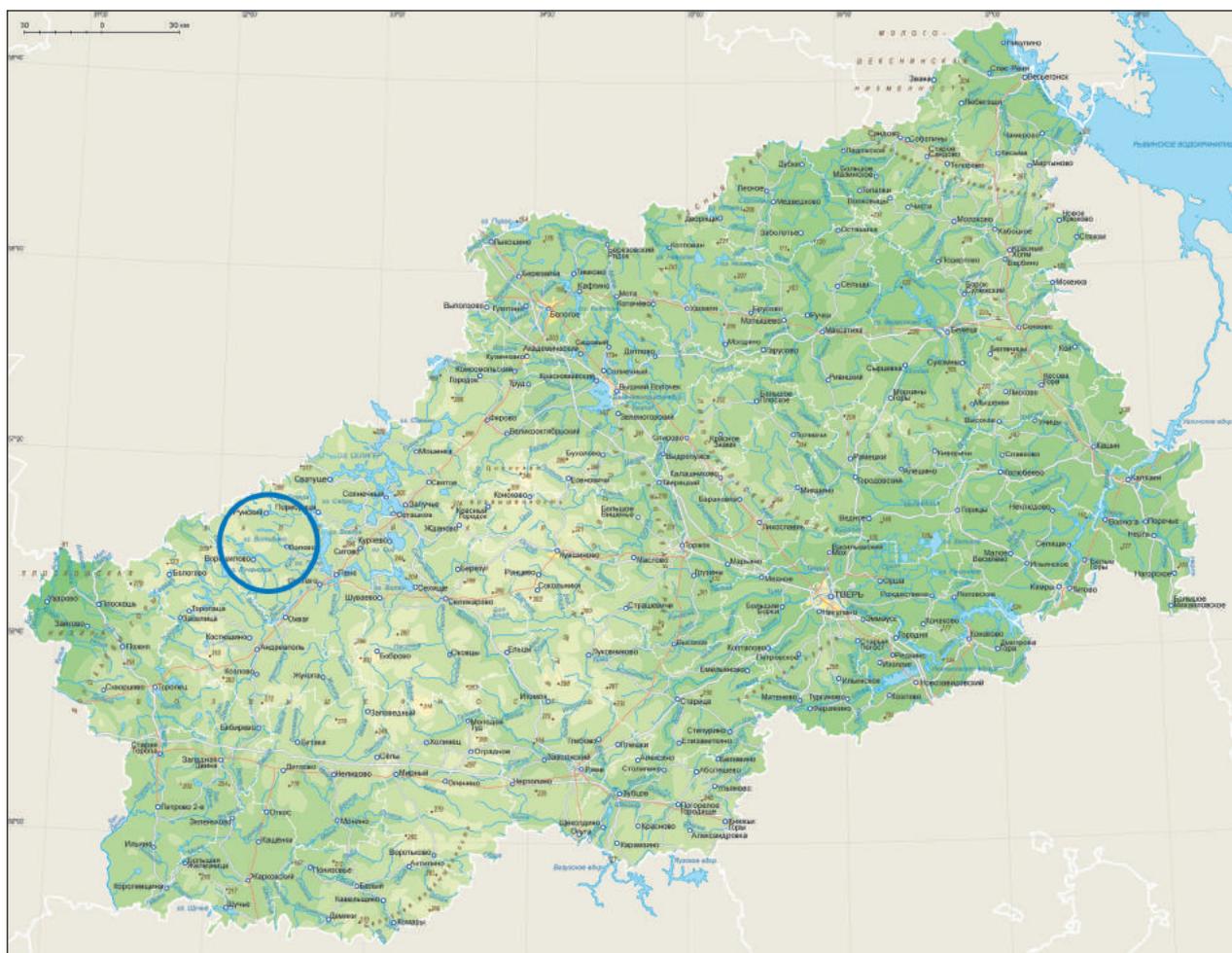

Рис. 1. Тверская область. Расположение микрорегиона исследований

которого реконструированы Л.В. Алексеевым (2006, 6–9, рис. 3). Первые сообщения об Оковском Лесе дает Повесть временных лет: «Днѣпръ бо потече из Оковьскаго лѣса,

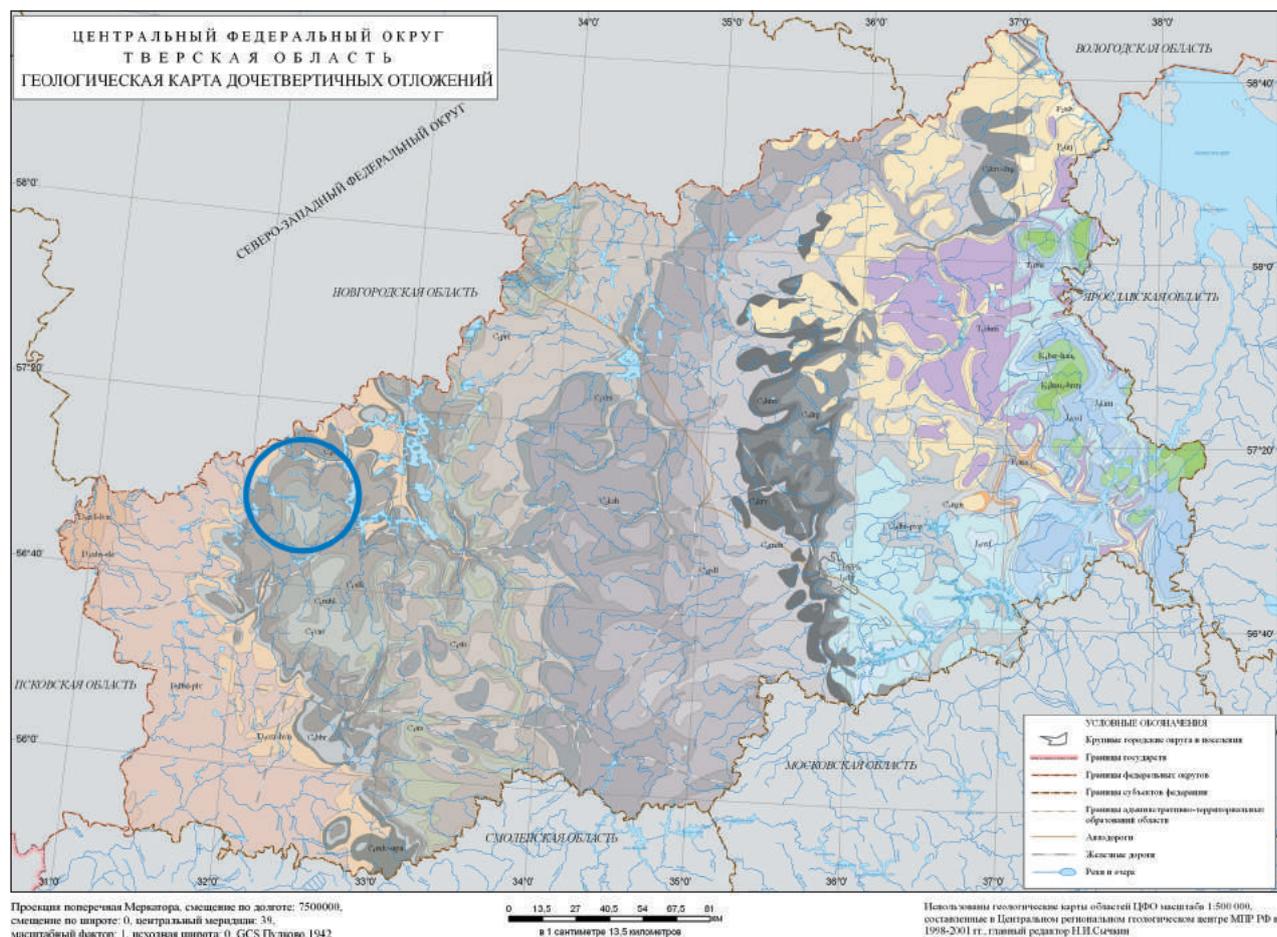
и потечеть на полъдне, а Двина ис того же лѣса потечеть, а идетъ на полунощье и внидетъ в море Варяжское. Ис того же лѣса потече Волга на вѣстокъ...» (ПВЛ, 11).

Особенности геологического сложения

Микрорегион имеет свою геологическую специфику, выражающуюся, в частности, сочетанием отложений дочетвертичного и четвертичного периодов. Историография геологического изучения Валдая велика (напр. Комагорова 2022) и не может быть здесь охарактеризована.

Древние осадочные геологические отложения образованы преимущественно породами каменноугольной системы различных отделов (Валдайско-Онежский карбоновый уступ) с небольшим участием верхних отделов девонской системы. Такое сочетание характерно для всего района Верхневолжских озер (рис. 2).

Четвертичные отложения формировались ледниковыми отложениями (Сидоренко 1971). При описании карт четвертичных отложений отмечается, что «на территории Тверской области развиты отложения пяти оледенений, возраст которых различными исследователями трактуется по-разному. Не вызывает разногласий только время образования самой молодой морены, которая развита на северо-западе области и граница распространения которой совпадает с границей своеобразного озерного рельефа: все исследователи относят ее к остатковскому оледенению конца позднего плейстоцена (от 25 до 10 тыс. лет назад)» (Лавровиц,

Рис. 2. Тверская область. Геологическая карта дочетвертичных отложений с указанием микрорегиона исследований

Мещерякова 1997, 23). Вероятно, деятельность ледника в поздневалдайское время была крайне агрессивной, так как в моренных отложениях находят следы достигающих карбоновых формаций, а мощность отложений ошашковского оледенения составляет более 60 м (Столярова 1961). Таким образом, мы можем отметить, что район Верхневолжских озер, частью которого является исследуемый нами микрорегион, имеет специфическое геологическое строение, определённое, прежде всего четвертичным временем. Северо-западные части микрорегиона характеризуются собственно

моренными отложениями (основная, крайняя морена), юго-восточные, включая бассейны Куди и Волкоты, – флювиогляциальными отложениями периода таяния ледника Валдайского оледенения (рис. 3). Юго-восточнее четвертичные отложения сложены более сложными моренами различных оледенений. Хотя исследования последних лет (напр., Карпухина и др., 2020) возвращают к перспективе некоторого пересмотра финальнопледстоценовых событий, мы будем придерживаться устоявшегося представления об основных особенностях геологического сложения микрорегиона.

Рельеф

Рельеф микрорегиона в полной мере сформирован деятельностью ледника. Местность может быть охарактеризована как сильно пересеченная, поверхность грядово-холмистая, состоящая из разнообраз-

но ориентированных сложно расчлененных поднятий, озерных котловин, понижений. Рельеф сформирован преимущественно конечно-моренными грядами, что является, вероятно, наиболее характерной его чертой

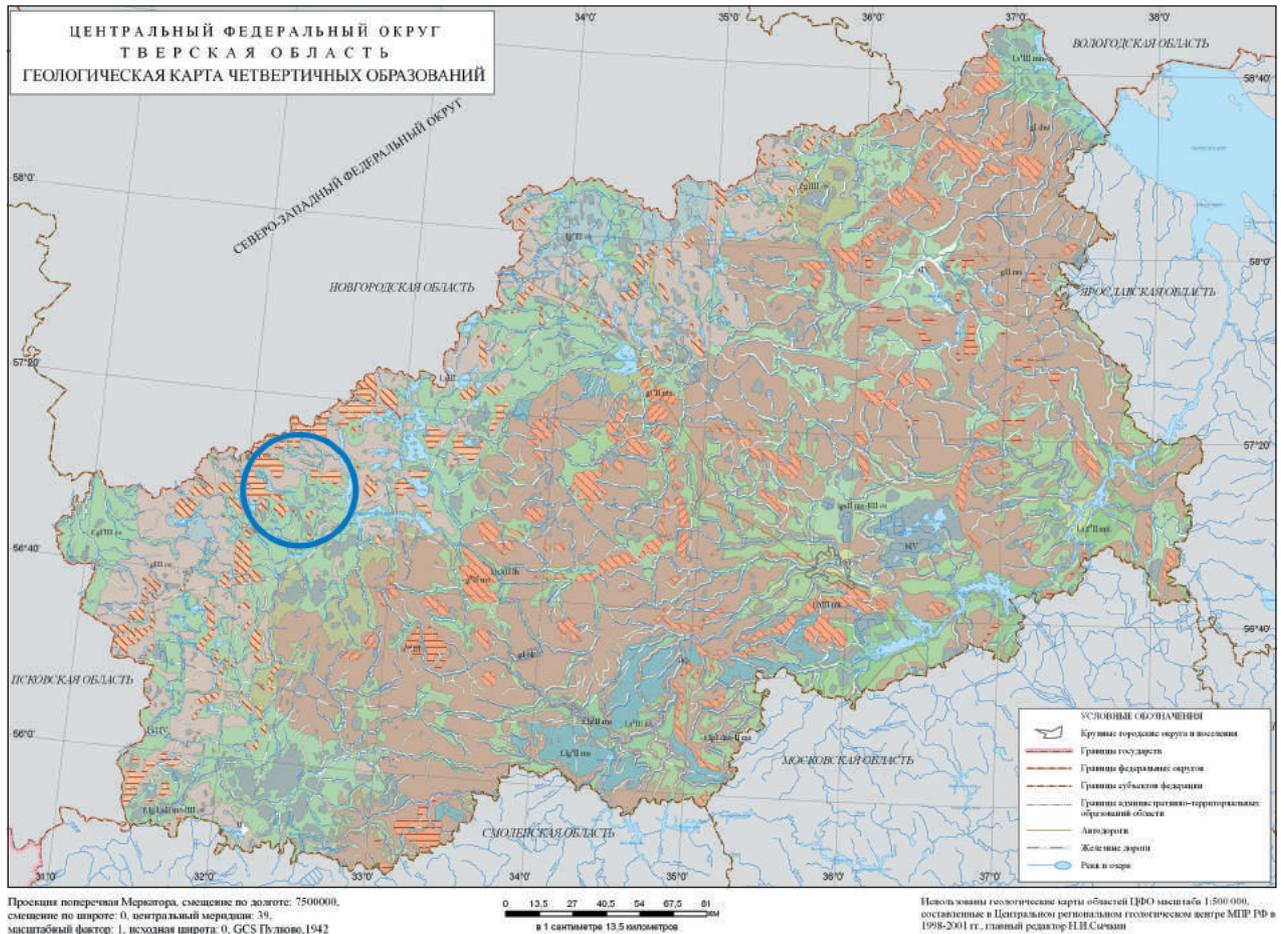

Рис. 3. Тверская область. Геологическая карта четвертичных отложений с локализацией исследуемого микрорегиона

и определяет отсутствие крупных участков равнинных поверхностей. Элементы зандровых равнин типичны для прилегающих с запада, юга и востока территорий, с севера рельеф резко ограничен низинными, равнинными территориями Приильменской низины. Таким образом, самой отличительной особенностью рельефа можно считать сочетание холмов и понижений удлиненных форм, расположение которых не имеет, как правило, единого направления. Отметим, что такой рельеф при преобладающем покрытии лесом плотной сомкнутости

Водоемы

Другая наиболее характерная черта исследуемой нами территории – обилие водоемов в виде озер, рек, ручьев и временных водотоков, а также болот, которые некогда были озерами. На ВВДП приходится самое большое количество озер в пределах

крайне сложен для ориентировки на местности. Значительная расчлененность формирует только малые горизонтальные поверхности. Именно такие участки обычно интересуют человека при поиске места для поселения или сельскохозяйственной деятельности (формирование пашни, выпаса). На юг и юго-запад, уже с юга Пеновского и в Андреапольском р-не встречаются большие пространства зандровых образований, которые прекрасно подходят для больших поселений с прилежащими хозяйственными территориями.

летописного Оковского Леса. Здесь тянется длинная цепь Верхневолжских озер (Большой Верхит, Малый Верхит, Стерж, Вселуг, Пено и Волго), ограничивавшая Оковский Лес с северо-восточной стороны. С Верхневолжскими озерами через рр. Руна и Кудь

связаны озз. Истошня, Хвошня, Меглинское, Колпино, Слаутинское, Сობлаго и др.; в истоках Западной Двины лежат озз. Карякино (Двинец), Охват, Волкота, Лучан, Бросно, Бойно, Каменное, Долоссо и др.; болотистые истоки Пола и ее притоков отмечены озерами сравнительно небольшими по площади: Мокролуцкое, Алхимцево, Городенка, Пупово и др. Все эти многочисленные водоемы появились в голоценовое время. Реки не имеют сформированного рельефа долины. Дополнительная сложность – крайне неустойчивое состояние водной сети в целом. Это связано как с некоторыми вполне очевидными факторами, например, со снижением уровня воды раннеголоценового времени в результате формирования стоков талых вод. Подчеркнем, что, несмотря на небольшие локальные высоты Валдайской возвышенности (около 200–260 м), местность являлась уверенным сухопутным пространством на краю обширной Приильменской низменности, длительное время заполненной водой до прорыва Невы, который состоялся около 3,5 тыс. лет назад (Saarnisto, Grönlund 1996). Другой важнейший для нас вопрос – изменение обводненности и интенсивности водотока рек. На эту динамику на протяжении голоцена влияли не только общее снижение уровня воды по мере стока раннеголоценовых водоемов, образывавшихся в процессе таяния ледника, но и факторы, способствовавшие повышению уровня воды. Отметим, что аккумуляции талых вод в значительной степени способствовали приледниковые прогибы земной коры и компенсационные валы. Такой прогиб сформировался к югу от описываемой территории (Селижаровский район) (Баранов и др. 2019). Наряду с формированием приледникового прогиба следует отметить последующий процесс изостатического поднятия. Значительная динамика водной сети просматривается не только в столь отдаленные периоды.

Если мы обратимся к недавнему времени, к ранним картографическим документам, напр. к картам уездов 2-й пол. XVIII в., то обнаружим значительно отличающиеся очертания Верхневолжских озер, небольших рек и озер, соединенных с этими озерами. Тексты писцовых книг конца XV в., описывающие границы Деревской пятины,

также позволяют убедиться в том, что часть водоемов сохранили свою «узнаваемость», а часть значительно трансформировались с XV века. Это однозначно указывает на постоянное изменение в функционировании местной гидросети на основании ситуации современности. Напомним также, что, начиная с 1843 года уровень вод больших Верхневолжских озер повысился, благодаря строительству Верхневолжского бейшлота, который был сооружен в 85 км ниже истока Волги с тем, чтобы улучшить транспортную активность на Волге в летнее время. Соответственно, должен был замедлиться сток рек, впадающих в верхневолжские озера, в том числе Куди, Руны, Мостовлянки, Заборовки. Это также должно было приводить к более интенсивному заболачиванию микрорегиона. Добавим, что во время войны 1941–1945 годов плотины были взорваны, а затем восстановлены, в результате чего уровень воды в озерах еще повысился. Таким образом, сегодня мы имеем картину, сильно отличающуюся от раннесредневекового и древнерусского времени. Это очень важно иметь в виду, оценивая расположение тех или иных археологических памятников относительно водотоков. Отмеченные обстоятельства указывают на то, что в данном случае вряд ли можно ограничиться сведениями о климате, чтоб судить о состоянии гидросети.

Ключевая тема, обсуждаемая при характеристике местной гидросети, – волоковые коммуникации, благодаря которым местность стала известной и упоминаемой в письменных источниках. Наши знания о волоках, которые учитывают весь объем археологических и лингвистических материалов, еще значительно ограничены. Ранее проводились исследования по обнаружению археологических памятников в местностях с топонимами, указывающими на присутствие волока (Потресов, Шолохова 1966; Алексеев 1974; Алексеев 1980; Буров 1978), изучены археологические памятники на Кенском волоке (Чернов 1980). Подробно исследованы волоки Белозерья и Поонежья (Макаров 1997). Поселения, связанные с волоками, получают особое развитие в период активного использования малого речного транспорта для систематических перемещений товаров. «Можно

полагать, что обслуживание волока и посредническая торговля на волоке были важными источниками благосостояния обитателей нефедьевских селищ» (Макаров 1997, 161). Отсутствие каких-либо маркеров специфической физической деятельности людей из могильников «на волоках» по сравнению с другими, а также исторические свидетельства о жизни крестьян на поздних волоках позволяют с уверенностью судить о том, что активность, связанная с деятельностью волока не была обременительной, но, с другой стороны, и не обеспечивала ресурсами, позволявшими отказаться от сельскохозяйственной, заготовительной и пр. деятельности (Макаров 1997, 161). Преимущества жизни на волоке объясняют интенсивность расселения в этом локусе в период расширения новгородских земель.

Особый популярный аспект анализа данных о волоках – крупные трансконтинентальные торговые потоки средневековья. Как Волжский, так и Днепровский водные пути имеют на своем протяжении балтийско-волжский или балтийско-днепровский переходы. Как правило, эти пути прочерчиваются по карте линиями, соединяющими водоемы. Линии строятся на ос-

новании географии водоемов, расположения археологических памятников, находок кладов (напр., Лебедев 2005). Также возможно рассматривать эти пути как зоны, внутри которых существуют сети волоков большей или меньшей интенсивности использования. Именно такой подход предложил В.М. Воробьев, тщательно изучив гидрографию и топографию Верховьев Волги и Западной Двины (Воробьев 2019). В частности, им предложены 36 локусов, которые могут быть рассмотрены как потенциальные переходы-волоки. Три таких локуса находятся на территории Пеновского р-на: 1) место минимального расстояния между Западной Двиной и Волгой, относящееся к истоку Западной Двины, расположенному в 6–8 км от оз. Пено и одноименного поселка; 2) место минимального расстояния между рр. Волкота и Кудь; 3) место минимального расстояния между притоками Пола и Руны, впадающей в Волгу. Рассмотрению этих и других волоковых мест ВВДП на материале топонимии отведено немало страниц в нашей работе. Такие локусы насыщены средневековыми археологическими памятниками и топонимами, позволяющими предполагать наличие волоков.

Распространение леса

Волжско-Двинско-Полавский водораздел отличается значительной облесенностью. Эта северная периферия древнерусского Оковского Леса до сих пор отчасти остается слабозаселенной лесной провинцией. Так же можно охарактеризовать западную и центральную части Оковского Леса, особенно в верховьях Межи, притока Западной Двины. Сохранение старых лесных массивов и слабозаселенность местности в истоках Межи и Жукопы позволили там заложить в 1930 г. Центрально-Лесной природный биосферный заповедник. Среди наиболее распространенных пород деревьев в лесных массивах Волжско-Двинско-Полавского водораздела встречаются хвойные – сосна и ель. Формирование боров, еловых лесов на песках и супесчаных грунтах, множество болот, моренные валунные скопления создают впечатление сходное с тем, что мы получаем, посещая Карельский Озерный край, то есть впечатления северно-

го таежного ландшафта. В какой мере сегодняшний облик растительных сообществ соответствует тому, что было в раннем железном веке и средневековье, мы в полной мере не знаем, однако, ряд фактов исследований растительных остатков в болотных отложениях и культурных слоях памятников позволяет считать, что как состав основных пород, так и распространенность лесных массивов могли сильно отличаться от современных. Также, как и в случае с динамикой системы водоемов, растительные сообщества изменялись под воздействием глобальных климатических факторов на протяжении голоцена и в результате антропогенной деятельности. Масштаб последней может, в частности, оцениваться на базе сводок распространения археологических памятников.

Фотодокументы, описания путешественников указывают на крупные масштабы сведения леса в конце XIX в. усилиями крестьянства, осваивавшего бедные местные

Рис. 4. Низовья озера Волго. Вид, запечатленный весной 1877 г. (Рагозин 1880)

почвы. Добыча древесины, будь то строительство моножил в раннем средневековье, производство поташа в XVII в. и просто сплав леса в XIX в., играли важную роль в экономике Верхневолжья. Принимая во внимание, что как в раннем железном веке, так и в средневековье на местных песчаных и супесчаных грунтах, вероятно, использовалась подсевное огневое земледелие, можно предполагать, что в эпоху, предшествующую использованию тяжелой техники в заготовке леса, как это происходит здесь сейчас, масштаб сведения лесов мог быть очень велик. Вот цитата одного из исследователей Волги последней трети XIX в. Виктора Рогозина. Описывая свое путешествие к истоку Волги, по первым ее притокам (Руна, Кудь), Верхневолжским озерам, автор пишет о сложности хождения по Верхневолжским озерам из-за множества сброшенных в воду деревьев (рис. 4). «Характерной чертой здесь являются *кариши* или *корчевье*, то есть затонувшие стволы деревьев, пни и коряги. Плавание в лодке по этим местам, даже среди дня, крайне небезопасно, потому что чуть не на каждой сажени торчат из воды темные, намокшие, кряжистые сучья и целые стволы, многие сотни и тысячи которых, виднеясь вдали, загромождают для взора все свобод-

ные промежутки на поверхности озера и кажутся иногда непроницаемой чащей, особенно ближе к берегам... Таким путем мы плыли 15 верст. Дальнейший путь не обещал ничего лучшего, так как куда только достигал глаз, всюду из воды высывались во всевозможных положениях затонувшие деревья. ... на протяжении еще 15 верст, нас сопровождали те же опасные *кариши*, пока совсем не исчезли в том месте, где начиналось Волгб.» (Рогозин 1880, 34–36). В 1894–1895 гг. в экспедиции военного картографа генерал-лейтенанта А.А. Тилло по изучению верховий главнейших рек Европейской части России принял участие Д.Н. Анучин, изучавший истоки Волги и Западной Двины. Исследователи наблюдали аналогичную картину и описали ее как следствие подъема уровня воды в озере, затопившего прибрежную часть леса. По свидетельству географа, «зимой местные жители, стоя на льду, вырубали деревья на дрова и для строительства временных дорог» (Джобадзе, Максимов 2017, 452).

Как будет подробно описано далее в разделах нашей работы, территория изобилует курганными насыпями раннесредневекового и древнерусского времени, находящихся в настоящее время по большей части

под пологом леса. Мы предполагаем, что отдельные курганы и курганные могильники могли располагаться только на открытых площадках, а цепочки курганов, приуроченные к наиболее высоким участкам холмов, возводились там с учетом возможности

видеть их издалека. Эти соображения также следует иметь в виду, собирая свидетельства тому, что облик территории в изучаемые эпохи мог сильно отличаться от современного расположением лесных массивов и их составом.

Климатические особенности

Современный климат Валдайской возвышенности умеренно континентальный, характеризующийся довольно высокой влажностью. Для микроклиматических условий на Валдайской возвышенности большое значение имеют, казалось бы, несущественные локальные повышения над уровнем моря на несколько метров, а также удаленность от больших водоемов. Микроклиматические условия очень существенно сказываются на формировании растительных сообществ, а также на эффективности ведения земледелия.

Известно, что климатические изменения первого тысячелетия н. э. во всей Европе были значительными. Основная канва этих изменений может быть представлена следующим образом:

1. Римский климатический оптимум (III в. до н. э. – IV в. н. э.) (Lamb, 1995, Clauzel, 2020)

2. Малый ледниковый период поздней античности (VI в. н. э. – VII в. н. э.) (Büntgen et al., 2016, Dull. et al., 2019). Центральное место в этом похолодании занимают события 535–536 годов, связанных с катастрофическими вулканическими извержениями и последующим снижением освещенности солнцем поверхности Земли из-за взвесей выбросов, задержавшихся в высоких слоях атмосферы.

3. Средневековый климатический оптимум X–XII вв.

Естественно, что эти климатические изменения несколько по-разному, в несколько различающиеся сроки проявлялись в различных частях Европы и требуют описания локальных особенностей (см., напр. Нерр 2022). Анализируя результаты палеоклиматических исследований на Северо-Западе Восточной Европы, И. И. Еремеев и О. Ф. Дзюба описывают «климатический оптимум около 2000 тыс. лет назад (2010, с. 539), когда «все температурные пока-

затели были выше современных на 1°C, а количество осадков было близкое к современным» (Кожаринов и др. 2003, 97). На рубеже III и IV вв. наблюдается похолодание в сочетании с повышением количества осадков, которое было недолгим и уже в IV веке сменилось возвратом к более высоким температурам, но с уменьшением интенсивности осадков по сравнению с периодом «оптимума». На рубеже V и VI вв. наступает короткий период похолодания, специфика которого связана с низкими зимними температурами. Но уже во второй половине VI–VII века – время значительного потепления и снижения влажности (Кожаринов и др. 2003). Последние сведения входят в противоречие с представлением о значительном влиянии событий 535–536 годов (извержения вулканов Исландии) на качество жизни людей во всем северном полушарии. VIII–IX – опять некоторое снижение температур на фоне неустойчивого уровня осадков и, наконец, X век – начало средневекового оптимума.

Как мы видим, региональная картина для Северо-Запада русских земель имеет своеобразие. Подробная реконструкция климатических изменений в истоках Волги и Западной Двины в I тыс. н. э. – дело будущих исследований. Предлагаемый в этом издании краткий очерк природного своеобразия микрорегиона не включает всех аспектов динамики природной среды на протяжении первого тыс. н. э. – начала второго тыс. н. э. Эта тематика до сих пор является предметом активных разносторонних исследований широкого круга представителей естественных наук (Mazei et al., 2020, Смирнов и др. 2023, Бобровский и др. 2022). Сегодня мы, основываясь на данных комплексных исследований болота Кривецкий мох, расположенного на территории изучаемого микрорегиона (Mazei et al. 2020, 18), можем судить об увлажнении климата,

начиная с II в. н. э. примерно до VI в. н. э. За это время здесь происходит смена культурных традиций. Завершают свое существования «городищенские» культуры раннего железного века и появляются памятники культуры псковских длинных курганов.

Подводя итог кратко описанию природных особенностей изучаемого микрорегиона подчеркнем, что он имеет специфику, обусловленную, прежде всего, формами рельефа и гидрологической сетью. Современный облик местной природы сформировался совсем недавно, во второй половине XX века. Окружение человека первого тысячелетия н. э., жившего здесь, было существенно отличным и не может быть охарактеризовано какой-то единой картиной, так как претерпевало значительные изменения. Соотнося сведения о динамике климата и культурных изменениях, не следует искать полного их совпадения. Очевидно, что во все времена происходили климатические изменения, и любая культура с ними сталкивалась и адаптировалась к ним чаще, чем

прекращала свое существование. Выявить те климатические или иные природные изменения, которые оказались значимыми для населения (в негативном или позитивном смысле) и увидеть их последствия в хозяйственном укладе, в настоящее время представляется более актуальным.

Итак, несмотря на небольшие свои размеры, микрорегион ВВДП характеризуется довольно ярко выраженной спецификой рельефа, гидросети, микроклимата. Высоты этого края Валдайской возвышенности определили раннее формирование природных сообществ суши в голоцене, по сравнению с окружающими территориями. Существенное разнонаправленное изменение уровня водоемов на протяжении последних 2,5 тысячелетий чрезвычайно усложняет изучение последовательности событий в расселении и хозяйственной деятельности. Значительная часть культурных слоев памятников, формировавшихся в относительно сухие периоды, в настоящее время оказалась ниже современного уровня воды в водоемах.

ГЛАВА 2.

Формирование населения водораздела Волги, Западной Двины и Полы в раннем железном веке и средневековье по данным археологии и палеоантропологического источника

Ранний железный век в истоках Волги и Западной Двины по данным археологии

Ранний железный век – большой хронологический период в рамках нач. I тыс. до н. э. – 1-й пол. I тыс. н. э. Его начало характеризуется появлением в лесной зоне Восточной Европы новых археологических культур, железных изделий и изменением форм хозяйства (Третьяков 1966; Шмидт 1992). Основным типом памятников в большинстве культур лесной зоны становятся городища, появление которых относится к концу позднего бронзового века (Третьяков 1966, 118; Короткевич, Мазуркевич 1993, 72). Именно они позволяют нам производить культурно-исторические построения, за неимением в большинстве культур погребальных памятников и сложности в выявлении и интерпретации селищ. В период становления культур раннего железного века происходят изменения, охватившие всю лесную зону Восточной Европы. Образуются крупные структуры родственных между собой культур. В настоящее время выделяется три культурно-исторические области. На востоке и севере Восточной Европы появляется ананьинская культурно-историческая область. В центральном регионе и северо-западных областях, на основе позднебронзовых культур, развиваются культуры текстильной керамики. На западе и северо-западе Восточно-Европейской равнины образуется пласт культур, которые принято соотносить с протобалтийскими (Кузьминых, Чижевский 2021, 7; Кузьминых, Чижевский 2017).

Ранний железный век в истоках Волги и Западной Двины – контактная область двух крупных культур – дьяковской (культура «текстильной» керамики) и днепродвинской (рис. 1). Несмотря на длительную историю изучения этих культур остается множество вопросов, в том числе – об этни-

ческой принадлежности, территории распространения, хозяйстве носителей традиций этих культур. Археологическое изучение лесной зоны Восточной Европы проводилось неравномерно, что препятствует пониманию макропроцессов. В историографии закрепилось мнение о слабой заселенности северных территорий, а между тем, многие регионы практически не исследовались специалистами. Остается неизвестной или разделяется в очень широких рамках хронологическая периодизация существования культурных образований. Даже само определение ранний железный век весьма условно. В истоках Волги и Западной Двины единичные изделия из железа не заменили основных орудий труда из кости и рога в начале I тыс. до н. э., а сам переход к обработке железа, как уже и повсеместно на территории Евразии, происходит только к рубежу эр (Короткевич 1994, 127; Корякова, Кузьминых, Бельтикова 2011, 15; Егорейченко 2011, 78).

Регион истоков великих рек Восточно-Европейской равнины (рис. 2) является плохо изученным как в хронологическом, так и географическом отношении. Исследования проводились неравномерно и слабо затронули территорию водораздела. Основной вектор исследований тяготел всегда к крупным водотокам, что отразилось в разделении интересов изучения региона на западный (Западная Двина) и восточный (территория Верхневолжских озер). Так, запад рассматриваемой территории (истоки Западной Двины) исследован, прежде всего, в отношении памятников раннего железного века – средневековья (работы Я.В. Станкевич). На востоке – в истоках Волги – основными целями изучения долгое время были заселение региона в каменном веке

Рис. 1. Территория раннедьяковских культур и смежных территорий, по И. В. Ислановой (2019). Красный квадрат – регион исследований

и в меньшей степени в древнерусское время (исследования Н. Н. Гуриной, Д. А. Крайнова, С. А. Таракановой, А. В. Успенской). Хронологический диапазон бронзовый век – раннее средневековье остался на периферии интересов исследователей. Основные работы проводились на крупных реках и озерах, практически не затронув области малых водоемов. Это долгое время формировало представление о малой заселенности этого контактного региона.

Основные исследования в верховьях Западной Двины проведены в 50-х годах XX века Я. В. Станкевич. Работы носили преимущественно разведочный характер с небольшими стационарными исследованиями в истоках Западной Двины. В результате была опубликована монографиче-

ская работа «К истории населения Верхнего Подвинья в I и начале II тысячелетия н. э.», изданная уже после безвременной кончины исследователя. В этой работе появляются хронологические рамки городищ раннего железного века, автор выделяет древний пласт «дьяковский» и памятники первой половины I тыс. н. э. (Станкевич 1960). К сожалению, после 1960 года по Верхнему Подвинью не было издано фундаментальных, обобщающих работ по региону. Все дальнейшие работы носили исключительно фрагментарный, разведочный характер, а основные исследования были сконцентрированы в междуречье Западной Двины и Ловати. На базе Государственного Эрмитажа начинаются планомерные исследования, охватывающие большой хронологи-

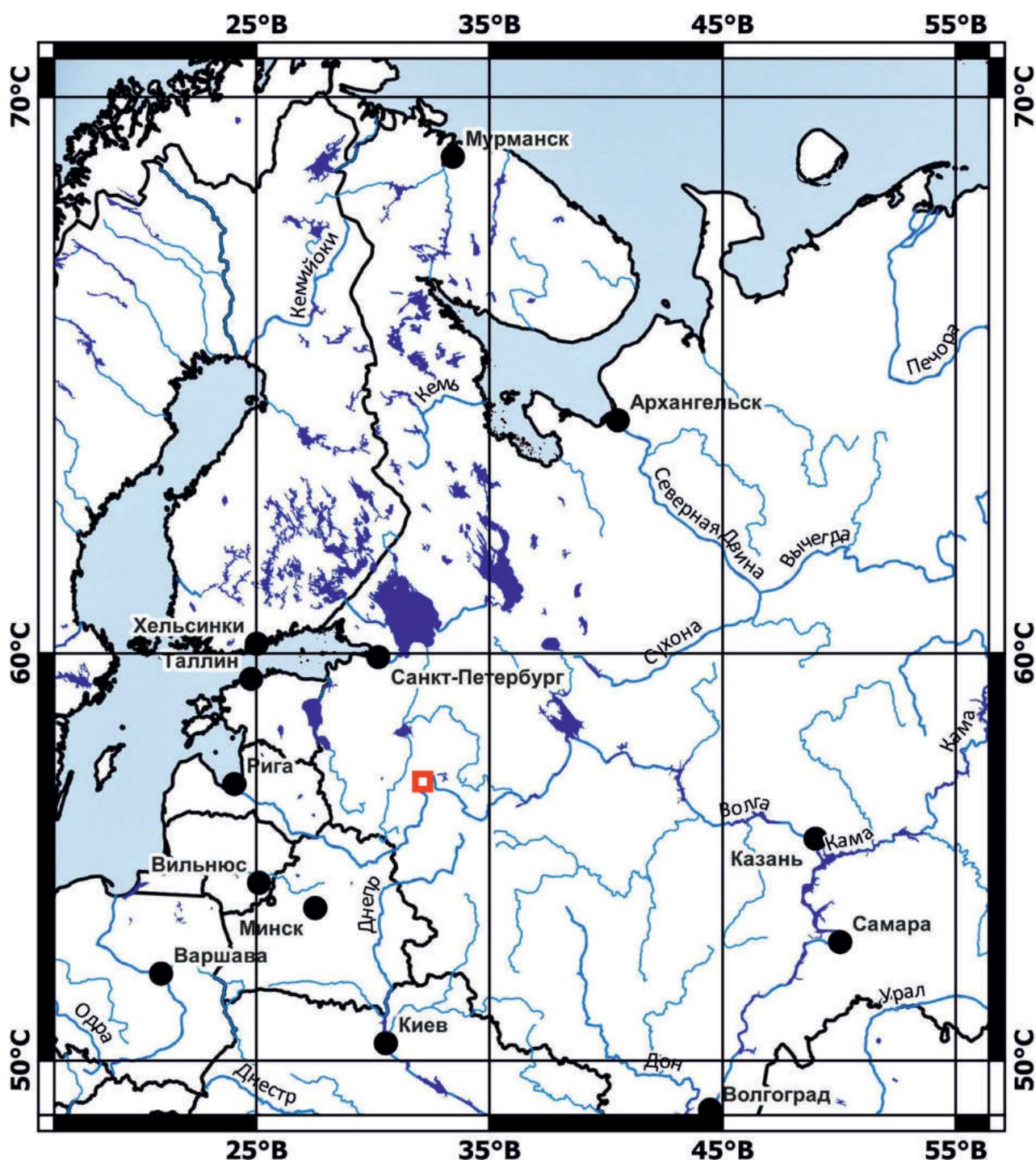

Рис. 2. Расположение региона исследований (отмечен красным квадратом)

ческий пласт, эти работы связаны с такими именами как, А. М. Микляев, Р. С. Миносян, А. Н. Мазуркевич, Б. С. Короткевич (Короткевич 2004, 12). В то же время истоки Волги для раннего железного века, остаются белым пятном на археологической карте (Исланова 2012, 11). Верхневолжская группа городищ плохо изучена как на уровне разведочных работ, так и стационарных исследований, проводившихся в основном ис-

следователями древнерусских памятников С. А. Таракановой и А. В. Успенской. Городища, изученные стационарными работами, разрушены напластованиями более позднего времени (Исланова 2012, 8, 17).

Не вдаваясь в детальную историографию изучения региона, подробно описанную в работах последних десятилетий (см. Короткевич 2004, Исланова 2012, 2019), можно выделить основные результаты,

полученные исследователями к началу XXI века. На ранних этапах в верховьях Западной Двины формируется локальный вариант днепро-двинской культуры – верхне-двинский (Короткевич, Мазуркевич 1993; Короткевич 2004, 38; Tarasov et al. 2022, 5), близкий раннедьяковским древностям, что отмечалось и предыдущими исследователями, относившими этот регион к западной периферии дьяковской культуры (Третьяков 1966, рис. 31; Смирнов 1974, табл. X). В середине I тыс. до н. э. под влиянием западных импульсов происходит смена материальной культуры в ареале днепро-двинских памятников (Короткевич 2004, 174). Конец первого тысячелетия до н. э., без существенных изменений в керамическом наборе (Короткевич 2004, 86), характеризуется появлением специализированных мастерских по металлообработке, зачастую расположенных на городищах предшествующих периодов, население меняет свой привычный уклад и спускается в низины, именно с этим периодом связано появление в регионе селищ (Короткевич 1994, 127; Короткевич 2004, 87). В первые века нашей эры в Ловатско-Двинское междуречье проникает население среднего слоя Тушемли, занимая открытые пространства и заброшенные городища (Шмидт 2003, рис. 15; Фурасев 2000). Однако, в силу малой изученности остается неясным влияние традиций пришельцев на исток Великих рек. Зона Верхневолжских озер на раннем этапе представляет собой контактную зону раннедьяковских и днепро-двинских культур, а возможно и чересполосного их существования (Третьяков 1966, рис. 31; Исланова 2019, 68). В первые века н.э. очерченная территория в Верховьях Волги входит в ареал позднедьяковских древностей типа Варварина гора, возможно, возникшими под влиянием среднетушемлинских импульсов или связано с появлением нового населения из Днепро-Двинского региона (Исланова 2012, 19; Исланова 2019, 91). Территория к северу от истоков остается фактически неизученной. Согласно проведенным ранее исследованиям, в начале I тыс. н. э. формируется локальный вариант днепро-двинской культуры – ильменский (Короткевич, Мазуркевич 1993). Это малоизученная территория с влиянием днепро-двинских традиций на юго-западе

и дьяковских на востоке. В предшествующее время на этих землях отмечены памятники Волховского типа (Юшкова 2011). Отметим, что эти построения касаются более отдаленных территорий, а не соседних. Памятники раннего железного века на северных прилегающих территориях пока просто не известны.

Исследования, проведенные Рунским отрядом ИА РАН в 2018–2022 годах, выявили новые памятники раннего железного века, открыв перспективы исследования региона (Смирнов и др., 2021а, 2021б; Смирнов и др. 2022). На данный момент открыты семь городищ, два – в Западно-Двинском бассейне и пять – в Волжском. Памятники расположены как на крупных озерах и реках, так и на внутренних территориях на малых водотоках. При разведочных работах собран немногочисленный материал, который не позволяет приводить узкие культурно-исторические характеристики. Также проводились естественнонаучные исследования, включая АМС-датирование культурных слоев (Куприянов и др. 2020; Бобровский и др., 2020; Бобровский и др. 2022; Bobrovsky et al. 2023; Смирнов и др. 2023). Образцы древесного угля были подготовлены для радиоуглеродного датирования в Радиоуглеродной лаборатории Института географии РАН с использованием системы графитизации AGE-3 (Ionplus), а затем датированы методом ускорительной масс-спектрометрии (AMS) в Центре прикладных изотопных исследований Университета Джорджии. Радиоуглеродные даты были откалиброваны с помощью IntCal20 (Reimer et al. 2020) с использованием OxCal (Ramsey 2009). Для оценки распределения календарного возраста использовали также метод оценки ядерной плотности (KDE), реализованный в OxCal (Ramsey 2017). В результате этих работ на 4 исследованных городищах выделяется хронологический пласт рубежа эр и наличие следов металлообработки (см. ниже в описании памятников) (Бобровский и др. 2022; Bobrovsky et al., 2023; Смирнов и др. 2023).

При отсутствии памятников, исследованных большими площадями, можно констатировать что единичные находки керамики не поддаются точной датировке и могут быть определены в широких рам-

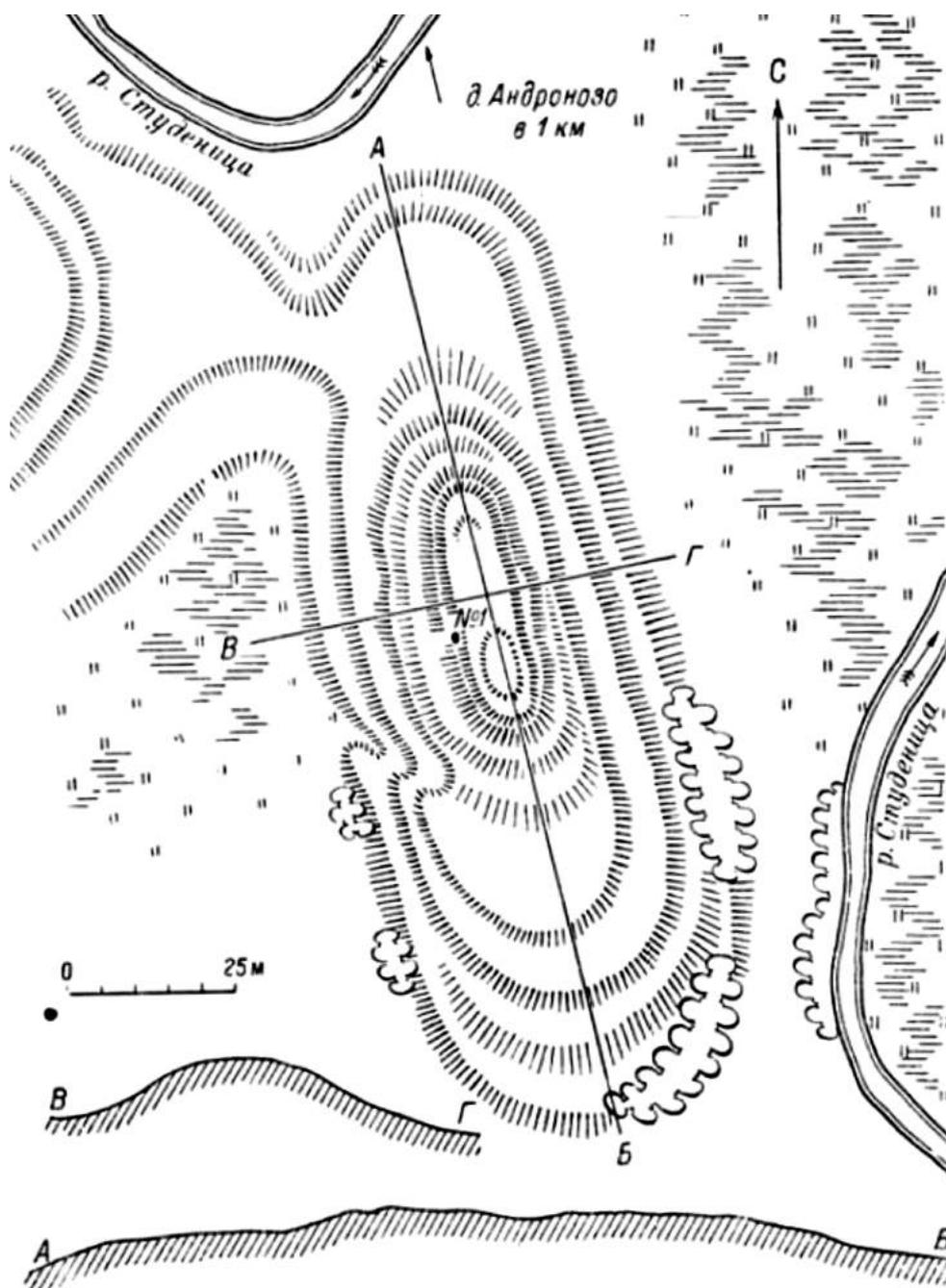

Рис. 5. Городище Савино (Андроново) по Я. В. Станкевич (1960)

5. *Городище Синьково (Дмитрово)*. Мыс коренного южного берега оз. Лучанские. Овальная площадка 40×25 м, высота над уровнем озера 9 м. Культурный слой около 1.4 м. Найдены грузик «дьякова типа» и лепная керамика без орнамента (АКР 2007, 72).

6. *Городище Стеклино (Большое Стеклино)*. Расположено на левом берегу реки Волкота. Овальная площадка 30×25 м возвышается над местностью на 5 м, имеет легкую западину к центру. Культурный слой серо-черной окраски, мощностью 0.8 м, содержал

лепную керамику баночной формы, шлаки, обломок зернотерки (Станкевич 1960, 186).

7. *Городище Москва 1*. Восточный берег оз. Ордоникульское. Высота над уровнем воды 18 м, площадка размерами 23×15 м без видимых укреплений. Культурный слой мощностью 0.7 м, черный песок с обожжёнными камнями и включениями красной глины. Найдены небольшие фрагменты гладкостенной лепной керамики, шлаки, два изделия из железа и грузик «дьякова типа» (Лаврова 2016, 107).

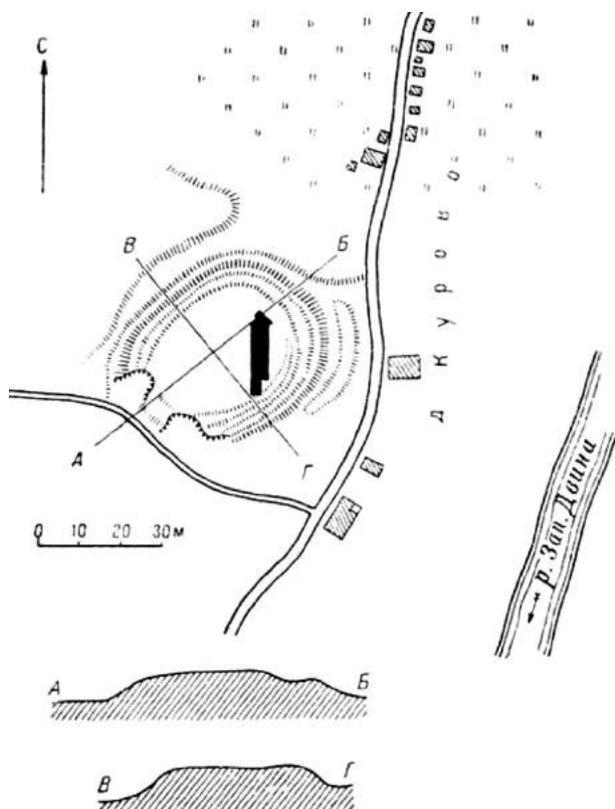

Рис. 6. Городище Курово 1 по Я. В. Станкевич (1960)

8. *Городище Москва 2*. Правый берег реки Заеленка. Высота над уровнем воды 12 м. Овальная площадка 40×25 м. Культурный слой – черный песок мощностью до 0.6 м. Найдены небольшие фрагменты лепной керамики без орнамента (разведки Рунского отряда ИА РАН).

9. *Городище Суханы (Отолово)*. Городище известно с начала XX века (Плетнев 1903,

32). Вновь выявлено Рунским отрядом ИА РАН. Мыс восточного берега оз. Отолово, высота над уровнем воды 8 м. Большая часть городища уничтожена карьером. Культурный слой мощностью 1.8 м, черный песок с углем. В зачистке найдена керамика лепная гладкостенная, крица и крупные фрагменты шлаков (остатки металлургического производства).

10. *Городище Курово 1* (рис. 6). Мыс коренного правого берега р. Западная Двина. Овальная площадка 40×27 м, высота над рекой 12 м. Единственный памятник в истоках Западной Двины, исследованный стационарными раскопками. В 1953 году Я. В. Станкевич раскопано 90 кв. м, мощность культурного слоя 0.4–0.6 м с увеличением до 1 м к краю площадки. Выявлены остатки вала по периметру площадки, жилой постройки и горна, встречены многочисленные железные шлаки. Городище однослойное и соотносится с последним этапом существования днепродвинской культуры. Найдены многочисленные предметы, соответствующие времени существования памятника. Керамика лепная, в основном крупные сосуды баночной формы, грузик «дьякова типа» по мнению Б. С. Короткевича соотносится с типом 5 а по К. А. Смирнову. Серпы и серповидные ножи (Станкевич 1960, 41–44; Короткевич 2004, 96, 104–105). Височное кольцо со спиральным завитком на конце, что, по мнению Б. С. Короткевича, дает основание для датировки конца существования памятника не ранее IV в. н. э. (Короткевич 2004, 96).

Рис. 7. Городища Глазово 1 и 2 по И. Н. Черных (1980)

11. *Городище Курово 2*. Открыто директором Андреапольского краеведческого музея В.В. Линкевичем. Мыс правого берега р. Западная Двина. Площадка подтреугольная, размеры 30×7–17 м, высота над уровнем реки 5 м. В культурном слое 0.7 м найдены фрагменты лепной керамики без орнамента (Сарафанова и др. 2004, 195; АКР 2007, 53).

Памятники в истоках Волги

12, 13. *Городище Глазово 1, 2 (Пятыгино)* (рис. 7). Находятся на моренном всхолмлении южного берега оз. Аталское. Городище 1 овальная площадка 50×25 м, высота над уровнем воды 15 м. Культурный слой до 0.44 м, черная гумусированная супесь. Находок не обнаружено. Городище 2 расположено в 115 м на восток, форма овально-подтреугольная 25×13 м, высота над уровнем озера 10 м. В подъемном материале встречена лепная керамика с сетчатой поверхностью, культурный слой – мешаный темно желтый песок с примесью серой супеси, мощностью до 0.3 м (Черных 1980, 7, 8; Мирецкий 2001, 16).

14. *Городище Михайловщина*. Восточный берег озера Лопастницы. Площадка подтреугольная 50×25 м, высота над уровнем воды 7 м. Культурный слой – черная гумусированная супесь с углем, мощностью 0.5 м. Найдена лепная гладкостенная керамика и железный шлак (Черных 1980, 23).

15. *Городище Витьбино* (рис. 8). Находится на южном берегу оз. Витьбино на оконечности моренной гряды. Площадка городища овальная 45×20 м, высота над уровнем озера 12 м. Культурный слой – черная гумусированная супесь, мощностью около 1 м. Встречены находки лепной гладкостенной керамики без орнамента с расчесами на внешней и внутренней поверхности и фрагменты гончарной керамики с линейным орнаментом (Черных 1980, 37, 38).

16. *Городище Ворошилово*. Выявлено Рунским отрядом ИА РАН (Смирнов 2021б, 85) помимо археологической разведки произведен комплекс естественнонаучных исследований, включающий радиоуглеродное датирование. Расположено на моренном холме коренного берега оз. Пнево, входящего в водную систему р. Куди. Площадка городища имеет овальную форму, вытянута по линии юго-запад – северо-восток, размеры 47×18 м,

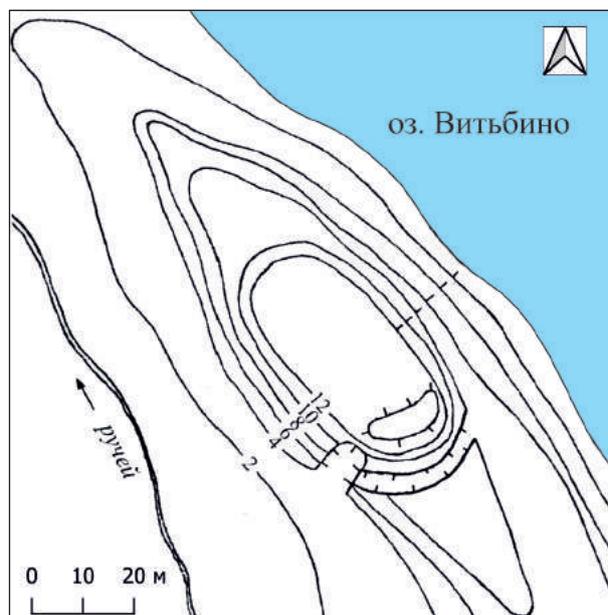

Рис. 8. Городище Витьбино по И. Н. Черных (1980)

высота над кромкой озера 14 м. Южный и северный склоны городища эскарпированы, с четко различимыми в рельефе горизонтальными площадками. Юго-восточная часть городища частично разрушена карьером.

Культурный слой представлен темно-серым до черного песком, насыщенным включениями углей, а также камней разного размера со следами термического воздействия. Мощность культурного слоя 85 см. Находки представлены гладкостенной керамикой преимущественно без орнамента; обнаружен один фрагмент с отпечатком «палочка на веревочке» на срезе венчика и с внешней стороны (рис. 9). Это типичный орнамент для находок керамики первой половины I тыс. н. э. на поселениях Москворечья (Розенфельд 1974, 148; Кренке 2011, 118; Исланова 2008, 31). В нижнем горизонте шурфа найдены два фрагмента сетчатой керамики. В подъемном материале из вывалов встречен грузик дьякова типа и глиняный шарик (рис. 9, 10). Грузик можно отнести к типу 8а по К. А. Смирнову, датируемому IV–III вв. до н. э. – I в. н. э. (Смирнов 1971, 82; 1974, 64). Глиняные шарики – довольно распространенные находки в верхнем слое Дьякова городища, в слоях I тыс. н. э. (Кренке 2011, 73, 201).

Полученные радиоуглеродные даты находятся в диапазоне раннего железного

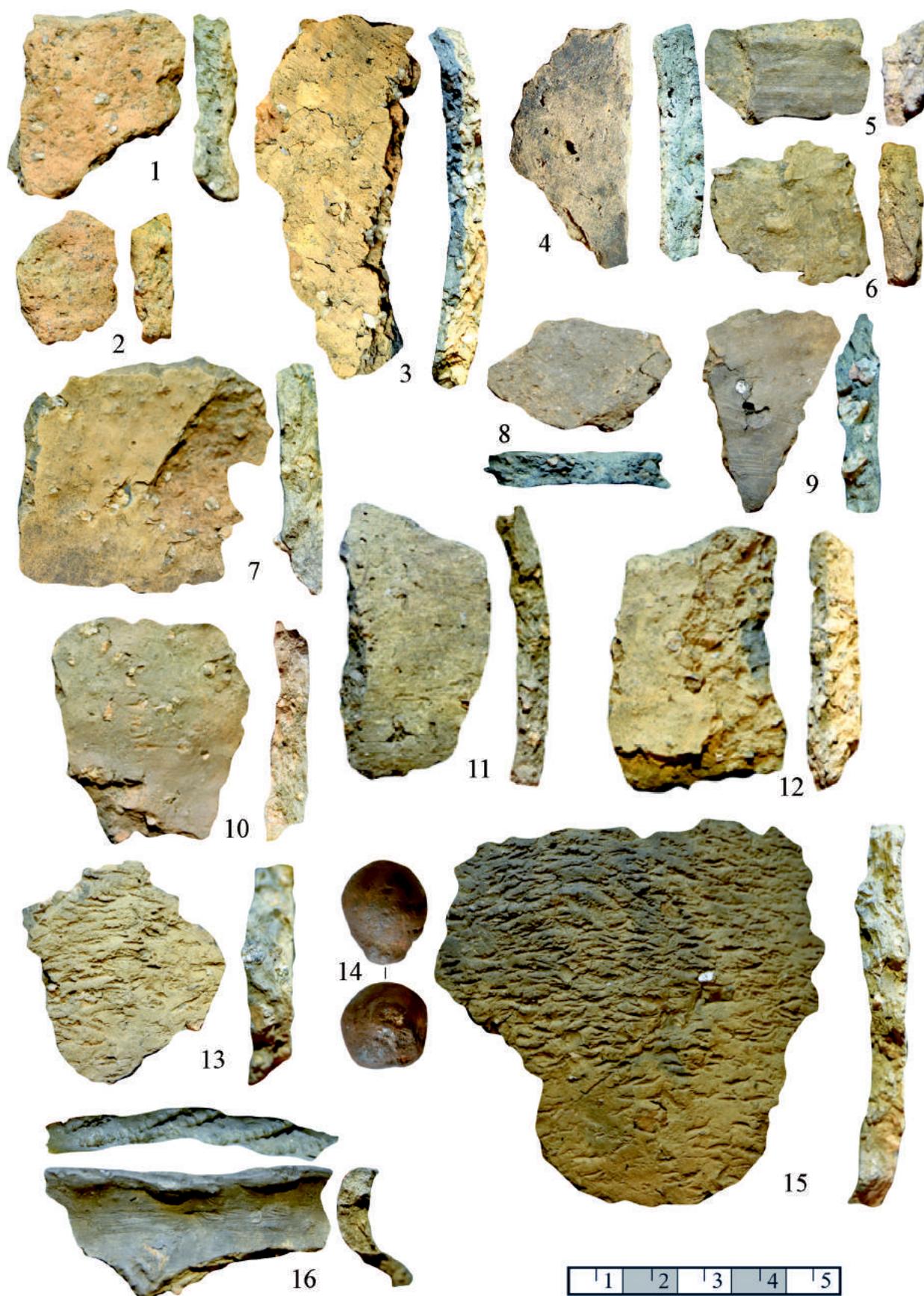

Рис. 9. Археологические находки на городище Ворошилово: 1-12 – фрагменты стенок лепных гладкостенных сосудов; 13, 15 – фрагменты стенок сетчатого сосуда; 14 – глиняный шарик; 16 – фрагмент венчика лепного гладкостенного сосуда, с орнаментом «палочка на веревочке»

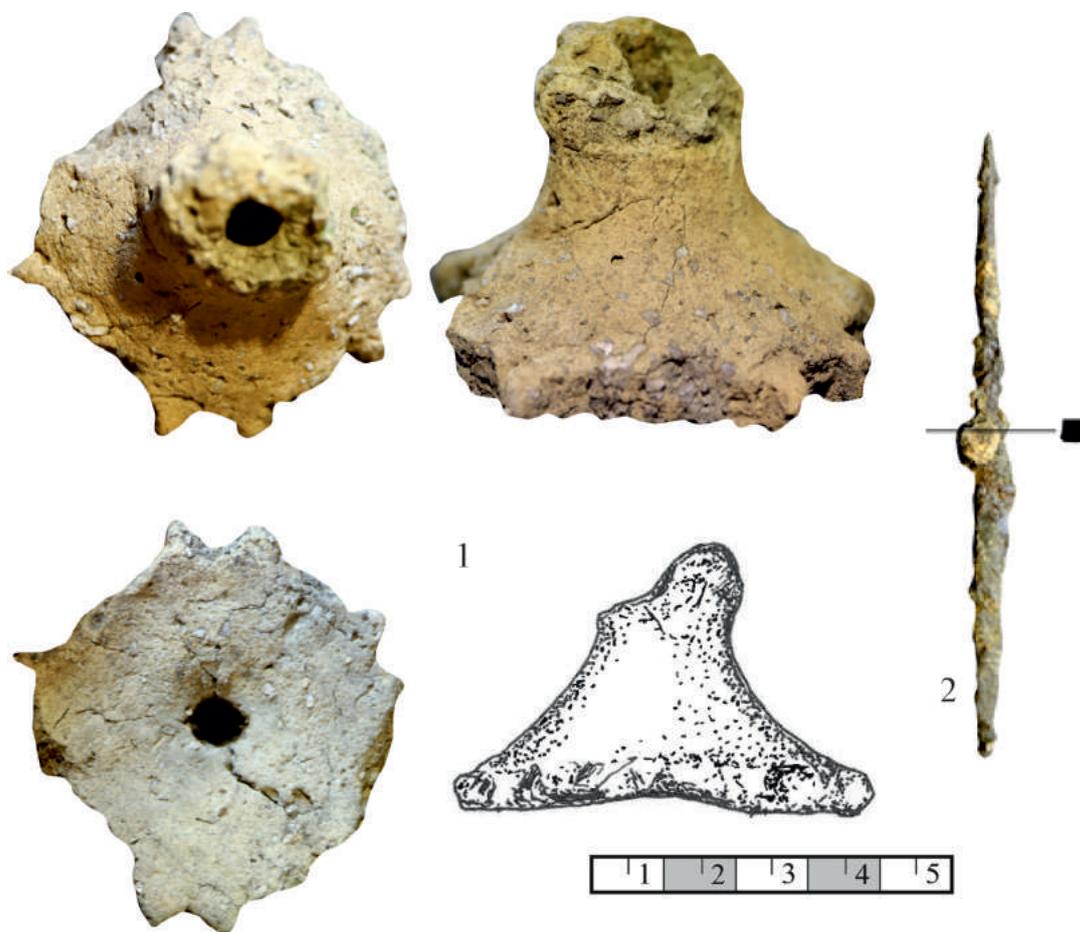

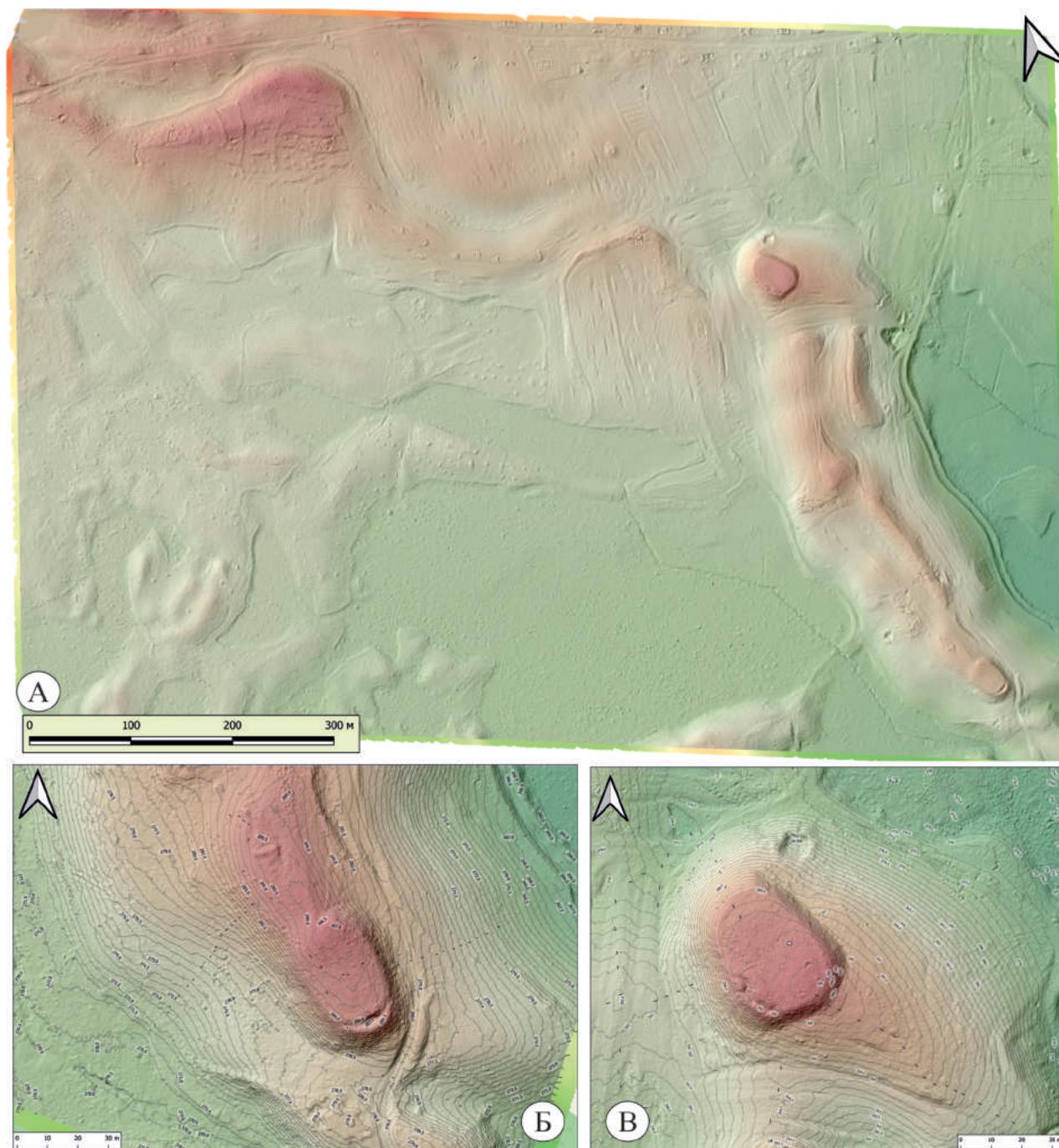
Рис. 10. Археологические находки на городище Ворошилово (продолжение): 1 – грузик «Дьякова типа»; 2 – изделие из металла

века. Древнейшая дата, около 280 кал. л. до н. э. Угли из нижней части культурного слоя в шурфа на глубине 45–60 см (IGANAMS-7293) и из керна с глубины 60–75 см (IGANAMS-8083), имеют близкий возраст, соответствующий интервалу I в. до н. э. – I в. н. э., соответственно около 70 кал. л. до н. э. и 30 кал. л. н. э. Возраст древесного угля из керна с глубины 15–30 см (IGANAMS-8082) около 320 л. н. э.

17, 18. *Археологический комплекс Верхмаррево* (рис. 11). Комплекс расположен в междуречье реки Колши (бассейн реки Волги) и безымянного ручья (Невско-Ладожский бассейн – восточный приток озера Алхимцево, служащего истоком реки Марёвки, правого притока реки Полы, впадающей в озеро Ильмень). Он состоит из двух городищ, курганов и локальных участков с каменными грядами и многочисленными пирамидами из камней – «саіпн» (рис. 14) (Смирнов и др. 2021а, б; Смирнов и др. 2022, 82).

Городище Верхмаррево-1 (северное) (рис. 11В) расположено на северной оконечности моренной возвышенности, являющейся водоразделом между двумя бассейнами рек: Волгой (Каспийское море) и Невско-Ладожским (Балтийское море). Площадка городища имеет овальную форму, размеры 49×30 м, высота над рекой Колшей 26 м. На северо-восточном и юго-восточном склонах отчетливо видны следы эскарпа, рвы и валы не прослеживаются. Участок неровный: перепад высот с юго-востока (самая высокая часть, возможно, разрушенный вал) на северо-запад до 2,5 м.

Культурный слой представлен темно-серым до черного песком с включениями мелких частиц древесного угля, обломков лепной керамики и камней со следами и без следов термического воздействия. Мощность культурного слоя варьирует от 0.7 до 1 м. Находки представлены фрагментами гладкостенной лепной керамики (рис. 12,

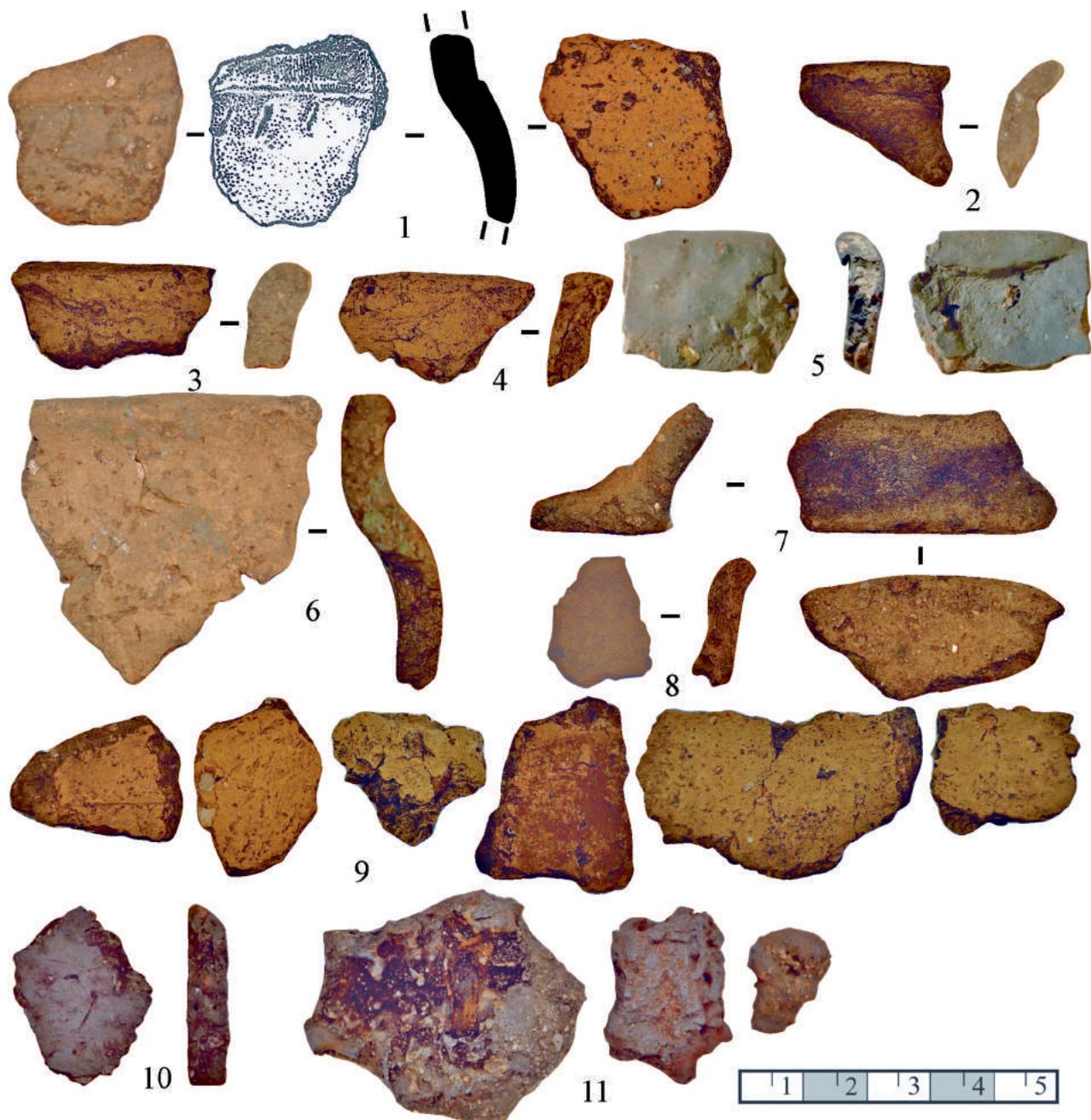

Рис. 11. Археологический комплекс Верхмареево: А – цифровая модель рельефа комплекса (по данным лазерной съемки); Б – городище Верхмареево-2 (южное); В – городище Верхмареево-1 (северное)

1–9). Датировка времени активности на городище по вещевому комплексу находится в пределах I тыс. н. э.

Все радиоуглеродные даты для углей находятся в пределах периода раннего железного века. Наиболее древняя около 270 кал. л. до н. э. Следующая по времени дата – около 70 кал. л. до н. э., а самая молодая дата – 40 л. до н. э.

Городище *Верхмареево-2* (южное) расположено на южной оконечности одноименной моренной возвышенности, в 450 м от северного городища. Площадка также имеет овальную форму (рис. 11Б). Размеры 40×23 м, площадь 850 м², высота над рекой Колшей 20 м. Восточные, южные и западные склоны эскарпированы. Культурный слой – однородный темно-серый до черного угли-

Рис. 12. Археологические находки на городищах Верхмарево-1 (1-9) и Верхмарево-2 (10, 11): 1 - фрагмент стенки лепного гладкостенного сосуда, с орнаментом; 2-6 - фрагменты венчиков лепных гладкостенных сосудов; 7 - фрагмент донца лепного сосуда; 9, 10 - фрагменты стенок лепных гладкостенных сосудов, 11 - шлаки

стый песок, встречены камни с признаками термического воздействия. Вещевой материал представлен одним фрагментом гладкостенной лепной керамики и тремя фрагментами шлака (рис. 12, 10-11).

Мощность культурного от 0.4 до 0.7 м. Для углей из культурного слоя получено две радиоуглеродных даты. Одна относится к периоду раннего железного века, около

60 кал. л. до н. э. Другая - к раннему Средневековью, 730 кал. л. н. э.

19. *Городище Заборовка-Лихуша.* Расположено на мысе моренного холма (рис. 13). С севера ограничено заболоченной поймой реки Заборовки (правый приток реки Руны, приток озера Стерж). С западной стороны мыса находится русло пересыхающего ручья (правый приток реки Заборовки).

Рис. 13. Комплекс памятников Заборовка-Лихуша (цифровая модель рельефа по данным лазерной съемки): 1 - городище Заборовка-Лихуша; 2, 3 - одиночные курганы; 4 - курганная группа

Площадка овальной формы 35×21 м, высота над рекой 18 м (Смирнов и др. 2021, 83, 84). Мощность культурного слоя составляет от 0.45 до 0.75 см.

Выявлен немногочисленный керамический материал, представленный 12 фрагментами лепных сосудов и небольшими

колотыми, обожжёнными камнями. В верхнем горизонте шурфа преобладала гладкостенная керамика (рис. 14, 1-6), в нижнем встречены три фрагмента сетчатой керамики (рис. 14, 7-9).

По найденной керамике городище можно предварительно датировать в широ-

Рис. 14. Археологические находки на городище Заборовка-Лихуша: 1 – фрагмент донца лепного гладкостенного сосуда; 2, 3-6 – фрагменты стенок лепных гладкостенных сосудов; 4 – фрагмент венчика лепного гладкостенного сосуда; 7, 9 – фрагменты стенок сетчатого сосуда; 8 – фрагмент венчика сетчатого сосуда

ких рамках второй половины I тыс. до н. э. – первой половины I тыс. н. э. Более узкая датировка возраста культурного слоя получена в результате радиоуглеродного датирования древесного угля и подтверждает хронологию керамического комплекса. Древнейшая дата – около 295 кал. л. до н. э. Вторая дата этого периода – около 10 кал. л. до н. э. Таким образом, время активности на городище Заборовка-Лихуша в преде-

лах раннего железного века находится в интервале от начала 3 в. до н. э. до конца 1 в. до н. э.

На городище Заборовка-Лихуша также можно предположить деятельность человека в раннем Средневековье. На это указывают присутствие углей этого времени в культурном слое: возраст около 610 кал. л. н. э. – 730 кал. л. н. э. Возможно, что деятельность на городище в этот пери-

Рис. 15. Городище Руна-Заборовка. Цифровая модель рельефа городища и округи (лазерная съемка)

од соответствует времени создания группы курганов, расположенных на этой же моренной гряде. Цепочку курганных насыпей на вершине холма (рис. 13) можно датировать второй половиной I тыс. н. э., соотнося их с культурой псковских длинных курганов, памятники которой широко представлены в регионе (Смирнов и др., 2021б).

20. *Городище Руна-Заборовка*. Расположено в 0.7 км от правого берега реки Руны. Внутренняя площадка округлая, имеет воронкообразную вогнутость, диаметр площадки 25 м (рис. 15). Возвышается на 3 м от окружающей поверхности. Городище расположено на моренном всхолмлении размером примерно 200×200 м, окруженном топкими, заболоченными низинами. Рядом находится исток безымянного ручья, правого притока реки Руны (Смирнов и др. 2021б).

С западной стороны городище ограничено полукруглым рвом длиной 68 м, шириной 2.5–3 м и глубиной до 0.15 м, с возвышающейся в центре перемычкой, переходящей в основную насыпь. Ров ограничивает половину городища, с востока не прослеживается. Лишь с северо-запада за рвом прослеживается небольшой вал высотой до 0.75 м, длиной 14 м и шириной до 5 м.

Для определения мощности слоя и культурно-хронологической принадлежности городища была произведена зачистка разрушенного земляного покрова на месте вывала осины, участок нарушенного слоя находился на площадке внутри обваловки. Слой представлен темно-бурой супесью с включениями древесных углей. Мощность культурного слоя здесь не превышает 0.4 м. Керамический материал представлен глад-

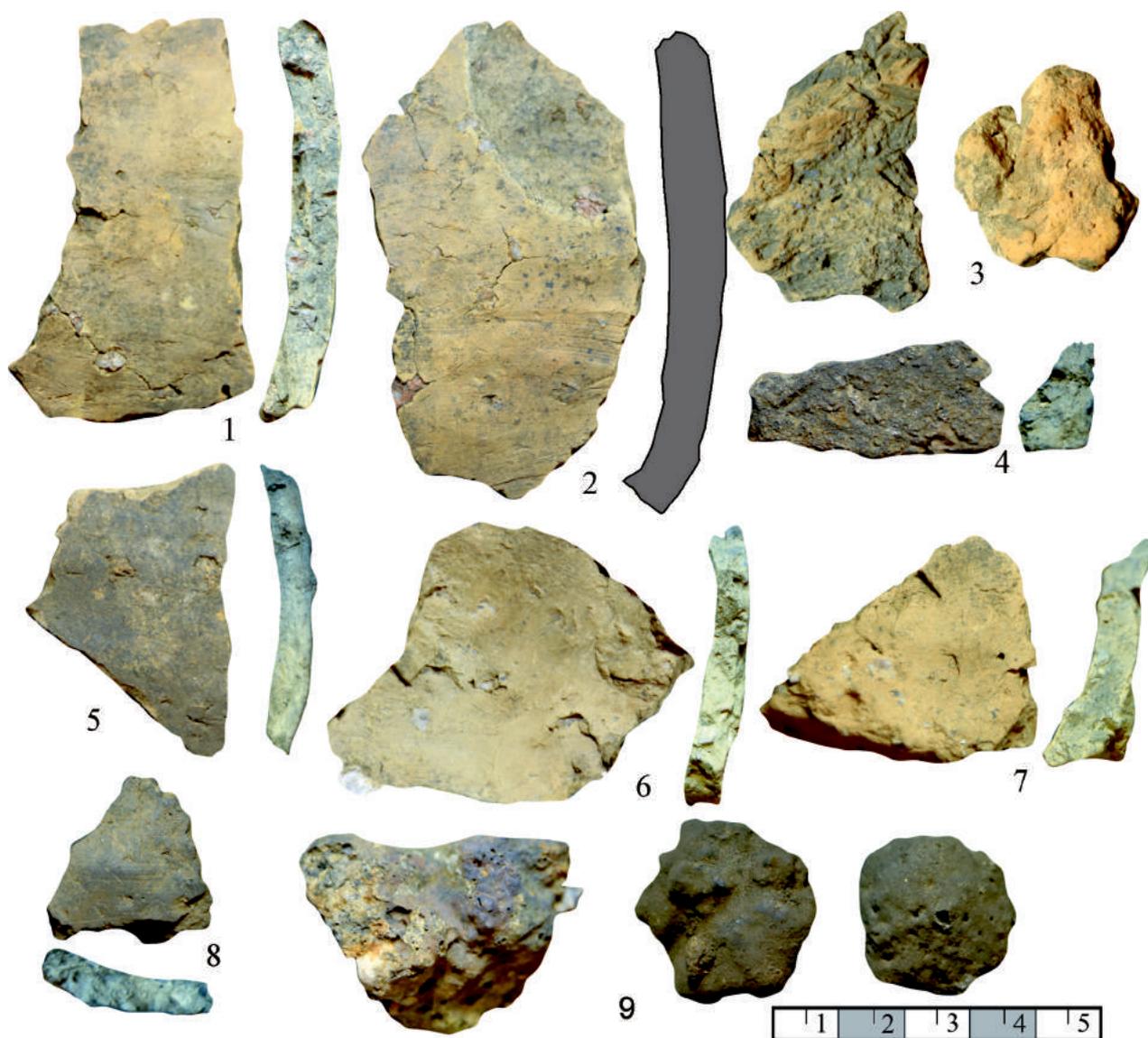

Рис. 16. Археологические находки на городище Руна-Заборовка: 1, 2, 5, 6, 8 – фрагменты стенок лепных гладкостенных сосудов; 3 – печина; 4, 7 – фрагмент донца лепного сосуда; 9 – шлаки

костенной лепной керамикой без орнамента, найдено также два фрагмента печины (рис. 16). Датировка по немногочисленной (7 фрагментов) керамической коллекции затруднительна, предварительно I тыс. н. э. Радиоуглеродное датирование древесных углей не позволило однозначно определить время формирования культурного слоя. Уголь возрастом около 30 кал. л. до н. э. располагался на глубине 0.60–0.75 м, глубже темного культурного слоя.

Древесный уголь с глубины 15–30 см вероятно относится к более позднему времени и датирован около 1010 кал. н. э. Угли в верхней части культурного слоя имеют возраст около 1440 кал. н. э., их сложно

связать с деятельностью на городище в этот период, так как археологических находок этого времени не обнаружено.

Городище Руна-Заборовка отличается от других исследованных памятников положением в рельефе, формой, характером фортификационных сооружений, сложением и составом культурного слоя (отсутствие фрагментов пережжённых камней, небольшая мощность, относительно слабая прокрашенность углями).

21. *Городище Стерж (Новинка)*. Возвышенность на мысу западного берега оз. Стерж. Площадка овальная в плане, 55×35 м, высота над уровнем озера 7 м. Культурный слой – супесь черного цвета, мощность до 1 м.

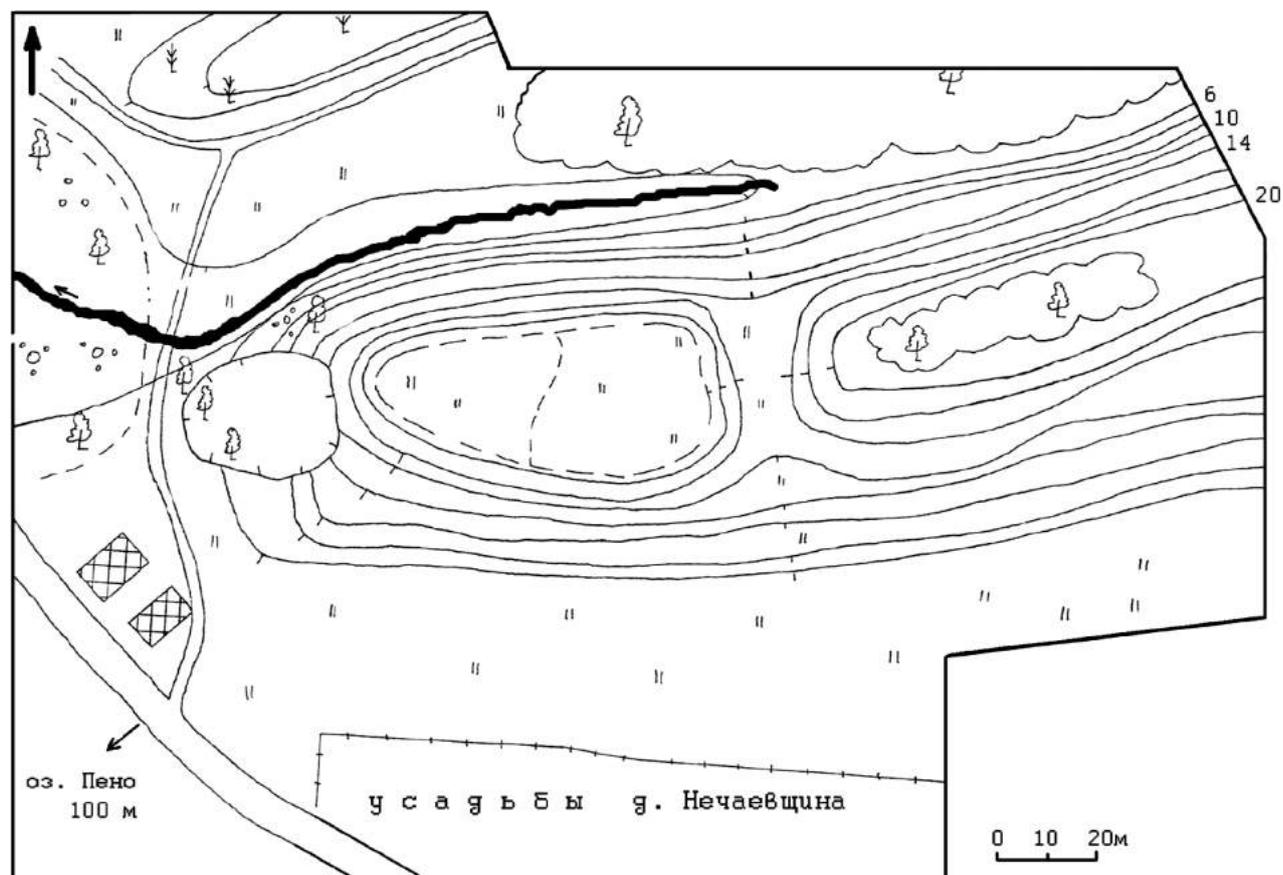

Рис. 17. Городище Нечаевщина (Начай Городок) по И. В. Ислановой (2012)

Первые исследования проведены В.Н. Глазовым в 1903 году (Глазов 1905,104). По описанию С.А. Таракановой, заложившей на площадке городища в 40-х годах раскоп площадью 148 кв.м, культурный слой представлен пахотной землей черного цвета с включениями фрагментов разновременной керамики, костей животных и углей. На краю площадки при исследовании вала были вскрыты четыре очага производственного характера, близко расположенных друг к другу, один из них был интерпретирован как кузнечный горн. Автор раскопок соотносит существование комплекса с древнерусским этапом функционирования городища (Тараканова 1945, 77). По находкам лепной керамики, как гладкостенной, так и с сетчатыми отпечатками, может быть отнесено к раннему железному веку.

22. *Городище Никола-Рожок.* Занимает вершину моренного холма на мысу оз. Селигер. Площадка городища подтреугольной формы возвышается на 20 м над уровнем воды. Большая часть занята клад-

бищем, обнесенным стеной. Памятник в 1966–1967 гг. исследовался А.В. Успенской (1968, 48,49). Раскопками исследовано 400 кв.м. Культурный слой – черная супесь мощностью от 0,4 до 1 м. На восточном склоне найдена хорошо сохранившаяся железоплавильная печь, найдены многочисленные шлаки и крицы (Успенская 1968, 48). Памятник многослойный, но исследования 60-х годов не могут дать представления о характере культурного слоя раннего железного века и раннего средневековья, так как слой разрушен напластованиями древнерусского времени. А характер первоначального освоения восстанавливается исключительно по переотложенному вещевому и керамическому материалу и переотложенных и сильно поврежденных в древнерусское время слоев 1-й пол. I тыс. н. э. В коллекции из раскопок сохранены единичные фрагменты лепной керамики и вещевые материалы разных периодов функционирования городища. Но и немногочисленный материал позволил И.В. Ислановой проследить три

Рис. 18. Вид с востока на Городище Нечаевщина (Нечай Городок) (2020 год)

хронологических этапа существования памятника до древнерусского времени. Ранний этап – вторая половина I тыс. до н. э., соотносимый с раннедьяковскими – днепро-двинскими культурами, этап локального варианта позднедьяковской культуры – типа Варварина гора и срез раннесредневековых древностей типа Подол (Исланова 2012, 17, 44).

23. *Городище Нечаевщина (Нечай-Городок)* (рис. 17, 18). Расположено на оконечности моренного холма, северо-восточный берег оз. Пено. Площадка подтреугольная, размеры 75×25–35 м, отделена от холма рвом глубиной 3 м, шириной до 15 м. Высота над озером 19 м, над окружающей местностью 12–13 м. Культурный слой – темно-серая гумусированная супесь с включениями угля и обожжённых камней, мощность 0.5–1.2 м. Первые исследования проведены в начале XX века В. Н. Глазовым, как и на городище Стерж, здесь была заложена траншея, показавшая материал древнерусского времени (Глазов 1905, 98, 99). В дальнейшем при обследовании горо-

дища выявлены фрагменты лепной керамики, в том числе сетчатых сосудов и железный двушипный черешковый наконечник стрелы (Исланова 2006, 11–13), что позволило выделить два этапа функционирования городища.

24. *Городище Пихтень*. Северо-западный берег оз. Глубокое. Площадка овальная 60×40 м, высота над озером 20 м. Культурный слой – черная супесь мощностью 0.4 м. Находки – фрагменты лепной керамики с расчесами на внутренней и внешней поверхности, кусок стеклянного шлака (Максимов 1979, 41; АКР 2012, 166).

25. *Городище Городище*. Моренный холм северного берега оз. Волго. Площадка подтреугольной формы 30×25 м, высота от уровня воды 7 м. Культурный слой – черная супесь мощностью до 0.7 м. Найдены фрагменты лепной гладкостенной и сетчатой керамики (Максимов 1979, 26, 27; АКР 2012, 96).

26. *Городище Ветожетка*. Расположено на моренном холме, левый берег р. Ветожетка. Площадка овальная размеры 44×20–25 м,

высота над водой 15 м. Склоны городища крутые, эскарпированы. Культурный слой – черный гумусированный песок с камнями, мощность 0,5 м. Найдены фрагменты лепных сосудов без орнамента со следами заглаженности, ошлакованные фрагменты лепных сосудов и шлаки (Воробьев 1985, 3).

Подводя итоги краткого описания археологической обстановки в истоках Волги и Западной Двины для раннего железного века, можно констатировать, что исследования последних десятилетий выявили новый пласт памятников. Малозаселенный регион в начале – второй половине первого тыс. до н. э. с сильными влияниями традиций раннедьяковских древностей к первым векам до н. э. приобретает совсем другие очертания. Городища, исследованные Отрядом ИА РАН, функционировали в интервале III в. до н. э. – II в. н. э. Можно видеть картину, почти аналогичную Верхнему Подвинью, распространение металлургического производства (Короткевич 1994), о чем косвенно свидетельствует культур-

ный слой (насыщенность углем) и остатки металлообработки (Бобровский и др. 2022; Смирнов и др. 2023). Современный уровень исследований позволяет оперировать только самыми выразительными памятниками раннего железного века – городищами. Поселенческие памятники открытого типа пока единичны, как было сказано выше, в силу сложности в интерпретации керамических комплексов. И если сетчатая керамика не оставляет сомнений в хронологической датировке, то расчленив памятники раннего железного века – раннего средневековья с неорнаментированной лепной керамикой, как правило, сложно (Исланова 2019, 56). На регион истоков больших рек в это время оказывают воздействие юго-западные культурные импульсы. В целом, импульсы с территорий расселения балтов на протяжении всего раннего железного века оказывали сильное влияние на область истоков Волги и Западной Двины, нельзя исключать и балтское происхождение автохтонного населения в этот период.

Культурное разнообразие исследуемого микрорегиона по данным археологии (с сер. I тыс. н.э. до нач. II тыс. н.э.)

Периоды раннего средневековья и древнерусского времени будут рассмотрены на основе картографирования памятников. Для этого составлена база данных, отражающая только пространственные характеристики распределения объектов. Не учитываются другие важные аспекты (размеры поселенческих памятников, количество насыпей в могильниках, расположение в рельефе и др.).

Эпоха великого переселения народов

Памятники III–V вв. единичны. Но стоит повториться, регион слабо изучен и для понимания процесса смены культурных традиций от раннего железного века к раннему средневековью не хватает данных. Можно строить множество предположений, но не имея источниковой базы, на современном уровне исследований невозможно отразить исторические процессы, происходившие в регионе.

Раннее средневековье

Вторая половина I тыс. н. э. отражена в археологическом наследии микрорегио-

на резким увеличением числа памятников. Наиболее хорошо известны курганные насыпи различных форм: удлинённые, подквадратные, полусферические, конусообразные (рис. 19–23). В структуре курганов, как правило, нет камней, хотя иногда могут быть встречены отдельные крупные камни на вершине курганной насыпи или у ее основания. Локализация памятников в рельефе различна. Это может быть группа курганов полусферической формы в непосредственной близости от поселения и на расстоянии 200–300 м от уреза воды на высоком коренном берегу реки (комплекс Бервенец на реке Кудь (рис. 21, 22)). Другой вариант – цепочки конусообразных насыпей по вершинам моренных холмов (Заборовка-Лихуша, Заборовка 2 и др. (рис. 13, 23)). Или группа курганов на высоком берегу оз. Хвошня в 500 метрах от озера, где ярко выражена уплощенность насыпей (рис. 24). Это могут быть также и сочетания валообразных, длинных, полусферических и сопковидных насыпей в едином ком-

плексе. Распространены отдельно стоящие и парные насыпи. Эти памятники связаны с культурой-псковских длинных курганов (КПДК).

Исследования раннесредневековых древностей КПДК имеют долгую историю. В разное время к изучению столь своеобразной культуры, занимавшей большие территории в лесной зоне, обращалась А. А. Спицин, П. Н. Третьяков, А. В. Шмидт, С. А. Тараканова, М. В. Фехнер, Я. В. Станкевич, В. В. Седов, Е. Н. Носов, М. Э. Аун, В. Я. Конечский, И. В. Исланова, А. Н. Башенькин, С. Л. Кузьмин, Е. Р. Михайлова, И. И. Еремеев и др. Многие из них занимались как обобщающими построениями, так и региональными. Для исследуемого региона важно отметить работы Я. В. Станкевич, П. Д. Малыгина и О. М. Олейникова (Станкевич 1960; Олейников 2007; Малыгин 2007). Древности западного Верхневолжья раннего средневековья подробно и разносторонне изучены И. В. Ислановой (Исланова 2012; 2019). Но все эти работы были бы невозможны без полевых исследований, проводившихся в разные годы В. Н. Глазовым, Н. Н. Гуриной, Д. А. Крайновым, Я. В. Станкевич, В. М. Воробьевым, И. Н. Черныхом, Ю. Н. Урбан, А. Д. Максимовым, П. Д. Малыгиным, А. В. Мирецким, О. М. Олейниковым, И. В. Ислановой и др. В рамки этой работы не входит историографический обзор изучения региона и истоков раннесредневековых культур.

Отметим основные принятые характеристики памятников местного раннего средневековья, а также важнейшие дискуссионные позиции в их изучении. Краткий

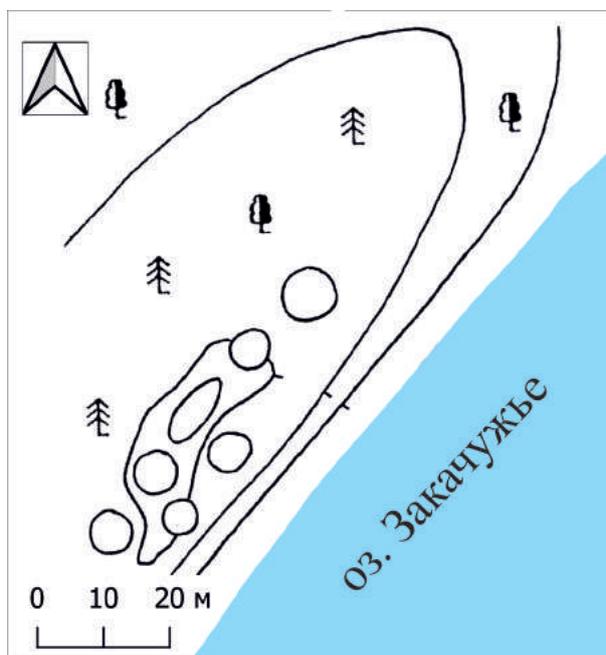

Рис. 19. Курганная группа Плоское 5 (Закачужье) по А. В. Мирецкому (2002)

обзор составлен на основании литературных, архивных данных, а также результатов наших работ.

Во-первых, всеми признается присутствие памятников КПДК в регионе, их преобладающее распространение (территория входит в восточный ареал культуры (рис. 25)). Таким образом, эти памятники отражают принадлежность единой культурной традиции. Для раннего средневековья нам известно 178 погребальных памятников, 85 селищ и 7 городищ (рис. 32, табл. 1). В эту базу включены данные из Археологической карты и полевых отчетов исследователей

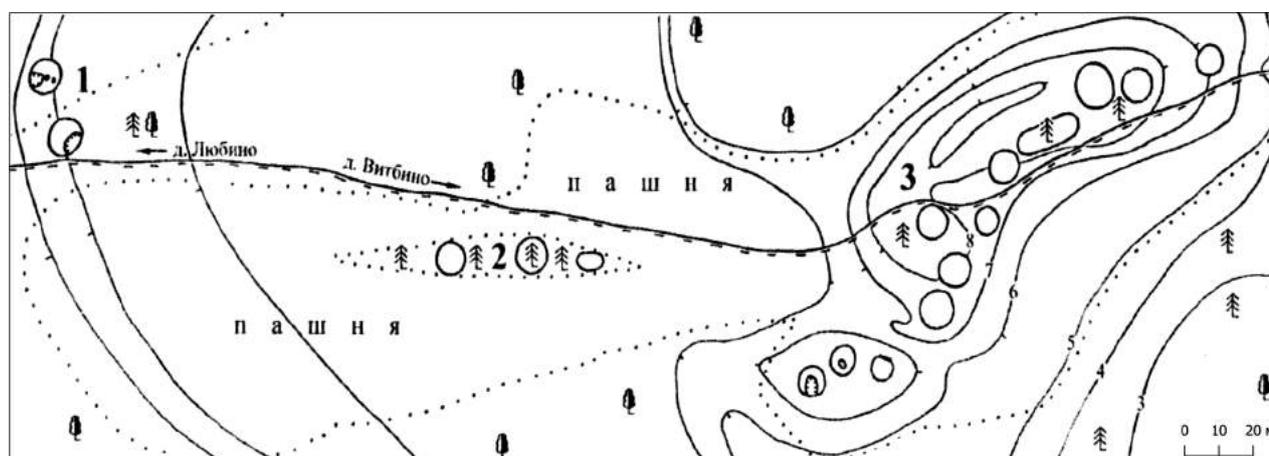
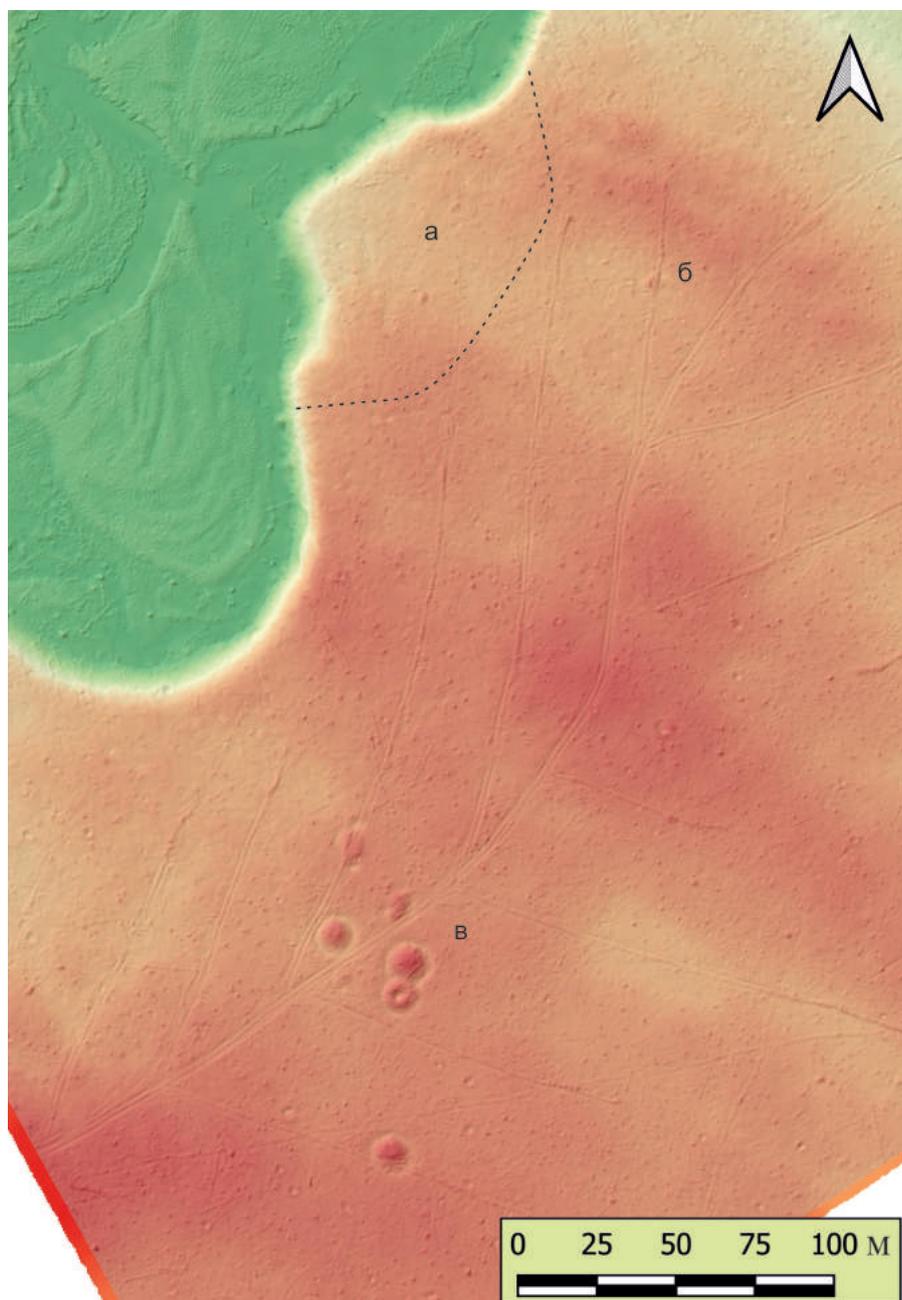

Рис. 20. Курганные группы Любино 3, 4, 5 по А. Д. Максиму (1980)

Рис. 21. Археологический комплекс Бервенец (цифровая модель рельефа по данным лазерной съемки): *а* – селище, *б* – одиночный курган, *в* – курганная группа

(АКР 2007; АКР 2012). На карте представлены памятники, содержащие удлиненные насыпи или с другими особенностями, выделенными И. В. Ислановой как маркеры КПДК. К этим характеристикам относятся: разнообразие форм насыпей (длинных, удлиненных, округлых, подпрямоугольных, комбинированных и сопковидных), приуроченность к песчаным грунтам и формам моренного ландшафта, наличие цепочек курганов, вытянутых вдоль берега водоема или по вершине моренного холма,

отсутствие камней в насыпи (для восточной части КПДК) (Исланова 2019, 114–115). Таким образом, памятники, вошедшие в базу данных, полностью соответствуют упомянутым критериям КПДК.

Во-вторых, распространение памятников имеет свои закономерности. Курганные могильники расположены гнездами. Большие гнезда связаны с непосредственной возможностью коммуникации с Волгой или Западной Двиной. Малые гнезда и отдельные могильники удалены от больших водо-

Рис. 22. Одиночный курган Бервенец 2, вид с севера

Рис. 23. Курганные группы Заборовка 2, 3 (цифровая модель рельефа по данным лазерной съемки)

Рис. 24. Курганная группа Новинка (цифровая модель рельефа по данным лазерной съемки)

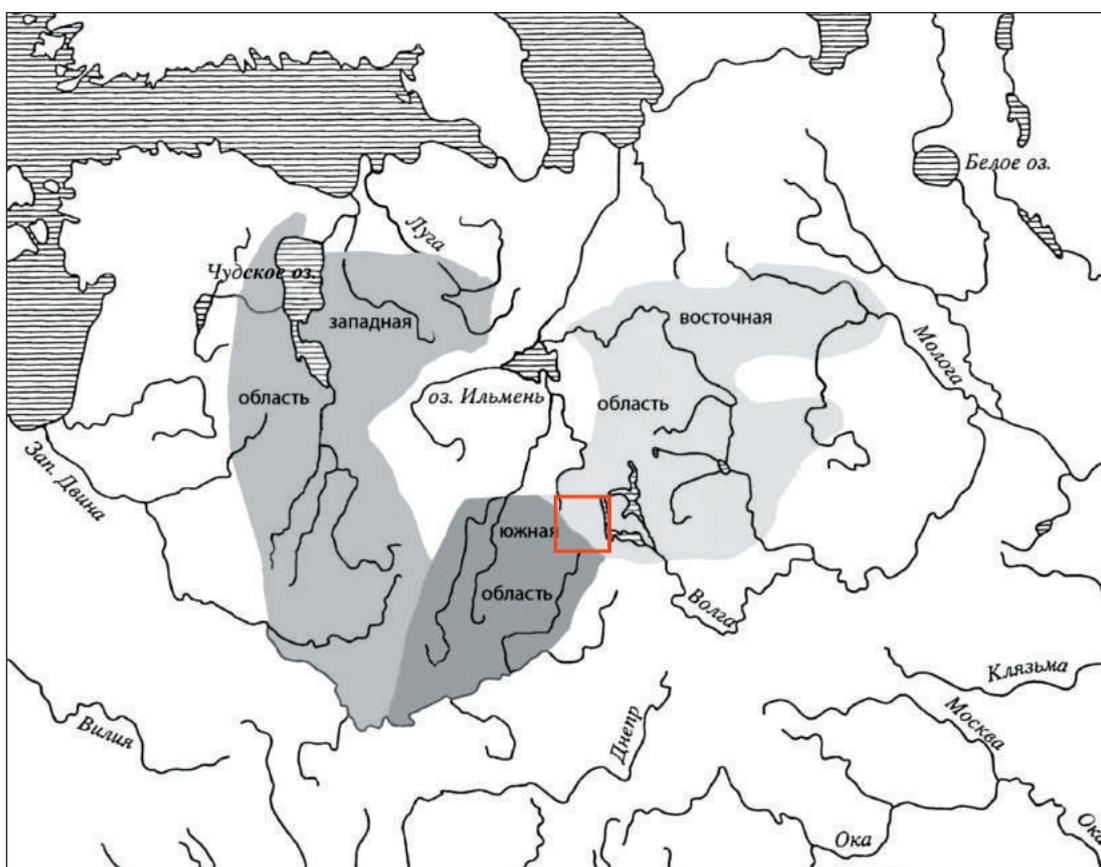

Рис. 25. Ареал культуры псковских длинных курганов (с выделением трех областей) по И. В. Ислановой (2019, рис. 92). Красный квадрат – регион исследований

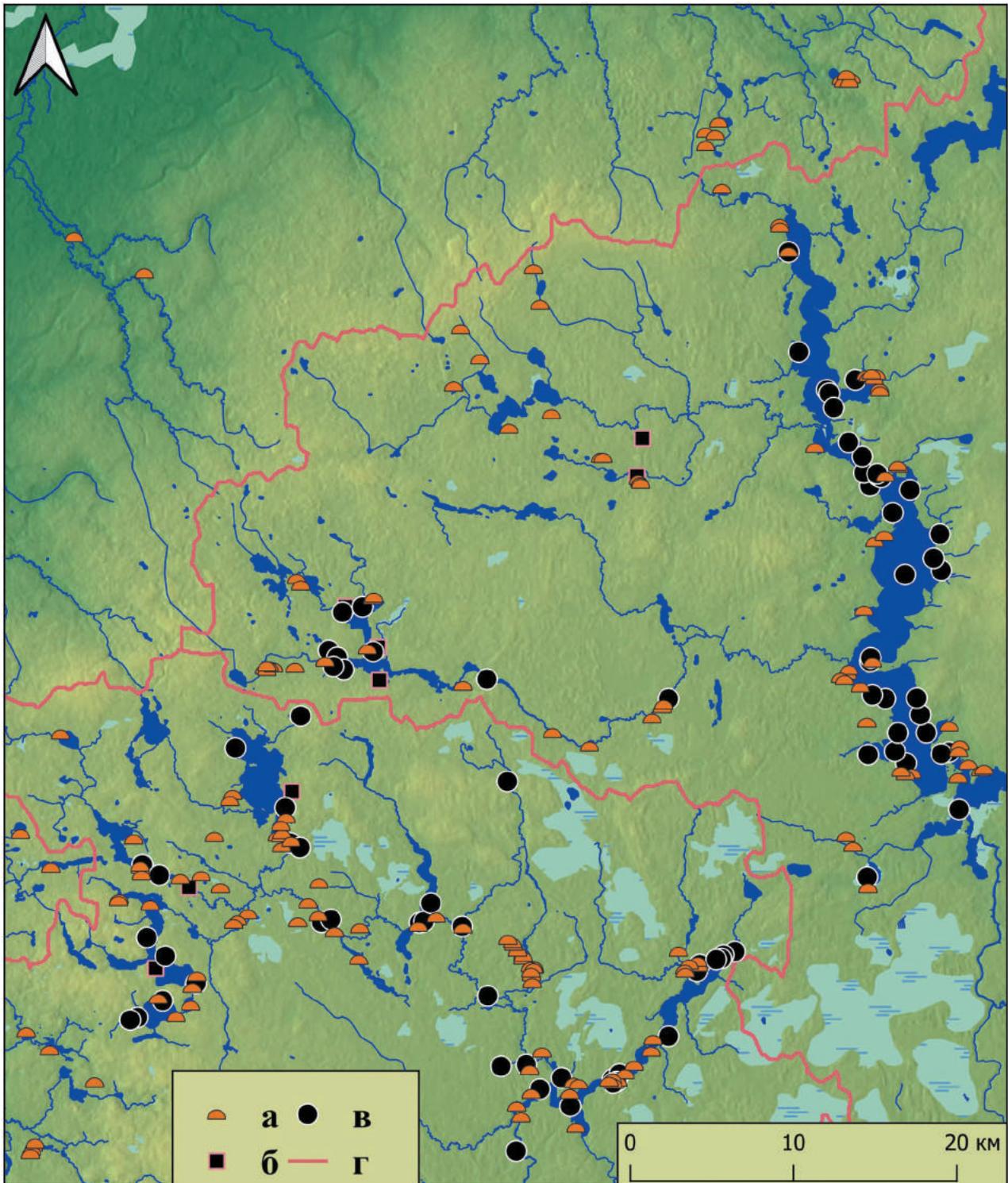

Рис. 26. Памятники раннего средневековья: а - могильники (курганые группы и отдельные курганы), б - селища, в - городища, г - линии водоразделов

токов, расположены в системах малых озер и рек (рис. 26). Источниковая база показывает отсутствие сопок и памятников культуры смоленских длинных курганов (КСДК). В курганных группах присутствуют высокие насыпи, но не выше 3 метров и всегда соседствующие с другими типами насыпей.

Очерченный нами регион не входит в круг древностей культуры сопок. Самые близкие памятники, которые мы можем фиксировать, находятся в Ильменском бассейне, за линиями водоразделов с Волги - Полы и Волги - Западной-Двины. И лишь ниже по течению Западной Двины, в 40 км от истока,

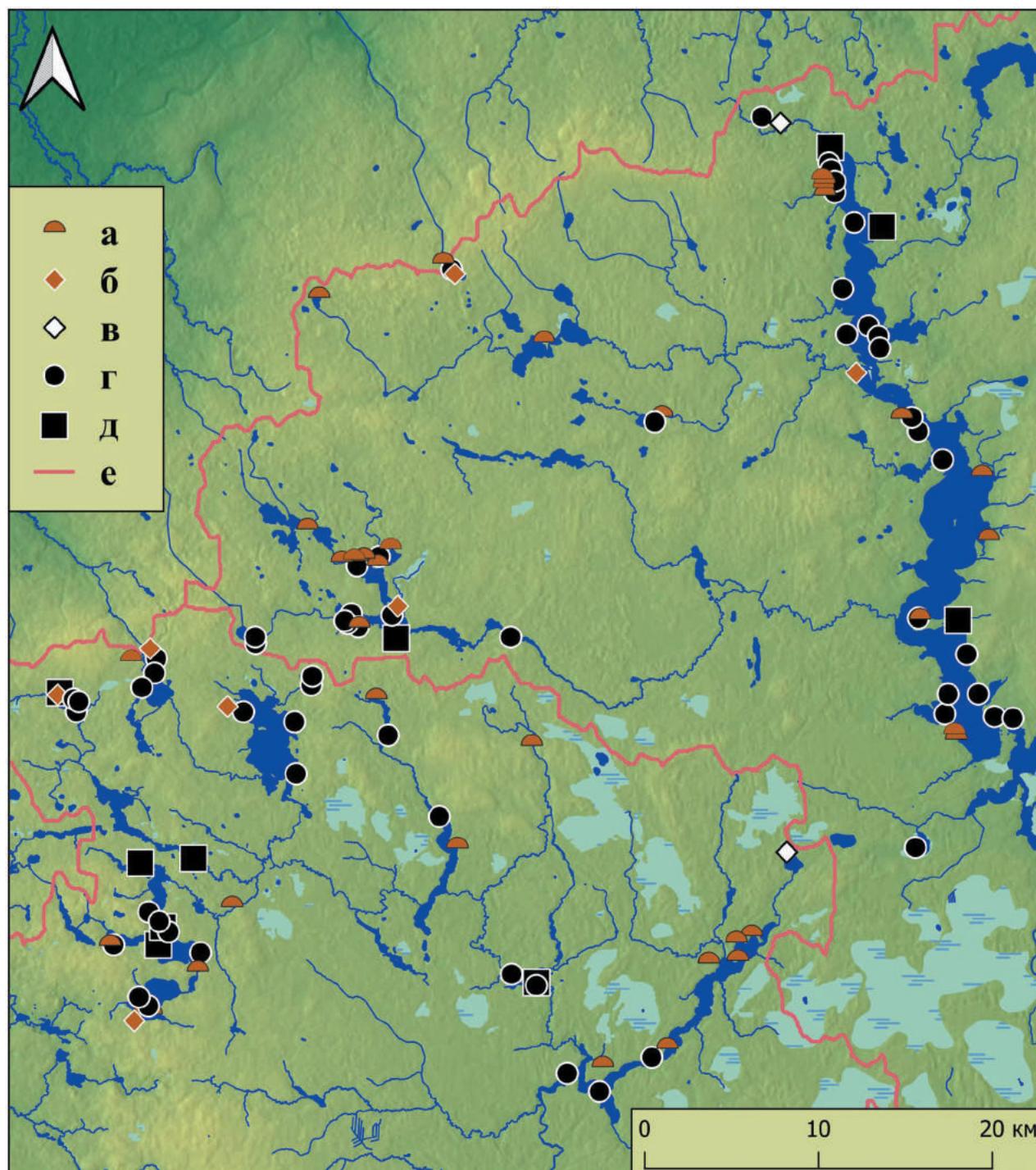

Рис. 27. Памятники древнерусского времени: а – (курганные группы и отдельные курганы), б – курганно-жальничный могильник, в – жальничный могильник, г – селища, д – городища, е – линии водоразделов

появляются первые сопки, вторгаясь своеобразным клином небольшой группы памятников из бассейна Ловати, при этом не образуя крупного скопления (Еремеев, Дзюба 2010, рис. 328).

В-третьих, остается проблемой выделение незримой границы между памятниками

южного и восточного ареала КПДК и на более позднем этапе – соприкосновения с КСДК.

В-четвертых, существует методологическая проблема выделения селищ этого периода. В публикуемый здесь реестр вошли памятники, выделенные по формальному признаку – наличию лепной керамики. При

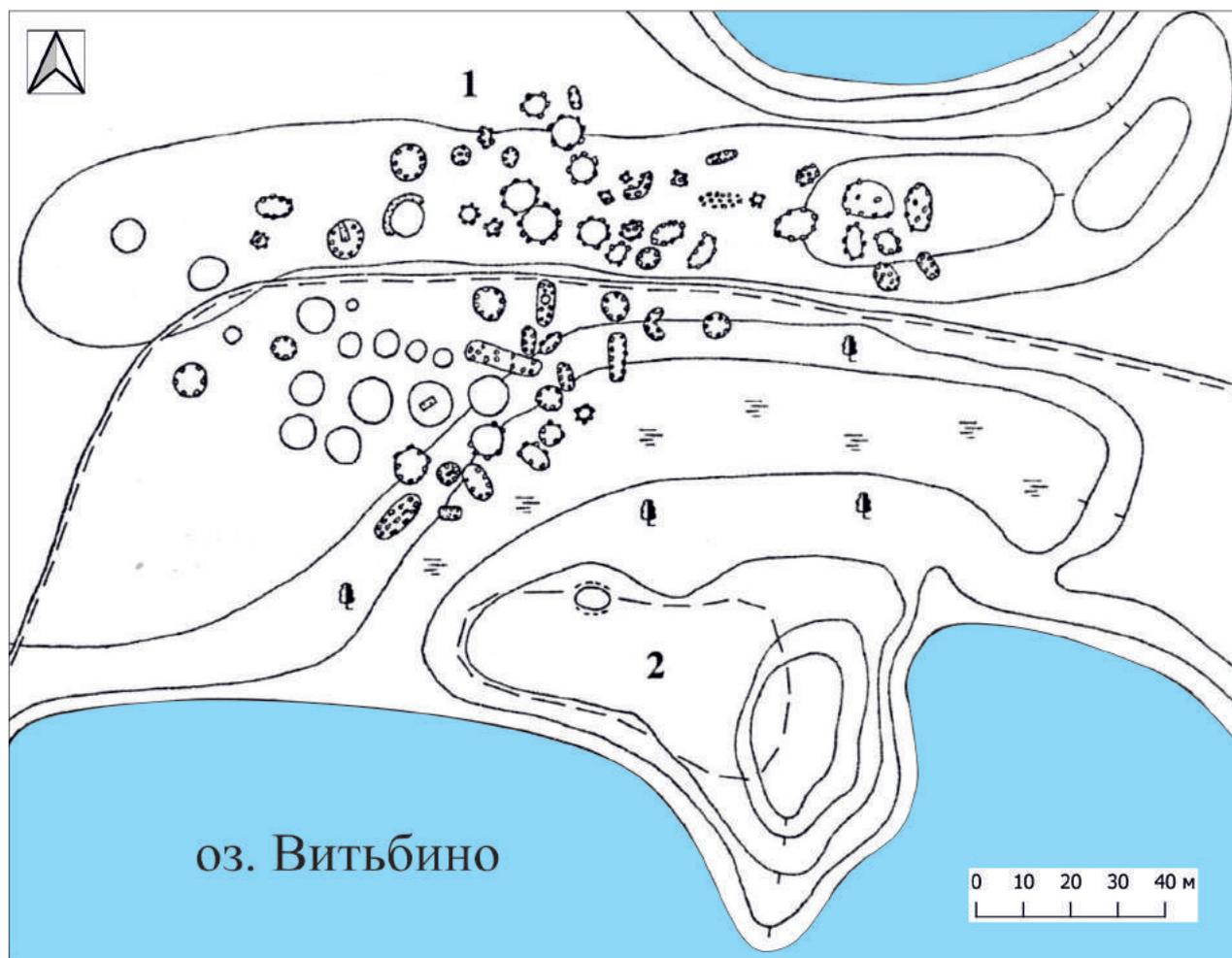

Рис. 28. Курганно-жальничный могильник Михайловщина (Лопастницы) И. Н. Черных (1980)

этом специального исследования керамических наборов не производилось. В целом, датировки памятников раннего средневековья для этого микрорегиона обобщенные – вторая половина первого тысячелетия. Отсутствие стационарно исследованных поселений, а также репрезентативной базы радиоуглеродных дат сильно сдерживает возможности интерпретаций.

В-пятых, для городищ, часто многослойных, присутствие раннесредневековых материалов выделяется довольно условно. Пожалуй, единственное городище – это Лихуша-Заборовка, для которого получена серия АМС дат (Смирнов и др. 2023, 205).

Древнерусское время

Развернутое представление памятников древнерусского времени – отдельное исследование. Оно невозможно без привлечения широкого круга исторических источников. В цели работы входило, прежде всего, про-

следить динамику культурных явлений, отраженных в археологических памятниках. Поэтому на данном этапе мы ограничиваемся констатацией появления памятников древнерусского времени и уделяем внимание их локализации (рис. 27).

Могильники древнерусского времени насчитывают 48 пунктов, включающие курганные и курганно-жальничные могильники (рис. 33, табл. 2). Более типичными становятся могильники, содержащие по 20 и более насыпей. Для данного периода очень показательным становится преобладание в устройстве насыпей использования камня, как правило они окружены каменными обкладками или «венцами» (рис. 28–30). Могильники располагаются по пологим берегам озер, на различной высоте. Однако традиция возводить насыпи на доминирующих высотах не проявляется. Под насыпями – труположения на горизонте с западной ориентировкой (Глазов 1905, 102). Эти

Рис. 29. Курган с «венцом» из камней. Курганно-жальничный могильник Михайловщина (Лопастницы). Вид с севера

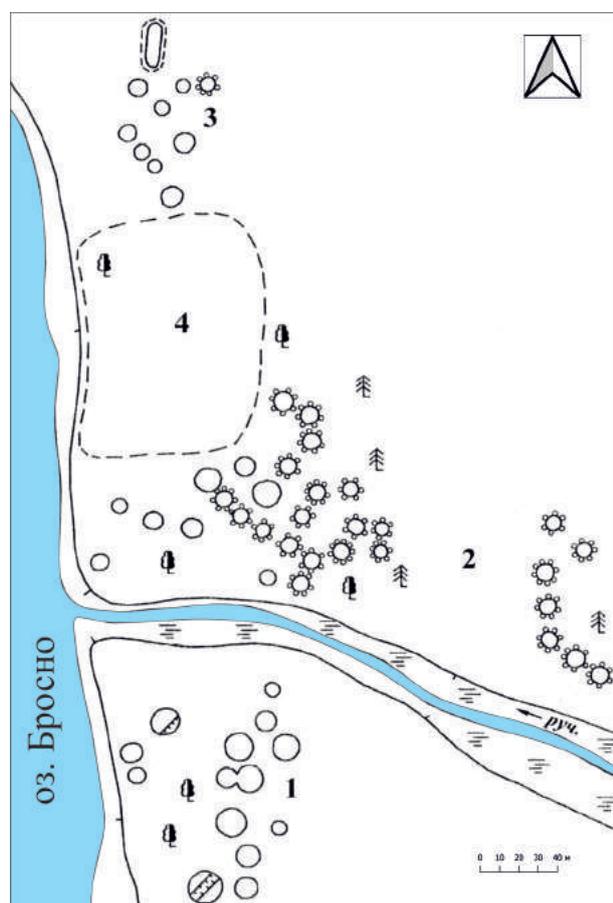

Рис. 30. Курганные группы Ольховец 1-3 по А. Д. Максимову (1980)

насыпи четко отделимы от предшествующего периода, это отмечал в начале XX века В. Н. Глазов, связывая отсутствие камней в основании насыпи и обряд кремации (Глазов 1905, 99). Им же и произведены первые исследования могильников в регионе.

Крупные могильники древнерусского времени – Большой и Малый Бохоты расположены на самом Невско-Волжском водоразделе (оз. Алхимцево). Один из курганов, изученных В. Н. Глазовым в 1903 году, содержал подвеску-денарий (Саксония, Ордундльф, 1059–1071) (Глазов 1905). Памятники аналогичного типа были описаны этим же исследователем на озере Хвошня. Эти варианты погребальных памятников типичны для новгородских земель (Пронин 1981, 12). Как хорошо видно на карте, на системе озер Витьбино формируется крупное гнездо могильников, в частности – могильники с курганами с каменными обкладками и жальничные погребения. В истоках Западной Двины наблюдается аналогичная ситуация, практически на всех крупных озерах, расположенных вблизи водораздела, отмечаются могильники древнерусского времени. Открытые поселения (59) и городища имеют идентичную приуроченность. Городища занимают стратегически важные участки

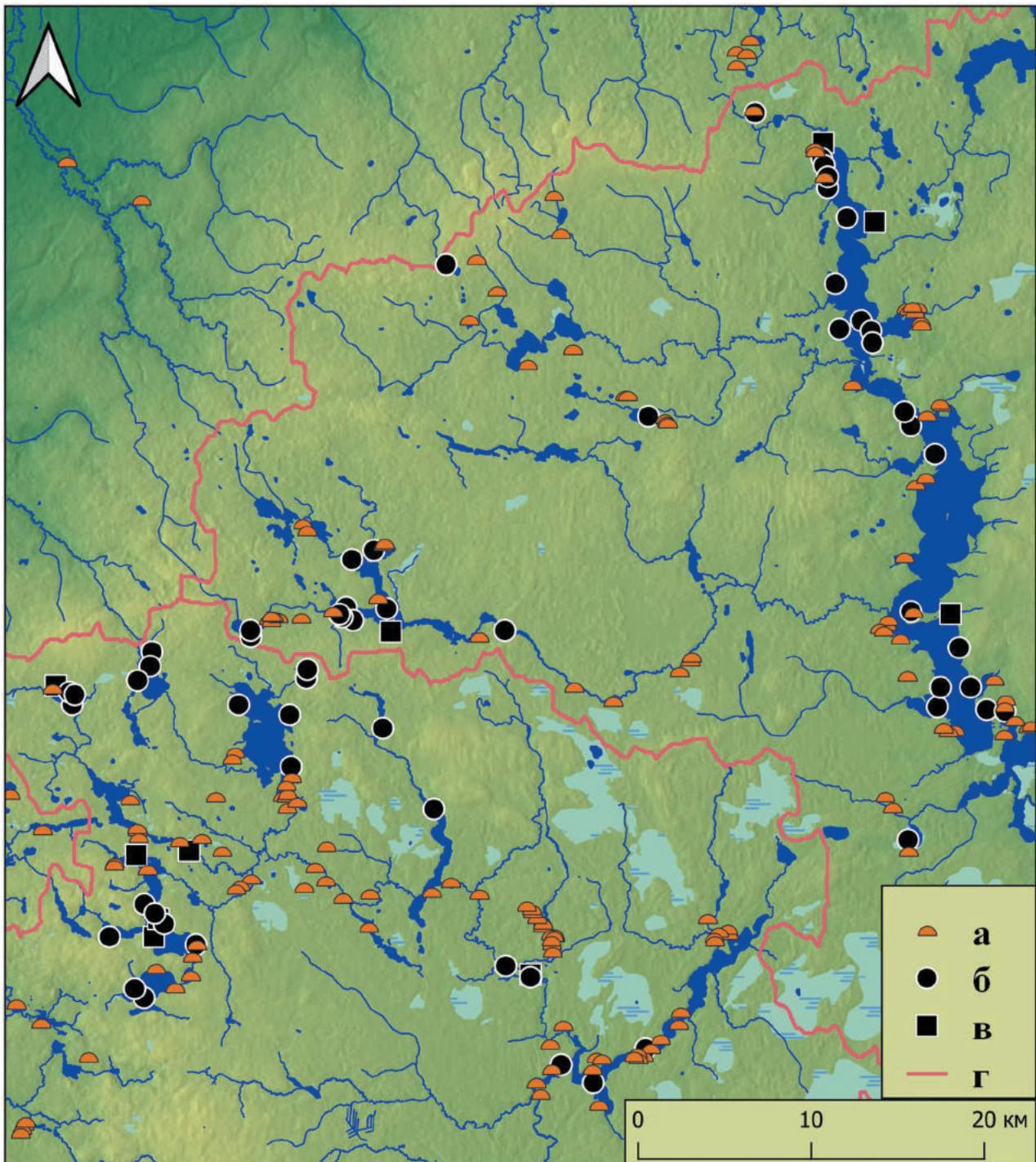

Рис. 31. Карта совмещения памятников разных хронологических этапов: *а* – могильники раннего средневековья, *б* – селища древнерусского времени, *в* – городища древнерусского времени, *г* – линии водоразделов

водоразделов, как правило, с ними ассоциированы курганно-жальничные могильники.

Таким образом, в древнерусское время в микрорегионе появляется новый тип погребальных памятников, что указывает на распространение либо населения, либо традиций, связанных с новгородскими землями. Все эти памятники расположены

на водораздельных участках и наиболее выгодных водных коммуникациях.

Интерес к этим территориям связан, прежде всего, с возможностью контроля транспортных путей. Наиболее крупные погребальные памятники этого времени связаны с водоразделами, с контактами на водоразделах.

* * *

Итак, средневековые древности, прежде всего, представлены двумя крупными хронологическими этапами раннего и развитого средневековья. Оба этапа отражают интенсивное использования региона, резкое увеличение численности населения. Анализ расположения памятников дает основания судить о различных тенденциях в структуре расселения в эти периоды. Если для раннесредневекового расселения нами фиксируется плотное расположение памят-

ников, то в древнерусское время заселяются районы крупных озер, приуроченные к водоразделам. При сопоставлении могильников, отнесенных к раннему средневековью, и древнерусских селищ виден принципиально иной характер расселения, памятники почти не пересекаются (рис. 31).

В целом, плотность расселения становится более дифференцированной: увеличивается в локальных центрах (концентрируются на важных транспортных узлах) и снижается на остальной территории. Наблюдается экономически обусловленный характер расселения.

Верхневолжский камень в контексте анализа демографических барьеров и территориальных разграничений в истоках Волги и Западной Двины в XII веке

На море-Океане,
На море-Океане,
На острове Буяне,
Меж камней - богатырь
Есть Камень-Алатырь.
К. Бальмонт

В 1947 году С.Н. Ильин опубликовал статью «Новый эпиграфический памятник XII века в верховьях Волги», тем самым введя в научный оборот один из самых до настоящего времени цитируемых нетекстовых эпиграфических памятников (Ильин 1947, 179). Задавшись целью найти «крестовик», о котором сообщали местные жители, автор обращался к помощи проводников, которые не с первого раза смогли найти дорогу к этому камню, затерянному в холмах и болотах Верхневолжья. Поиски автор начал в 1940 году, возобновил в 1945, что указывает на неизменное его стремление обнаружить «спрятанный» в лесах камень.

Спустя почти 75 лет нам удалось своими глазами увидеть этот камень и оценить своеобразие этого культурного объекта. Нашим проводником к камню стал Андрей Владимирович Петров – директор средней школы пос. Рунский Пеновского района Тверской области – прекрасный знаток местных достопримечательностей и пропагандист качественного краеведения. Без него найти этот камень было бы невозможно. Ситуация с малыми дорогами (и их отсутствием) за последние 80 лет в этом уединенном рай-

оне если и изменилась, то не в лучшую сторону.

Напомним, что объект исследования – моренный валун размером 4 на 2.5 м светло-серого или даже розоватого цвета, который сильно меняется от освещения и плохо передается средствами фотофиксации. Он расположен на краю верхового болота, которое, вероятно, некогда было небольшим озером. В основании валуна – маленький родник. Условная продольная ось камня ориентирована примерно с северо-востока на юго-запад. Верхняя часть глыбы слабо наклонна, ровная ее поверхность была использована для нанесения знаков.

Итак, символов три:

1. Лунка продольной сложной формы, которая не имеет следов искусственного создания изображения.
2. Знак двузубца на ножке с отогнутыми кнаружи вершинами зубцов.
3. Изображение креста с равными перекрестьями.

Основное внимание исследователей было всегда сконцентрировано на атрибутике «лирообразного» знака. Первоначально изображение двузубца на ножке с отогнуты-

ми зубцами было определено Н.Н. Ворониным как родовой знак Рюриковичей. Исследователь увидел ближайшие аналогии со знаками на кирпичных и гончарных клеймах из южных и западных территорий Киевской Руси (Ильин 1947, 180). Публикация знаков на деревянных и берестяных изделиях Новгорода (Колчин 1968, рис. 12, 13) позволила исследователям увидеть аналогию с изображением на находке под шифром 21-25-1163 (поплавок для рыболовной сети). Также признанная близкая аналогия – изображение на палочке из можжевельника (Янин 2000, 667). Эта последняя аналогия стала наиболее устойчивой. Так, она используется в гораздо более поздних работах (напр., Белецкий 1999, Молчанов 2012, 442, рис. 7).

Большинство сопоставлений делается на основании прорисовок, что обусловлено сложностями фотофиксации. При внимательном рассмотрении изображения оказалось, что символ выдолблен массивным орудием. Условно полукруглое, сужающееся книзу ложе шириной чуть более 1 см, имеет бугристую поверхность и неровные края. Четче всего изображение проступает на некотором расстоянии, особенно при заполнении всего ложа материалом контрастного цвета (рис. 32–35). Особенности выполнения изображения могут сказываться на очертаниях чаши двузубца. Типологии и своды знаков не связывают особенности формы с технологией изображения (Белецкий, 1999), хотя, возможно, одна и та же форма будет несколько различаться при прорезывании и выдалбливании. В данном случае это лишь побочное замечание. Все авторитетные исследователи, обсуждающие знак верхневолжского камня, сходятся во мнении, что он может быть датирован XII веком и связан с князем Мстиславом Владимировичем или его старшим сыном князем Всеволодом (Михеев 2017).

Этот знак (двузубец), по мнению С.В. Белецкого, «принадлежит к числу наиболее распространенных на территории Руси» (1999, 319). Повторимся, он встречен на гончарных клеймах, строительных материалах (кирпичи, поливные плиты), пломбах и пр. от Киева до Новгорода и Ладоги. Все это указывает на экономический успех в хозяйственных начинаниях князя Мстислава Владимировича.

Находки родовых «знамений» или «пятен» **на необработанных природных**

камнях – явление гораздо более редкое. В 1997 году при работах в Смоленске в южной стене собора Троицкого монастыря на Кловке (Трошин 2000) был обнаружен крупный гранитный камень с княжеским знаком. Знак окружает надпись: «*Степан тиун напсал пятн Ростиславль*». Эта находка позволила несколько скорректировать принадлежность некоторых знаков, сама же атрибутирована, предположительно, как тамга князя Ростислава Рюриковича. Тем не менее, двузубец с отогнутыми кнаружи зубцами остается ассоциируемым с князем Мстиславом Владимировичем. Вероятно, камень из основания собора некогда располагался в области современного Смоленска и маркировал некоторое место или событие.

Верхневолжский камень оригинален тем, что является носителем княжеского знака и в то же время, – крестовиком и следовиком. Крестовики – камни с нанесенными крестами, которые чаще всего выполняют роль межевых пунктов (напр., Седов 1974). В ряде случаев использование камня с крестом в качестве пограничного знака недоказуемо. Стиль изображения креста – четырехконечный, с равными лучами, типичен как раз для межевых камней (Седов 1974).

И, наконец, еще один знак – углубление, по своей форме отдаленно напоминающее след ступни. Как известно, камни-следовики широко распространены на обширных территориях северо-запада и запада Русской равнины. Крупные камни со «следом», вероятно, становились местами почитания в любые времена. Свидетельства о почитании камней происходят, прежде всего, из этнографических источников (Макаров, Чернецов 1988, 79). Сегодня аналогичные углубления могут называться ножкой Богородицы или следом Велеса, или чертовым следом и пр. (Голубкова 2014). Источник воды под камнем, так же, как и вода, задержавшаяся в углублении, наделяется целительной силой.

Подчеркнем, что все три изображения, расположенные на пологой ровной поверхности валуна, не перекрывают и не повреждают друг друга, а создают общее пространство. Родовой знак Рюриковичей маркирует события первой половины XII века. Крест датировки пока не имеет. Отметим, что технология его изготовления и напоминает изображение родового знака. Рассказы

Рис. 32. Знак двузубца с отогнутыми вершинами зубцов

Рис. 33. Знак двузубца с отогнутыми вершинами зубцов с заполненным ложем

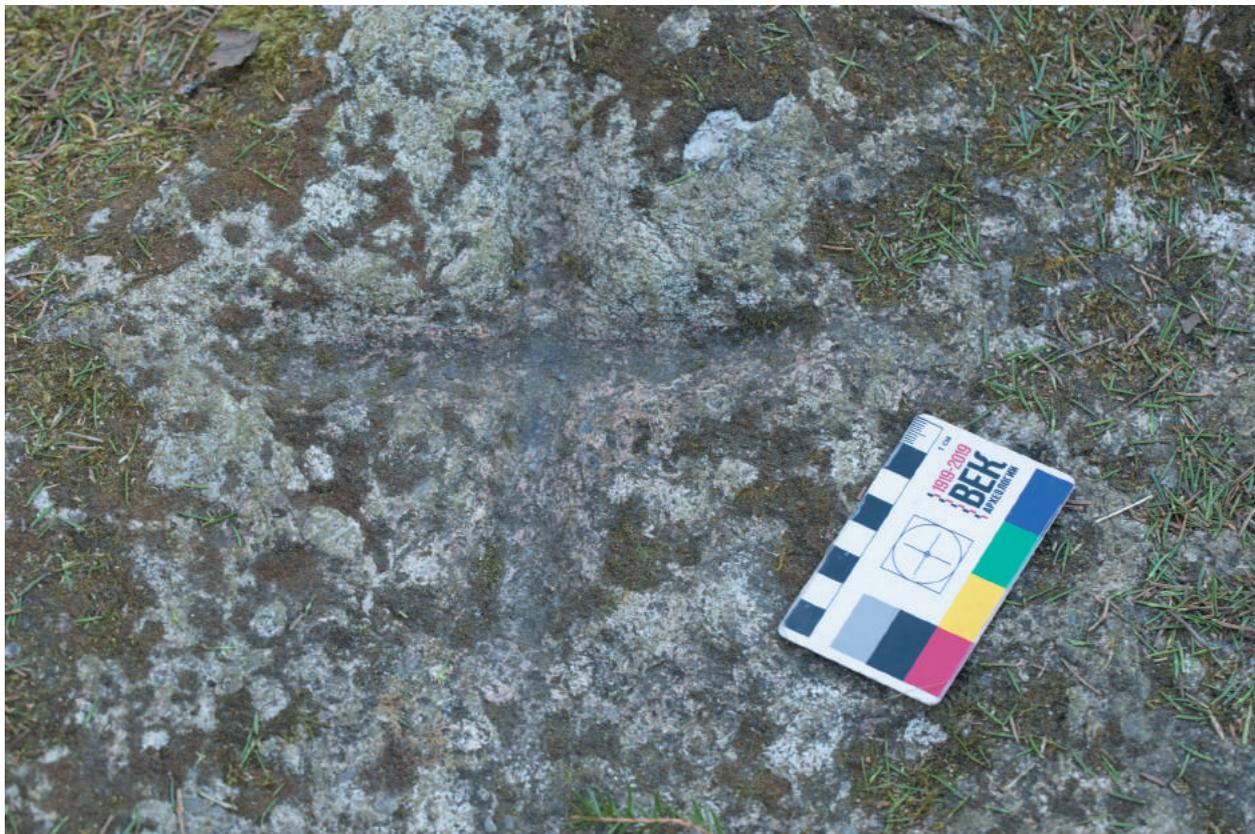

Рис. 34. Изображение креста

Рис. 35. Изображение креста с заполненным ложем

местных любителей древностей – наших современников – свидетельствуют о включении этого камня в круг почитаемых мест.

Одна из фольклорных традиций, позволяющих заглянуть в относительно недалекое прошлое (XIX, XX века), – заговоры. Их большие сборы проводились этнографами и лингвистами, особенно в северных районах европейской части России. Фундаментальные лингвистические исследования заговоров позволяют обращаться к этим сведениям как к одной из форм исторических источников (Исследования 1993).

Частое упоминание в заговорах камня позволяет нам более предметно оценить роль крупного валуна в мире культовых образов. Заговор, согласно мнению лингвистов, создает архетипическую картину центра мира (Шиндин 1993, 108).

Для более предметного обсуждения приведем лишь один пример из сборов заговоров в Пудоожском уезде Олонецкой губернии, собранных в начале прошлого века известным исследователем восточнославянского фольклора В. И. Мансиккой (цит. по Мансикка 2014, 557, по публикации 1926 года): «Стал я раб Божэй, блгославесь, пошол блгословесь и перекрестесь, матерью прощон, отцем благославлён на добры дела, пошол из двирей двирьми, из ворот воротами и вышол в цистоё полё, и в цистом поли Екиян морё, в Екияне мори **Екиян каминь**, на этом **камню** сидит старя и премудрая стариця, по локоткам руцьки в золоти, по коленцям ношки в серебри, сидит и натягаё свой притугой отстрельцяттой, калиновой лук и вкладываё калёньи стрелы и стрелят и отстриливаются от дефки пустоволоски, от бабы нечистоделки, от трежоного и от двужоного, от одножоного и от треглазого, от двуглазого, от одноглазого, от трезубого, от двузубого, от однозубого, от черной печени, и от горецей крови, и от колбуна. И от колдуныи, и от едуна и от едуныи. Кто можо в Окияни мори воду высушить и писок выцитать, этот миня можо осудить и оговорить. А кто не можо писку выцитать и воды высушыть, этот миня не можо осудить и оговорить и оклеветать. Отныги до веку, аминь повеку».

Заговоры начинаются, как правило, вводными фразами, которые отражают некий этап – переход в особое сакральное пространство. Обычно оно – открытая местность

(море, озеро, чистое поле), в его центре могут находиться самые разные священные объекты (остров, дерево и пр.). Часто в заговорах фигурирует камень. Персонаж, к которому далее последует обращение (Богоматерь, святые, Иисус Христос, царица и пр.), располагается на этом камне. Он и производит действия, которые позволяют осуществиться тому, о чем просится в заговоре (вылечить, отвести порчу, приворожить и пр.). Камень может быть разным по цветам и свойствам (бел-горюч, Синь, черен, тепел). Неизменными остается его мощь, твердость, незыблемость. Исследование заговоров на Русском Севере выявили разнообразие образов и обозначений камней (напр., Мансикка, 1929). Очень часто – это Алатырь или созвучные этому имени обозначения (Агапкина, Березович, Сурикова 2019). Анализ места и роли камня в русских заговорах приводит исследователя к выводу о том, что «... камень, к которому стремится герой, – это одновременно и алтарь, без которого невозможно совершение обрядовых действий, и наивысшая сакральная точка пространственно-временного континуума... Именно здесь герой заговора получает возможность выполнить определенный набор ритуальных действий..., в сложившихся условиях получить для себя или коллектива максимальную экзистенциальную гарантированность» (Шиндин 1993, 114). Особый мир заговоров не позволяет напрямую связывать реальные объекты среды (камень) и идеальное представление о сакральном камне. Тем не менее, особое отношение к крупным камням, подтвержденное исследованиями с территории Литвы, Белоруссии, Ленинградской обл. и др. (Культовые камни Восточной Европы 2018) дает основание ассоциировать традицию почитания камней не только с недавним «этнографическим» прошлым, но и с более отдаленным.

Соединение народных традиций с православием в средневековье иллюстрируется историей знаменитых Борисовых камней бассейна Западной Двины (территория Белоруссии). Один из них находился у деревни Дятлово Оршанского района Витебской области Белоруссии. На камне текст вокруг шестиконечного креста: «В лето 6679 месяца мая в 7 день достен крест сей. Господи помози рабу своему Василию в крещении именем Рогволоду сыну Борисову». Согласно мнению Б. А. Рыбакова,

надпись и крест созданы при в период голода 1170–1171 годов (Рыбаков 1964).

Другой камень «Борис-Хлебник» располагался в русле Западной Двины неподалеку от Полоцка, был также «крещен» и снабжен изображением креста и надписью. В настоящее время извлечен из воды и находится рядом с Софийским собором Полоцка как культурно-исторический объект.

Итак, верхневолжский крупный камень со столь богатым изобразительным рядом безусловно занимал важное место в обыденной и культовой жизни людей на протяжении долгого времени. Наличие княжеского знака на этом камне дает нам основания для рассуждений о его практической роли, политическом и правовом значении.

Возвращаясь к времени, когда княжеский знак был выбит на верхневолжском камне, следует отметить, что начало XII века было особым в делах получения прав на землевладение новгородскими князьями на территориях, расположенных по соседству в новгородскими землями. Как известно, жалованная грамота князя Мстислава Владимировича и князя Всеволода Мстиславича Юрьеву монастырю (в лице игумена Исаи) дана на владение Буицы, с вирами, данями и продажами и осенним полюдьем, а также на серебряное блюдо (Срезневский 1860). Важно, что дар совершается без согласования с новгородскими представителями, что однозначно указывает на то, что земли к этому времени были уже княжеские, а не новгородские.

Жалованная грамота князя Всеволода Мстиславича Юрьеву монастырю на Терпужский погост Ляховичи на р. Ловати также относится к документам XII века и датирована В.Л. Яниным 1134 г (Янин 1977, 77). Подробные археологические исследования по Ловати, проведенные Е.Н. Носовым (1978; 1988), позволили связать их результаты с анализом текста грамоты и предположить, что ранее образованное «княжеское владение Ляховичи образовалось на основе «заимки» князем небольшого глухого, земледельчески не освоенного участка вдоль сухопутной дороги от р. Ловати к р. Поле. На Ловати было основано селение, контролировавшее дорогу и заселенное холопами» (Носов 1978, 38). Далее автор пишет: «Думаю, что, передавая Ляховичи Юрьеву монастырю, князь отдавал

в первую очередь право контроля над сухопутной дорогой от Новгорода «в Русь» и получение соответствующих доходов» (Носов 1978, 38). Юридической основой новгородской государственности был договор между аристократией, представляющей новгородскую землю, и князем (Янин 2000). Последний не обладал правом на землю, а получение дани происходило также под контролем новгородцев. В.Л. Янин отмечал, что отсутствие новгородских земель с одной стороны, и необходимость княжить в Новгороде как в начальном городе государства, – с другой, создавало определённые сложности. Их решение нашёл князь Мстислав Владимирович, сформировав княжеский домен на юге новгородских земель. «В северной Руси сложение вотчинной системы начинается не ранее рубежа XI–XII вв. Не существовало в Новгородской земле до XII в. и домениальных княжеских владений. Это настолько ограничивало финансовые возможности князя, получавшего лишь «дар» от волостей, что Мстислав Владимирович, передав новгородский стол Всеволоду, вынужден был из состава своего Смоленского княжества выделить сыну значительный массив земель на условиях обеспечения владения только прямыми потомков. Если в Новгород приглашался князь, напр., из Чернигова или Суздаля, то доходы с этого домена поступали не в Новгород, а в Смоленск» (Янин 2000, 676–677).

По мнению В.Л. Янина, волости, расположенные на юге Деревской пятины, – княжеский домен, созданный Мстиславом, на Смоленских землях, части которого он жаловал Юрьеву монастырю. Граница Деревской пятины – явления более позднего – в этом месте очень сложная, проходит преимущественно по озерам и рекам, представляет собой «клин», направленный острием на юг. Эти волости полностью покрывают территорию валдайского водораздела, тем самым получая контроль над транзитными водотоками, которые имели в XII веке существенное значение.

Широко известный Стерженский крест, поставленный новгородским посадником Иванко Павловичем (1133 г.), расположен недалеко, чуть к северо-востоку на берегу самого озера Стерж и маркирует попытку получения нового водотока. Это особенно примечательно в связи с тем, что территория

очень обильно пронизана реками. Вероятно, получить новый водоток в свое распоряжение было важно. Причины, по которым посадник не хотел или не мог пользоваться уже существовавшими водотоками, нам не известны. Они могли быть связаны как с «занятостью» водораздельных переходов, так и с изменением гидрорежима и невозможностью использовать ранее активные водоемы. В целом, плотная занятость южных частей будущей Деревской пятины ранее уже отмечалась (Тараканова 1940).

Формирование княжеского домена на южных рубежах новгородских территорий, которые не могли «похвастаться» наиболее удобными для пашенного земледелия угодьями, вероятно, обусловлено установлением контроля на водных и сухопутных путях, что сулило большие выгоды. Вероятно, с этим может быть связана и специфика расселения, и демографические нагрузки, которые отличают XI–XII века от финала первого тысячелетия.

Явный смысл княжеского домена в создании коммуникаций новгородских земель с более южными, с «Русью», особенно ярко выглядит на фоне демографических барьеров, которые прослеживаются по палеоантропологическим данным между территориями по разные стороны балтийско-каспийского водораздела, благодаря которым устойчиво сохраняются различия между населением и верховьев западной Двины и Приильменской низменности.

Можно предположить, что княжеский знак на большом камне появляется как общий знак владения и княжеской власти, а также, что камень маркировал границу собственно княжеских земель, что более соответствует сочетанию тамги и креста. Доминирующая тема транспортного сообщения, просматриваемая в территориях княжеского домена, дает основание также искать участок сухопутной дороги в непосредственной близости от верхневолжских озер. Однако, местоположение камня не дает пока ясного представления о том, какого рода граница или коммуникация здесь могли проходить, по крайней мере проверенный путь использования информации писцовых книг Деревской пятины, проведенных как В.Л. Яниным (1998), так и А.А. Фроловым (ИАДП), не позволяет извлечь конструктивную информацию.

Для нашего исследования этот объект важен тем, что позволяет констатировать постоянство его значимости в практической и культурной жизни региона на протяжении веков. Актуальность оставления знаков на этом устойчивом, незыблемом природном объекте свидетельствует о потребности разграничивать, заявлять свои права, почитать. Очевидно, что такие потребности возникают, скорее, в ситуации частого его посещения, что еще раз утверждает нас во мнении о важной роли этого теперь пустынного микрорегиона в регулировании торговых, правовых и демографических норм и процессов русского средневековья.

Краткий очерк изучения антропологического состава населения верховьев Волги и Западной Двины в средневековье и анализ основных векторов расселения

Речная сеть, по-видимому, оказала более раннее и сильное действие на разделение народного труда по местным естественным условиям. По большим рекам как главным торговым путям сгущалось население, принимавшее наиболее деятельное участие в торговом движении, рано здесь завязавшемся; по ним возникали торговые средоточия, древнейшие русские города; население, от них удаленное, оставалось при хлебопашестве и лесных промыслах, доставлявших вывозные статьи приречным торговцам, мёд, воск, меха. При таком влиянии на народнохозяйственный обмен реки рано получили ещё более важное политическое значение.

В.О. Ключевский

Начиная с С.М. Соловьева и В.О. Ключевского реки рассматриваются как географические обстоятельства, влиявшие на расселение, на формирование пространственной струк-

туры древнерусского государства. Давно уже общим местом является тезис о транспортной и информационной «миссии» рек как в эпоху первобытности, как и в более поздние вре-

мена вплоть до средневековья. Этот общий тезис *a priori* воспринимается всеми, но наполняется конкретным историческим содержанием применительно к определенным природным и историко-культурным особенностям. В связи с этим территория в истоках Западной Двины и Волги может рассматриваться как некая терминальная область распространения культурных традиций и самого населения Верхнего Подвинья и Верхнего Поволжья. С другой стороны, близость Ильменско-Балтийского водораздела дает основания предполагать коммуникационный путь по реке Пола и ее мелким притокам. Что можно узнать о роли этих предполагаемых коммуникаций на основании исследования палеоантропологических материалов и популяционных характеристик современного русского населения?

В данном случае мы отходим от археологических реалий и считаем, что та или иная картина структуры населения – результат некоторых исторических событий и путей развития населения. Физическая (биологическая) антропология снабжена инструментарием (как археология и лингвистика), который способен разделить следы популяционных смещений или изоляции большой древности от относительно недавней. Поэтому мы считаем вполне правомочным обратиться к палеоантропологическому источнику, минуя серьезные научные дискуссии о происхождении тех или иных археологических культур (напр., Михайлова 2000). В данном случае для нас важна территория.

Сразу следует подчеркнуть, что средневековых материалов, происходящих из микрорегиона истоков Волги и Западной Двины, до сих пор нет. Раннесредневековое время представлено кремациями, которые пока не позволяют судить о морфологическом своеобразии населения. Памятники раннего железного века не имеют погребений. Поэтому судить о населении первого тысячелетия мы можем только по результатам исследования более позднего населения. В известном смысле, так же, как и лингвисты, мы обращаемся к видимым в настоящее время «реликтам» и некоторым сведениям более позднего средневекового времени. На основании этих сведений мы реконструируем ситуацию финала первого тыс. н. э.

Сведения о разнообразии современного населения

Важнейшее место в изучении этногенеза русского народа до сих пор занимают исследования, организованные и проведенные Русской антропологической экспедицией во главе с В.В. Бунаком в 1955–1959 гг. (Происхождение... 1965). Возможно, с точки зрения современного представления о феномене этничности название звучит непривычно, но огромный объем материала, продуманная программа оценки изменчивости отдельных признаков, связей между признаками, методика выделения комплексов особенностей и их распространения на определенных территориях, – все это делает труд, задуманный В.В. Бунаком и осуществленный большим коллективом высокопрофессиональных антропологов, до настоящего времени актуальным для анализа истории сложения населения на Русской равнине. Экспедицией были обследованы 107 населенных пунктов в пределах средневекового расселения. Среди прочих районов были охвачены:

1. Верхневолжье – 10 районов по течению Волги от Твери до Нижегородской области.
2. Валдай как водораздельная зона – 5 районов, включая Осташковский.
3. Новгородские земли – 6 пунктов, включая Старую Руссу, Великие Луки и Холм.

Эти районы имеют непосредственное отношение к вопросу об истории сложения населения у истоков Западной Двины и Волги. Изучение изменчивости ряда измерительных признаков (размеры головы и некоторые параметры строения тела) и оцененных в баллах качественных признаков (цвет глаз, волос, формы элементов лица и пр.) позволило выявить три географические зоны (рис. 36), внутри которых получили распространение антропологические типы: Ильменский (Ильменско-Белозерский), Валдайский (Валдайско-Верхнеднепровский) и Западно-Верхневолжский.

Эти три антропологических типа ассоциируются с бассейнами Ильменя, Западной Двины и Волги. Однако, Валдайско-Верхнеднепровский тип захватывает и истоки Волги и Днепра, тем не менее гидрологической доминантой в распределении этого антропологического варианта оказывается Западная Двина, также отметим, что

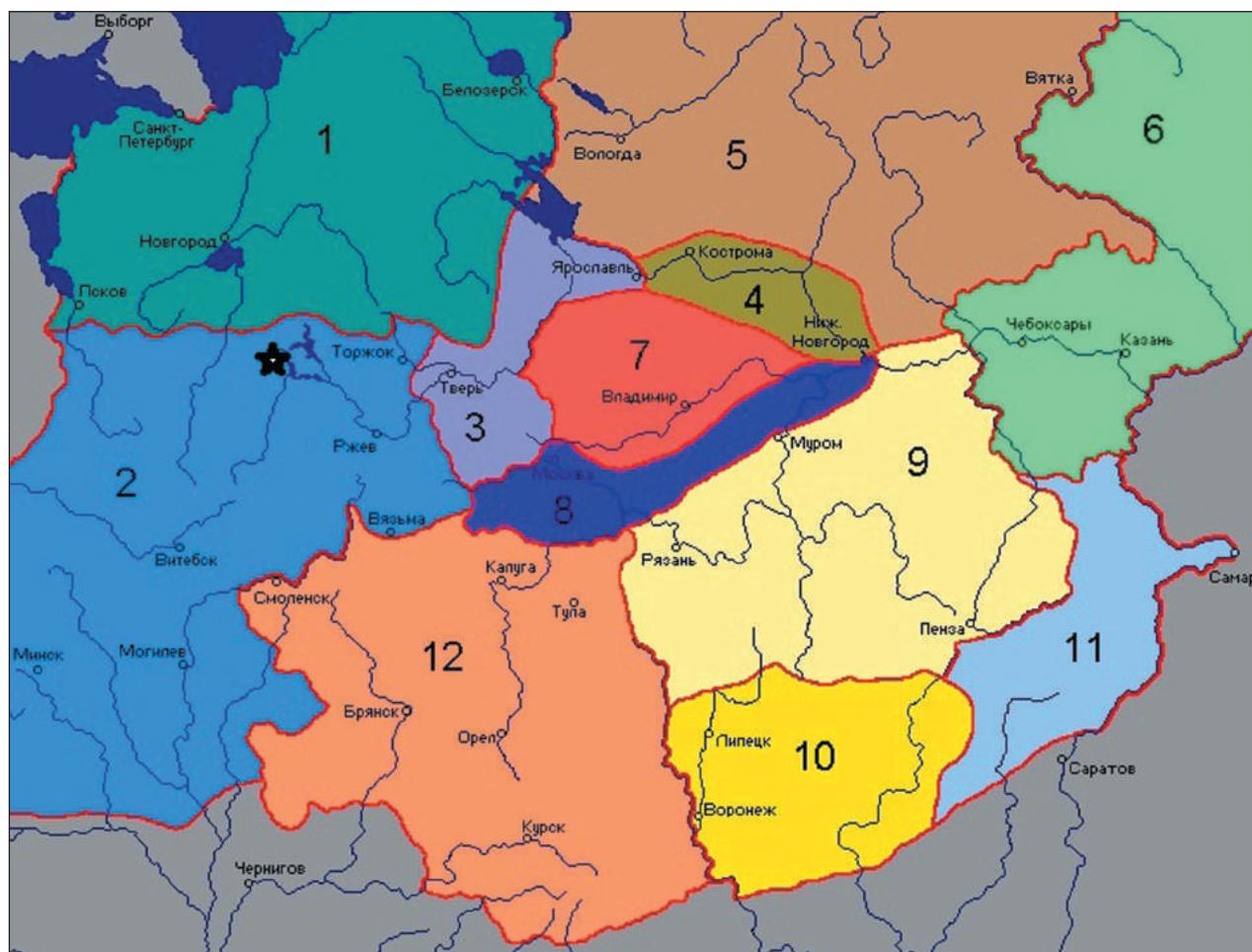

Рис. 36. Географические зоны по В. В. Бунаку

1 – ильменско-белозёрская; 2 – валдайская; 3 – западная верхневолжская; 4 – восточная верхневолжская; 5 – вологдо-вятская; 6 – вятско-камская; 7 – клязьминская; 8 – центральная; 9 – дон-сурская; 10 – степная; 11 – средне-волжская; 12 – верхне-окская.

Звездой в зоне валдайского типа обозначен микрорегион исследований у истоков Волги и Западной Двины

сходное население распространено на территории Белоруссии и Литвы. В.В. Бунак отмечает, что западный верхневолжский тип наряду с ильменским и валдайским нужно отнести к числу основных антропологических типов северо-западной территории (Происхождение... 1965, 156).

Анализируя разнообразие антропологических типов русского населения на карте Европы, В.В. Бунак пишет: «Три группы русских северо-западной территории располагаются в пределах изменчивости балтийской серии <...> Оставаясь в пределах изменчивости балтийской серии типов, русские группы отклоняются в одном направлении. Общее их отличие составляют меньшая высота переносья, более высокое лицо, меньшая длина тела, более темные радужины и волосы, более сильный рост

борода, прямой контур носа, меньшее развитие складки века. Некоторые из названных отличий не соответствуют обычному представлению о русском типе, но, надо полагать, отражают общую тенденцию: <...> встречаются как сравнительно частый вариант в финских, латышских, польских и других группах Прибалтики, включая северо-западные области (Шлезвиг-Гольштейн...)» (Происхождение... 1965, 165–166). Развивая анализ в более широком сопоставительном контексте, автор пишет о балтийской расе, видя ареал ее распространения от верховьев Днепра и низовьев Вислы до Ботнического залива.

Анализируя комплексы антропологических признаков на пространстве Восточной Европы (территория Европейской части бывшего Советского Союза), В.В. Бунак

предлагает выделить всего семь комплексов (прибалтийский, валдайско-верхнеднепровский, поднепровский, восточноевропейский, волго-камский, приуральский и степной). Их сложение явилось результатам миграционных и внутренних демографических процессов, разворачивавшихся на территории Русской равнины в I тыс. н. э. Согласно мнению автора, базовая группа популяций, ставшая предковой по отношению к славянам, мигрировавшим в область Приильменской низменности и Валдайско-Верхнеднепровских районов, сформировалась на основе смешения балтско-неопонтийских антропологических зон. Понтийский тип, по мнению ученого, был унаследован от центральноевропейских мигрантов.

Для целей нашего локального исследования важны несколько результатов:

Водораздел Ильменского бассейна и Западной Двины был рубежом, разделявшим тяготения популяций к центрам «своих зон».

Территория, на которой распространяется валдайский антропологический тип, включает область истока Волги. Таким образом, водораздел между Западно-Двинским и Волжским (Верхневолжским) бассейнами не являлся рубежом, а поддерживал межпопуляционные контакты.

На соседней территории – западно-верхневолжской – сформировался другой антропологический тип, который, имея в своих чертах характеристики, типичные для балтийского варианта¹, тяготеет к восточноевропейскому типу, который складывался на иной древней основе, чем балтийская раса. Вероятно, истоки Волги, бассейн Западной Двины и область Верхнего Днепра могут быть отнесены к одной системе популяционных связей, а Верхневолжье и Центральные районы Европейской части России – к другой. И эти системы связей характеризуются большой древностью.

Таким образом, оформление территорий, внутри которых совершались преимущественные коммуникации и связи, происходило в древности, предшествующей расселению славян на эти территории.

*Сведения о средневековом населении
на основании краниологических
исследований*

Ильменский бассейн. Изучение краниологических серий с четкой датировкой сделало возможным анализ антропологических особенностей населения Новгородской земли в домонгольское время. С.Л. Санкина, изучавшая динамику краниологических особенностей жителей Новгородчины в средневековье и позднее средневековье, пишет; «Обнаружилось, что ранние новгородцы – часть большого, антропологически однородного массива, локализующегося на западной границе Восточной Европы с севера на юг и включающего также различные группы балтов 1 и 2 тыс. н. э. с территории Белоруссии, Украины и Молдавии... Существование подобной общности может объясняться участием в генезисе балтов, славян, а также древних жителей Эстонии единого субстрата – населения культуры боевых топоров» (Санкина 2012, 95).

Даже если археологическая дефиниция – культура боевых топоров – окажется не совсем точной, или этот субстрат будет встречен у представителей других археологических культур периода бронзы, для нас важно то, что средневековые жители новгородских земель X–XII вв., судя по антропологическим данным, имеют сходство с массивом населения, занимавшим обширные пространства от широт северной до широт южной Прибалтики и даже южнее. Иного тезиса о древности истоков антропологического типа новгородцев придерживается и Н.Н. Гончарова: «Краниологический тип новгородского населения при сохранении некоторых архаических неолитических особенностей, сближающих новгородцев с балтами и финнами, выступает как самостоятельная антропологическая вариация, особенно хорошо фиксируемая при многомерном анализе антропологической изменчивости как в «восточноевропейском», так и «балтийском» масштабе» (Гончарова 1995, 21–22). Также важно отметить неоднородность состава ранних групп новгородского населения, о котором пишет С.Л. Санкина. И хотя межгрупповая изменчивость в значительной

¹ Оперирование термином «балтский» при описании антропологического своеобразия и лингвистических особенностей не означает приравнивания антропологического варианта и языка. Это всего лишь дань традиции использования этих терминов, каждый из которых имеет собственный независимый смысл.

степени разделяет, прежде всего, ранние и поздние группы, особенно мужские выборки из разных могильников домонгольского времени также могут различаться. Для женских выборок это менее характерно. В связи с этим хотелось бы отметить, что при анализе сельских групп новгородских земель из памятников X–XIII вв. с другими древнерусскими и современными им сериями с сопредельных территорий (Санкина 2009) автором выявлены кластеры, в которых сгруппированы отдельные выборки. Выявлены два крупных кластера, в одном из которых оказались большая часть новгородских серий и балтские группы, а в другом – небольшое число поздних новгородских серий и финские группы. Отдельный малый кластер сформирован серией из Которска (Псковщина), смоленскими и тверскими кривичами, киевскими, переяславскими, черниговскими полянами (Санкина 2009, 155, рис. 1).

Бассейн Западной Двины и Волговерховье. Что касается серий палеоантропологических материалов, которые могли бы представить средневековое население из ареала распространения современного валдайско-верхнеднепровского типа, то их не так много на российской территории.

Курганный могильник Сельцо, распланный еще в 1886 г. К. Б. Горбачевым, дал хороший палеоантропологический материал и очень богатый археологический. Свообразие краниологической серии было оценено В. В. Бунаком и Т. А. Трофимовой (Бунак 1932, Трофимова 1946). Возвращение к этой серии позволило Д. В. Пежемскому найти многочисленные аналогии не среди восточнославянского населения, а среди средневековых жителей низовьев Западной Двины – Даугавы (Пежемский 2014). Могильник Сельцо относится к кругу памятников Верхнего Подвинья и Верхневолжья XI–XIII вв. Сам могильник датируется XII веком (Степанова 2014). Исследовательница отмечает, что «в целом, древнерусский женский костюм Верхнего Подвинья наиболее близок убору, зафиксированному в западной части Верхневолжья. <...> Имеются общие черты с убором родимичей, сочетание лопастных височных колец с перстнеобразными, наличие гривны, металлических пронизок. Сходство прослеживается и с наборами женских украшений, обнаруженных в могильнике

Харлапово (Смоленская область). Неоднородность погребального убора населения Западной Двины свидетельствует скорее всего, о сложных этнических процессах, происходивших в регионе в XII–XIII вв.» (Степанова 2014, 161). Также можно добавить, что столь разнообразный и богатый убор указывает на активность торговых путей в Верхнем Подвинье и Верхневолжье. Анализ палеоантропологических материалов из могильника Сельцо позволил Д. В. Пежемскому выявить сходство с суббрахикранным «краниологическим типом «Ушури», представленным в бассейне р. Айкиексте (нижнее течение Западной Двины-Даугавы)» (Пежемский 2014, 105). Анализ краниологических серий из курганных могильников XI–XII вв. с территории Полоцкой Земли продемонстрировал преобладание долихокранного умеренно широколицего антропологического типа, связанного с древнейшим населением региона (Емельяничик 2012, 172). Население из средневекового Торопца (XIII–XV вв.) охарактеризовано как «долихокранное, с большими значениями основных диаметров мозгового черепа и высоты его свода, со среднешироким лбом, средневысоким и относительно узким (высоким по указателю) лицом, резко профилированным на верхнем уровне, с абсолютно и относительно низкими орбитами, широким и средневыступающим носом, с широким и среднеразвитым в высоту переносьем» (Пежемский 2012, 179). Это дает основание считать, что «население средневекового Торопца представляет собой группу, сходную с полоцкими кривичами» (Пежемский 2012, 182). По мнению автора, сходные черты выявлены в группе из Дрисвят и характерны для населения низовьев Западной Двины. Примечательно, что известная неоднородность населения бассейна Западной Двины не носит клинального характера. Также важно отметить, что в более позднее время происходит изменение антропологического состава во многих частях Подвинья, включая белорусскую территорию. Серия из верхневолжского Избрижья (курганные погребения X–XIII вв) демонстрирует сходство как со смоленскими кривичами, так и с некоторыми сельскими группами из новгородских земель (Пежемский, Степанова, Жукова 2009).

*Сведения о населении северо-запада
русских земель по результатам
генетических исследований*

Так же как и антропологические исследования, генетические могут основываться на реконструкции по данным о современном населении, так и на прямом палеогенетическом исследовании костных останков из археологических памятников. Результаты масштабных популяционных исследований для реконструкции истории сложения русского народа приведены в монографии Е.В. Балановской и О.П. Балановского «Русский генофонд на Русской равнине» (2007). Изучению генетического своеобразия современных сельских популяций Новгородчины посвящены работы, ставящие своей целью реконструкцию крупных популяционных тенденций и событий прошлого (Балановская и др. 2017, Балановская, Черневский, Балановский, 2021), реконструкции расселения новгородцев на северо-восточные территории (Балановская и др. 2011). Вопрос о возможности проследить границу между населением Ильменского бассейна, Западновинского бассейна и Верхневолжья в этих исследованиях не обсуждается.

В последние годы в научный оборот вводятся первые данные о палеогеномных исследованиях древнерусского населения. Эти сведения имеют первостепенное значение, они долгожданно для широкой научной аудитории. Отметим, что палеогенетические исследования требуют не только соблюдения принятых методических норм, но и статистического анализа, результатом которого станет вероятностная картина близости тех или иных групп и индивидов, а также вероятностная картина происхождения этих групп.

В Лаборатории исторической генетики, радиоуглеродного анализа и прикладной физики МФТИ проведены исследования геномов индивидов из погребальных памятников XII–XV вв. с территории Ижорского плато (Стасюк, Мустафин, Альборова 2020; Мустафин, Альборова, Стасюк 2021). Эта территория – Водская земля Новгорода. Исследование построено на анализе гаплогрупп Y-хромосомы у 14 индивидов. Наиболее ранние материалы, происходящие из полусферических курганов с каменными обкладками, характеризуются встречаемостью гаплогрупп E1b1b1 и R1a1a1b1a. У индивидов из «распывчатых» курганов и из захоронений ис-

торической воды наиболее частой оказалась гаплогруппа N1a1, характерная для прибалтийско-финского населения. Исследователи обращают внимание на совпадение различий в генетических характеристиках и культурно-хронологической атрибутике памятников. Первые результаты позволяют судить о процессах сложения населения с большой осторожностью. Тем не менее, первые результаты внушают большой оптимизм в отношении перспектив сотрудничества палеогенетиков и археологов. Пошаговое накопление данных с уверенной проработкой археологических и палеоантропологических материалов – тот путь, который, по нашему мнению, обеспечит новую сферу достоверных сведений. Следует иметь в виду, что наиболее значимы – полногеномные исследования, так как они охватывают гораздо больший объем генетической информации, а потому, очевидно, являются более достоверными. Со всеми этими оговорками, нельзя не обратить внимания на обнаружение в среде древнерусского населения Ижорского плато индивидов с гаплогруппой E1b1b1, которая имеет южное происхождение и типична для центрально-южноевропейских популяций.

Итак, этот краткий очерк демонстрирует данные палеоантропологического и антропологического источников в изучении сложения населения на западе Валдайской возвышенности, в локусе ближайшего схождения истоков Волги и Западной Двины. Судя по фрагментарным и разнородным данным, бассейн Западной Двины и исток Волги мог представлять общую территорию для расселения в раннем средневековье вплоть до древнерусского времени. Население Приильменской низменности и Новгородских земель в целом формируется за счет иных компонентов, которые также включают древний балтский и центрально-европейские пласты населения. Примечательно, что, несмотря на хронологическую динамику состава населения бассейна Западной Двины и Новгородчины на протяжении всего периода средневековья, различия в антропологическом составе этих двух регионов сохраняются. В этом отношении изучаемый микрорегион можно рассматривать как «приграничный» и его изучение представляет большой интерес для понимания механизмов, поддерживавших такое разделение на протяжении ряда веков.

ПРИЛОЖЕНИЯ К ГЛАВЕ 2

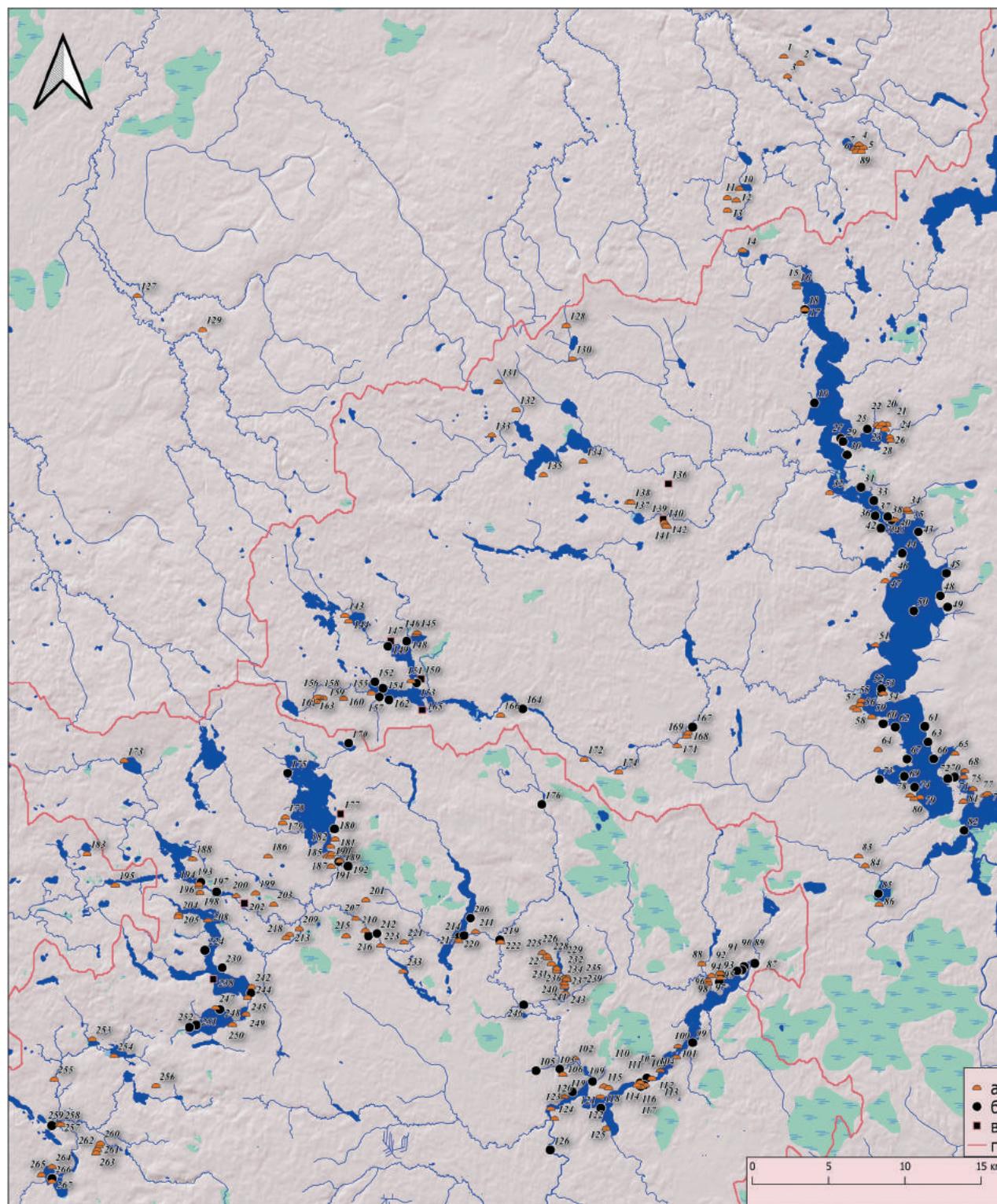

Рис. 37. Памятники раннего средневековья

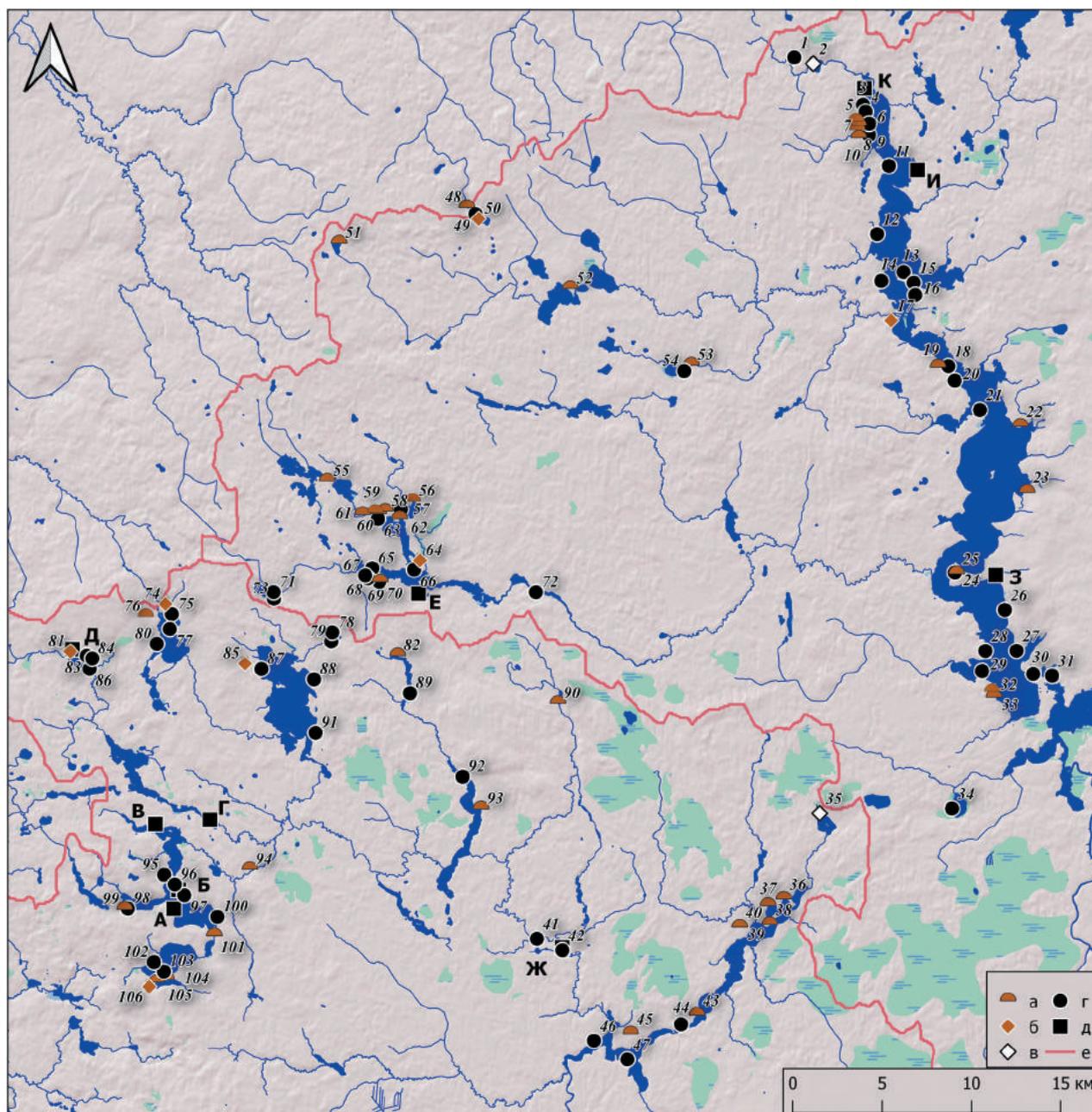

Рис. 38. Памятники древнерусского времени

Таблица 1. Памятники раннего средневековья (рис. 37)

№	Название	Тип памятника	№ на карте
1	Адворица 1	селище	42
2	Адворица 2	селище	36
3	Бдынь 1	курган	108
4	Бдынь 1	селище	111
5	Бдынь 1	селище	112
6	Бдынь 1	курганная группа	113
7	Бдынь 2	селище	109
8	Бдынь 2	курган	110
9	Бдынь 2	курганная группа	115
10	Бдынь 2	селище	116
11	Бдынь 3	селище	107
12	Бдынь 3	курганная группа	118
13	Бдынь 3.	курган	117
14	Бдынь 4	курганная группа	104
15	Бдынь 4	курган	114
16	Бенек	курганная группа	208
17	Бервенец	селище	167
18	Бервенец	курганная группа	169
19	Бервенец-1	курган	168
20	Бервенец-2	курган	171
21	Бобровец 1	курганная группа	124
22	Бобровец 1	селище	126
23	Бобровец 2	селище	103
24	Бобровец 2	курганная группа	121
25	Бобровец 2	селище	122
26	Бобровец 3	курганная группа	125
27	Бобровец 4	курганная группа	106
28	Бобровец 4	селище	119
29	Бобровец 5	курганная группа	123
30	Бобровец 6	курганная группа	120
31	Бобровец 7	курганная группа	102
32	Бобровец 9	селище	105
33	Борзово 2	селище	175
34	Борки, селище	селище	44
35	Боровое	курган	64
36	Боровое 1	селище	73
37	Боровое 2	селище	67
38	Боровое 3	селище	62
39	Боровое 4	селище	60
40	Боталы	курган	233
41	Бросно	селище	224
42	Быстри	селище	212
43	Быстри	курганная группа	215
44	Быстри	селище	216
45	Быстри 2	курганная группа	210
46	Быстри 3	курганная группа	223
47	Быстри 4	курганная группа	207
48	Быстри 5	курганная группа	201
49	Вдовец 1	селище	246
50	Верхмарево	курганная группа	131
51	Верхмарево 1	курган	132
52	Витьбино	городище	165

№	Название	Тип памятника	№ на карте
53	Волговерховье	курганная группа	10
54	Волговерховье 2	курганная группа	13
55	Волговерховье 3	курганная группа	12
56	Волговерховье 4	курганная группа	11
57	Волок	курган	218
58	Волок 1	курганная группа	209
59	Волок 2	курганная группа	213
60	Вороново	курганная группа	14
61	Ворошилово	курган	166
62	Вселуки	курган	54
63	Вселуки 1	селище	53
64	Вселуки 2	селище	52
65	Выползово	курган	194
66	Выползово 1	курганная группа	196
67	Выползово 2	курганная группа	198
68	Глазово 2	курганная группа	144
69	Глазово 1	курганная группа	143
70	Гора 1	курганная группа	56
71	Гора 1	курган	57
72	Гора 2	курганная группа	55
73	Гора 2	курган	58
74	Горка 1	селище	49
75	Горка 2	селище	50
76	Горки	городище	177
77	Грибель	курганная группа	173
78	Демехово	курганная группа	183
79	Дмитрово	селище	180
80	Дмитрово	курганная группа	181
81	Дмитрово	курган	182
82	Жельно	селище	266
83	Жельно	курганная группа	267
84	Жельно 2	курганная группа	264
85	Жельно 3	курганная группа	265
86	Заборовка-2	курганная группа	137
87	Заборовка-3	курганная группа	138
88	Заборовка-Лихуша	городище	139
89	Заборовье	селище	193
90	Заборовье	селище	197
91	Заборовье	курганная группа	200
92	Залозье	курган	51
93	Заселица	курганная группа	255
94	Заселица	селище	164
95	Истомино	городище	238
96	Калиновка	селище	176
97	Кобенево	курган	59
98	Колпино	курганная группа	130
99	Коростино	курганная группа	256
100	Косицкое	курган	34
101	Косицкое	курганная группа	35
102	Котилово 1	курганная группа	178
103	Котилово 2	курганная группа	179
104	Красное	курганная группа	129
105	Ксты 1	селище	66
106	Ксты 2	селище	63
107	Курцево	курганная группа	254

№	Название	Тип памятника	№ на карте
108	Лауга 1	селище	90
109	Лауга 1	селище	93
110	Лауга 2	селище	91
111	Лауга 2	селище	97
112	Лауга 3	селище	87
113	Лауга 3	курганная группа	95
114	Лауга 4	селище	89
115	Лауга 7	курганная группа	92
116	Лебедево 1	курганная группа	229
117	Лебедево 1	курганная группа	237
118	Лебедево 2	курганная группа	234
119	Лебедево 2	курганная группа	235
120	Лебедево 2	курганная группа	240
121	Лебедево 3	курганная группа	228
122	Лебедево 3	курганная группа	239
123	Лебедево 4	курган	227
124	Лебедево 4	курганная группа	241
125	Лебедево 5	курган	226
126	Лебедево 5	курганная группа	243
127	Лебедево 6	курган	225
128	Лебедево 6	курганная группа	232
129	Лебедево 7	курганная группа	236
130	Лебедево 8	курганная группа	231
131	Лихуша	курганная группа	142
132	Лихуша-1	курган	141
133	Лихуша-2	курган	140
134	Ломинское 1	курганная группа	204
135	Ломинское 2	курганная группа	205
136	Лугово 1	курган	172
137	Лугово 2	курган	174
138	Лучки	селище	259
139	Лучки 1	курганная группа	257
140	Лучки 2	курганная группа	258
141	Любино 1	курганная группа	161
142	Любино 2	курганная группа	163
143	Любино 3	курганная группа	159
144	Любино 4	курганная группа	158
145	Любино 5	курганная группа	156
146	Любино 6	курганная группа	160
147	Мамоновщина 1	курганная группа	2
148	Мамоновщина 2	курганная группа	1
149	Мамоновщина 3	курганная группа	3
150	Маринницы	курган	88
151	Маринницы 1	курганная группа	94
152	Маринницы 2	курганная группа	96
153	Маринницы 3	курганная группа	98
154	Меглино	курганная группа	128
155	Микишино	курган	188
156	Михайловщина	городище	150
157	Михайловщина	курган	155
158	Михайловщина	курганная группа	151
159	Михайловщина 1	селище	153
160	Михайловщина 1	селище	154
161	Михайловщина 2	селище	152
162	Мосеевцы	курганная группа	17

№	Название	Тип памятника	№ на карте
163	Мосеевцы	селище	18
164	Нелегино 1	селище	162
165	Нелегино 2	селище	157
166	Нечаевщина 2	селище	61
167	Новики 1	курган	261
168	Новики 2	курган	262
169	Новики 3	курган	263
170	Новики 4	курган	260
171	Новинка	курганная группа	135
172	Новинка 1	курганная группа	15
173	Новинка 2	курган	16
174	Овсянниково	курганная группа	127
175	Ольховец 3	курганная группа	242
176	Ольховец 1	селище	230
177	Ольховец 1	курганная группа	245
178	Ольховец 2	селище	244
179	Орлинка 1	селище	48
180	Орлинка 2	селище	45
181	Осечно 2	селище	170
182	Охват	курган	100
183	Охват	курганная группа	101
184	Охват. Поселение	селище	99
185	Палиха 1	курганная группа	22
186	Палиха 2	курганная группа	26
187	Палиха 3	курганная группа	20
188	Палиха 4	курганная группа	21
189	Палиха 5	курганная группа	24
190	Палиха 6	курганная группа	28
191	Палиха 7	курганная группа	23
192	Пено	курган	70
193	Пено 2	курган	76
194	Пено 1	селище	71
195	Пено 1	курганная группа	75
196	Пено 2	селище	72
197	Пено 2	курганная группа	77
198	Пено 3	курганная группа	68
199	Пено 4	селище	74
200	Пено 4 (Дубовец)	курган (грунтовый могильник)	79
201	Пено 5	селище	69
202	Пено 5 *	курганная группа	65
203	Пено 6	селище	82
204	Пено 6 **	курганная группа	81
205	Пено-Пожариха 1	курганная группа	80
206	Пено-Пожариха 2	курганная группа	78
207	Песчаха	курганная группа	199
208	Песчаха	городище	202
209	Песчаха	курган	203
210	Плоское (Гора)	городище	147
211	Плоское 1	селище	149
212	Плоское 2	курган	145
213	Плоское 3	селище	148
214	Плоское 5	курганная группа	146
215	Подберезье	селище	248
216	Подберезье 1	курганная группа	247
217	Подберезье 2	курганная группа	250

№	Название	Тип памятника	№ на карте
218	Подберезье 3	курганная группа	249
219	Порebritца 2	селище	25
220	Пузаново	селище	251
221	Пузаново	селище	252
222	Руна-Заборовка	городище	136
223	Руно	курганная группа	32
224	Рунский-2	курганная группа	134
225	Рябинец	курган	186
226	Рябкино. Поселение	селище	39
227	Семченки	курганная группа	222
228	Семченки 1	курган	211
229	Семченки 1	селище	219
230	Семченки 2	селище	217
231	Семченки 2	курган	220
232	Семченки 3	селище	214
233	Семченки 4	селище	206
234	Синцово	курганная группа	40
235	Синцово 1	селище	33
236	Синцово 1	селище	38
237	Синцово 2	селище	41
238	Синцово 3	селище	37
239	Синьково	курганная группа	184
240	Синьково 1	курган	187
241	Синьково 2	курган	185
242	Соблаго	курган	84
243	Соблаго	курганная группа	86
244	Соблаго 2	курган	83
245	Соблаго. Поселение	селище	85
246	Сосново	селище	19
247	Старина	курган	133
248	Старое 1	курганная группа	47
249	Старое 2	курганная группа	46
250	Стеклино	курган	221
251	Суховарино	курган	195
252	Теплень. Поселение	селище	43
253	Торопаца	курганная группа	253
254	Трестино 1	курганная группа	4
255	Трестино 2	курганная группа	9
256	Трестино 3	курганная группа	5
257	Трестино 4	курганная группа	8
258	Трестино 5	курганная группа	7
259	Трестино 6	курганная группа	6
260	Ширково 2	селище	27
261	Ширково 3	селище	29
262	Ширково 4	селище	30
263	Широково. Поселение	селище	31
264	Ям	курган	189
265	Ям	селище	190
266	Ям	курганная группа	191
267	Ям	селище	192

Таблица 2. Памятники древнерусского времени (рис. 38)

№	Наименование	Тип памятника	№ на карте
1	Адворица 1	селище	20
2	Адворица 2	селище	18
3	Адворица.	курганная группа	19
4	Антоново	курганная группа	94
5	Б. Бохот	селище	50
6	Б. Бохот	курганно-жальничный могильник	49
7	Б. Бохот	курганная группа	48
8	Баканово	курганная группа	105
9	Баканово	курганно-жальничный могильник	106
10	Бдынь 2	курганная группа	44
11	Бдынь 3	селище	45
12	Бдынь 4	курганная группа	43
13	Бобровец 2	селище	47
14	Бобровец 4	селище	46
15	Борзово	курганно-жальничный могильник	85
16	Борзово 2	селище	87
17	Борки	селище	21
18	Боровое 2	селище	28
19	Бросно	селище	95
20	Вдовец	городище	Ж
21	Вдовец 1	селище	41
22	Вдовец 2	селище	42
23	Витьбино	городище	Е
24	Вороново	селище	1
25	Вороново	жальничный могильник	2
26	Вселуки	курганная группа	25
27	Вселуки 1	селище	24
28	Высокое 1, 2	селище	14
29	Глазово 2	курганная группа	55
30	Головкино	курганно-жальничный могильник	17
31	Горка	курганная группа	23
32	Горки 1	селище	88
33	Городок	городище	И
34	Грибель	курганно-жальничный могильник	81
35	Грибель	городище	Д
36	Дмитрово	селище	91
37	Дядькино	селище	98
38	Дядькино	курганная группа	99
39	Жуково	курганная группа	103
40	Жуково	селище	104
41	Заболотье	селище	84
42	Заболотье 1	селище	86
43	Заболотье 2	селище	83
44	Заборовка	селище	54
45	Заборовка-1	курганная группа	53

№	Наименование	Тип памятника	№ на карте
46	Заселица	селище	72
47	Ивановское 1	селище	11
48	Истомино	городище	А
49	Калиновка	курганная группа	90
50	Кривошеево	курганная группа	51
51	Ксты 1	селище	27
52	Лауга	курганная группа	36
53	Лауга 2	курганная группа	37
54	Лауга 4	курганная группа	38
55	Лауга 5	курганная группа	40
56	Лауга 6	курганная группа	39
57	Ломинское 2	городище	В
58	Любино 1	селище	73
59	Любино 2	селище	71
60	Михайловщина	курганно-жальничный могильник	64
61	Михайловщина 1	селище	66
62	Михайловщина 1	селище	65
63	Мосеевцы	селище	4
64	Мосеевцы	курганная группа	10
65	Мосеевцы 1	селище	8
66	Мосеевцы 1	курган	9
67	Мосеевцы 2	селище	6
68	Мосеевцы 2	курган	7
69	Мосеевцы 3	курган	5
70	Москва 1	селище	89
71	Нелегино	курганная группа	70
72	Нелегино 1	селище	69
73	Нелегино 2	селище	68
74	Нелегино 3	селище	67
75	Нечаевщина 1	селище	26
76	Нечаевщина (Нечай Городок)	городище	3
77	Новинка	селище	26
78	Ольховец	городище	Б
79	Ольховец 1	селище	97
80	Ольховец 2	селище	96
81	Ольховец 2	селище	100
82	Ольховец 2	курганная группа	101
83	Орлинка	курганная группа	22
84	Осечно	курганная группа	82
85	Осечно 1	селище	79
86	Осечно 2	селище	78
87	Пено 2	селище	30
88	Пено 3	селище	31
89	Пено 3	курган	32
90	Пено 4	курганная группа	33
91	Пено 5	селище	29
92	Песчаха	городище	Г
93	Плоское 1	селище	63
94	Плоское 1	селище	57
95	Плоское 1	курган	59

№	Наименование	Тип памятника	№ на карте
96	Плоское 1	курган	60
97	Плоское 1	курганная группа	61
98	Плоское 2	курганная группа	56
99	Плоское 3	курганная группа	62
100	Плоское 4	курганная группа	58
101	Пузаново	селище	102
102	Рунский	курганная группа	52
103	Соблаго	селище	34
104	Сосново	селище	12
105	Стерж (Новинка)	городище	К
106	Суханы	селище	93
107	Суханы	курганная группа	92
108	Шарыгино	курганно-жальничный могильник	74
109	Шарыгино	курган	76
110	Шарыгино 1	селище	75
111	Шарыгино 2	селище	77
112	Шарыгино 3	селище	80
113	Ширково 1	селище	16
114	Ширково 2	селище	13
115	Ширково 3	селище	15
116	Щеверово	жальничный могильник	35

ГЛАВА 3.

Топонимия балтов и финнов на Волжско-Двинско-Полавском водоразделе

Имена главных рек исследуемого микрорегиона

Территория нашего топонимического исследования обрамлена самыми верхними течениями трех крупных рек: с восточной стороны – началом Волги, верхневолжскими озерами и правым верхневолжским притоком Жукопа, с запада – притоками р. Волкота системы Западной Двины, с юга – началом Западной Двины вблизи ее истока из оз. Охват севернее Андреаполя, с севера – р. Пола и ее верхними притоками (рис. 1, 2, 3).

Существует большое множество этимологических гипотез об именах этих рек, особенно Волги и Западной Двины, но исследователи редко задаются вопросом о первоначальном локусе возникновения гидронимов. Данный вопрос существен при поиске этимологических решений. Гидронимы не возникают одновременно на всем протяжении большой реки, а появляются где-то в конкретной местности и далее распространяются вверх и/или вниз по течению. На разных отрезках русла тысячекилометровой реки обычно сосуществуют несколько гидронимов, но только один из них со временем активизируется, повсеместно распространяется и признается главным в гидрографической номенклатуре; прочие старые гидронимы либо сохраняются как межъязыковые параллели (рус. *Волга*, но по-татарски *Идель*, рус. *Западная Двина*, но по-латышски *Даугава*), либо вытесняются. Гидрономинация крупных рек имеет прямое отношение к процессам древней колонизации территории. Мигрировавшее население, достигнув реки, либо создавало свой гидроним, либо воспринимало иноязычный, а затем распространяло его по ходу своего продвижения. Первоначальные названия могли закрепиться на разных участках реки, включая устье, нижнюю, среднюю или верхнюю части русла. На самые верховья рек, которые представляют собой маленькие ручьи, вытека-

ющие из болот и озер в глухих отдаленных местах, исследователи гидронимии редко обращают внимание, однако во многих случаях реки получают свои имена в истоках. В прошлом речные верховья и истоки значили для человека много больше, нежели в наше время. Верховья рек были существенно важны для средневекового населения, осваивавшего новые территории, поскольку обычно от конечных участков русел люди перебирались посуху через водоразделы в другие речные бассейны. Поэтому местности речных водоразделов, кажущиеся сегодня труднодоступными и малолюдными, были прекрасно знакомы средневековому населению.

Принятые нами этимологии имен *Волга*, *Двина* и *Пола* учитывают место и культурно-исторический контекст гидрономинации рек. По нашему мнению, все три реки были поименованы как раз в верховьях – на территории Великого водораздела (летописного Оковского Леса), частью которого является изучаемый микрорегион ВВДП.

Волга

В древнерусской письменности имя крупнейшей реки, впадающей в Каспийское море, зафиксировано много раз: *Волга*, или *Вьлга* под 1147, 1165, 1216, 1316, 1375 гг. (НПЛ, 28, 32, 55 и след.; ССПИ 1, 128; ГВНП, 24, 34), с XVI в. неизменен вариант *Волга* по всем письменным источникам. Применительно к зоне ВВДП грамота 1483 г. отмечает прот. *Старая Волга* между озз. Стерж и Вселук (ДДГ, № 77, с. 291), межевые материалы 1770-х гг. по Осташковскому у. впервые фиксируют д. *Волгина Верховья* (ГМ-Ост, № 781), в сер. XIX в. – *Волгино-Верховье* 1853 г. (Мнд), или *Волга Верховье* 1862 г. (СНМ-Ост, № 9091), совр. *Волговерховье* Ост., к истории селения (Плетнев 1903, 5). В течении Волги лежит оз. *Волго*², ставшее в настоящее время

² Немного севернее оз. Волго карта Тверской губ. 1853 г. (Мнд) показывает пару небольших озер *Волоццо*; их названия продолжают форму *Волоццо, что значит “маленькое Волго”.

мя южной частью Верхневолжского вдхр. Упоминания этого озера идут с нач. XVI в.: *Wolgo (Vuolgo)* 1517 г. (Герберштейн 1, 328, 329), *Волго*: «на озере на Волге», «над озером над Волгом» в уезде Ржевы Володимеровой 1588–1589 гг., в котором значилась *Волговская* вол. (ПКРВ, 238–256, 250–253, 255). Полагаем, гидроним закрепился за великой русской рекой не изначально, а был распространен от оз. *Волго*, из которого собственно и вытекает большая Волга. От озерного истока гидроним *Волга* со временем спустился вниз на все течение реки, но и распространился выше одноименного озера – до самых истоков малой р. Волги, вытекающей в д. Волговерховье из Воронова болота. Перенос оз. *Волго* > р. *Волга* произошел в рамках закономерности, регулярно наблюдаемой в гидронимии Русского Северо-Запада: реки и протоки, берущие начало из одноименных озер обыкновенно и названы по этим озерам³. Ранее перенос назв. *Волга* от озерного истока был обоснован В.Н. Топоровым, который принимает гипотезу Трубецкого о происхождении *Волга* от балт. *ilg-* ‘длинный’, но прикладывает ее не к реке, а к выразительно длинной цепи Верхневолжских озер, включая оз. *Волго* (Топоров 1991, 56–58; 2000, 369–372, 405–406). Этимологическая версия Топорова, удачная в плане мотивировки, содержит необъясненное, не подтвержденное примерами допущение о том, что к корню **ilg-* добавился звук *v*: **Vilg-*, откуда, при славянской адаптации, – *Вьлг-/Волг-*. Остается все же более надежной старая идея А.И. Соболевского, Г. Ильинского и М. Фасмера об этимологической связи гидронима *Волга* с рус. *волгмый*, *влага*. Мы придерживаемся сходного мнения, согласно которому гидроним *Волга* – отглагольный балтизм, соотносимый с лит. *vilgti, vilgyti* ‘мочить, делать влажным’, лит. *vilgà* ‘сырость, влажность (LKŽ), см. еще (Ан. РЭС 8, 126). В Блажек, синтезируя все имеющиеся трактовки многочисленных имен р. Волги в историче-

ских источниках, пишет о предпочтительности связи *Волга* с праслав. **vylga* ‘влажность’, равно как с лтш. *valga* ‘влажный’, допуская, что балты познакомились с Волгой раньше славян (Blažek 2019, 71, 73). Эту балто-славянскую трактовку необходимо, впрочем, конкретизировать применительно к действительному истоку большой Волги – оз. *Волго*, имя которого в конечном итоге закрепилось за всей Волгой. В рассматриваемом случае, при затруднительности выбора между балтской и славянской атрибуцией, приоритет в создании исходного озерного назв. *Волго* отдается балтам, появившимся в Верхневолжье раньше славян. Появление *Волго* укладывается в известную модель номинации озера как “сырого, мокрого, влажного” водоема, часто наблюдаемую в том числе в Верхневолжье⁴. Все такие лимнонимы получены по признаку низких, сырых озерных берегов. Для верхневолжских озер низменные, затопляемые берега – значимый элемент ландшафта, в частности, они характеризуют северную часть оз. Волго⁵.

Двина

Новгородская летопись отмечает Западную Двину в сообщении 1266 г.: «о сю сторону Двины» (НПЛ, 85, 315). Под неизменным назв. *Двина* река часто упоминается книгой Торопецкого у. 1539–1541 гг. (ПKNЗ 4, 542, 543, 546, 548 и след.) и всеми другими русскими источниками вплоть до XIX в., когда на письме назв. *Двина* стало сопровождаться атрибутивом: *Западная Двина*, для отличия от *Северной Двины*. В европейских языках гидроним *Двина* передается по-разному: лив. *Vēna*, эст. *Väina-jõgi, Väin*, фин. *Väinäjoki*, нем. *Düna, Düne, Duna*, швед. *Duna*, др.-исл. *Dýn(a)*, см. (Ан. РЭС 13, 40). Река начинается из оз. Охват, хотя ее название распространилось и на ручей, впадающий в восточную часть Охвата, именуемый *Двина* в XVI в. (ПKNЗ 4, 658; ПКРВ, 204), в 1770-х гг.

³ Иллюстративных новгородско-псковских примеров найдется достаточно: оз. *Перетно* > р. *Перетна* (*Перетенка*), оз. *Нуго* > р. *Нуга* (*Нижица*), оз. *Сухое* > р. *Сухая* (*Суховка*), оз. *Клетно* > р. *Клетенка*, оз. *Нево* (прежнее название Ладожского оз.) > р. *Нева*; и мн. др.

⁴ Достаточно указать, что неподалеку от оз. Волго есть озера, называвшиеся ранее *Сырь*, *Сырино* (у г. Валдай), *Мокрое* (у г. Бологое), *Сырытино* в бассейне Сяси, *Сырычан*, соединенное с р. *Сырыченка*, л. пр. Куди, впадающей в оз. Пено (< диал. *сырочь* ‘сырость’).

⁵ Обзор иных многочисленных этимологий гидронима *Волга* наряду с более обстоятельной аргументацией нашей гипотезы дан в (Васильев 2019, 11–15).

(ГМ-Ост, № 627 630) и на карте 1853 г. (Мнд), но совр. *Двинец*. Ручей вытекает из оз. *Двинец* (*Винец*) 1539–1541 гг. (ПКНЗ 4, 659, 660, 663), иначе *Двинецкое* (*Двинец*) под 1588–1589 гг. (ПКРВ, 204, 205), так же в материалах 1770-х гг. (ГМ-Ост, № 627, 629) и на карте 1853 г. (Мнд), но сегодня это озеро обычно называют *Корякино*.

Гидроним *Двина* получил многочисленные этимологические интерпретации в научной литературе. Его объясняли на индоевропейской, балтской, финской и славянской языковой почве, но объяснения из славянского зачастую относили к наивным и устаревшим, поскольку считается, что ко времени прихода славян на Западную Двину столь большая река должна была носить собственное дославянское имя. Тем не менее, при всех многочисленных этимологических подходах к имени *Двина*, наиболее достоверной остается славянская трактовка, получившая подробную разработку в одной из наших статей (Васильев 2019, 16–25)⁶. Ограничимся здесь сокращенным ее изложением. Полагаем, что этот речной гидроним находится в родстве с восточнославянской лексикой с основой *двин-* ‘двойной’: брян. *двѣнка* ‘две копейки’, волог. *двинѣ* ‘земельный надел из двух коротких полос’ (СГРС 3, 179), арх. *vino dvina* ‘вино двойной перегонки’, *brate dvina* ‘единоутробный брат’ из словаря Ричарда Джеймса 1618–1619 гг. (Ларин 1959, 125, 164). Эта лексика восходит к праслав. *dvina ‘двойня, пара’, ‘близнецы’, имеющему индоевропейские связи (ЭССЯ 5, 189). Следовательно, *Двина* обозначало “двойную, раздвоенную реку”, причем оно не уникально и находит параллели среди многочисленных, насчитывающих не менее десятка, гидронимов на *Двин-*, принадлежащих системам разных рек и озер, кроме того, были обнаружены и некоторые негидронимные названия с данной основой. Диалектная лексика на *двин-* наряду с географическими именами на *Двин-* занимает отчетливо очерченный ареал в Восточной Европе, приходящийся на постулируемое многими исследователями пространство раннего во-

сточнославянского расселения: от Галиции к Среднему Поднепровью, затем в Новгородско-Псковские земли, а оттуда путями древненовгородской колонизации на Русский Север. Отсюда проистекает вывод, что назв. *Двина* было присвоено реке славянами в период их расселения по Восточной Европе в V–VII вв. н. э.

Закрепление гидронима *Двина* для номинации “двойной, раздвоенной” реки выглядит естественно. В верхнем течении Западная Двина действительно отбрасывает от себя притоки Торопу, Межу, примерно равные по водности главному речному руслу, т.е. словно раздваивается. Но сама по себе эта гидрографическая особенность, мотивировавшая *Двин-*гидронимию у ряда маленьких раздваивающихся речек и озер, разделяющихся на два плеса, применительно к такой большой реке, как Западная Двина, вряд ли была определяющей. Ведь когда славяне достигли Двины, она наверняка носила некое дославянское имя. Чтобы переименовать крупную реку по-своему, новым славянским именем, требовалась более веская причина, нежели обыкновенное раздвоение русла. Полагаем, для этой новой гидронимации был важнее аспект коммуникаций, заключавшийся в том, что мигрировавшее раннеславянское население по притокам большой реки могло пройти в разные речные бассейны. На территории Оковского Леса в Двину впадает левый приток Межа, столь же полноводный, как сама Двина. Место слияния (раздвоения) этих рек образующее, судя по карте, характерную развилку⁷, составленную двумя равнозначными водотоками, стало немаловажным для ранних славян, продвигавшихся на север вверх по Западной Двине. Передвижение по правому зубцу водной развилки (по р. Межа) позволяло достичь Волги, ибо истоки Межи близко прилегают к истокам р. Туд, впадающей в Волгу; передвижение налево (по самой Двине) выводило через волоки на Ловать – Ильмень – Волхов или на ту же Волгу, но более долгим путем, чем по Меже. По нашей гипотезе, ранние славяне, пришедшие от Верхнего Поднепровья в Оковский Лес,

⁶ В этой же статье освещена историография по вопросу этимологического обращения к гидрониму *Двина*, насчитывающая не одно столетие.

⁷ На эту местность пришелся стык административных границ Тверской, Смоленской и Псковской областей.

первоначально называли *Двиной* указанную развилку рек Западной Двины и Межи, а впоследствии название распространилось на все русло Западной Двины.

Пола

Река Пола, 268 км длиной, значительно уступает по размерам Волге и Западной Двине и письменных свидетельств о ней сохранилось существенно меньше. Первые упоминания гидронима *Пола* идут с XV в. (ГВНП, 277), затем под 1535–1539 гг. (ПКНЗ 1, 375; 4, 143, 144, 171–173, 175 и след.), в географическом справочнике кон. XVI в. гидроним передан с искажением – р. *Коло* (КБЧ, 155); в материалах Генерального межевания 2-й пол. XVIII в. по Старорусскому и Осташковскому уездам – р. *Пола* (ГМ-Ост, № 823, 850; ГМ-Ст), на картах XIX в. – *Пола* (*Пала*) (Мнд; ВТКЗверст), совр. *Полá* р., впадающая с юго-востока в оз. Ильмень. Название реки давно отнесено к числу древнеевропейских гидронимов (Х. Крае, В.-П. Шмид), которые на Русском Северо-Западе конкретизируются как протобалтские (подр. на с. 91–92). Основу гидронима уверенно

сближают с и.-е. **pal-* ‘болото’, несомненные соответствия обнаружены в разных уголках Европы: *Palà* р. в Литве, *Pala* в Латвии, *Paglia* (< **Palia*) р. в Италии, *Palo* р. по сочинениям Плиния, *Vendu-palus* руч. близ Генуи, гидронимы *Palae*, дак. Ραλα-δεῖνα в Тракии и др. На апеллятивном уровне континуантами и.-е. **pal-* выступают лит. *paliós* ‘большое болото на месте заросшего озера’, лтш. *paļas, paļi* ‘обширные болотные пространства’, лат. *palus* ‘болото’, греч. παλκος ‘трясина’ и др.; подр. (Васильев 2009, 271, с литературой).

Можно предположить, что протобалтское (или более позднее балтское?) население присвоило реке назв. *Пола*, семантически – “болотная”, в верховьях Пола. Действительно, северный сектор микрорегиона ВВДП, откуда начинается Пола и ее верхние притоки, сильно заболочен, здесь много географических имен «болотной» семантики: *Польонец, Индено, Бохоты, Мокролуцкая, Болотная, Бузаны* и др. На р. Пола первые балты несомненно появились в верховьях, откуда начали осваивать Полавский бассейн вплоть до восточного побережья Ильменя.

Топонимическое наследие древних балтов. Этимологии балтизмов

Самый древний и отчетливый неславянский топонимический слой в пределах ВВДП представлен названиями с балтскими этимологиями, что является безусловным, не подвергаемым сомнению свидетельством былого присутствия вблизи Верхневолжских озер и к западу от них населения, близкого по языку к современным литовцам, латышам и исчезнувшим в XVIII в. пруссам. Единичные балтизмы на обследуемой территории Тверской обл. выявлялись и раньше, в том числе они изредка опознавались и севернее истоков Волги, т.е. уже на территориях Новгородской, северной половины Псковской и даже Ленинградской областей, причем со временем количество новооткрытых балтских названий на Русском Северо-Западе многократно увеличилось. Впрочем, до сих пор традиционно считается, особенно среди археологов, что область средневековых новгородско-псковских владений (Новгородские пятины и Псковская земля) в дославянское время

была заселена преимущественно финнами. Действительно, всю эту область археологи относят к кругу культур текстильной (сетчатой) керамики, связываемой с этносами финно-угров, а лингвисты, опираясь на работы М. Фасмера 1930-х гг. (Vasm. VzHVO I; Vasm. VzHVO II), северную границу распространения балтской гидронимии обычно проводят южнее исторических владений Новгорода и Пскова. Однако начиная с 1980-х гг. исследования топонимии позволили выявить около двух сотен гидронимических балтизмов на новгородско-псковской территории (см. главные работы по данной тематике: Агеева 1989, 185–208; Топоров 1995; 2000; 2001; Васильев 2008; 2009; 2019; 2021), что свидетельствует об этом регионе как о смешанном балто-финском этноисторическом пространстве до прихода славян. Балтизмы были обнаружены в разных частях новгородско-псковской территории, вплоть до Финского залива и почти до южного побережья Ладоги.

Микрорегион ВВДП, на который некогда приходились отдельные юго-западные погосты Новгородской земли вкуче с пограничными волостями Ржевской и Торопецкой земель, оказался насыщен балтскими языковыми элементами. Ниже этимологически проанализированы все выявленные нами исторические и современные топонимы, преимущественно гидронимы, в пределах ВВДП, которые квалифицируются либо вполне достоверными, либо достаточно вероятными, либо сугубо гипотетическими балтизмами. Хотелось бы подчеркнуть, что нижеследующее этимологическое исследование балтизмов, извлеченных из небольшого квадрата территории (со сторонами примерно 60 км на 60 км, см. рис. 1, 2), было сопряжено, во-первых, с тщательным выявлением средневековых топонимов и исторических вариантов топонимических форм, во-вторых, с привлечением малоизвестных (микро)названий незначительных ландшафтных объектов, в-третьих, принимало в расчет системно-деривационные отношения между водными названиями. Абзацы начинаются с помеченных полужирным курсивом топонимических форм ранних письменных фиксаций, впервые упоминаемых исторической документацией (т.н. опорные топонимы). Многочисленные поселенческие названия (ойконимы), вторично образованные славянами от балтских гидронимов, в настоящем разделе не приведены (за исключением древнерусских городских назв. *Стержь* и *Селук*), поскольку рассмотрены в разделах следующей, 4-й главы. Микрорегиональный характер данного исследования выгодно отличает его от проводившихся ранее поисков балтизмов в масштабах обширных регионов Европейской России, не позволявших конкретизировать глубину и плотность балтских топонимических слоев.

Стержь оз. в Деревской пятине 1495/96 г. (НПК II, 698, 699, 700), 1539–1541 гг. (ПКНЗ 4, 322), *Стержь Большой* (*Стершь Большой*, *Стрежь*) 1539–1541 гг. (ПКНЗ 4, 320, 325, 326, 327, 329, 330, 331), *Стерж* (*Стержское*) 1624–1625 гг. (книга Ржевского у. 132 и 133 гг., согласно ИАДП 2, 195), *Стерж* 1770-х гг. (ГМ-Ост, № 421, 422, 430, 433, 435, 436), совр. *Стерж* (*Стреж*) крупное оз. в верховьях Волги, имеющее сток в оз. Вселуг, сегодня – верхняя часть Верхневолжского вдхр.

Ранний след гидронима восходит ко 2-й пол. XIV в., когда русские летописи (НПЛ, 477; ПСРЛ VII, 241) отмечают г. *Стержь* среди градов Залесских, названный по озеру. Вероятный балтизм, остающийся дискуссионным. Сравнение с сербохорв. *стрж* ‘сердцевина’, рус. *стрэжень* и *стёржень* ‘основное течение, фарватер реки’ (Топоров 1991, 53) приемлемо семантически (отсылает к идее срединного течения, глубокой воды), но затруднительно с формальной стороны. В гидрониме первична основа *Стерж-* (а не *Стреж-*), о чем свидетельствует и соседнее *Стергут*, тогда как в предполагаемом слове-мотиваторе *стержень* основа получена метатезой из *стрежень* (< праслав. *strǣžьnъ, согласно Фасм. ЭСРЯ III, 758). Более приемлемо сопоставление с прус. *Sterge*, *Strege* оз. 1395 г. (Ger. AO, 173), см. еще (Агеева 1989, 196–197), хотя и оно не раскрывает этимона гидронима. Не исключено, что *Стерж* (< **Sterg-*) находится в родстве с лит. *sergėti* ‘стеречь, охранять’, лтш. *sargāt* ‘то же’ (< балт. **sergh-*), как и с праслав. *stergti ‘стеречь’ (: др.-рус. *стереци*: *стерегу*, польск. *strzec*: *strzege* и т.п.) и с греч. *στερεγειν* ‘замерзать’, ‘терпеливо переносить’, ‘довольствоваться’, ‘принимать; любить’. Отношения между близкими корнями **sergh-* и **sterg-* балтских, славянских и греческих лексем не вполне ясны из-за различий начальных *s* и *st*, объясняемых разными контаминациями (Фасм. ЭСРЯ III, 757; Fr. LEW, 777), однако эти расхождения безусловно очень древни. Можно допустить, что апеллятивное **sterg-* имелось не только у славян, но и в какой-то части диалектов древних балтов, проявившись в их гидронимии, ср. наряду с верхневолжск. *Стерж* и прус. *Sterge*, также и пск. *Стержо* применительно к маленькому озерку бассейна Великой восточнее г. Опочка. На славянской почве, однако, произошло изменения *Sterg-* > *Стерег-*, с полногласным рефлексом, поэтому не исключается и балт. **Stirg-*, давшее слав. **Styrg-* (> *Стерг-/Стерж-*).

Стергут оз. в вол. Стерж 1495/96 г. (НПК II, 701), *Стергут* 1539–1541 гг. (ПКНЗ 4, 320, 327), совр. *Стергут* оз. с прот. *Стергут* в оз. Стерж. Означает буквально “относящееся к оз. Стерж, Стержское”, балт. суф. *-ut-*, преимущественно лит. (Vanagas 1970, 211), несет значение относительности. Иначе М. Фасмер: *Стергут* – очень древ-

ний славизм, соотносимый с др.-болг. *strěgy*, Род. п. *strěgъſta* ‘бдительный, стерегущий’, позднее получивший балтскую специфику (Vasm. VzHVO II, 368), но автор не учитывает очевидной соотносительности с соседним балтизмом *Стерж*.

Верхит – два оз. в вол. Стерж 1495/96 г., отмеченные писцовой книгой под названием в случайно метатезированной форме *Вертих*: «2 озера Вертиха» (НПК II, 701), они же **Верхут** (*Верхута*) под 1540–1541 гг. (ПКНЗ 4, 321, 323), они же оз. *Верхит Большой* (*Большой Верхит*) и *Верхит Меньшой* 1770-х гг. (ГМ-Ост, № 423, 777, 778), *Верхит Бол.* и *Верхит Мал.* 1853 г. (Мнд), совр. оз. *Верхиты Большие* и выше оз. *Верхиты Малые* в течении Волги выше оз. Стерж. Рядом с этими водоемами межевые материалы Осташковского у. 1770-х гг. отмечают пп. *Верхитье* и *Заверхитье* (ГМ-Ост, № 777, 778). Гидроним *Верхит* (*Верхут*) означает “верхнее озеро (по отношению к оз. Стерж)”; ср. лит. *viršūtinis* ‘верхний’, прус. *Virš-utte* (Ger. AO, 203), *Viršūtis* pp. в Литве [LUEV, 198], *Viršite* p. в Латвии, насчет суф. *-ut-* см. соседнее *Стергут*, выше. Переработка балт. *Virš-/Virš-* > слав. *Верх-* предполагает балтославянское языковое взаимодействие.

Вселук (*Вьселук*) оз. в уезде Ржевы Володимеровой 1588–1589 гг. (ПКРВ, 229, 232–234, 236, 237), *Вселук* Осташковского у. 1770-х гг. (ГМ-Ост, № 442, 443, 444), *Вселуг* 1853 г. (Мнд), совр. *Всёлуг* крупное верхневолжское оз. со стоком в оз. Пено, средняя часть теперешнего Верхневолжского вдхр. Косвенные письменные свидетельства об этом гидрониме идут примерно с 1375 г., под которым упоминается литовский г. *Селук* (НПЛ, 476, см. Янин 1998, 67), унаследовавший свое имя от оз. *Вселук*. Отмечалось, что «название *Вселуг*, несомненно, славянское» (Топоров 1991, 57), хотя обоснования автор не дает. Ранее нами трактовался этот озерный гидроним как слав. архаическое сращение местоимения *вьсь* и существительного *лукъ*: *Вьсе-лукъ – ‘все в луках (изгибах)’ (Васильев 2012, 614), что является достоверной характеристикой излучистых берегов оз. Вселуг и особенно берегов возле одноименного гор. *Селук* (*Вселук*), поставленного на длин-

ной луке между озз. Пёно и Вселуг. Данная трактовка, однако, скорее имеет не древнеславянскую, а древнебалтскую проекцию, учитывая, во-первых, балтские этимологии имен всех остальных крупных верхневолжских озер (*Стерж*, *Пёно* и *Волго*) наряду с общим балтским гидронимическим фоном местности и, во-вторых, ввиду упоминания г. *Селук* как литовского в известном «Списке древнерусских городов» 2-й пол. XIV в. Вполне вероятно, что этот городок в виде укрепления был первоначально и поставлен балтами, которые издревле плотно заселяли все Западное Верхневолжье, а затем был унаследован кривичами, этнически – славянизированными балтами. Балтская этимология лимнонима *Вселук* во всех отношениях столь же допустима, как и славянская. Действительно, в балтском хорошо сохраняются обе лексические основы, представленные в данном композите, и встречаются гидронимы в виде сращения местоимения «весь» с существительным; ср. хотя бы на территории Литвы р. *Višakis* (и р. *Višakutis*) (< *Vis-šakis, т.е. буквально “со всеми ответвлениями”, иными словами, “река, где много рукавов, ответвлений”), р. *Višupiškė* (вар. *Visupiškė*, *Visupiškis*) (< **Visi-up-*, буквально “все реки”, “со всеми речками”) (Van. LH, 388, 389). Второй компонент сложения – *-лук-* – хорошо известен как балто-слав. **lank-* (лит. *lankas*, лтш. *luoks* ‘изгиб, дуга’ или лит. *lanka* ‘заливной луг’, лтш. ‘низкая, вытянутая равнина’, прус. *lauks ‘долина, нива, заливной луг’), причем в древнепрусской гидронимии XIII–XV вв. он нередок во второй части сложений, как, напр., прус. *Berselaukin*, *Gewselawken*, *Kaukelawke*, *Labalaucs*, по (Maž. PKEŽ, 49–50). Др.-балт. озерное назв. **Visi-lank-* (или **Vis-lank-*) на славянской почве было закономерно преобразовано в форму *Вьселукъ. К концу средневековья это название окончательно сблизилось со словом *луг* (совр. *Вселуг*), хотя средневековые записи устойчиво фиксируют близкие к этимологически исконной форме варианты со звуком *к*⁸.

Пена оз.: «у озера у Пены» Вселуцкой вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 235), *Пёно* (*Пено*, *Пенское*) 1770-х гг. (ГМ-Ост, № 436, 449, 450,

⁸ Приведенная здесь балтская гипотеза происхождения назв. *Вселуг* изложена с большими подробностями в недавней публикации (Васильев 2021, 115–117).

452), Пено 1853 г. (Мнд), совр. *Пéно* (*Пёно*) крупное оз. со стоком в оз. Волго, сегодня – срединная часть Верхневолжского вдхр. Параллели либо с прус. *Penē* (*Penen*), *Penekaunte* (Ger. АО, 119), либо с лит. *Piēnė* р., *Pien-upūs*, *Pienaujā* р. и т.п., лтш. *Piēnava* р., *Piēna-kule* луг, *Pienarūvos* болото и т.п.; одни из этих названий связывают с лит. *piēnė* ‘растение осот; молочай’, другие – с лит. *pienas*, лтш. *piēns* ‘молоко’ (Van. LH, 256). Для водоемов более подходит номинация по цвету воды или прибрежной пены, напоминающей молоко. Во всяком случае балтская трактовка для *Пено* более приемлема, нежели собственно русская, поддержанная В.Н. Топоровым (1991, 57), связывающая *Пено* с рус. *пенный* ‘пневый’, поскольку его акватория якобы отличается обилием пней.

Волга р., впадающая в Каспийское море (анализ дан на сс. 70–71).

Персянка приток Волги, первый от ее истока. Принадлежит к гнезду *Peřsas* оз. в Литве, прус. *Persantė* р., *Perses* лес, *Persink*, *Perselen* и др. (Ger. АО, 120), *Pērse* р., *Pērsēja* р. в Латвии, лит. *Peršėké* р. и др., днепровск. балт. *Пересна* и др. Все эти факты связывают с лит. *praperšā*, *próperšā* ‘незамерзшее место на льду’, ‘прогалина в лесу’, *prāparšas* ‘ров, канава’ (Fr. LEW, 578; Van. LH, 246; Būga RR III, 537; Топоров, Трубачев 1962, 201; Топоров 1991, 51).

Меслинка приток Волги у ее истока. Ср. лтш. *mēslu* ‘мусорный; навозный; грязный’, *mēslains* то же, *mēsls* ‘дрянь, труха’, из гидронимии приводят лтш. *Mēslis* луг, *Mēslu-ļava* и т. п. (Топоров 1991, 51). Вероятный элемент позднего латышско-латгальского наследия.

Стобенка (*Столбенка*) 1770-х гг. (ГМ-Ост, № 775, 781, 782), *Стабенка* 1863 г. (ВТКЗверст), совр. *Стабёнка* л. пр. Щеберихи, п. пр. Полы. Возводится к прус. *stabis* ‘камень’, точнее – к адъективу со значением ‘каменный’, как и топонимы *Stababras*, *Stabayen*, *Stabegode*, *Stabelow*, *Stabingen* и др. в древней Пруссии (Ger. АО, 171–172), *Stabinė* луг и гора в Литве (Van. LH, 313), сюда же *Стабно* оз. в Торопецком у. 1911 г. (Шкапский, 116) (по совр. данным – оз. *Стадно* со стоком в оз. Сипо-

во бассейна Ловати), *Стабенка* (*Стабня*), *Стабна*, *Стабница*, рр. в Верхнем Поднепровье (Топоров, Трубачев 1962, 209). Осмысливается как ‘река с большим количеством камней, каменная, каменка’. Показательно, что параллельно *Стабёнке* протекает река с переведенным на славянский язык назв. *Каменка*. Подр. о *Стабёнка* = *Каменка* (Васильев 2012, 618).

Морея р. на юге Новгородской земли: «От *Морее* съ връхъ Глистьне на връхъ Робыи Ильмны» 1134 г. (ГВНП, 140), отождествляется с р. *Морева* 1495/96 г. (НПК II, 722, 754) и 1623–1625 гг. (Кн. Скобельцына. Л. 357 // ИАДП 2, 185, № 8917), *Моревка* (*Маревка*) 1770-х гг. (ГМ-Ост, № 792)⁹, *Моревка* на картах 2-й пол. XIX в. (Мнд; ВТКЗверст), совр. *Марёвка* л. пр. Полы. В истоке реки лежит озеро, именовавшееся по реке – *Моревское* (*Вверх-Моревское*) под 1495/96 г. (НПК II, 756, 784), но по более поздним источникам известное под именами *Бохотское*, *Большой Бохотец*, *Алфимово*, *Алхимцево* (см. с. 105). *Морея* – балтский (или даже протобалтский) гидроним на базе и.-е. **mar-* ‘стоячая вода’ со многими гидронимическими соответствиями в Литве, Латвии и ряде других стран Европы. Указывает на ‘озерную реку’, и действительно эта река вытекает из озера и имеет приток с назв. *Озерешня*. Подр. рассмотрение в (Васильев 2009, 267–268; 2012, 617).

Иртица р. 1770-х гг. (ГМ-Ост, ч. 3), совр. *Ртица* л. пр. Марёвки бассейна Полы. Предпочтительнее возвести к лит. *irtis* ‘погибель; бездна; пучина’ (LKŽ), наряду с лит. *Īrtuona* р., *Īrtuonėlė* р.; но не исключено и лит. *artūs* ‘близкий, ближний’, откуда *Artejā* р., *Eŗteja* луг в Литве (Van. LH, 47, 131).

Руна р. 1483 г. (ДДГ, № 77, с. 291, 292), 1588–1589 гг. (ПКРВ, 233), 1770-х гг. (ГМ-Ост, № 436, 438, 767, 769, 771, 791, 794, 854), 1853 г. (Мнд), совр. *Руна* п. пр. Волги, ныне впадает в Верхневолжское вдхр. Данное речное имя соотносили с эст. *raun* ‘куча камней’ (Būga RR III, 507, 617, 647, 886) и с фин. *ruona* ‘ил, грязь, тина’ (Vasm. VzHVO II, 370), но прибалтийско-финская гипотеза его происхождения уязвима в свете более тщательных

⁹ В материалах Генерального межевания назв. *Моревка* распространяют на нижнее и среднее течение до оз. Пупово, тогда как самый верхний участок русла выше оз. Пупово вплоть до истока из оз. Бол. Бохотец (оно же *Моревское*, совр. Алхимцево) называется руч. *Овчар* (*Авчар*) (ГМ-Ост, ч. 3, № 792).

историко-лексикологических разысканий (подр. на сс. 94–95). Зато надежные параллели тверскому гидрониму *Руна* обнаруживаются в этноисторическом пространстве балтов, ранее их перечислил В.Н. Топоров без дальнейшей расшифровки: прус. *Runa, Rune, Runow*, лит. *Runeikiai, Rūnikiai*, лтш. *Raīna, Ruņas ure, Runas pļ.* и др., польск. *Rune, Runowe, Runów, Runowo* западнее Вислы, поочск. *Руново*; и нек. др. (Топоров 1972, 219–220; 1991, 51–52), можно добавить сюда и оз. *Рунное* бассейна Великой в Псковской обл. Хотя список параллелей явно избыточен¹⁰, тем не менее он нацеливает на поиски решения на балтской или балто-славянской языковой почве. Полагаем, гидроним следует интерпретировать на базе и.-е. корня, представленного у балтов и славян чередующимися ступенями **roϥ-(raϥ-)/rū-/ru-*, откуда лтш. *raut* ‘рвать, дергать’, лит. *(iš)ráuti* ‘рвать, вырывать; теревить; корчевать’, *ravėti* ‘полоть’, *rãvas* ‘ров’, рус. *рвать, рыть, ров, рот* и т. п. *Руна* развилось из структуры балто-славянского причастия от **roϥ-*, означавшего ‘вырванное, вырытое’ и использованного для номинации реки, “размывающей берега”; ср. тождественные в семантико-мотивационном отношении, но более поздние речные и ручьевые имена *Рвянка, Рытица, Рытовица, Рыцкий* и т. п. в Новгородско-Псковских исторических землях. Структурное тождество с гидронимом *Руна* демонстрируют апеллятивные факты, такие как общерус. *руно́*, диал. *ру́на́*, блр. *руно́*, укр. *руно*, польск. *ruino*, чеш. *roino*, словен., словац. *rúno*, сербохорв., болг., макед. *руно́* ‘овечья шерсть’ < праслав. **ruino*, а ранее – **roino*, родственные *рвать, рыть* (ЭСБМ 11, 214–215; Фасм. ЭСРЯ III, 518; Bezl. ES III, 208; Варбот 1969, 136, 142, 144, 145), особенно подр. (Skok ER 2, 171–172). Приведенные апеллятивы специализировались от первоначального значения ‘вырванное, выдерганное’ через промежуточное ‘выдерганная, срезанная шерсть’ к ‘овечья шерсть; срезанная с овцы

шерсть’¹¹. На проприальном уровне структурным аналогом тверского *Руна* (< **Roūna*) выглядит балтское *Raūna*, название притока Гауи (и там же *Raunis, Raunaisis*, произведенные от *Raūna*) в северо-восточной части Латвии, которое К. Карулис рассматривает в гнезде лтш. *raut* ‘рвать’ (Kar. LEV II, 109), вопреки К. Буге, относившего *Raūna* к числу финнизмов (Būga RR III, 507, 886). В сходном этимологическом ключе трактуют известное с 1251 г. балтское название р. *Руна*, впадающей в Калининградский залив Балтийского моря на польско-русском пограничье: < **ru-* ‘рвать’ + суф. *-n-* (Biolik 1989, 42, а ранее Ger. AO, 147, наряду с лтш. *Raūna*). Южноприбалтийский гидроним, надо полагать, все же отличен от *Руна* в истоках Волги отражением иновариантной ступени общего и.-е. корня.

Руна р. 1495/96 г. (НПК II, 753), иначе *Руника* 1560–1561 гг. (ПКНЗ 5, 372), *Руна* (Старая *Руна*) 1863 г. (ВТКЗверст), *Руно* (СНМНГ II, 21), совр. *Ру́на* п. пр. Пола в ее верховьях. Этот полавский гидроним тесно связан с проанализированным выше именем р. *Руна* бассейна Волги и мог быть получен распространением с волжской *Руны* (см. сс. 88–89).

Шеш д. из 8 дворов в Стержской вол. Новгородской земли 1495/96 г. (НПК II, 697), позднее – д. Торопецкого присуда 1539–1540 гг. (ПКНЗ 4, 326), *Шешь* (*Шеш*) сц. 1770-х гг. (ГМ-Ост, № 436), *Шеш* сц. при оз. Стерж 1853 и 1862 гг. (Мнд; СНМ-Ост, № 9077), ставшее совр. д. *Высокое* Ост. на оз. Стерж. Основа та же, что в назв. *Šešuvà, Šešėvois, Šeš-ùpė, Šeš-upys* для рек в Литве, сюда же *Schescholi* селение под 1449 г., *Şeşava* р., *Şeşava* оз. в Латвии и др., по (Van. LH, 329). Перечисленные гидронимы, по Эндзелину, связаны с лит. *šėšėlis* ‘тень; отстоящее от света темное место’ (Endzelin 1934, 128), но более раннее значение основы *šėš-*, вероятно, было ‘холодный, прохладный’ (Fr. LEW, 976). Вместе с тем не исключена иная трактовка

¹⁰ В равноправном ряду перечисляются варианты одного гидронима (для прус. *Runa*), даются производные топонимические и антропонимические факты, причем некоторые из них могут быть сближены с лексикой современного языка, напр. с польск. *runąć* ‘устремиться, упасть с грохотом’ или с рус. диал. *рунный* ‘шерстяной’, ‘с густой высокой травой, травянистый’ (СРНГ 35, 263).

¹¹ Этимологические словари приводят и альтернативную точку зрения, выводящую праслав. **ruino* ‘овечья шерсть’ из первоначального **rutno*, с опорой на др.-инд. *rōtan-*, *lōtan-* ‘шерсть’, иран. *ron* ‘конский волос’. Привлечение гидронима *Руна*, следовательно, усиливает традиционное мнение о родстве *руно́* и *рвать*.

данного топонима: от лит. *šėšė, šėšis* 'черный дрозд', к которому возводят, напр., *Šėš-urys* р. в Литве (Van. LH, 329).

Полово оз. Вселуцкой вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 227, 231), 1780-х гг. (ГМ-Ост, № 440, 765), **Половское** 1853 г. (Мнд), **Половы** 1862 г. (СНМ-Ост, № 9360, 9361, 9362, 9363), совр. **Половское** оз. в р. Половизма (Кудь), п. пр. Волги. Наряду с прус. *Palwe, Palweniken, Popalwen, Sorpalwe* XV в. (Ger. АО, 113), лтш. *Palva* р., *Palvene* луг, лит. *Palvasà* р., лес, луг (Van. LH, 242–243), может объясняться через прус. *palwe* 'открытое безлесное моховое болото', 'непашенная боровая земля', лит. *paivė* 'низкое пространство между дюнами', или, иначе, 'преддюнная равнина' (апеллятивы из: Невская 1977, 61; Mažiulis 1996, 216). Гидроним **Полово** может трактоваться и на славянской языковой почве, учитывая, напр., рус. диал. *полова* 'заливной луг' ленингр., *половина* 'затянувшиеся мхом яма, колодец и т. п.' пск. (СРНГ 29, 86, 89, 95, 96). Однако к рассмотрению этого озерного имени как балтизма склоняет факт того, что из оз. **Полово** (**Половское**) вытекает речка с созвучным и явно родственным назв. **Половизма** безусловно неславянского облика, см. ниже.

Половизма л. пр. Куди, вытекающий из оз. Половское, по материалам 1770-х гг. – **Половизна** (ГМ-Ост, ч. 4), на карте 1853 г. – **Половка** (Мнд). Этимологически «правильной», хотя и поздно зафиксированной на письме, выступает форма **Половизма** – двусловное сложение, в котором первый компонент безусловно представляет собой основу названия оз. **Полово** (**Половское**), истоком которого является данная речка. Вторым компонентом либо прямо приравнивается к лит. гидротермину *vieštiuõ* 'небольшая речка', 'ручей', 'неглубокое узкое место реки, где быстро бежит вода' (значения даны по: Невская 1977, 96), либо отсылает к первичной форме **(j)ieštiuõ* (ср. рр. *Jieštiuõ* (*Vieštiuõ*), *Jiešmenėlis* (*Viešmenėlis*) в Литве, по LUEV, 60), близкой к лит. *Iesnalis*, лтш. *Iesn-ure* и т. п., – из и.-е. **eis-*, **ois-* 'быстро двигаться, идти, шевелиться' (Van. LH, 135–136), сюда же и название р. **Исня**, протекающей неподалеку от Половизмы. Исходно-этимологическое значение **Половизма** при любой из двух предложенных интерпретаций выглядит примерно оди-

наковым: "протока из оз. Полово; Половская протока". При усвоении гидронима славянами произошла его закономерная адаптация: балт. **Palv-* > вост.-слав. *Полов-*, балт. *vieštiuõ/(j)ieštiuõ* > слав. – (в)изьма; к особенностям адаптации второго компонента ср. назв. *Исьма* л. пр. Протвы в Калужской и Московской обл., восходящее к гидрониму типа лит. *Jieštiuõ*, или пск. р. *Лосьма* < *Laštiuõ* (в Литве есть р. *Laštiuõ*). Со временем гидроним **Половизма** обрел вариантами **Половизна** (под влиянием русских слов с суфф. *-изн-а*: *дороговизна*, *дешевизна* и т. п.) и **Половка**, в котором комплекс *-изьма* заместился стандартным речным суфф. *-ка*. Кроме того, этот гидроним в последние несколько столетий распространился отчасти и на нижнее течение р. **Кудь**, см. ниже.

Половизна (**Половизнь**) р., отмеченная жалованной разводной грамотой 1483 г. (ДДГ, № 77, с. 291, 292), в более поздних материалах известна как р. **Заборовье**, или **Заборовка**, п. пр. волжской Руны. По грамоте 1483 г. отождествляется именно с притоком Руны («да вниз Половизню да в реку Руну»), а не Куди, как ожидалось бы исходя из современных данных. Этимологически приравнивается к проанализированному выше балтизму **Половизма** л. пр. Куди, относительно которого оценивается как вторично перенесенное название.

Кудь р. 1483 г. (ДДГ, № 77, с. 292), **Куть** (**Кудь**, **Куда**, **Кута**, **Туд**, **Кутня**): «на Куди»; «на Кути»; «на Куде»; «на Кутне»; «на Куте»; «на Туду» под 1588–1589 гг. (ПКРВ, 228, 229, 235), **Кудь** (**Куть**, в нижнем течении – **Половизна**) 1770-х гг. (ГМ-Ост, № 440, 753, 757, 758, 759, 760, 761, 762, 763, 764, 765, 807), **Куть** 1853 г. (Мнд), совр. **Кудь** (**Половизма**, в нижнем течении) р., текущая в оз. Пено из оз. Витьбино. Несмотря на многочисленные апеллятивно-проприальные повторения основы *Куд-/Кут-* в финно-угорском этноисторическом пространстве (подр. на сс. 95–96), следует отметить многие проявления *Куд-* в ареале древних балтов, что позволяет предполагать верхневолжск. **Кудь** и как субстратный балтизм. Ср. прус. *Kudieph* (*Kudippen*), *Kudikaumen* 1459 г., *Kudynn* 1329 г., *Cudynn* 1351 г., *Cudinlawoke* 1384 г. (Ger. АО, 74), *Kūdlankis* р. в Литве (LUEV, 81), **Кудзе** с., **Кудинишка** сенокосный луг в Же-

майтии (Спрогис, 154), *Kudeņu-kalns*, *Kudeiki*, *Kudumi* в Латвии (Endzelins 1956, 161, 162), латг. *Kudeļi*, *Kūdups*, *Kūdupe*, *Kuodeņi*, *Kūdiņi* (Zeps 1984, 248), пск. *Кудебь* р., л. пр. Великой к юго-западу от Пскова (= латг. *Kūdupe*), *Кудка* р. и ее л. пр. *Кудебка* неподалеку от гор. Опочка, *Кудь* р. в Подмоскowie и др. (Топоров 1972, 220; 1995, 26; Топ. ПЯ 4, 224). Их сближают с лит. *kūdas*, лтш. *kūds* 'неплодородный; тощий, плохой, скудный, бедный' (Van. LH, 169), но уместно также сравнение с лит. *kudėnti* 'идти', 'бежать', 'двигать', 'шевелить' (Топоров 1995, 26).

Кутева (*Кутова*) р. в мстн. Жуково Торопецкого у. 1539–1541 гг. (ПКНЗ 4, 658, 659), *Кутева* 1588–1589 гг. (ПКРВ, 196, 197), *Кутевка* 1853 г. (Мнд), совр. *Кутевка* п. пр. Жукопы юго-восточнее оз. Охват. Очевидно, основа та же, что в выше рассмотренном предположительном балтизме *Кудь* (*Куть*), дооформленная славянским суф. -*ева/-ова*; ср. дооформленный славянским суф. -*ня* вариант *Кутня* гидронима *Кудь* (*Куть*).

Кудино оз. в течении р. Колпинка, л. пр. Волкоты на плане Осташковского у. 1770-х гг. (ГМ-Ост, ч. 4, № 747), иначе – *Кудинское* в описании селений 1862 г. (СНМ-Ост, № 9446), отраженное в названии д. *Пудиновская* Торопецкого у. 1540 г. (ПКНЗ 4, 655) (с искажением, правильнее: *Кудиновская*). Помимо возведения к личному имени (*Ан*)*кудин*, допустима балтская трактовка, учитывая широкое проявление у балтов суффиксальной гидронимической основы *Kudin-/Kuden-*, см. выше параллели к *Кудь*.

Масавица (*Моравица*) р. на уездном плане 1770-х гг. (ГМ-Ост, ч. 4, № 833, 834), *Мосовица* на карте 1853 г. (Мнд), совр. *Моссовица* прот. из оз. Любино в оз. Витьбино бассейна Волги. Гидроним косвенно отражен ранее первого письменного упоминания XVIII в., а именно в ориентирном названии двух новгородских дд. *Замосовье* вол. Лопастиды 1495/96 г. (НПК II, 794), семантически – "поставленные за р. Мосовицей". Предположительный балтизм со значением "маленькая река", что отвечает размерам речки, ср. прус. *massais* (= *mazais) 'меньше' (Mažiulis 1996, 112), лтш. *mazs*, лит. *māžas* 'маленький, некрупный'. На славянской языковой почве произошла фонетико-словообразовательная адаптация балтизма.

Вариант *Моравица* – результат неточной записи гидронима.

Нетесма р. Торопецкого у. 1539–1541 гг. (ПКНЗ 4, 667, 672), *Тесма* Ржевского у. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 200, 201, 205–208), *Нетесьма* 1853 г. (Мнд), совр. *Нетесьма* р., впадает с юга в оз. Охват. Безусловный балтизм, содержащий в своей структуре отрицательный префикс *ne* (= рус. *не*), основу адъектива *tiesūs*, *tiesas* 'прямой, некривой' и суф. -*im-* или -*um-*, как в лит. *tiesūmas* 'проведение, проводка', *tiesumà* 'прямое направление, прямолинейность; прямое расстояние' (LKŽ), а с отрицанием, следовательно, 'непрямое направление; не прямое расстояние', как и в лит. *Netiesà* р., *Netiėsis* оз., *Netiesėlis* оз. (LUEV, 109). Эту же основу без отрицания содержит новг. *Тесова* р. бассейна Луги, *Тисва* (*Тисовское*) оз. на юго-восточном побережье оз. Ильмень. Допустимо осмыслить в связи с водными путями (подр. на с. 88).

Синка: *Большая Синка* (*Синченка Большая*) и *Малая Синка* (*Синченка Малая*) – смежные речки на плане 1770-х гг., впадающие в оз. Стерж (ГМ-Ост, ч. 3, № 434, 435), первая из них сегодня известна под назв. *Синчина*. Балтизм, осмысляемый как указание на "пограничную, межевую реку", ввиду допускаемого родства с лит. *siena* 'межа, граница, черта; высокая загородка', равно как с лит. *Sienis* оз., *Sienučia* р., *Sieninė* р.; более показательны формы с суффиксальным -*k-*, такие как *Sienikė* болото, *Sienikė* луг, *Sienikė* пастбище в Литве и т. п. (Van. LH, 297). На почве местных говоров балт. *Sien-* > новг. -пск. *Сьн-* > *Син-*, учитывая регулярность *ŕ* > *и*; ср., напр., новг. *Тисва* (< балт. *Tiesuva). В рамках иной этимологии, можно связать с лит. *sinkùs* (жен. р. *sinka*) 'мелкий, тонкий', в таком случае следует считать сравнительно поздним литуанизмом. Насчет возможности объяснения из финского см. с. 95

Калша р., впадающая в оз. Любцы 1853 г. (Мнд), совр. *Колшá* системы волжской Руны, или, по озеру, – *Любиница* (*Любинка*) 1770-х гг. (ГМ-Ост, № 789). Допустима версия об искажении (описке *л* вместо *м* на карте Менде, перекочевавшей в современную карту) гидронима-литуанизма *Комша или *Камша, равного лит. *kamšà* 'запруда', ср. д. *Комша* и оз. *Комшино* в Псковской обл. и ряд литовских топонимических параллелей. Но изменение *Комша в *Колша* могло

быть обязано не только письменной ошибке, но и диалектной фонетической мене согласных *м* и *л*, ср. волог. *коли́ить* 'есть, жевать' и *коми́ить* 'есть, принимать пищу' (СРНГ 14, 204, 240).

Скорбино оз. с прот. Скорбинка 1770-х гг. (ГМ-Ост, ч. 3, № 769) и 1853 г. (Мнд), совр. *Skórbino* оз. со стоком в р. Мостовлянка, пр. Заборовки, п.пр. Руны бассейна Волги. Это адаптированное балт. **Skurbin-* (> *Скърбино > Скорбино); ср. лтш. *Skur̃ba* для болота, речки и леса, и особенно лит. *Skurbūnas* р., прус. *Scurbenite*, *Scurbin* (Ger. АО, 164), для которых предполагают связь с лит. *skurbūs* 'плохой, дурной, неважный, паршивый', *skurbti* 'выдыхаться (о пиве)', лтш. *skurbs* 'пьяный, хмельной', *skurbt* 'пьянеть' (Van. LH, 306). Таким образом, гидроним негативно оценивал водоем: "плохое озеро". Маловероятны сравнения с лит. *Skarbinė* р., *Skarb-a-bale* бол., *Skarba-kalnis* гора и т. п. из литовского славизма *skarbas* 'богатство' (Idem, 301, 306).

Лопино оз. 1770-х гг. (ГМ-Ост, № 796, 797), *Лапино* 1853 г. (Мнд), совр. *Лопино* оз. со стоком в р. Чистенькая в системе волжской Руны. Вероятный балтизм со значением 'лисье (озеро)': к лит. *lāpė* 'лиса', *lāpinis* 'лисий', то же прус. *lape*. "Лисьи" топонимы широко распространены в Балтии: прус. *Lapaunen*, *Lappegarbe*, *Lapsalov* и др. (Ger. АО, 82–83), латг. *Lapeņi*, *Lapiņš* и др. (Zeps 1984, 262), лит. *Lapšiai* и др. Хотя версии о балтизме мешают поздняя фиксация назв. *Лопино* для данного озера, в средневековых источниках известного под другим именем (*Залъзено*, или *Железно*, с. 150), этот факт не отменяет «балтский след», поскольку гидрообъекты нередко обладают параллельными именами.

Мезгитно оз. в вол. Велила 1495/96 г. (НПК II, 784), *Мезготне* (*Мезготня*) 1770-х гг. (ГМ-Ост, ч. 3, № 820), *Мизгуно* 1853 г. (Мнд), совр. *Мизгутня* небольшое оз. в истоках Городенки и Руны бассейна Полы. Соответствует по основе лит. *mezgūotas* 'вязанный', *mezgūtinė* 'нечто связанное', *mezgūtuvė* 'вязание', сюда также *mezgiótinis*, *mezgiótas* 'вязанный', *mezginti*, *mezgióti* 'вязать' и т. п. (LKŽ). Осмысляется в связи с древними водными коммуникациями ("узловое, связующее"), поскольку озеро расположено между истоками Полы, впадающей в оз. Ильмень, и Руны, впадающей в Волгу, и объединя-

ло эти истоки словно в один узел на пути из одного речного бассейна в другой.

Дъмонцо оз. в вол. Велила 1495/96 г. (НПК II, 784). Локализуется в истоках Полы рядом с совр. оз. Мизгутня (в перечне НПК оно следует за *Дъмонцо*) и, по-видимому, идентифицируется с совр. оз. *Колодня*; это, второе название появляется не ранее XVIII в.: *Колошно* (*Коложня*) Остафьевского у. 1770-х гг. (ГМ-Ост, ч. 3, № 820), *Колодно* на карте 1853 г. (Мнд). К др.-балт. основе **dēmen-* 'грязный, илистый', вместе с именами оз. *Dēmenas* и *Dēmenas*, рек *Dēmē* и *Dietė* в Литве (LUEV, 29), прус. *Demita* 1301 г. (Ger. АО, 27). Балтизмы объясняли на базе древнего апеллятива со значением 'грязь, запачканное место', связанного с лит. *dēmė* 'пятно, клякса', *dēmėtas* 'пятнистый, в пятнах' (Savukynas 1962, 194). Позже данное мнение поддержали А. Ванагас, объяснявший название литовской р. *Demė* (Van. LH, 84) и В.Н. Топоров (1997, 295) при трактовке поочского гидронима *Деменка*. На Русском Северо-Западе, в средней полосе России и в Белоруссии обнаружено значительное количество гидронимических параллелей озерному назв. *Дъмонцо*, которое, будучи этимологизируемым как балтизм, могло быть оставлено ранними восточными славянами (подр. на с. 174–175). Кстати, рядом с оз. *Дъмонцо* в вол. Велила протекает р. *Иловка*, пр. Каменки бассейна Полы, и располагались д. *Иловье* и д. *Спас на Илу*, русские названия которых (от *ил*, *иловый* 'илистый') семантически четко соответствуют исходно-этимологическому смыслу гидронима *Дъмонцо*.

Индено маленькое оз. в истоках Полы к югу от д. Ефремово Пен. Ср. *Indiņas-suðkliņš* сырое место на лугу, *Induža-ežers* оз. в Латвии (Endzelins 1956, 362, 363), прус. *Indissie* оз. (Ger. АО, 49), *Indijā*, *Indus*, *Indurā*, реки в Литве, объясняемые (Van. LH, 130) через лит. *indijā* 'углубление в земле', *indas* 'горшок, посудина' (LKŽ). Отдельные водные имена на *Ind-* Шмид относит к очень древнему слою, соотнося с др.-инд. *indu-* 'капля' (Schmid 1968, 15; Van. LH, 130).

Пола р., впадающая в оз. Ильмень, на письме с XV в. (анализ на с. 73).

Польинец руч., л.пр. Полы в ее истоках, на трехверстной карте 1863 г. подписан *Прудовка* (ВТКЗверст). Хотя вполне уверен-

но трактуется на поздней русской языковой почве (напр., если считать производным от *пóлынъ* 'о высоком уровне воды в реке' Пск., Осташк. Твер. или от пск. *полыннѧ* 'окно на болоте' Невельск., *полыннѧ* 'озерцо на болоте' Опоч., по СРНГ 29, 177, 178), можно рассмотреть возможность балтского решения. Так, *Польнец* допустимо считать производным именем притока от названия главной р. *Пола*, причем это имя может быть сравнено с балтской гидронимией с *-n*-суффиксами, такой как *Palnė, Palenis, Paleni, Paliņi* в Латгалии (Zeps 1984, 361, 387), *Полна* (*Пальня*), *Полна* (*Полня*) и *Польня* (*Полня*) в Верхнем Поднепровье (Топоров, Трубачев 1962, 200, 202), *Palinka* в Повисленье, из апеллятивов – с лит. *palnė* 'болото' и т. п. (Топоров 1988, 164, 172). Если назв. *Польнец* было получено из балт. **Paln-*, то оно демонстрирует результат диалектного полногласия, аналогично пск. *балыннѧ* 'болотистое место' (< **bolnĭje*), сев.-рус. *гóлымя* 'открытое море' (< **golmen*) и т. п. фактами в части говоров кривичского ареала (Николаев 1988, 123–124; Зализняк 2004, 40).

Селена р. 1495/96 г. (НПК II, 743), *Селеня* 1770-х гг. (ГМ-Ост, № 849, 850), *Силюга* 1853 г. (Мнд), совр. *Силин* руч., п. пр. Полы в ее истоках. Ср. лит. р. *Sėl-iupis*, р. *Sėl-iupys* в Литве, особенно лит. *Sėlinė* болото, а также лтш. *Sellite*, которые связывают с лит. *sėlinti* 'подкрадываться, красться', а в более отдаленной ретроспективе – с и. е. **sel-* 'ползти', что может характеризовать медленное течение воды (Fr. LEW, 774; Van. LH, 295).

Пяуна (*Пялна*) д. при оз. Видбино Вселуцкой вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 215). В средневековом источнике описывается между дд. Тетерки и Загорье, местоположение которых на южном берегу оз. Витьбино устанавливается по межевым материалам 1770-х гг. Стояла рядом с совр. д. Витьбино Пен. (в пределах которой размещалась средневековая д. Загорье), немного восточнее, в сторону д. Тетерки. По форме явно поздний балтизм (литуанизм XIV–XV вв.?), не успевший адаптироваться к эпохе его письменной регистрации, указывавший на заливные луга в этой местности; ср. лит. рр. *Pjainė, Pjainys, Pjainis, Pjainiai* и др., из лит. *pjainė, pjainys* 'поросшее мелким кустарником заливное болото, где весной и осенью находится вода' (Van. LH, 256).

Павиница р. в вол. Дубна Торопецкой земли 1489 г. (Сб. РИО, 36, № 8), *Палница* 1770-х гг. (ГМ-Ост, № 627), *Павиница* 1853 г. (Мнд), совр. *Пайница* л. пр. Орлиники бассейна Волги. Вероятный литуанизм, сходный с вышеуказанным *Пялна* (*Пяуна*), однако, судя по внешнему облику уже адаптированный к славянской речи и, следовательно, оставленный балтами в более раннюю эпоху, чем *Пялна* (*Пяуна*). Адаптация видится следующей: основа **Pjain-* + слав. *-ица*, откуда далее славянизированное **Пявница* (*Пялница*) > *Павиница* (*Палница*) > совр. *Пайница*. О возможности приб.-фин. трактовки см. с. 95.

Илигово, иначе *Илиго*, *Шигово* оз. 1495/96 г. (НПК II, 807, 823, 825), *Илигово* под 1560–1561 гг. (ПKNЗ 5, 402), *Илигово* (*Лигово*, *Илогово*) Вселуцкой вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 219), *Иlichevo* 1853 г. (Мнд), *Илино* 1863 г. (ВТКЗверст), совр. *Илиговское* оз. с прот. в оз. Лучанское бассейна Западной Двины. Очевидное образование от балт. **ilg-* 'длинный, долгий', указывает на удлиненную конфигурацию озера, что соответствует действительности. Гидронимия с корнем **ilg-* многочисленна в Литве (на *Ilg-*), Латвии (на *līdz-/līz-*, *līg-*) и в Пруссии, сюда же еще *Ильжо*, *Ильзна*, *Лзна* и др. в Новгородско-Псковских землях.

Илиговка (*Плиговка*) р. 1770-х гг. (ГМ-Ост, № 832, 833), *Иlichevka* 1853 г. (Мнд), совр. *Илиговка* (*Лиговка*) р. в оз. Витьбино бассейна Волги. Деривационно связано с озерным назв. *Илигово*, закрепившись благодаря славянскому переносу этого балтизма (подр. на с. 122).

Илкино оз., на нем д. Сновырево Вселуцкой вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 220). Скорее всего является источным озером для р. *Илиговка*, поскольку в истоках Илиговки карта Менде 1853 г. размещает д. *Снадырева Гора* (Мнд), с которой допустимо отождествить средневековую д. *Сновырево* на берегу оз. Илкино. Из-за территориальной близости к балт. *Илигово*, *Илиговка* в *Илкино* тоже допускается балтизм, преобразованный из **lġin-* ("длинное"), подобный именам *lġinas, lġinis, lġinys* ряда озер в Литве (LUEV, 56). Русификация **lġin-* в *Илкино* (в совр. записи – *Илькино*) могла быть вызвана сближением со славянским посессивом от личного имени *Илька* (: *Илья*); аналогичное изменение испытала форма назв.

Илиговка, давшая вариант Иличевка 1853 г. (сближенный с Ильич, к Илья).

Ордовка р. по материалам 1770-х гг. (ГМ-Ост, ч. 4), *Ордавка* на карте 1853 г. (Мнд) р., приток озера, именованного до XIX в. оз. Елно (*Заелье, Заеленье*), в списках селений 1862 г. – *Ордовское* (СНМ-Ост, № 9460), а сегодня – *Ордонокольское*; при впадении Ордовки в это озеро располагалось с. *Орда* Осташковского у., XIX в. (Плетнев 1903, 32), иначе – с. *Орда-Никольское* 1853 г. (Мнд), или *Ордонокольское* 1862 г. (СНМ-Ост, № 9460). Можно объяснить через лит. *árdvas, arđvas, eřdvas* ‘широкий, просторный’, лтш. *ārds, ārdavs* ‘текучий’, ‘беглый’, ‘ловкий, проворный’. Адъективы отнесены к обширному гнезду производных лит. *ardyti* ‘валить, опрокидывать’, ‘рыть, копать’, ‘разрывать, разрушать’, лтш. *ardīt* и т. п. [Fr. LEW, 15; Топ. ПЯ 1, 101]. Разумеется, нельзя сбрасывать со счетов и принадлежащие этому гнезду лит. *arđas* ‘яма, впадина, углубление’, ‘лужа’, а также и лит. *ārda, arđā* ‘беспорядок; спор; распря’, которым тоже могли мотивировать гидронимы и топонимы, напр. в связи с угодьями, вызывавшими распри, споры. Ср. имена лит. *Arđaitė* с. в Жемайтии (Спрогис, 14), лтш. *Arđavs* оз. (Endzelīns 1956, 42), п. *Орда* в Бортной Селиловской вол. уезда Ржевы Володимеровой 1588–1589 гг. (ПКРВ, 279), сел *Орда, Ордаши, Ордашь, Ордеши*, р. *Адров* (< *Ордов*) в Белоруссии, где много литовской топонимии, оз. *Ордово* оз. в Невельском р-не Псковской обл., и т. п.

Исня р. в оз. Пено бассейна Волги, с притоками *Бол. Исня* и *Мал. Исня* 1853 г. (Мнд), совр. *Исня* с п.пр. *Большая Исня* и л.пр. *Малая Исня*. Гидроним следует отнести к числу протобалтских, поскольку его основа объединяет гнездо не только имен рек *Jiesià, Jieslà, Iešnālis* в Литве (LUEV, 55, 60), *Iesn-upe, Iesnupes* в Латвии (Endzelīns 1956, 375), но и речных имен за пределами Балтии, напр. *Ijssel* (< *Isla*) в Голландии, *Isla* в Галиции и др., которые возводят к и.-е. *eis-, *ois- ‘быстро идти, двигаться, шевелиться’, ср. др.-инд. *iṣnāti, iṣyati* ‘едет, спешит, торопится’, др.-исл. *eisa* ‘быстро бежать’, лит. *eisena* ‘походка’, к *eiti* ‘идти’ и другие данные из (Būga RR I, 503; Van. LH, 135). Семантически *Исня* – “протока, движущаяся вода”, гидроним находится в родстве также с лит.

jieštio ‘речка, протока’ и со вторым компонентом назв. *Половизьма* (см. с. 78).

Тиницкое оз. с прот. в Верхневолжское вдхр., рядом находится д. *Тиненец* у левого берега *Жукопы* 1770-х гг. (ГМ-Ост, № 467), 1853 г. (Мнд), иначе – *Тинницы* д. при р. *Жукопа* 1862 г. (СНМ-Ост, № 9262), совр. *Тиницы* микрорегион пос. Пено, р.ц. Тверской обл. Скорее всего дериват от др.-рус. *тиньный* ‘тинистый’ (Срезн. МС III, 960) или рус. диал. *тінный* ‘покрытый тиной’, ср. новг. *тінное место* ‘болотистое дно’ (СРНГ 44, 127–128), характеристика водоема (или места в водоеме) с застойной водой, покрытой тиной. Однако, учитывая локальное скопление в прилегающей округе балтизмов *Орлино, Орневка, Жукопа, Исня, Палница*, не исключается балтское происхождение от термина, такого как лит. *tiene* ‘заводь, речной залив со стоящей водой’, ‘глубина’ или *tenė* ‘глубокое место в реке, где не видно течения воды’ (по Невская 1977, 90; Fr. LEW, 1080), ср. лит. рр. *Teneņys, Tenovas* (LUEV, 172).

Орлинце (*Орлинцо*) оз.: «по озеро по Орлинце на полье» 1449 и 1494 гг. (ДДГ, № 53, 160–161; Сб. РИО, 126, 130, № 24), *Орлино* (*Ворлино*) Торопецкого у. 1539–1541 гг.: «над озером над Орлином»; «в озере в Ворлине» (ПКНЗ 4, 658, 659, 660), *Орлино* Езжинской вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 203), Осташковского у. 1770-х гг. (ГМ-Ост, № 629), совр. *Орлинское* оз. со стоком в р. *Орлинка* бассейна Волги. На озере есть остров с близким именем *Орлыхан* (*Ерлыхан*), отмеченный при описании 1588–1589 гг. (ПКРВ, 203). К верхневолжск. *Орлино* находится множество соответствий в Балтии и на сопредельных землях. Колебание *Орл-/Ерл-* в именах *Орлыхан* (*Ерлыхан*) и *Орлино* смежных озера и острова на нем дополнительно подсказывает, что данные имена надо присовокупить к группе балтизмов с такой же меной гласных в основах *Arl-/*Erl-: прус. *Arle*, позже *Orlen* оз., но и *Erling* оз. (Ger. АО, 11, 34), *Орля* р. (Спрогис 1888, 214) и *Érla* р. (LUEV, 39), лит. топонимы *Arlinė u Erlėnai* (согласно Топоров 1988, 166), лтш. *Arlaņi* (Endzelīns 1956, 42), *Arelen, Arlenn*, но и *Erling* в Повисленье (HW, 189, 227), *Арля, Орля, Мал. Орленка*, реки в Верхнем Поднепровье (Топоров, Трубачев 1962, 176), сюда же оз. *Орлинское* с д. *Орлино* на западе Ленинградской обл., и др. Сближают с лит. *ėrlos* ‘сенокосный луг’, поэтому пер-

воначальная мотивировка вероятна по признаку низменных берегов, поросших травами, однако в конечном счете корень всех таких гидронимов связывают с и.-е. **er-/*or-* 'двигаться, идти' (Van. LH, 100; Топоров 1988, 166). Внешнее сходство с рус. *орел* ("орлиное озеро") признается вторичным.

Ерлыхан (*Орлыхан*) остров, см. выше Орлинце оз.

Орневка р., впадающая в оз. Пено в северной части пос. Пено (в низовьях стала заливом Верхневолжского вдхр.), но в межвых материалах 1770-х гг. под вариантным именем *Орлинка* (*Орльнка*) (ГМ-Ост, № 449), на карте 1853 г. – *Орленка* 1853 г. (Мнд). Первоначальной, надо полагать, была основа *Орн-* в *Орневка*, хотя она зафиксирована позднее; основа *Орл-* (*Орлинка*) могла вторично появиться благодаря аттракции к именам р. *Орлинка* и оз. *Орлино* (см. выше), находящихся поблизости, на противоположном берегу оз. Пено. Впрочем, не исключено, что вариантность *Орн-/Орл-* в данном гидрониме имеет более глубокие истоки, отражая древнее различие суффиксов при общем и.-е. корне **or-* 'двигаться, идти (о воде)'. Этот корень видят в *Орлинце* (его анализ со множеством межтерриториальных параллелей дан выше), но он столь же вероятен в *Орневка*, с основой *Орн-* (**Oryn-* < **Arin-*), наряду с лит. *Arinas* оз., *Arina* р., *Arinas* р. (LUEV, 8), лтш. *Aruona* р. (Endzelins 1956, 43), которые сравнивают с др.-инд. *árṇah* 'волнующийся; поток, течение; наводнение', *árṇas-* 'волнистое течение', греч. *ορνυμι* 'двигаюсь'; этот же корень без суффиксальных детерминантов просматривается в *Arys* р. 1258 г. в Пруссии (Ger. АО, 11), *Ara* в Испании, *Ahr* в Германии, *Ahre* в Англии (Krahe 1964, 45; Van. LH, 47), к этому гнезду относится и новг. *Орьевка*, л. пр. Луги.

Вотолово (*Вотулово*, *Волотово*, *Ватоло*) оз. Торопецкого у. 1539–1541 гг. (ПКНЗ 4, 641, 645, 647, 649, 653, 655, 656), *Вотолово* (*Востолово*, *Волотова*) Вселуцкой вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 213, 225, 226), *Отолово* 1770-х гг. (ГМ-Ост, № 747, 748), 1853 г. (Мнд), 1911 г. (Шкапский, 112), совр. *Отолово* оз. в течении р. Волкота, притока оз. Охват. Неуверенную попытку трактовки этого лимнонима предпринимали К. Буга и вслед за ним М. Фасмер, сравнив с лит. *Atlavas* р. (Vasm. BzHVO I, 659), однако в более поздних

материалах такого озера в Литве найти не удастся, а главное – исходными следует признать варианты с начальным *в* (*Вотолово*, *Ватоло* и др.), устойчиво повторяющиеся в средневековых записях. Скорее данный гидроним выступает дериватом от лтш. *vataļuôt* 'крутить; вить, свивать; сучить', *vataļāt* 'нетвердо идти, шататься', лит. *vātuloti* 'свертывать в клубок; обернуть, обмотать', с которыми родственны, по-видимому, лтш. *Watene* р., *Wata-straits* р., лит. *Vätina* р., прус. *Wothiten* (Van. LH, 368). Озерное назв. *Вотоло* (> *Отолово*) имело конфигурационный смысл сплетения, связи ("озеро, которое свивает, связывает, сплетает"), что отвечает озерной гидрографии. В самом деле, этот водоем, пересекая перпендикулярно русло Волкота, словно бы связывает две части реки, верхнюю и нижнюю, а кроме того, через это озеро с Волкотой соединяется р. Заелинка. Кроме того, допустима мотивировка гидронима лит. *vātuloti* в значениях 'сжимать, сдавливать', в таком случае гидроним характеризовал водоем, сжатый с боков, узкий, что вполне соответствует конфигурации оз. Отолово.

Говщица (*Говщина*, или *Говница*, по Шнк, № 195) прот. из оз. Лучанское в р. Волкота, на ВТКЗверст 1863 г. – р. *Мельгина*, в (Шнк, № 178) – р. *Мельчина*, названная по прибрежной д. *Молгина*. Основа назв. *Говщица*, оформленная славянской суффиксацией, предположительно родственна лит. *gausùs* 'плодородный, богатый, обильный' (LKŽ) и речному имени *Gausahtë* в Литве (LUEV, 44). Допустимо осмыслять как указание на богатую рыбой речку или на плодородные почвы вдоль речки.

Стеклино оз. Торопецкого у. 1539–1541 гг. (ПКНЗ 4, 641, 645–647, 649, 653, 656), *Стеклинское-Баталы* Холмского у. 1911 г. (Шкапский, 112), совр. *Баталы* оз. с прот. в р. Волкота. Безусловный балтизм, близкий к гидронимам *Stiklius*, *Stikl-iùpè*, *Stýklis*, *Stikliné* Литвы, *Stikl-ezers*, *Stikl-valks* Латвии, к лит. *stiklas*, лтш. *stikls* 'стекло' (Van. LH, 314). Практически все такие номинации получены по признаку прозрачного, как стекло, цвета воды в водоеме. Дериваты от обозначения стекла заметны в балтской гидронимии, но почти не проявляются в славянской.

Волкота р. Торопецкого у. под 1539–1541 и 1560–1561 гг. (ПКНЗ 4, 646, 656, 668;

ПКНЗ 5, 379), *Волкота* (*Волнота*) Вселуцкой вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 226), *Волкота* 1770-х гг. (ГМ-Ост, № 749, 852), 1853 г. (Мнд), совр. *Волкота* р., впадающая в оз. Охват в истоке Западной Двины. Еще раньше письменность упоминает источник для р. Волкоты оз. *Волкота* (*Волкото*, или, с метатезой, *Володка*, *Волотка*) в вол. Лопастницы и Буец 1495/96 г. (НПК II, 795, 796, 805, 825), *Волкота* под 1560–1561 гг. (ПКНЗ 5, 406) и в материалах 1780-х гг. по Холмскому у. (ГМ-Хлм, № 1547), *Волкото* под 1863 г. (ВТКЗверст), совр. *Волкото* (*Волкота*) оз. в верхнем течении р. Волкота. Сравнение с лтш. *valka* ‘низкая сырая местность’ и лтш. *Valka*, лит. *Valkà*, *Valkupis* и т. п. (Топоров 1995, 21) не выдерживает критики, поскольку отсутствует вост.-слав. полногласие, ожидаемое в данном случае (ср. полесск. *волока* ‘болото’, соотносимое с балт. *valka*). Следует возвести к суффиксальной гидронимической структуре **Vilka-* или **Vilkut-*, как в лит. *vilkùtis*, *vilkatas*, лтш. *vilkacis* ‘оборотень’, производной от лит. *vilkas*, лтш. *vilks* ‘волк’ (Vasm. VzHVO I, 660; Агеева 1989, 188), ср. лит. *Vilkaitis* оз., *Vilkùtis* оз., *Vilkupis* р. и т. п. (Van. LH, 384). Гидроним *Волкота* раскрывается как “волчья река”. Среди межтерриториальных параллелей имеются пск. *Велькота* (*Волкота*) оз., новг. *Велькотка* р., впадающая в Финский залив, указывают еще р. *Волкотица* в Костромской губ., *Волкотка* в Тверской и Владимирской губ., что намекает на т. н. «кривичский пояс» (по С. Л. Николаеву) распространения на восток данной гидронимии и о «балто-кривичской» принадлежности рассматриваемого верхнедвинского *Волкота*. Основа встречается также в блр. личном имени *Вилькота* (Бірыла 1969, ч. 2, 87), польск. *Wilkota* (Taszucki 1958, 129).

Жукопа р. у южного пограничья Новгородской земли, упоминаемая под 1588–1589 и 1770-х гг. (ПКРВ, 184, 185, 194 и след.; ГМ-Ост, № 467), совр. *Жукопа* п. пр. Волги, на ней пос. *Жукопа* Пен. Гидроним давно и надежно объяснен как зап.-балт. сложение, обозначавшее “рыбная река”: из прус. *suckis* ‘рыба’ и *ape* ‘река’ (Vasm. VzHVO I, 659; Топоров 1962, 46). Четко дифференцируется от вост.-балт. изосемантических основ; ср. лит. *žuvis*, лтш. *zivs* ‘рыба’ и лит. *upė*, лтш. *upe* ‘река’.

Витожетка (*Витожетка*) р. у границы Новгородской земли в уезде Ржевы Володимировой 1588–1589 гг. (ПКРВ, 187, 196, 239, 242, 243, 256), *Ветожетка* 1853 г. (Мнд), совр. *Ветожетка* п. пр. Жукопы, п. пр. Волги. Скорее всего перед нами подвергнутое языковой славизации балтское сложение основ *vīt-* (: лит. *vytis* ‘лоза, прут, хворостина’, лтш. *vītis* ‘усик, побег’) + *žiot-* (: лит. *žiotys* ‘устье реки’), относившееся сначала к устью р. Ветожетки (позднее распространившееся на всю реку), которая метафорически воспринималась в виде прута, ветки, ответвления (*vītis*) от главной р. Жукопы. Что касается метафоризации балт. *vītis*, имеется аналог в др.-новг. *витка* ‘приток реки’ и ‘ветка’ (Васильев 2012, 351–352). Ветожетка впадает в Жукопу под прямым углом и течет перпендикулярно Жукопе, и быть может, данный специфический факт местной гидрографии вызвал появление такой номинации. Любопытно, что напротив впадения Ветожетки, вдоль левого берега Жукопы, тянется бол. *Ветожетское Устье*, в названии которого угадывается перевод второй части др.-балт. композита.

Жабера (*Жаберка*) р. Торопецкого у. 1539–1541 гг. (ПКНЗ 4, 657, 665, 657), совр. *Жаберка* п. пр. Западной Двины вблизи ее истока из оз. Охват. Река вытекала из оз. *Жаберко* (*Жаберо*) 1539–1541 гг. (ПКНЗ 4, 639, 641, 645, 647, 649, 652), *Жаберо*, по Торопецкой межевой книге 1629–1630 гг. (Носов 1994, 50), которое сегодня известно как оз. *Дешиковское*. Гидроним относится к гнезду речных имен *Žebērē*, *Žeberē*, *Žebēris*, *Žeberikē* в Литве, *Zeberīņš*, *Žebere*, *Žebere* в Латвии. Ванагас перечисленные балтизмы признает не ясными, но все же связывает с лтш. *zebers*, *zebrīņš* ‘зверек ласка’ (Van. LH, 398) вслед за (Endzelin 1934, 134). Топоров, анализируя верхнедвинск. *Жаберка*, помимо перечисленных балтизмов (на *Žeber-*, *Zeber-*), приводит еще лит. *Žėbrė* р., *Žėbriai*, лтш. *Žabrene*, латг. *Žabrowka* и др., жемайтск. *Жебра*, *Жебры*, *Жебрайте* и др., связывая с лит. *žėbras* ‘пестрый’, ‘грязный’ (Топоров 1995, 22).

Должехто оз. 1495/96 г. (НПК II, 825), позднее – *Должинец* 1560–1561 гг. (ПКНЗ 5, 405), *Должино* 2-й пол. XIX в. (ВТКЗверст), совр. *Должино* оз. с прот. в оз. Бросно бассейна Западной Двины. Связь с рус. *долгий* исключена не только из-за неславянского об-

лика раннего *Должехто*, но и потому, что оз. Должино по своим очертаниям круглое, а не продолговатое. Основа *Долж-* (< **Дьлг-* < балт. **Dilg-*), похоже, родственна лит. *dilgė* 'крапива' (LKŽ), лит. *Dilgìnė* оз. (LUEV, 30). Первоначально характеризовало озеро, "поросшее крапивой", ср. поблизости, в 7–8 км южнее, оз. *Крапивно*. Ранний вариант *Должехто* еще сохраняет специфическое оформление балтизма, замещенное впоследствии «универсализированным» оформлением с суф. *-ин-*. Формант *-ехто*, вероятно, маскирует редкий гидронимический тип на **-ektis* или даже **-(j)aktis*, сходный с типом *-aktis*, который демонстрируют лит. *Vadaktis* р. (LUEV, 182) с его польским вариантом *Wodokty* и верхнеднепровск. *Водоча* р. (Топоров, Трубачев 1962, 166).

Маринцо (*Моринцо*) оз.: «да у Моринцо озеро, да зь Маринца озера» в вол. Дубна Торопецкой земли 1489 г. (Сб. РИО, 36, № 8), оно же *Маринцово* Езжинской вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 202, 211), *Маринница* (*Маринницкое*) Осташковского у. 1770-х гг. (ГМ-Ост, ч. 4, № 629), оз. *Маринница* с восточной р. *Маринница* 1853 г. (Мнд), оз. *Маринницко* 1862 г. (СНМ-Ост, № 9231), совр. *Маринница* оз. в р. Стрелица, связанную с оз. Охват. Гипотетический балтизм, особенно если принять исходным ранний, хотя и единичный, вариант *Моринцо*, близкий к лтш. *Mariņa* р. (Endzelins 1961, 379), латг. *Mariņtāles* оз. (Zeps 1984, 309), выступающий, наряду с большим количеством *Mar*-гидронимов в Балтии, образованием от и.-е. **mar-* 'стоячая вода, озеро' (см. *Морея*). Ср. также лтш. *Māra* р., *Mār-upe* р. (Endzelins 1961, 379), с удлинением гласным, что лучше соотносилось бы с основой *Марин-* данного озера имени, устойчиво свидетельствуемой более поздними фиксациями. Однако не менее вероятно исконно славянское происхождение назв. *Маринница*, которое, наряду с *Маринец* п. пр. Большого Тудра бассейна Ловати, *Маринка* (*Мринка*) р. в среднем течении Мсты, можно сблизить с новг. *марина* 'период дождей', *марь* 'болотистое место', *мары* 'настил из бревен на топком месте' (НОС, 544), *марь* 'завал в лесу, бурелом' Кириш. (СРГК 3, 200), пск. *марина* 'ненастная погода': «...Дождж идёт, марина. Няясный день, туман» Палк. (ПОС 18, 17), ст.-пск. *мары* 'туман, мгла' 1607 г. (Fenne, 20), арх.

марь 'туман, темнота при тумане' (СРНГ 17, 370). В таком случае рассматриваемое название характеризовало "туманное, мглистое" озеро, как и *Меглино* (см. с. 100).

Веленец оз. близ северного берега оз. Лучанское бассейна Западной Двины. Основа гидронима может отсылать к лит. *velionis*, *velionis* 'умерший', *velinès* 'день мертвых', лтш. *veļenieks* 'умерший' и т. п. лексике (подр. Fr. LEW, 1218–1219), сюда же названия рр. *Veliuonā*, *Veliōnka*, *Veliōnē*, оз. *Veliuōnis*, *Vēļys*, *Vēļykštis* и т. п. в Литве, р. *Velupīte*, оз. *Vellezers* и т. п. в Латвии, которые как правило связывают с лит. *vēlēs*, *vēlēs* 'духи предков' (Van. LH, 370). Судя по гидрониму, возле этого озера или рядом с ним, на северном берегу оз. Лучан, мог размещаться языческий могильник балтов. По второй версии, лимноним соотносится с лит. *velėna*, 'выкопанный ком земли; дерн; молодая трава', лтш. *veļena* 'кусочек дерна', 'кусочек торфа', лит. *velėnōti*, *velėnioti* 'покрываться дерном' и т. п. (Fr. LEW, 1218). Более предпочтительна первая гипотеза, особенно ввиду наличия вблизи оз. *Веленец* средневековой местности или селения с созвучным назв. *Велская*, см. ниже.

Велская д. или мстн. Торопецкого у. 1539–1541 г.: «Да того ж поместья старого десять вытей, что они выменили... на свою придачу на Лезной, на Мокроусово и на Велскую» (ПКНЗ 4, 653). Локализуется поблизости от оз. Веленец, поскольку *Велская* (в совр. орфографии – *Вельская*) упомянута вместе с мстн. *Лезна*, идентифицируемой с совр. ур. *Лезна* примерно в 5 км к северо-востоку от оз. Веленец. Наилучшим образом трактуется подобно соседнему *Веленец*, а именно на базе балтской мифологической лексики: лит. *vėlė* 'душа умершего', *vėlės*, *vėlės*, лтш. *velis*, *veļi* 'духи предков', т. е. отмечает расположение рядом с могильником балтов-язычников. Межтерриториальной параллелью выступает название д. *Велска-Волоска* 1538/39 г. близ юго-западного побережья Ильменя (ПКНЗ 4, 168, 169), которое тоже отметило культовое место балтов-язычников, скорее всего их могильник (Васильев 2012, 342–343).

Щетун (*Щитун*, *Щутун*) оз. Торопецкого у. 1539–1541 гг. (ПКНЗ 4, 641, 645, 647, 649, 652, 653), *Щачуново* под 1863 г. (ВТКЗверст), *Шатун* под 1911 г. (Шкапский, 114), совр. *Шату́н* оз. в течении р. Бросница,

протекающей из оз. Бросно в Западную Двину. Ранний вариант основы *Щетун*, полагаем, демонстрирует результат слав. палатализации балт. *Sket-*, отраженного в именах рр. *Skētupis*, *Sketupys* в Литве (LUEV, 149), эта основа, кажется, родственна лит. *skėsti*, *skėčia* ‘расширить, сделать больше’. К диалектному новг.-пск. изменению *sk > щ* ср. варианты пск. озерного назв. *Щир* (*Скир*), новг. *скепать* и *щепать* и т. п. (Васильев 2012, 513–514), блр. витебск. *Нещердо* оз. (< балт. *Ne-skerd-*, к лит. *skersti* ‘резать, колоть, рубить’). Формант *-ун* продолжает балт. *-ūnas*, как, скажем, в лит. водных именах *Verdūnas*, *Vijūnas* (LUEV, 18, 191). В рамках этой версии, гидроним *Щетун* характеризовал озеро, которое сильно разливается, увеличивается в размерах. Совр. вариант *Шатун* сближен с верхневолжск. *шатун* ‘зыбь в болоте’ Ост. (ТСГТО 1, 46).

Брисцо оз. Торопецкого у., возле которого указано и оз. *Брисцо Малое*, иначе *Брасцо Малое* (*Буйцо Малое*) 1539–1541 гг. (ПКНЗ 4, 641, 645, 647, 649, 653), совр. *Брисцы* оз. с прот. в оз. Бросно бассейна Западной двины. Допустимо сравнение с лит. *brizdis*, *birzdis* ‘вереск’ (к этимологии термина Fr. LEW, 44), следовательно, из более раннего ославяненного балтизма **Бризд(ь)це*, семантически ‘поросшее вереском’. Второе назв. – *Буйцо Малое* – получено переносом исконно слав. гидронима, отражая соотнесение с прилегающим оз. *Буец*.

Лучян (*Лучяно*, *Улчан*, *Лучаньское*) оз. в вол. Лопастыцы и *Буец* 1495/96 г. (НПК II, 798, 799, 800, 801, 803, 810, 811, 821, 822, 825), *Лучанское* (*Лучан*, *Лучахно*) 1560–1561 г. (ПКНЗ 5, 376, 380, 382, 404, 406), *Лучан* 1627–1629 гг. (Кн. Воейкова. Л. 143об. // ИАДП 2, 187, № 1964), *Лучани* 1911 г. (Шкапский, 112), *Лучано* 1927 г. (Шнк, № 180), совр. *Лучанское* оз. со стоком в р. Говшица, л. пр. Волкоты. Суффиксальная структура *Лучан-*, соотносительная с *лука* ‘изгиб берега’, в новгородско-псковской гидронимии славянского происхождения нигде более не проявляется, ср., впрочем, апеллятивную поддержку в пск. *лучанка* ‘пологий берег реки’ Палк., Печ. (ПОС 17, 234). Вместе с тем *Лучан* может считаться балтизмом, не в меньшей степени (а скорее в большей), чем генетическим славизмом, коррелирующим, в частности, с *Laiķenas* р. в Литве (LUEV, 86),

отсылающим к лит. *laiķas* ‘дуга, обруч; изгиб’. Оз. Лучанское действительно имеет извилистые берега, характерные изгибы береговой линии. Похоже, перед нами балт. основа **Lankēn-*, закономерно преобразованная на славянский манер. Приоритет балт. трактовке данного имени отдается в связи с тем, что оно приложено к довольно крупному, заметному озеру в местной округе, вокруг него много балтизмов, связанных с более малыми водоемами, а возле северного берега оз. Лучанское, вероятно, был могильник балтов, судя по именам ближайших к нему оз. *Веленец* и мстн. *Вел(ь)ская*.

Долосцо (*Долосцьцо*, *Долосьцо*) в вол. Буец 1495/96 г. (НПК II, 813, 815, 816, 817, 823, 825), *Долосцо* оз. с прот. *Долоска* в (?) оз. Должино 1560–1561 гг.: «(Пус) над Долосцом <...> Да гречи половина овина на той ж пустоши над Долоской» (ПКНЗ 5, 402, 403), *Долосце* Холмского у. 1780-х гг. (ГМ-Хлм, № 1554, 1589, 1594, 1595), *Долотцо* 1863 г. (ВТКЗверст), совр. *Долоссо* оз. в системе р. Волкота близ истоков Западной Двины. Ранняя фиксация озерного имени содержит письменную гиперкорректную вставку буквы *т*, передавая гидронимный вариант *Долос(ь)цо*. Хотя основа гидронима имеет балт. (или балто-слав.) этимологию, она была фонетически усвоена и разнесена по части исторических Новгородско-Псковских земель ранними славянами. В одной из недавних наших публикаций (Васильев 2021, 118–123) была подробно развернута версия о славянской полногласной адаптации основы *Долос-* из балт. **dalbs-* – не находящего апеллятивной поддержки деривата с суффиксом *-s* от глагола, который продолжен в лит. *dėlbtī* в значении ‘косо обрезать, тесать, бить, ударять’ [LKŽ] и в праслав. *dēlbtī ‘долбить, ковырять’. Гидронимы с основой **dalbs-* (в семантическом плане ‘то, что выдолблено, выбито, вырыто’) характеризовали водоемы с конфигурацией, напоминавшей желоб, паз в бревне, выдолбленный долотом, что прекрасно отвечает специфике всех таких озер. О хронологии этих балтизмов и дополнительном их распространении славянами см. подр. на сс. 90–91, 175.

Долосцо оз. в мстн. Стеклино в Торопецком у. 1539–1541 гг. (ПКНЗ 4, 656), *Долосец* 1863 г. (ВТКЗверст), совр. *Долосец* оз., впадающее в р. Сермяженка водосбора Ловати.

К этимологии см. выше *Долостцо* оз., которое, кстати говоря, находится в 4–5 км южнее оз. Долосец.

Вышеголо́с (*Вышеголас*) средневековое селение или урочище (?): «...Из Клѣщина озера на Вышеголо́с до Лопастницкого рубежа, Аркажа монастыря»; «...От Вышеголаса прямо на поперечный мост к Литовской доро́зѣ», согласно жалованной разводной грамоте 1483 г. (ДДГ, № 77, 292), более поздних сведений нет. Контекст документа позволяет приблизительно локализовать *Вышеголо́с* где-то немного южнее оз. Лопино, на пограничье Велильской и Лопастницкой волостей Новгородской земли. Безусловно перед нами композитное название, но о славянском происхождении его позволительно говорить только если допустить искаженную передачу формы *Вышеголовъ (из-за сходства написания букв «с» и «в»). Гипотеза о славизме довольно слаба, поскольку, во-первых, исходит из допущения неточной записи и, во-вторых, не находит ни одного достоверного лексического подтверждения структуре *Вышеголовъ в славянских языках, имеются лишь ссылки на подобно-го типа сложения с препозитивным компонентом *Выше-* (новг. *Вышегород*, *Вышебол*, костромск. *вышеболото* 'высокое болото') или с постпозитивным компонентом *-голов*, как *Луногало́ва* р. в верховьях Днепра (КБЧ, 99), сербохорв. *Liroglava* и др. (ЭССЯ 16, 185),

рус. *большеголо́вый* и т. п. Более правдоподобна версия о *Вышеголо́с* как о композитном литуанизме со вторым компонентом лит. *-galas* 'конец, край'. Действительно, топонимические сложения на *-galas*, *-gala* в балтских языках нередки: лит. *Ariogala*, *Maišiogala*, лтш. *Latgale*, *Zemgale* и т. п. (Топоров, Трубачев 1962, 172), ранее (Otrębski 1949, 242). В пользу балтского характера *Вышеголо́с* свидетельствует и то, что топоним был закреплён за пунктом, поставленным в пределах ВВДП на средневековой Литовской дороге, т. е. не исключено, что самими литовцами, и зафиксирован в период 2-й пол. XV в., следовательно, немногим позже того времени, когда вся эта местность ещё входила в состав Польско-Литовского государства. Отсюда становится понятным, почему лит. *-galas* не успело морфологически адаптироваться в местном славянском языковом окружении, сохранив даже свою литовскую флексию (*-as*), хотя фонетически закономерно было передано по-славянски в виде *-голо́с*. Значение 'конец, край' допустимо трактовать в смысле указания на русско-литовскую границу, которая и в самом деле пролегла где-то в данной местности в период XIV–XV вв. Первый компонент лит. сложения, впрочем, не ясен: похоже, мы имеем в нём «подгонку» некой балт. лексической основы под созвучную слав. основу *Выше-* (: *вышь*, *вышина*, *выше*).

Связи балтизмов с природными и антропогенными ландшафтами

Первичная мотивационная семантика многих балтских названий ВВДП вряд ли поддается строгому упорядочиванию. Это обусловлено тем, что при формальном тождестве этимологических корреляций и фонетических межгидронимных совпадений, семантика остается величиной непостоянной, изменчивой. При выяснении мотивировок приходится вынужденно приписывать дефиниции апеллятивов современных языков очень древним топонимам, которые мотивированы ранними значениями этих же апеллятивов, иногда полностью, иногда отчасти сходными с современными, иногда совершенно отличными от современных. Большинство балтизмов ВВДП подчеркивают природно-ландшафтные ка-

чества именуемых гидрообъектов: извилистость береговой линии (*Вселук*, *Лучян*), удлинённую конфигурацию водоема (*Илигово*, *Илкино*, *Долостцо*, *Долосцо*), размывание берегов (*Руна*), сырые, болотистые берега (*Волга*, *Пола*, *Полово*, *Польинец*), грязные, илистые берега и дно (*Меслинка*, *Дѣмонцо*, (?) *Жабера*), низменные берега, местности, поросшие травой (*Орлинце*, *Пяуна*, *Павиница*), высокие, овражистые берега (*Иртица*), большие разливы водоема при поднятии уровня вод (*Щетун*), качество воды в водоеме: прозрачная (*Стеклино*), пенящаяся (*Пена*), холодная (*Шеш*), наличие камней (*Стобенка*), течение быстрое, с полыньями зимой (*Персянка*, (?) *Ордовка*) или, напротив, медленное (*Селена*), проточность речки, озера

(*Орневка, Исня*), отсутствие течения (*Маринцо, Тиницкое*), малый размер озера (*Индено*) или речки (*Масавица*), берега, поросшие крапивой (*Должехта*), вереском (*Брисцо*); к данному ряду примыкают фаунистические назв. *Лопино* (“лисье”) и *Волкота* (“волчья”), быть может, связанное с культом волка. Все эти выхваченные водными именами признаки получают подтверждение в реальном гидрографическом ландшафте ВВДП.

Другая группа балтизмов выражает отношение к смежным или соседним гидрообъектам: впадение реки в оз. Полово (*Половизьма*) и соседство с оз. Полово (*Половизна*), соседство с оз. Илигово (*Илиговка*), гидрографическую связь с оз. Стержь (*Стергута*), расположение выше оз. Стержь (*Верхит (Верхут)*), исток реки из озера (*Морея*), соединение озером разных рек и частей реки (*Вотолово*), впадение притока перпендикулярно главной реке (*Витожетка*).

Появление третьей группы балтизмов связано сферой человеческой деятельности. Здесь присутствуют гидронимации по признаку соседства именуемых объектов с местами языческих захоронений балтов (*Веленец, Велская*), а также подчеркивающие наличие поблизости некоей границы, рубежа, окраины (*Вышеголос, возможно, Синка*). Некоторые названия подразумевают использование рек и озер как рыболовных угодий, хороших (*Жукопа*) или плохих (возможно, *Кудь, Кутева, Кудино*), отмечают речки, где ставили рыболовные запруды (*Калша*); качество рыболовных угодий выражают аксиологические назв. *Скорбино* (“плохое озеро”) и *Говшица* (“обильная, богатая речка”).

Особенно интересны гидронимические намеки на водно-волоковые коммуникации древнебалтского населения. На этой важной теме стоит остановиться подробнее. Согласно наблюдениям О.Н. Трубачева (2005, 115), широкое использование передвижения через волоки было характерно только для восточных славян, при том, что имеется «факт полного отсутствия значения “судоходный волок” в балтийском», хотя корень **velk-/*valk-* у балтов тоже хорошо известен и продуктивен. На наш взгляд, по отсутствию специализированного термина, еще не достаточно судить, что балты, в отличие от славян, не пользовались водно-волоко-

выми путями при своих миграциях. В пределах ВВДП найдется пара отчетливых гидронимических намеков на освоенные местным дославянским населением водные пути из одного речного бассейна в другой речной бассейн, что предполагает движение через водораздельные волоки.

Во-первых, имеется достоверный гидронимический балтизм *Нетесма* с буквальным первоначальным значением “непрямое направление; непрямое расстояние”. Правые притоки этой реки, впадающей в оз. Охват бассейна Западной Двины близко прилегают к левым притокам Жукопы, впадающей в Волгу, их разделяет безлесное болото и озеро, носящие балтские имена *Дерзкое, Дерзкий Мох* (: лит. *dirsė* ‘какая-то сорная трава’ – балтский аналог слав. *Клопино*, от *клопец* ‘сорняк’). Похоже, через Нетесму или вдоль нее когда-то пролегал не прямой, обходной маршрут из Западной Двины в Волгу (р. Нетесма – дорога по болоту – р. Кутевка или р. Черная – р. Жукопа, рис. 7), альтернативный более короткому прямому маршруту через оз. Охват, р. Двинку, оз. Двинец и далее волоком до оз. Соблаго и р. Орлинки, притока Волги. Хотя прямой маршрут отмечен славянским топонимом *Волочок* (подр. на с. 119), в дославянское время им, конечно, тоже пользовались. Косвенным свидетельством является локальный сгусток гидронимических балтизмов в местности, где пролегла эта древняя водно-сухопутная коммуникация (окрестности пос. Пено, р.ц. Тверской обл.), подразумевающий дославянское обустройство данного маршрута (рис. 4).

Во-вторых, распространение одного балтского гидронима *Руна* на две близлежащие реки в северо-восточной части ВВДП, относящиеся к водным системам Волги и Поля. Притоки двух рек *Руна*, разделяемых Волго-Каспийским водоразделом, берут начало в непосредственной близости один от другого. Возникает мысль о едином Рунском водном пути, некогда соединявшем Волгу с бассейном Поля и Ловати, которая укрепляется при более пристальном изучении местной гидрографии и гидронимии. Истоком волжской р. *Руна* принято считать оз. *Истошня*, о чем свидетельствует само озерное имя (семантически – “источное озеро”), но в древности гидроним *Руна* распространялся выше оз. Истошня – на р. Чи-

стенная, соединяющую это озеро (через оз. Хвошня) с оз. Лопино. В разводной грамоте 1483 г. современная р. Чистенькая именуется *Верхней Руной*: «Руною рекою вверх, да в-Восточно озеро, а из-Восточна озера да в межток, а межтоком вверх да в озеро во Хвошно, а из Хвошна озера в Верхнюю Руноу, да Руною вверх в Залъзено озеро...» (ДДГ, 292, № 77). Р. Чистенькая названа *Руной* также в писцовой книге 1588 г., описывающей д. *Орлова* «на речке на Руне» (ПКРВ, 217) (= совр. д. *Орлово* Пен. на р. Чистенькая) и на плане Осташковского у. 1770-х гг. (МГМ-Ост, ч. 3, № 796). Похоже, назв. *Руна* (*Верхняя Руна*) распространялось и выше р. Чистенькой, т.е. на рр. Уклейно и Плотица, соединенные с Чистенькой через оз. Залъзено (= совр. оз. Лопино), которые выводят к оз. Полевое, лежащему в самых верховьях Рунского бассейна. Рр. *Уклейно* и *Плотица* поименованы вторично – по смежным оз. *Уклейно* и *Плотично*, следовательно, их исконные имена предполагаются другими, т.е. они могли именоваться *Руна*. Таким образом, некогда балтизмом *Руна* скорее всего называли весь участок водного пути по волжской р. Руне – от устья до озерного истока. От оз. Полевого в истоке волжской Руны, через болотистый волок, остается совсем малое расстояние¹² до речки, называемой сегодня Сизовка, – одного из притоков второй р. *Руна*, впадающей в Полу. Здесь же,

на водоразделе между оз. Полевое и р. Сизовка лежит маленькое озеро, носившее характерное назв. *Мезгитно* (совр. *Мизгутня*) – достоверный балтизм, соотносимый с лит. *mezgūtine* ‘связанное, связывающее’ (подр. на с. 80). Название явно осмысливается ввиду древних коммуникаций (“узловое, связующее озеро”), поскольку закреплено за водораздельным озером, расположенным на стыке между водосборами волжской Руны и полавской Руны. Чтобы попасть из одного речного бассейна в другой, продвигались мимо этого озера, расположенного как раз на середине пути между истоками двух Рун и словно объединявшего эти истоки в один узел. В закреплении одного гидронима за двумя реками отразилось единство водно-волоковой коммуникации по Рунскому маршруту. Судя по балтским гидронимическим индикаторам, маршрут Руна – Мезгитно – Руна (рис. 7), использовавшийся для передвижения в разные озерно-речные системы, функционировал еще до прихода славян. Балты, жившие некогда на ВВДП, активно общались с бассейном Полы, где наблюдается высокая плотность оставленных ими названий, из Полы выходили на юго-восточное побережье Ильменя и далее к Волхову (Васильев 2007, 273, 284). Одним из значимых участков их передвижения от Верхневолжских озер к Ильменю являлся Рунский путь.

К вопросу хронологии балтского топонимического наследия

В результате проведенных нами целенаправленных поисков и этимологических штудий удалось выявить шесть десятков балтизмов в пределах ВВДП, достоверных, вероятных или сугубо гипотетических, закреплённых не только за водными, но и за иными типами географических объектов (рис. 4).

Одно из новшеств полученных результатов в том, что впервые было выявлена столь плотная концентрация балтского элемента на ограниченной территории площадью приблизительно 3500 кв. км. Многие десятки балтизмов выявлялись исследователями и прежде, но в пределах значитель-

ных пространств, целых регионов (и максимум несколько десятков на большой регион), в данном же случае изучался микрорегион с высокой концентрацией балтских имен крохотных водоемов и даже населённых пунктов и урочищ (д. *Шеш*, д. *Пяуна*, ур. *Велская*, ур. *Вышеголос*), хотя применительно к селениям раньше, кажется, даже не заводили речь о балтизмах. Догадываемся, что не только внутри ВВДП, но и в других местностях летописного Оковского Леса, особенно к западу и югу от ВВДП, плотность балтского элемента будет не меньшей. Тщательного историко-топонимиче-

¹² По современной карте менее 3 км.

ского изучения этих местностей, похоже, еще никем не проводилось, но беглый обзор крупномасштабной карты сразу же выхватывает здесь такие «маячково-балтские» речные и озерные имена, как *Обша, Береза, Нача, Ночная, Наговье, Серёжа, Сватолиха, Стадно (Стабно), Лобзы, Шаполка, Смата (Смота), Ишманка, Шамара, Лобно, Кудинское, Торопа, Неврожское, Дошио, Стрежино, Кунья, Мёжа, Дерзкое* и мн. др. Балтским является и само летописное назв. *Оковский Лес*, наряду с названием с. *Оковцы* на его восточной окраине: по мысли О.Н. Трубачева, перед нами полукалька с др.-балт. **Akū(n) medjas* ‘родниковый лес’, а более поздние варианты *Волоковский (Волконский) Лес* не что иное, как славянские переосмысления прежнего балтизма в связи с местными волоками (Трубачев 2005, 110–111, 116). Прочие гипотезы по поводу *Оковского Леса*: от фин. *joki* ‘река’, т.е. ‘лес рек’ (Алексеев 2006, 8) или от лит. *alkas* ‘жертвенная, святая гора, место для жертвоприношений’ (Дзермант 2009) – лингвистически несостоятельны. Любопытно, что назв. *Межа (Мёжа)* самого крупного притока Западной Двины в ее верховьях, похоже, имеет связь с балт. наименованием *Оковского Леса*: гидроним объясним как “лесная” или “центральная” река, и действительно, она вытекает из искони слабозаселенного центра *Оковского Леса* (сегодня в ее истоках расположен Центрально-лесной биосферный заповедник). *Межа (Мёжа)* соотносится либо с лтш. *mezis* ‘лес’, лит. *medis* ‘дерево’, либо с лат. *medius* ‘средний’, рус. *межа*, восходящими к и.-е. *medhiā ‘средний’ (ЭССЯ 18, 46–47).

Имеются признаки того, что состав проанализированных балтизмов ВВДП хронологически весьма разнороден, т.е. сформировался не одномоментным потоком мигрировавшего населения, а складывался в течении тысячелетий. Балты в районе Верхневолжских озер являлись традиционным, укоренившимся этносом, а не каким-то пришлым, распространившимся с юга поздним населением, как иногда полагают. В составе балтизмов ВВДП имеются структуры, позволяющие уточнить примерную хронологию всего изучаемого страта.

Верхние индикаторы страта представлены явно поздними географическими именами, закрепленными в 1-й пол. II тыс. н. э. – в период, когда все Верхневолжье и Верхнедвинье стали уже славянской (русской) землей. К этому, самому верхнему слою относятся прежде всего имена селений и урочищ, трактуемые как поздние литуанизмы (*Пяуна, Шеш, Вышеголос*), таковы и отдельные имена-литуанизмы малых речек, напр. *Калиша* (< лит. *kamišà* ‘запруда’). Отдельные поздние названия могли быть оставлены расселившимися далеко на восток группами латгальско-латышского населения (*Меслинка* и др.). Некоторые балтизмы (*Верхут* и др.) несут печать позднего влияния славянского языка, равно как и местные славянские имена начиная со 2-й пол. I тыс. н. э. испытали влияние балтского (подр. на сс. 172–176).

Среди гидронимических балтизмов ВВДП встречаются балто-славянские структуры, возникновение которых следует отнести по меньшей мере к периоду I тыс. до н. э. – времени, когда между балтским и праславянскими языками предполагают либо этап конвергенции (Трубачев 2002, 29–31), либо параллельное развитие общих изменений, заложенное в предшествующую эпоху конвергенции (Дини 2002, 160–161, со ссылками на работы литовских ученых С. Каралюнаса и В. Мажюлиса). Гидронимами данного типа могут считаться *Волга* (< балто-слав. **vilg-* ‘сырой’), *Руна* (< балто-слав. **raun-* ‘вырытый, вырванный’), *Полово* (< балто-слав. **pal-v-* ‘болотистый’) и нек. др. К ним примыкает пара озерных имен *Долостцо* и *Долосцо*, которые находят аналогии среди древних балто-славянских дериватов, хотя и созданы определенно балтами. На них стоит остановиться подробнее. Озерные имена *Долостцо* и *Долосцо* в микрорегионе ВВДП существуют не изолированно, а являются единицами довольно концентрированного гидронимического ареала *Долос-/Долыс-*, охватывающего территории юго-западной части Новгородской обл., западной части Тверской обл. и южной половины Псковской обл. За пределами обозначенной территории назв. *Долос-/Долыс-* отсутствуют полностью¹³. Все

¹³ Все названия ареала *Долос-/Долыс-* исчерпывающе приведены в статье (Васильев 2021, 118–123).

такие гидронимы развились из специфической структуры **dal(b)s-*, находящей ближайшие апеллятивные схождения с иносуффиксальным прус. *dalptan* 'долото, пробойник', равно как с праслав. **dolbto* 'долото, инструмент для долбления' (> совр. рус. *долото*, см. Аникин 1998, 220), но своеобразии **dal(b)s-* заключается в наличии редкого суф. *-s-*. Надо полагать, перед нами тот же самый суффикс, который отражен, к примеру, в праслав. **golsъ* (> рус. *голос*) и лит. *galsas* 'отзвук' (< балто-слав. **gal-sa-*), праслав. **běšъ* 'бес' и лит. *bašas* 'привидение, призрак' (< балто-слав. **baid-sa-*), праслав. *kopsъ* 'кусок' (< **kondso-s*) и лит. *kąsnis* 'кусок' и др. (Ан. РЭС 3, 143–144, 11, 150–151; Sławski 1976, 31–32). Появление этих и т. п. производных принадлежит весьма древней эпохе, поэтому они обычно находят структурные корреляты не только в балто-славянских, но и в германских языках. Полагаем, **dal(b)s-* следует интерпретировать как диалектную лексическую инновацию древних балтов, живших в истоках Волги, верховьях рек Мсты, Западной Двины и Великой. Судя по архаическому характеру дериватов с суф. *-s-*, структура **dal(b)s-* была создана балтами местного, новгородско-псковско-тверского ареала, надо полагать, не позднее начала нашей эры. Наличие **dal(b)s-* говорит о длительном, постоянном присутствии здесь балтского лингвоэтнического элемента. Со временем эта балтская диалектная инновация оказалась усвоенной новопривычными славянами в виде озерных имен *Долос-/Долыс-*. Следовательно, только часть таких гидронимов была оставлена собственно балтами в виде дославянского субстрата, другая, преимущественная их часть оставлена ранним восточнославянским населением. Создавшие эту лексическую основу балты в дальнейшем, начиная с V в. н. э., участвовали, наряду с местными финнами и пришедшими славянами, в сложении полиэтнической длиннокурганной культуры. Участием коренных местных балтов, длительно сидевших в юго-западной части исторических Новгородско-Псковских земель, вполне можно объяснить пересечение двух ареалов, гидронимического (*Долос-/Долыс-*) и археологического, т. е. длинных курганов.

В зоне ВВДП наблюдаются элементы языка не только восточной группы балтов,

но и более ранние и редкие собственно западнобалтские (пруссские) элементы, в частности гидронимы *Жукопа*, *Стобенка*, *Стержь*; похоже, западнобалтское происхождение имеет и структура **dal(b)s-*, рассмотренная выше. Коль скоро полагают, что западнобалтский язык стал отмежевываться от восточнобалтского незадолго до V в. до н. э. (Дини 2002, 65–66), то наличие свидетельств двух этих балтских типов на ВВДП допустимо считать аргументом, хотя и слабым, в пользу того, что балты на ВВДП появились раньше сер. 1 тыс. до н. э. – времени их языкового размежевания.

К наиболее древней категории названий, единично встречающихся в зоне ВВДП, безусловно относятся гидронимы, атрибутируемые в качестве протобалтских, или, по иной терминологии, древнеевропейских, древнеиндоевропейских. Основы этих гидронимов находят апеллятивные и/или проприальные соответствия не только в Литве, Латвии и на бывших балтских землях Поднепровья, но и в более широком лингво-территориальном масштабе – на пространствах Западной, Северной, Южной Европы, на Балканах. Это названия с индоевропейскими корнями и основами, первичная апеллятивная семантика которых связана с полем обозначений общих качеств воды и водных объектов: 'плыть', 'течь', 'бежать', 'темный', 'болотный' и нек. др. В изучаемых пределах ВВДП к ним следует отнести названия рр. *Пола*, *Морея*, *Исня*, *Орневка*, возможно, оз. *Индено*, на сопредельных территориях Оковского Леса и Верхневолжья таковы *Ольтечко*, *Серемо*, *Серменок*, *Орча*, *Тьмака*, но единичные гидронимы данного типа отмечены и на более широком пространстве Новгородско-Псковских исторических земель (Васильев 2009, 262–278).

Напр., *Серемо* и *Серменок*, имена двух приточных озер Селигера, показывают и.-е. **ser-* 'течь, плыть' с расширением *-m-*: **Ser-m-*, наряду с *Sermas* (*Serma*) р. в Литве, *Sermenza* р. в Италии, *Sermane* р. в южной Франции, *Strjama* (< **Serma*) р. в Болгарии, *Sirmium* р. в древней Дакии, *Церем* р. на северо-западе Украины, иллир. *Срем* мстн. в Среднем Придунавье и др., из апеллятивов – др.-инд. *sarmah* 'течение'. Назв. *Орневка* притока в оз. Пено и, южнее, *Орча* п. пр. Волги, содержат и.-е. **or-* 'двигаться, шевелиться (о воде)', ср.

др.-инд. *árnaḥ* 'поток, ручей' и имена рек *Arinas* в Литве, *Ara* в Испании, *Ahr* в Германии, *Ahre* в Англии и др. (параллели из [Van. LH, 47]). Немного восточнее, у Твери, впадает в Волгу р. *Тьмака*, название которой обнаруживает структурное тождество с известным с I в. н. э. речным назв. *Тимок* (*Timachus* у Плиния) п. пр. Дуная на границе Сербии и Болгарии: вероятно, из и.-е. *Tem-akwā "темная вода" (кстати, рядом с *Тьмакой* протекает еще р. *Тьма* с первоначально тождественным названием, но в процессе адаптации утратившим второй компонент приведенного и.-е. сложения).

Создателями гидронимии с широкими трансевропейскими связями традиционно считают, начиная с работ Х. Краэ (Krahe 1954), древних северных индоевропейцев Европы до разделения их на известные ныне европейские народы. Следовательно, такие названия старше балтских языков – литовского, латышского, прусского и др. Исследования В.-П. Шмида (Schmid 1994, 175–192, 226–247) показали, что наибольшая кучность древнеевропейских гидронимов наблюдается как раз в балтском этноисторическом ареале, что дало повод говорить о «балтоцентризме» всего этого слоя. Гидронимы с панъевропейскими межъязыковыми соответствиями, обнаруживаемые на Русском Северо-Западе, почти всегда обнаруживаются и на собственно балтских землях, имеют балтскую окраску в фонетике и словообразовании и так или иначе должны рассматриваться в балтской этноисторической ретроспективе. Поэтому их целесообразно называть протобалтскими гидронимами, оставленными тем индоевропейским населением Восточной Европы, из которого позднее обособились балты, а также иные родственные им

европейские народы. Ранними индоевропейцами в Прибалтике и Средней полосе России, по единодушному мнению археологов, были носители культур шнуровой керамики (прибалтийской, фатьяновской), датируемых нач. II тыс. до н. э. Если прослеживаемых археологически древних индоевропейцев считать создателями протобалтской гидронимии, то приведенные выше названия могут восходить ко II тыс. до н. э. Остается открытым вопрос: являются ли эти многотысячелетние гидронимы в Верхневолжье, Верхнедвинье и на Русском Северо-Западе возникшими *in situ* из языка проживавшего здесь индоевропейского населения II–III тыс. до н. э. или они были образованы где-то в других регионах, а затем перенесены сюда более поздними волнами уже собственно балтского населения? Вероятно, на тех территориях, где тысячелетиями проживали древние балты, они могли обеспечить их сохранение, там же, где население менялось, целесообразно вести речь об усвоении и переносах этих древнейших гидронимов балтами из более южных и западных регионов.

Опираясь на индикаторы верхней и нижней хронологических границ балтского топонимического слоя ВВДП, принимая в расчет его плотность и семантическое разнообразие, следует говорить о многотысячелетнем присутствии в данном микрорегионе балтского этноязыкового элемента. Возраст самых старых балтизмов здесь может достигать 3–4 тысяч лет, самых молодых – менее тысячи лет. Главная доля собственно балтских водных имен, объясняемых как правило на базе гидронимии и лексики литовского и латышского языков, надо полагать, сложилась в последние века до н. э. и в I-м тыс. н. э.

Вопрос финского топонимического наследия

Проблема заселения побережья Прибалтики и прилегающих территорий Русского Северо-Запада финноязычным населением продолжает дискутироваться. Мнение Э. Сетяля о формировании прибалтийско-финской языковой группы в период последних веков до н. э. позднее было пересмотрено Х. Моора, П. Аристэ и дру-

гими финноугроведами, которые полагали, что уже в III тыс. до н. э. побережье Прибалтики заселили языковые предки прибалтийско-финских народов (ОФУЯ, 6–7). В настоящее время многие лингвисты и археологи придерживаются более реалистичной концепции, по которой появление раннего прибалтийско-финского праязы-

ка в Прибалтике хронологизируют временем не ранее кон. II тыс. до н. э., связывая с продвижением в Прибалтику с Поволжья племен культуры текстильной керамики (см. Напольских 1990, 40–67; Хелимский 2000, 517).

Истоки Волги, Пола и Западной Двины вместе с остальной частью летописного Оковского Леса тоже включают в обширную зону культуры текстильной (сетчатой) керамики 2-й пол. II – 1-й пол. I тыс. до н. э., связываемой с финно-уграми (Основания регионалистики 1999, 272–273). В исследуемом микрорегионе ВВДП на смену этой археологической культуре пришла дьяковская культура VII в. до н. э. – V в. н. э., которую опять же атрибутируют финноязычным племенам, конкретнее – племенам мери и веси, ввиду частичного пересечения ареалов лингвистических и археологических. Таким образом, исходя из показаний археологии, данная водораздельная местность осваивалась финноязычным населением по меньшей мере в течение всего I тыс. до н. э. и приблизительно до сер. I тыс. н. э., что, однако, не вполне стыкуется с показаниями топонимики. От полуторатысячелетнего проживания финнов можно было бы ожидать заметный массив оставленных ими субстратных топонимов, но в действительности количество выявленных здесь финнизмов довольно скудное и не сопоставимо с числом выявленных балтизмов. Малочисленность финской топонимии в Оковском Лесу на фоне более восточных и северо-восточных регионов ранее отмечал В.Н. Топоров. По его наблюдению, финноязычный элемент «образует в целом почти сплошную цепь от Урала до Прибалтики с характерным разрежением на водоразделе верховьев Днепра, Волги и Зап. Двины и территории к северу от верхнего течения последней» (Топоров 1990, 106).

Будучи сравнительно малочисленными, древние водные названия, атрибутируемые в качестве финских, все же спорадически встречаются в разрозненных локусах Оковского Леса и прилегающих террито-

рий и несомненно свидетельствуют о древнем присутствии финноязычного населения. Они встречаются восточнее и кое-где севернее, южнее и западнее пределов ВВДП, хотя сама эта компактная подробно изученная нами местность выглядит обойденной надежными проявлениями финской топонимии. В бассейне Пола севернее ВВДП древние названия-финнизмы тоже не выявлены вплоть до впадения Пола в Ильмень, за исключением ряда карельских топонимов XVII–XVIII вв. (*Чирка, Корголово, Мадаламба* и нек. др.). К югу, вблизи южных пределов ВВДП протекают р. *Тюдма (Тюзьма)* (иначе *Тудма (Тюдма)* в XVI в., согласно ПКРВ, 184, 185, 188, 192), п. пр. Жукопы, и р. *Тудовка*, иначе – *Молодой Туд*, п. пр. Волги¹⁴, имена которых до сих пор не прояснены этимологически. Они безусловно не балтские и не славянские, но предполагаются финскими, находя соответствия на Русском Севере, в частности *Тудозеро оз.* в Вытегорском р-не и *Тутка (< *Тудка)* р. на востоке Грязовецкого р-на Вологодской обл. Немногим западнее пределов ВВДП, в бывших Торопецком и Холмском уездах, исследователи отнесли к финскому наследию несколько гидронимов (*Серёжа, Кезенка, Пелешка, Ильмаж, Тудёр* и нек. др., см. Агеева 1974, 108; 1989, 216–227; Попов 1981, 42), но большинство имен данного списка сегодня надежнее трактуются из балтского, кроме, пожалуй, *Ильмаж* и *Тудёр*. Название руч. *Ильмаж*, указанное Р.А. Агеевой в Торопецком у.¹⁵, уверенно сближается по основе со многими гидронимами Карелии, Финляндии, Русского Севера, их относят к архаической модели, «имеющей общие праприбалтийско-финско-саамские корни» (Захарова и др. 2018, 182). Имя *Тудёр* (в генитиве *Тудра*) двух соседних рек Холмского у. находит отчетливую финскую параллель *Tudra-järv* оз. в Эстонии. Эти два финнизма кажутся весьма архаичными и если их атрибутировать ранним финским носителям культуры текстильной керамики, то следует предполагать, что впоследствии эти финнизмы восприняли и сохранили балты Оковского Леса.

¹⁴ По этой реке были поименованы волости *Молодой Туд, Старый Туд* на западе бывшего Ржевского у. Тверской губ., жители которых – *тудовляне* – составляли особую этнографическую группу русского народа.

¹⁵ К сожалению, подтвердить существование руч. *Ильмаж* в окрестностях Торопца по имеющимся в нашем распоряжении письменным источникам не удалось.

Большинство древних финнизмов локализируются вблизи восточных пределов ВВДП – в Приселигерье и среди левобережных притоков Волги ниже Верхневолжских озер: *Селигер, Итомля, Коша, Сабро, Сиг, Сижина, Тихвина* и нек. др. Имена главного озера в этой местности – *Селигер* и вытекающей из него р. *Селижаровка* – еще с нач. XX в. трактуются исследователями (А. И. Соболевский, К. Буга, М. Фасмер, А. И. Попов, Р. А. Агеева, Л. Л. Шилов и др.) в качестве прибалтийско-финских с надежной этимологией, остальные вышеперечисленные гидронимы южных окрестностей Селигера тоже находят топонимические повторения и апеллятивную поддержку на Русском Севере, в Финляндии. Напр., к достоверным финнизмам относят приселигерск. *Сиг* оз., ср. сев.-рус. *Сигозеро* бассейна Ояти, наряду с *сиг*, обозначением рыбы, заимствованным в русский язык из прибалтийско-финских языков, а в прибалтийско-финские языки – из скандинавских. Форма лимнонима *Сиг* (по модели прямого закрепления обозначения рыбы) не свойственна русскому языку, в котором ожидался бы адъектив (*Сиговое* оз.), однако при законченном русском освоении субстратной двухчастной приоб.-фин. структуры с детерминантом *озеро* (типа *Siga-järvi) появление формы *Сиг* совершенно предсказуемо. В Селигере рыба *сиг* (*Coregonus lavaretus*) сегодня не водится, но местное население порой называло *сигом* хариуса (*Thymallus thymallus*), который встречался в верховьях Волги, кроме того, *сигов* отмечали в соседнем оз. Вселуг (Линдберг, Герд, 79, 116)¹⁶. Менее очевидным является имя одного из приточных озер Селигера – оз. *Сабро*, ранее *Собро*, с прот. *Сабровка*, ранее *Собрица*, хотя его можно вывести из фин. *savi* ‘глина’, конкретнее из праформы **Savi-järvi(i)*, буквально “глинистое озеро”, пережившей глубокую фонетическую обработку. Восточнее и северовосточнее Селигера, особенно в верховьях Мсты и Мологи, финский топонимический страт становится еще более заметным.

Что же касается детально изученной гидронимии ВВДП, то в ней найдены еди-

ничные предположительно финские следы, но достоверные финнизмы отсутствуют. Те немногие гидронимы ВВДП, которые допускают трактовки на финской языковой почве с соответствиями в географической номенклатуре областей бывшего и современного проживания финноязычного населения, при более тщательном анализе обнаруживают вполне надежные гидронимические и апеллятивные связи в балтских языках и в балтском этноисторическом ареале. При решении вопроса балтской или финской атрибуции гидронимов обычно больше доводов в пользу первой. Разберем подробно единичные факты нечетко дифференцируемых водных имен ВВДП.

Назв. *Руна* двух крупных рек ВВДП, интерпретированное нами как балтизм (ср. 76–77), прежние поколения исследователей без колебаний относили к прибалтийско-финскому наследию. Так, К. Буга верхневолжск. *Руна*, вместе с *Rauna* р. в Латвии, соотносил с эст. *raun*, Род. п. *rauna* ‘куча камней’ (Büga RR III, 507, 617, 647, 886). Впоследствии М. Фасмер для объяснения имен рек *Руна* привлек созвучные гидронимы *Ruonajoki, Ruonakoski* в Финляндии (Северо-Восточная Приботния) и среди апеллятивов фин. *ruona* ‘ил, грязь, тина’ (Vasm. VZHVO II, 370). Обе эти финские трактовки оказались уязвимы в свете более поздних лексикологических разысканий. Эст. *raun* не могло лечь в основу новгородского и тверского назв. *Руна* не столько в силу территориальной удаленности (заметно далеко текут эти реки от эстонского ареала), сколько из-за хронологических нестыковок. Эстонское слово вместе с гнездом фин., ижор., вод. *raunio*, кар. *raunivo* ‘груда камней на поле’ было воспринято из сканд., ср. др.-норв. *hraun* ‘куча камней’ (SSA 3, 56; SKES, 749), и, надо полагать, устоялось позже эпохи VI–VII вв., когда славяне могли встретить и усвоить субстратный гидроним *Руна* на юго-западном входе в будущие Новгородскую и Псковскую земли. К тому времени праславянская монофтонгизация *ou > u* осталась в прошлом и изменение *Roun- > Run-* едва ли ожидаемо¹⁷,

¹⁶ Сравнение *Сиг, Сижина* с фин. *sika*, эст. *sig* ‘свинья’ тоже допустимо, но менее приемлемо, чем с обозначением рыбы.

зато более вероятен славянизированный облик *Ровн-*, подобно сев.-рус. *рѡвница* 'куча камней, собранных на пашне' < фин. *rauniō*, кар. *rauniōo* 'то же' (Kalima 1915, 203; Фасм. ЭСРЯ III, 489; Мызн. РДЭС, 677), или древнерусскому имени г. *Ровно*, ныне с. *Rauna* в Латвии, полученному по смежной с городом р. *Rauna*. Не лучше обстоит дело и с возведением *Руна* к фин. *ruona* 'ил, грязь, тина'. По сообщению Финского этимологического словаря (SSA 3, 107), это слово несет совсем иное, хотя и гидрографическое, первоначальное значение – 'небольшой мелкий залив, топкий берег, ручей', но, главное, является собственно финским словом без надежной этимологии (впрочем, были попытки связать его опять же со скандинавскими языками). Хотя субституция приб.-фин. *uo* > др.-рус. *у* известна (ср. др.-рус. *сумь* < фин. *suoti* или сев.-рус. *луда* 'каменистая мель' < кар. *luodo*), отсутствие *ruona* в иных прибалтийско-финских языках, равно как диалектная ограниченность перехода *ō* > *uo* (он коснулся только фин., кар., лив. языков (ОФУЯ, 42) и происходил не ранее средневековья) заставляют отказаться от финских версий происхождения *Руна* для рек юго-западнее истока Волги, ставших известными восточным славянам с очень раннего периода их миграций к Ильменю и в Верхневолжье. Следовательно, приоритет отдается балтской этимологии имен этих рек, которая лучше обосновывается с собственно лингвистической стороны и поддерживает большую культурно-историческую ролью балтов в этом микрорегионе, в том числе освоением Рунского пути (см. с. 88–89).

Назв. *Синка* (*Синчина*) р., притока Стержа, отнесено нами к балтизмам (см. с. 79), но внешне его можно сблизить и с фин., кар. *synkkä* 'мрачный, темный'. Однако финско-карельское слово само считается заимствованием балтского слова типа лит. *sunkūs* 'тяжелый', причем заимствование произошло далеко севернее Верхневолжья, учитывая, что фин. *synkkä* вошло в более южные эстонские диалекты (в виде эст. *sünge*) (SSA 3, 230).

Более сложен вопрос с известным с 1489 г. названием маленькой р. *Павиница*, притока

Орлинки в пределах ВВДП, иначе – р. *Палница* в материалах 1770-х гг. Наряду с отчетливым литуанизмом *Пяуна* мы предположительно связали *Павиница* с лит. *pjaunė*, *pjaunys* 'поросшее мелким кустарником заливаемое болото, где весной и осенью находится вода' (см. с. 81). Вместе с тем форма *Павиница* (*Палница*) внешне допускает русскую деривацию от сев.-рус. ландшафтного термина *пáвна* 'топкое болото', 'болотистая местность', 'пойма реки, заливаемая в половодье', 'низкое место на лугу'. В этих и подобных тельмографических значениях *пáвна* имеет довольно плотный и очерченный ареал в Карелии, Архангельской и Вологодской областях, но начисто отсутствует в говорах западнее Вологодской обл., что, естественно, препятствует прямому возведению верхневолжск. *Павиница* (*Палница*) к сев.-рус. *пáвна*, отдаленному от истоков Волги. Термин считают заимствованным от фин. *rauna* 'лужа, яма с водой', диал. *rauni* 'большая яма, которая высыхает летом', эст. *raun* 'яма с водой для мочеания льна', *jõe-raunad* 'низменное место на берегу ручья, заливаемое водой', сюда же фин. производное *raunikko* 'сырое болото' и др., но все перечисленные финско-эстонские факты не объяснимы на исконной прибалтийско-финской языковой почве и вообще не находят приемлемой этимологии, подр. (Мызн. РДЭС, 566–567). На наш взгляд, финско-эстонская терминология на *raun-* формально и семантически сходится с лит. *pjaunė*, *pjaunys*, приведенными выше, и, следовательно, может считаться усвоенной из балтского. Детали явного сходства еще предстоит установить. Пока не ясно, является ли фин. *rauna*, эст. *raun* прямым заимствованием лит. *pjaunė* или же балтский термин вошел сначала в древние новгородские говоры (о чем, быть может, как раз и свидетельствует верхневолжск. *Павиница* (*Палница*)), а из новгородских было заимствован соседними финско-эстонскими диалектами.

Названия р. *Кудь* и соседней р. *Кутева* допускают альтернативу между балтской и финской этимологиями и имеют, пожалуй, наибольшие шансы на признание

¹⁷ По крайней мере в регионе исторических земель Новгорода и Пскова нами пока не найдено ни единого элемента топонимического субстрата, несущего достоверный отпечаток монофтонгизации *ou* > *u* при славянском фонетическом усвоении.

в качестве финского следа в пределах ВВДП. Ниже они были проанализированы нами в качестве балтизмов ввиду многих гидронимических подтверждений в этноисторическом пространстве балтов, язык которых знает также и лексику с корнями *kūd-, kud-* (см. сс. 78–79). Вместе с тем названия *Куд-/Кут-* и их лексические корреляты не менее хорошо известны на обширной территории, где живут или жили раньше европейско-финские народы. М. Фасмер объяснял верхневолжск. *Кудь* от фин. *kuotta* ‘грязь’ с привлечением фин. *Kuotisjärvi* оз. (Vasm. VzHVO II, 369), по современным данным, это оз. *Куэтсърви* в Мурманской обл. Но если вести речь о финской этимологии, более оправданно сравнивать *Кудь* с севернорусскими фактами *Кудозеро* оз., *Кудоч* место на берегу в Няндомском р-не Архангельской обл., которые возводят к фин., кар. *kutu*, люд. *kudu*, вепс. *kudo, kudu* ‘икра’, ‘нерест’ (Матв. СТРС II, 147, 151; SSA 1, 453), ср. еще *Кудома*, *Кудомлампи* в Карелии и заимствованное из прибалтийско-финских языков олон. *кудушка* ‘рыболовный закол’, 1885–1898 гг. (СРНГ 16, 17). Если верхневолжск. *Кудь* родственно перечисленным фактам, то оно приемлемо осмысливается в значении “нерестовой реки”. Есть еще *Кудьма* р. в районе Нижнего Новгорода, *Кудаша* (*Кудоша*) р. в Вологодской обл., *Куданга* р. в Костромском крае, *Кудянка*, которые сближают с мар. *кудо* ‘дом, усадьба’ (Матв. СТРС IV, 182–183), но предлагать марийскую этимологию для отдаленного имени *Кудь* в истоках Волги (см. Агеева 1989, 218) менее приемлемо, чем привлекать прибалтийско-финские *kud-/kut-* со значениями рыбной икры и нереста.

Для назв. *Сеньг* (*Сенег*) деревни и, по-видимому, ручья ВВДП в верховьях Пола, впервые зафиксированного книгой кон. XV в. (НПК II, 739, 740), обнаруживается немало созвучной топонимии в этноисторическом пространстве древних финнов, особенно в землях мери: *Сенег* – приток р. *Сеньга*, впадающей в Клязьму, д. *Сеньга-Лазарьково* на Клязьме близ Покрова Владимирской губ., д. *Сеньго-Озеро*, д. *Сенег-Покров* на р. *Сеньга* той же Владимирской губ., руч. *Сеняг-Ручей* у Вытегры, р. *Сеньга* в Грязовецком р-не Вологодской обл., *Сенег* в Московской обл. и др. Эти названия безусловно оставлены финноязычным населением

(см., напр., Матв. СТРС IV, 214; Кузнецов 2010, 194), однако этимологизация данных финнизмов предполагает отсутствие гласного между *n* и *g* (возводят к фин. *sänki, sāngi* ‘жнивье’), тогда как в новг. *Сеньг* наличествует долгая «ять» во втором слоге. Исходя из фонетики и соответствий на юге (Белоруссия, Украина) новг. *Сеньг* (*Сенег*) уверенно признается нами славянским архаизмом древнерусского времени (подр. на с. 157).

Бесперспективны поиски на ВВДП, равно как и на остальной территории летописного Оковского Леса водных названий из волжско- и пермско-финских языков. Следы неприбалтийско-финских языков в микрорегионе ВВДП не доказаны вовсе. Реликты столь отдаленных к востоку языков если и существовали когда-либо здесь, то были сnivelированы более поздними языковыми наслоениями. А. П. Афанасьев (1979, 58, 59) трактует название оз. *Охват* в истоках Западной Двины из коми *Охтвад “волоковое озеро” с опорой на существование древнего волока из оз. *Охват* к волжскому оз. *Пено*. Гипотеза беспочвенна, ибо озерный детерминант *вад* в Новгородско-Псковско-Тверском регионе нигде не известен, а имя оз. *Охват* хорошо объяснимо из рус. *охват, охватить*, причем не исключено калькирование русским именем прежнего балтизма (подр. на с. 174).

Большинство сохранившихся финнизмов в ближних окрестностях ВВДП, наряду с предположительно финским наследием в пределах ВВДП предпочтительнее связывать не с финно-угорской ветвью носителей культуры текстильной керамики, а с представителями более поздних дьяковских древностей. Если язык дьяковцев был в существенной степени близок языкам современных прибалтофиннов, то дьяковские названия могут интерпретироваться из прибалтийско-финской лексики и топонимии. Дьяковцы, судя по конфигурации ареала их материальной культуры, постепенно продвинулись в истоки Волги, Пола и Западной Двины с востока, вверх по Волге и ее притокам. Микрорегион ВВДП относится к западному пограничью их археологического ареала, они из Приселигерья, возможно, присвоив финское имя этому крупному озеру, проникали в сопредельные густо заселенные балтами

местности Оковского Леса. Балтское население местностей к западу от Верхневолжских озер преобладало по численности над редким финским населением, благодаря чему нивелировало значительную долю названий-финнизмов. Только этим обстоятельством объяснима раритетность финских топонимов: они отчасти оказались замещены балтскими, отчасти переосмыслены и фонетически балтизированы настолько, что сегодня воспринимаются как балтизмы. Славяне, пришедшие в V–VI в. на Волго-Двинско-Полавское межисточье, встретили там балтов, а не финнов. В свою очередь балты, продвигавшиеся из Оковского Леса к востоку, вниз по Волге и че-

рез ее левобережные и правобережные притоки, дали имя великой русской реке и оставили отдельные гидронимические балтизмы вплоть до окрестностей Удомли и Кимр¹⁸. Восточнее истоков Волги балты встретились с более плотным финским (дьяковским?) населением и в конечном итоге оказались ассимилированы финнами и славянами, утратив там значительную долю своей гидронимии. В целом удельный вес сохранившегося финского и балтского топонимического субстрата в зоне его смешения, наложения друг на друга во многом определяется результатами инфильтрации финского и балтского этноязыкового элемента в более плотную иноязычную среду.

---

¹⁸ Названия этих городов Тверской обл., полученные по р. *Кимерка* (< *Кимра) и оз. *Удомля*, предпочтительнее трактуются из балтских языков, см. напр. (Поспелов 2001, 201, 429).

ГЛАВА 4.

Средневековые славяне

Волжско-Двинско-Полавского водораздела в зеркале топонимии

Предварительные замечания

Славянская топонимия ВВДП представляет собой весьма многочисленный массив разнородных географических имен, которые были оставлены славянским (раннево-сточнославянским, древнерусским и собственно русским) населением, освоивавшим этот микрорегион с V–VI вв. н. э. Массовый характер и разнокачественность славянской топонимической номенклатуры требуют ограничений исследовательского материала в соответствии с поставленными задачами.

Наше исследование привлекает топонимию (преимущественно гидронимы – имена рек и озер и ойконимы – имена населенных пунктов), которая служит источником сведений об освоении средневековым славянским населением территории ВВДП, о реалиях жизни средневековых славян в природно-ландшафтной среде и о формировании славянами антропогенного ландшафта микрорегиона. В связи с этими требованиями нами преимущественно используется: 1) славянская топонимия, хронологически ограниченная эпохой средневековья (до XVII в.); 2) славянская топонимия, сложившаяся на базе апеллятивной лексики, часто терминологического характера, обозначающей реалии природного ландшафта (рельеф, водоемы, растительность, животный мир) и антропогенного ландшафта (водные и сухопутные пути, населенные пункты, хозяйственные угодья, промыслы, места погребений и др.); 3) вторичная славянская топонимия, сложившаяся на базе уже имевшихся прежде готовых названий и подразумевающая микротерриториальные гнезда расселения.

Проводимый ниже анализ базируется на показаниях исторической славянской то-

понимии, первые фиксации которой дает письменность XV–XVI вв. и более раннего времени. Топонимические формы ВВДП самых ранних письменных фиксаций, впервые упоминаемые исторической документацией, квалифицируются в качестве главных, опорных топонимов. Для полноты и убедительности картины анализа прослеживается судьба опорных топонимов по более поздним письменным и картографическим источникам, учитываются микросистемы названий-иррадиатов, деривационно зависящих от опорных названий, благодаря чему уточняется местоположение средневековой топонимии. Лишь в редких случаях мы привлекаем в качестве опорных исторические названия из эпох более поздних, чем XVI в., но структуры используемых поздних названий обычно несут те или иные черты архаики, подразумевающие раннюю, древнерусскую эпоху возникновения. Весьма многочисленная историческая топонимия отантропонимного происхождения почти не затрагивалась в нашем анализе, поскольку она не имеет непосредственного отношения к отражению реалий природного и антропогенного ландшафтов. Исключение мы сделали лишь для десятка названий, которые соотносятся с личными именами и обозначениями явно древнерусской эпохи, и нек. др. Вне рамок исследования остались единичные средневековые топонимы ВВДП с непроясненной этимологией, таких насчитывается менее десятка.

Опорные топонимы, специально анализируемые и/или поставленные в начало абзацев, помечены полужирным курсивом. Те из них, которые удалось локализовать, представлены на картах (см. Приложение к главам 3–4)¹⁹. К числу славянских опор-

¹⁹ Локализация считается наиболее точной, если средневековый топоним в тех или иных вариантных формах сохранился до начала появления в Российской империи в массовом порядке крупномасштабных карт

ных топонимов, кроме единичных случаев, не отнесены многочисленные имена селений, пустошей и урочищ, включая и самые ранние их фиксации, если такие имена вторично образованы переносами гидронимии.

Главные источники материала исследования: 1) писцовые книги XV–XVI вв., содержащие большое число топонимов на территориях Новгородских пятин, Торопецкого и Ржевского уездов (НПК; ПКНЗ; ПКРВ); 2) уездные планы и планы отдельных дач Осташковского и Холмского уездов, составленные в период межевания 1770-х – 1780-х гг. (ГМ-Ост, ГМ-Хлм); 3) двухверстный атлас Тверской губернии 1853 г.,

изданный под руководством генерал-лейтенанта А. И. Менде (Мнд); 4) Списки населенных мест Осташковского у. 1862 г. (СНМ-Ост); 5) трехверстная Военно-топографическая карта Российской империи 2-й пол. XIX в. (ВТКЗверст); 6) современные крупномасштабные карты и списки населенных пунктов, рек и озер, относящиеся к изучаемой местности ВВДП (ссылок на них мы не даем). Важным источником локализованного и скоординированного материала топонимов является «Исторический атлас Деревской пятины Новгородской земли», составленный А. А. Фроловым и Н. В. Пиотух (ИАДП).

Гидронимическое отражение реалий природного ландшафта

Славяне, пришедшие на ВВДП, не только восприняли заметную долю местной балтской гидронимии, но и образовали многие водные имена из лексических ресурсов своего языка. От балтов достались названия крупнейших озер в течении Волги (*Стерж, Вселуг, Пено*) и всех самых больших рек ВВДП (*Волга, Руна, Кудь, Жукопа, Ветожетка, Нетесьма* и нек. др.), кроме исконно славянского *Двина*, но эта река была поименована за пределами территории нашего подробного исследования (подр. на сс. 71–73). Названия малых речек и ручьев в основной массе славянские. Еще более высок процент славизмов среди озерных имен, причем, в отличие от рек, славянскими оказываются названия и самых больших озер на ВВДП: *Охват, Истошня, Хвошня, Колпино, Витьбино, Лопастница, Слаутинское, Бросно* и др. (кроме имени крупного оз. *Лучан*, допускающего альтернативу между балтским и славянским). Ошибочно думать, что славяне первыми добрались до озер и впервые поименовали их. Местное балтское население безусловно знало о крупных водоемах ВВДП (о чем свидетельствуют исконно балтские имена более

малых озер, перемежающихся с крупными), а значит, должно было присвоить им свои названия. Но эти дославянские гидронимы не сохранились, поскольку были замещены славянскими. Замещение реализовалось разными путями: славяне могли не знать прежнего имени водоема и присвоить новое, либо знали, но калькировали на славянский язык, либо знали, но исказили до неузнаваемости, сблизив с сходно звучащими славянскими словами. Попытки восстановления замещенных дославянских гидронимов по косвенным уликам как правило неубедительны, иллюзорны. Замещение множества балтизмов, особенно озерных, подразумевает, что славяне очень рано расселились вокруг озер и закрепили свои местные традиции гидронимации, замкнутые на ближайшие окрестности. Иначе складывалась ситуация относительно более или менее протяженных рек: их первоначальные автохтонные имена были известны и используемы на больших расстояниях в разных местах разными славянскими коллективами, что предохраняло речную гидронимию от утраты.

и планов местности – начиная с эпохи Генерального межевания 2-й пол. XVIII в. и позднее. В прочих случаях возможна приблизительная локализация средневекового названия по косвенным признакам, напр. по контексту соседних топонимов, перечисляемых писцовой документацией и нередко обрисовывающих приблизительный маршрут писца, по принадлежности поименованных селений одному и тому же владельцу, и др. Топонимы, локализуемые приблизительно, картографируются нами единично.

Ниже проанализированы свыше полусотни образованных славянами средневековых названий рек, озер, иногда и болот ВВДП, первичная мотивационная семантика которых сообщает об особенностях естественно-географического ландшафта. Гидронимы данного типа, которые удалось локализовать, представлены на рис. 5. Указанное число сопоставимо с количеством гидронимических балтизмов ВВДП, отметивших реалии природного ландшафта, что говорит о весомости балтского субстрата, усвоенного славянами. Рассматриваемые славянские гидронимы имеют разную хронологию, время их появления – с момента прихода славян до XVI в. В целом это наиболее древняя категория исконно славянских названий на ВВДП. Среди них наблюдается повышенный процент имен с чертами древневосточнославянской и древнерусской архаичности, хотя немало и названий, легко поверяемых современной диалектной лексикой Русского Северо-Запада, преимущественно новгородских и псковских говоров.

В основу славянской номинации гидрообъектов в подавляющем большинстве случаев положены гидрографические признаки универсального характера: скорость течения, звучание текущей воды, температура и цвет воды, туман над водой, глубина, наличие камней и песка, извилистость речного русла и конфигурация озерной акватории, заболоченность или гористость берегов. Универсальность этих ландшафтных признаков в том, что почти все они вычленимы как в гидронимии ВВДП, так и остального региона исторических Новгородско-Псковских земель. Встречаются единичные гидронимы, полученные по признакам гидрографической иерархии, они трактуются в конце раздела.

На бассейн волжской Руны приходится оз. *Меглино* Уломского десятка вол. Велила 1495/96 г. (НПК II, 748, 784), Осташковского у. 1770-х и 1853 гг. (ГМ-Ост, № 771, 786; Мнд), совр. оз. *Меглинское* Пен. Озеро имеет сток в реку, именованную *Мегленка* в 1495/96 г. (НПК II, 755), *Мегленка* в 1770-х и 1853 гг. (ГМ-Ост, № 785, 786, 787; Мнд), приравниваемую к совр. р. *Мегленка*, л. пр. Руны. Рядом с оз. *Меглино* локализуются оз. *Малое Меглинцо* Уломского десятка вол. Велила 1495/96 г. (НПК II, 748). Похоже,

с оз. *Меглино* идентифицируется оз. *Мглино*, указанное при описании д. *Слоботка над Мглином озером* вол. Стерж 1495/96 г. (НПК II, 701), которую локализуют (ИАДП 2, 91, № 8656) всего в паре верст к северо-востоку от оз. *Меглино*. Имена вытекающей реки и двух соседних более мелких озер были получены переносами опорного гидронима *Меглино*, который в свою очередь восходит к др.-рус. *мегленыи, мгленыи, мъгльныи, мглянои* 'туманный, мглистый; превращающийся из испарений в облако', 'темный, покрытый мраком; сумрачный, пасмурный' (Срезн. МС II, 223–224; СлРЯ XI–XVII 9, 52), далее к праслав. **тъгльнѣъ* или **тъгльнѣъь*, откуда также словен. *meqlen*, польск. *mgłany*, макед. *maglen*, ст.-чеш. *mehlný* 'туманный' (ЭССЯ 21, 95, 97). Соответственные гидронимы обнаружены в ряде других мест новгородских пятин, а также у западных славян и в Словении (они перечислены в Васильев 2012, 444–447). Все они осмысляются как первоначальные указания на темные, мглистые водоемы, часто покрытые влажной дымкой, туманом.

В верхнем течении р. Кудь на территории Пен. р-на имеется большая группа озер, которые практически все поименованы средневековыми славянами. В имени самого крупного водоема этой группы – оз. *Видбино* (*Вибыно, Вибино*) вол. Буец 1495/96 г. (НПК II, 822, 823), *Видбино* (*Видмино, Видно*) Вселуцкой вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 215, 219), *Видбино* (*Выдбино*) Осташковского у. 1770-х гг. (ГМ-Ост, ч. 4, № 753, 807, 808, 809, 810, 829, 831, 832, 833, 834, 835), *Видбино* 1853 г. (Мнд), *Витбино* 1862 г. (СНМ-Ост, № 9465), совр. *Витьбино* – ранние восточные славяне сочли важным выделить признак извилистости береговой линии. Берега оз. Витьбино в самом деле очень извилисты. Гидроним образован при помощи суф. *-ин-* от др.-вост.-слав. диал. **vitbba* 'извилина, изгиб'. Эта древняя лексема вышла из речевого обихода, по крайней мере в современных говорах она не прослежена, однако проявляется, помимо *Видбино*, в именах белорусских гор. *Витебск* и р. *Витьба*, новгородских оз. *Витебское* бассейна Мсты и д. *Витебско* на р. Шелонь западнее Ильменя (подр. в Васильев 2012, 353–354).

С оз. Витьбино узким проливом соединено оз. *Лопастница* (*Лопастницы*) в вол. Ло-

пастицы 1495/96 г. (НПК II, 798, 825), позднее – *Лопасница (Лопастницы)* Вселуцкой вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 215, 220), *Лопасино* 1770-х гг. (ГМ-Ост, № 828), *Лопастницы* 1770-х гг. (ГМ-Ост, № 829, 835, 836), *Лопастницкое (Лопастница)* 1770-х и 1853 гг. (ГМ-Ост, № 810, 812; Мнд), совр. *Лопастница*. Гидроним являет собой метафорическое наименование, первоначально закрепленное за северным плесом оз. Витьбино, который своей конфигурацией напоминает лопасть – широкий плоский конец чего-либо, суженный у основания. Ср. др.-рус. *лопасть* ‘лоскутки материи с треугольным или квадратным полотнищем’, *лопастка* ‘треугольная расшитая привеска’ (СлРЯ XI–XVII 8, 282). Озеро вначале считалось *лопастью* оз. Витьбино, а позднее, благодаря поддержке названия прилегавшего волостного центра (см. с. 127), дублировавшего гидроним, стало считаться отдельным от Витьбино водоемом.

Признак извилистости берегов содержится также в значении назв. *Луко (Лук)* оз. в вол. Лопастницы 1495/96 г. (НПК II, 792, 798), к нему гидрографически относилась р. *Залукая (Лукое, Залуковье)* Вселуцкой вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 220, 221). Это средневековое озеро отождествляется с одним из современных водоемов у северо-западного берега Лопастницкого оз., где значится сегодня ур. *Залуковье* Пен. Рядом с урочищем текла р. *Залукая*, которая, вероятно, в межевых материалах 1770-х гг. называлась руч. *Брод* (ГМ-Ост, № 828, 836, 837), а в настоящее время – руч. *Горские Устья*, соединяющем оз. Лопастницу и Заболотье. Назв. *Лукое* характеризует “кривое” озеро с большим количеством заливов и мысов, ср. др.-рус. *лукий* ‘кривой, согнутый’ (Срезн. МС II, 54).

Короткая протока связывает оз. Лопастница с оз. *Кочюжье (Кочюжо)* вол. Лопастницы 1495/96 г. (НПК II, 786), оно же *Закочюжье (Зожкуе)* Вселуцкой вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 216), *Закачужье* 1770-х гг. (ГМ-Ост, № 812), *Закочужье* 1853 г. (Мнд), совр. *Закачужье*. По деривации, *Кочюжье* – др.-рус. собирательное производное от *кочуга* ‘кочка’, обозначающее ‘кочкарник, место с кочками’ (ср. диал. *кочугурник* ‘то же’ СРНГ 15, 135,

от *кочугур(а)* – деривата с суф. *-ур-* от *кочуга* ‘кочка’), характеризовавшее озеро с кочковатыми заболоченными берегами. Префиксальные варианты *Закочужье (Закачужье)* относились сначала к деревне, поставленной “за Кочужьем озером”, но уже в XVI в. закрепились и за самим озером. Действительно, у берегов озера стояло несколько одноименных селений (см. с. 129).

Сходный признак заболоченности отражает назв. *Дригля (Дрихля, Дряхля)* оз. во Вселуцкой вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 219, 220), позднее – *Дрыхло (Дряхло)* 1770-х гг. (ГМ-Ост, ч. 4, № 851), *Дрохло* 1853 г. (Мнд), совр. *Дрыхлово* применительно к небольшому водоему с короткой протокой в западную часть оз. Витьбино. Возводится к обозначению зыбких болотистых мест, ввиду смол. *дрягиль* ‘болото’, *дряглый* ‘болотистый, топкий’ (ССГ 3, 149), укр. *драгли, дригло* ‘топь, болото’ в Черниговско-Сумском Полесье (Черепанова 1984, 75) и т.п. терминов (подр. в Васильев 2012, 390)²⁰. Характеризует болотное озеро с топкими, зыбкими берегами. Рядом с оз. *Дригля (Дрыхло)* межевые материалы 1770-х гг. указывают оз. *Подрыхло* (ГМ-Ост, № 837): < *Подрыхло т.е. “под Дрыхлом озером”.

Оз. *Оталец (Оталско, Оноталец)* 1495/96 г. (НПК II, 785, 798), оно же *Оталско* 1560–1561 гг. в вол. Лопастницы (ПКНЗ 5, 379), *Талское* вместе со смежной р. *Талица (Тмица)* Вселуцкой вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 216, 221), *Тальское (Атольское)* Осташковского у. 1770-х и 1853 гг. (ГМ-Ост, № 839, 840, 844, 845; Мнд), совр. *Атальское* Пен. связано протокой с оз. Заболотье и Лопастница. Отнесение М. Фасмером назв. *Атальское* к числу балтизмов, сближение его с балт. *Отолово* (Vasm. VZHVO I, 659) выглядит поверхностным без учета исторических сведений. На самом деле в названии авторитетна славянская префиксальная основа *Отал-* (а не *Атал-*, если судить по совр. *Атальское*, с проявлением аканья), и само озеро находится в плотном окружении водоемов с генетически славянскими именами. Объясняется пск., твер. *оталина* ‘место, где стаял снег; проталина’, диал. *отальный* ‘оттаявший’ без указ. места (СРНГ 24, 110).

²⁰ Появление дополнительных вариантов со звуком х (*Дрихля, Дряхля, Дрыхло*, в том числе совр. *Дрыхлово*) было вызвано вторичным сближением *Дригля* с *дряглый, дрыхнуть*, случившимся уже в XVI в. или раньше.

Название оз. *Оталец* (“оттаивающее, с полыньями”) находится в родстве со множеством гидронимов на *Тал-* в Новгородско-Псковских исторических землях: *Талая*, *Талка*, *Талец*, *Талик*, *Талица* и др., соотносимых с *талый*, *таять*. Они обыкновенно указывают на водоемы, которые быстро оттаивают, с быстрым течением и подводными ключами. Особый ранний вариант *Оно-талец* (в НПК II, 785: «*Заобрътенъ над Оно-талцом*») получен случайной редупликацией предлога *над* на письме, т.е. фактически приравнивается к *Оталец*.

Бросненская группа озер расположена в верховьях р. Волкоты, п. пр. Западной Двины. В отличие от Витьбинской группы, носящей только славянские названия, здесь перемежаются водоемы и со славянскими, и с балтскими (*Брисцы*, *Шатун*, *Должино* и др.) именами. Средневековые славянские имена входящих сюда оз. *Буец* и *Буино* отнесены нами к разряду «культурно-ландшафтных» номинаций (с. 123–124). Крупнейший водоем в этой местности носит неизменное имя на протяжении всей его письменной истории: *Бросно* оз. на границе волостей Лопастницы и Буец 1495/96 г. (НПК II, 803, 805, 813, 814, 815, 816, 817, 825), *Бросно* 1539–1541 гг. (ПКНЗ 4, 641, 645, 647, 649, 652, 653), 1560–1561 гг. (ПКНЗ 5, 401, 402, 405), Холмского у. 1780-х, 1863 и 1911 гг. (ГМ-Хлм, № 1652, 1661, 1666; ВТКЗверст; Шкапский, 112), совр. оз. *Бросно* Андр. со стоком в р. *Бросница*, п. пр. Волкоты (= р. *Бросница* Торопецкого у. 1539–1541 гг., согласно ПКНЗ 4, 649, 652, иначе – р. *Броска* на ВТКЗверст 2-й пол. XIX в. и в материалах Шнк 1929 г.). Это редкое и, пожалуй, не окончательно проясненное озерное имя без межтерриториальных повторений, за исключением назв. *Бросенцо* (*Бросинцо*) оз. Локоцком пог. 1495/96 и 1550 гг. (НПК II, 10, 14; ПКНЗ 5, 110) в среднем течении Мсты. Надо полагать, близко соотносится с зап.-рус. *броснь* ‘плесень, гниль’, *броснѣть* ‘плесневеть, цвести гнилью’ (Даль 1, 131; СРНГ 3, 199), блр. *броснь*, *бросня* ‘плесень’, *браснѣць*, *броснѣць* ‘плесневеть (о жидкостях)’ (ЭСБМ 1, 381). В назв. *Бросно* нашла отражение более ранняя, исходно-этимологическая семантика слова *броснь*, которое либо сближают с др.-рус. *броныи*, *бронии* ‘белый, серый, буланый (о масти коня)’, праслав. **brōnъ(jь)*

‘светлый, светло-коричневый’, трактуя первоначальным цветообозначением – от корня **brod-*, проявленного в др.-инд. *bradhna-* ‘красноватый; желтый’ (ЭССЯ 3, 42), либо считают производным от праслав. **broditi* ‘закисать (о жидкости)’, рус. *бро́дить* (о жидкости): *броснь* < **brodsnъ* (Ан. РЭС 4, 253). На наш взгляд, предпочтительнее вторая версия о первоначальном значении слова *броснь* – ‘то, что бродит, закисает’, которое, быть может, и обусловило топонимацию *Бросно*, поскольку отвечает специфической особенности данного водоема. Исследования показали, что это озеро, самое глубокое в Тверской обл., содержит запасы сероводорода в донных отложениях, и временами газ выходит наружу в виде пузырьков. Это могло создавать впечатление о брожении озера и отразиться не только в его названии, но и в появлении популярного мифа о ящере оз. *Бросно*, подобном лохнесскому чудовищу (https://ru.wikipedia.org/wiki/Бросненское_чудовище).

Оз. *Менцо* в мстн. Теревета в Замошской перевале Торопецкого у. 1539–1541 гг. (ПКНЗ 4, 655) писцовой книгой записано с явным искажением, правильное: оз. *Мишенцо* (“поросшее мхом”) ввиду того, что источник (Там же) отмечает при этом озере тезоименные д. *Мишенцы* и п. *Мишенцо*. Не ясно, можно ли локализовать средневековое оз. *Менцо* (= *Мишенцо*) в истоке р. *Мошница* рядом с ур. *Мошница* Андр. *Мошницей* сегодня называют верхнее течение р. *Жаберка*, п. пр. Западной Двины.

На каменистость берегов и дна указывает назв. *Камено* (*Каменское*) оз. в вол. Лопастницы и Буец 1495/96 г. (НПК II, 797, 798, 805, 821), *Каменое* Холмского у. 1780-х гг. (ГМ-Хлм, № 1544), совр. оз. *Каменное* со стоком в оз. Лучанское через р. *Каменец* (= *Каменница* на ВТКЗверст 2-й пол. XIX в.) бассейна Западной Двины. Форма *Камено* демонстрирует именную облик относительного прилагательного, отсылая к древнерусскому времени. В более поздней членной форме имеется *Каменьи* руч. Езжинской вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 202). Название р. *Пещанка* 1623–1625 гг. (ИАДП 2, 183, № 8644), 1770-х гг. (ГМ-Ост, № 426 431 432), *Песчанка* 1862 г. (СНМ-Ост, № 9086), совр. *Песчинка*, впадающей в оз. *Стерж*, указывает на песчаное дно, песчаные берега.

В средневековой гидронимии ВВДП найдется несколько образований от др.-рус. *чьрныи*: 1) р. **Черная** 1483 г. (ДДГ, № 77, с. 291), она же р. *Чернушка* из оз. **Черное** Вселуцкой вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 228, 233), Осташковского у. 1770-х гг. (ГМ-Ост, № 438, 767), совр. *Чернушка*, п. пр. волжской Руны, течет из озз. *Черное Большое* и *Черное Малое*; 2) руч. **Черный** рядом с пч. *Над Черным* вол. Велила 1495/96 г. (НПК II, 743), он же *Черный* Осташковского у. 1770-х гг. (ГМ-Ост, № 818, 820), или *Черной*, п. пр. Плотицы, течет мимо д. Гоголь Осташковского у. 1853 г. (Мнд); 3) оз. **Черное**, где была п. *Над Черным озерком* вол. Велила 1540–1541 гг. (ПKNЗ 4, 335); 4) оз. **Черное** вол. Велила, на ней д. Офремовская 1495/96 и 1540–1541 гг. (НПК II, 743; ПKNЗ 4, 334), (?) *Глухое* 1770-х и 1853 гг. (ГМ-Ост, № 767, 769; Мнд), совр. *Ефремовское* глухое оз. в истоках Полы. Все такие гидронимы мотивированы признаком темного цвета болотной воды и относятся к водоемам, расположенным среди болот.

Признак красноватого цвета воды положен в основу названия оз. **Чермное** вол. Велила 1495/96 г. (НПК II, 741), *Чермное* (*Черное*) 1540–1541 гг. (ПKNЗ 4, 333), находившегося где-то вблизи озз. Лопино и Уклеино системы волжской Руны. Ср. др.-рус. *чьрмыньи*, *чермыньи* ‘красный, багряный’, ‘огненно-красный, рыжий (о волосах)’, *чьрмынь* ‘красный цвет, румянец’ (Срезн. МС III, 1559–1560). В новгородско-псковской гидронимии обозначения красного цвета, как и черного, применялись для именования гидрообъектов с болотной водой, которая при освещении на мелководьях выглядит красноватой, а на глубоких участках – черной. Что касается бол. **Красное** в Замошской переваре Торопецкого у. 1539–1541 гг. (ПKNЗ 4, 659), которое отождествляется с теперешним бол. *Красный Мох* Пен. р-на, расположенным между оз. Охват и р. Жукопа, то оно было названо по красноватому цвету мохового покрова, наблюдаемому на участках сфагновых болот с малым количеством иной растительности.

Назв. **Ржавица** для притока оз. Корено системы р. Кудь хотя упоминается поздно – в 1770-х и 1853 гг. (ГМ-Ост, № 813; Мнд), безусловно существовало в древнерусское время, по крайней мере в XV в., о чем свидетельствует производное наименование

бол. **Ржавецкой Мох** грамоты 1483 г. (ДДГ, № 77, с. 292): так именовали большое болото к югу от озз. Корено и Долгое, где протекает р. Ржавица (сегодня это болото называют *Ижманский Мох*). Дериват от др.-рус. *рѣжавыи*, рус. *ржавый*, сообщает о воде, окрашенной ржавым цветом из-за выхода по берегам болотного железняка. Неподалеку от *Ржавицы* локализуется озеро с семантически похожим «говорящим» назв. *Железно* (подр. на с. 150).

Не требуют особых пояснений повторяющиеся имена нескольких водоемов ВВДП: 1) оз. **Долгое** Вселуцкой вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 215), Осташковского у. 1770-х гг. (ГМ-Ост, № 807), совр. *Долгое* бассейна р. Кудь, лежит между озз. Корино и Среднее; 2) оз. **Долгое** Вселуцкой вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 228), Осташковского у. 1770-х и 1853 гг. (Мнд; ГМ-Ост, № 753), совр. *Долгое* оз. со стоком в р. Кудь; 3) оз. **Долгое** Торопецкого у. 1539–1541 гг. (ПKNЗ 4, 645), не отождествленное с каким-либо современным водоемом. Все они получены от *долгий*, ранее – *дългыи* ‘длинный’ и характеризуют удлиненную конфигурацию водоемов. Второе из перечисленных озер в грамоте 1483 г. названо *Тихое* (ДДГ, № 77, с. 292), т. е. “тихое, с неподвижной водой”.

Столь же самоочевидно назв. **Глубокое** для водоема в Замошской переваре Торопецкого у. 1539–1541 гг. (ПKNЗ 4, 655), который, вероятно, следует идентифицировать с оз. *Глубокое* Осташковского у. 1770-х гг. (ГМ-Ост, № 747), совр. оз. *Глубокое* в течении р. Новинка бассейна Западной Двины. Второе назв. **Глубокое** относилось к пустоши, «что было селцо» Вселуцкой вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 237), оставшейся не локализованным. Похоже, это исконный гидроним, передавшийся бывшему сельцу и пустоши от какого-то ближайшего водоема: от оз. *Глубокое* или р. *Глубокая*.

Остающееся без точной локализации оз. **Сердечко** вол. Буец 1495/96 г. (НПК II, 825) имеет название-метафору: “напоминающее своей конфигурацией сердце”; в пределах ВВДП такое же имя *Сердечко* носит один из островов на оз. Лучанское, похожий по форме на сердце.

Средневековое оз. **Беретец** (*Беридец*) Вселуцкой вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 232), *Берець* 1853 г. (Мнд), *Беретицо* 1862 г. (СНМ-Ост,

№ 9065) отождествляется с теперешним оз. *Березуг*, соединенным через р. Большая с верхневолжским оз. Вселуг. Название модифицировалось из ранней формы *Обверетец, отметившей озеро, “окруженное веретями – продолговатыми возвышениями, грядами”; ср. др.-пск. *веретия* ‘возвышенное место’ XIV–XV вв., пск. *веретье* ‘возвышенное сухое место’ (ПОС 3, 90), новг. *вереть*, *веретье* ‘участок земли’, ‘полоса, засеянная одной культурой’, ‘возвышенная сухая гряда близ берега, незаливное место’, ‘пашня на возвышенности’ и мн. др. (НОС, 99–100). В Верхневолжье имеется соответственное назв. *Оберетно* оз. в 4–5 км к западу от Полновского плеса оз. Селигер (< *Обверетно), но в случае с *Беретец* произошло перерасположение префикса с утратой звука *o*. Этот фонетический процесс тоже наблюдается в Верхневолжье, напр. в термине *будворицы* ‘место, где кончается село, деревня и начинается поле, луг, лес’ Осташк. Калин. (СРНГ 3, 242) при *обдворица* ‘земля, расположенная сразу за селением, за дворами’ (Указ. соч. 22, 154), ср. еще брян. *баривать* ‘обваривать’ (СБГ 1, 32). Появление звука *ч* в варианте *Беречье* XIX в.²¹ (< *Беретье < *Обверетье) связано с недостаточным различием аффрикат в местном говоре.

Сырычина р. разводной грамоты 1483 г. (ДДГ, № 77, с. 292), *Рыченка Большая* (*Сырычанка*, *Сырычинка*) 1770-х гг. (ГМ-Ост, ч. 4, № 805, 807), (?) *Пучинка* 1853 г. (Мнд), совр. *Сырыченка*, л. пр. Куди, выступает производным от тельмографического обозначения, такого как новг., волог. *сырочь* ‘сырое, болотистое место’, ‘сырость’ (СРНГ 43, 167), указывая на водоем с сырыми, болотистыми берегами; ср. еще новг. *Сырытино* оз. в бассейне Сяси (< *сырота* ‘сырость’). В этой же грамоте 1483 г. содержится лимоним *Сырычино* (ДДГ, № 77, с. 292), под 1770-х гг. – *Сырычан* (*Сырчино*) (ГМ-Ост, № 807), прилагавшийся к озеру в течении Сырыченки. Позднее, с XIX в., за этим водоемом закрепилось назв. *Духовик*, по смыслу напоминающее прежнее *Сырычино*; ср. родственные *Духовик* диалектные факты типа

пск. *продушина* ‘окно в моховом болоте’, укр. *продуха* ‘мокрая ложбина между холмами’, польск. *duchowina* ‘влажная болотистая почва’ (Мурз. СНГТ 2, 151).

Название р. *Кривица* в вол. Дубна 1489 г. (Сб. РИО, 36, № 8), отождествляемой с р. *Кривица*, впадающей в северо-восточную часть оз. Охват через оз. Мариница, нетрудно возвести к др.-рус. *кривьи* ‘кривой’ из-за кривизны речного русла. В свою очередь по речке могли быть поименованы две дд. *Кривицы* Замошской перевары Торопецкого у. 1539–1541 гг. (ПКНЗ 4, 661, 662). Однако не следует упускать из виду вероятность мотивировки топонимической системы *Кривица* – *Кривицы* этнонаименованием *kriovъ или *кривичи* (см. с. 173).

Два средневековых гидронима ВВДП манифестируют признак холодной, студеной воды в реке, озере: 1) *Студенец* р. Торопецкого у. рядом с оз. Бросно 1539–1541 гг. (ПКНЗ 4, 649), совр. *Студеница*, п. пр. Бросницы, где стоит д. *Студеница* Андр.; 2) *Студеница* р. в вол. Дубна Торопецкой земли 1489 г. (Сб. РИО, 36, № 8), *Студъница* (*Студеница*) 1770-х гг. (ГМ-Ост, № 628), *Студенец* (*Студеница*, в нижнем течении) 1848 и 1853 гг. (ВСО-РИ-ТГ, 65; Мнд), совр. *Студеница* п. пр. Стрелицы, р. в оз. Охват. В истоках речки лежит оз. *Студенець* 1489 г. (Сб. РИО, 36, № 8), 1770-х и 1853 гг. (ГМ-Ост, ч. 4, № 747; Мнд), совр. *Большой Студенец* близ оз. *Малый Студенец*, эти озера расположены среди болота, известного по источнику 1489 г. как *Студенецкий Мох* (Сб. РИО, 36, № 8). Гидронимия на *Студен-*, вообще нередкая на Русском Северо-Западе, закреплена за водоемами с холодной, студеной водой, на берегах которых есть родники, подземные ключи.

Горынка (*Горянка*) р. 1770-х гг. (ГМ-Ост, № 722, 631), 1853 г. (Мнд), совр. *Горянка*, впадающей в оз. Охват, относится к числу архаизмов по крайней мере древнерусской эпохи. Среди межтерриториальных соответствий имеются новг. *Горыни* д. около 1500 г. (НПК III, 73), или *Горынь* п. пр. Припяти, п. пр. Днепра (с 1-й пол. XII в.), или *Горыня* р. бассейна Днестра, и др. (Шульгач

²¹ С XIX в. постепенно устоялось новое, используемое сегодня название этого водоема – *Березуг*, полученное, надо полагать, путем переосмысления созвучного варианта *Беречье* старого названия. Старая форма, ставшая непонятной, была сближена с твер. *березуг* ‘березовая роща’, *березуга*, *березуча* ‘березовый лес, роща; березняк’ (Слгр 1, 38–39), *березуга* ‘березовый лес, роща’ (ТСГТО 5, 7).

1998, 97–98), ср. еще реликтивно сохранившееся дон. *горыня* ‘гора’ (СРНГ 7, 79) и персонифицирующий эпитет *Горыньевич* для р. Терек, берущей начало в горах: «Ах ты... Быстрый Терек, ты *Горыньевич*» (Журавлев 2005, 593). В качестве гидронима характеризует реку с высокими гористыми берегами. Близкий смысл несет назв. *Крутой*, л. пр. Чернушки, п. пр. Руны 1483 г. (ДДГ, № 77, с. 291), которое, в отличие от *Горынка*, самоочевидно и повсеместно указывает на овраги с крутыми берегами.

Заборье оз. во Вселуцкой вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 212), *Заборье* (*Заборья*) 1770-х гг. (ГМ-Ост, ч. 4, № 747), совр. *Заборское* оз. со стоком в р. Новинка, далее в оз. Медвежье бассейна Зап. Двины. Гидроним ориентировал озеро относительно бора, хвойного леса на возвышенном месте: “расположенная за бором, боровым местом”, ср. местные верхневолжские термины *бор* ‘лес преимущественно из хвойных пород’, *боровой лес* ‘сосновый лес’, *боровое место* ‘сухой хвойный лес’, *боровина* ‘сухое поле, ничем не засеянное’ и т.п., см. (Слр 1, 60–61; ТСГТО 5, 7).

Ратман (*Ратмон*, *Ратна*) руч. Вселуцкой вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 224, 225), приравнивается к р. *Рахманка* 1770-х и 1853 гг. (ГМ-Ост, № 814, 815, 816, 826; Мнд), впадавшей в оз. Уклеино системы волжской Руны. Ранние записи с буквой *t* неточно воспроизводят форму *Рахман*, удостоверяемую производным *Рахманка* XVIII–XIX вв. Объяснимо через *рахманный* ‘бойкий, расторопный’, *рахман* ‘хулиган, разбойник’, распространенные в новгородских говорах (НОС, 1017). Будучи метафорически приложенным к водоему, данное название характеризовало быстрый (= «бойкий, расторопный») ток воды в ручье, речке.

Бохотское оз. в вол. Велила, согласно писцовой книге 1623–1625 гг.: «п. Олфимово Олферово тож у оз. у Бохотцкого вверх рч. Моревы» (ИАДП 2, 185, № 8917), оно же оз. *Большой Бохотец* (*Бохотня*) в близком соседстве с оз. *Бохот Малый* (*Малый Бохотец*) Осташковского у. 1770-х гг. (ГМ-Ост, № 792), но в XIX в. становится оз. *Алфимово* 1853 г. (Мнд), сегодня – оз. *Алхимцево* в истоке р. Марёвка, п. пр. Полы. В кон. XV в. озеро могли называть *Бохот, если судить по названию соседней д. *Бохот* вол. Велила. Гидроним характеризует озеро с омутами, при-

равнивается к блр. *бохат* ‘самое глубокое место в ручье или речке’ (Яшк. БГН, 104), рус. диал. *бохат* «ниже мельничной плотины» Ростов. (СРНГ 3, 139), наряду с гидронимией *Бохот*, *Бохотка*, *Бохоток*, *Бохото* во в бассейне Оки (Смол. ГБО, 40, 101, 156, 168), польск. *Bochotek*, *Bochotnica*, болг. *Бохот* (по Чумакова 1992, 86; НВ, 124, 138). Материал дополняют варианты свердловск. *бухоток* ‘шум от подводного ключа, родника в заводи’ (СРНГ 3, 325), блр. *бухта* ‘глубокое место в реке на ее повороте’ (ЭСБМ 1, 427), *богот* волог. ‘омут, подводная котловина, ямина’, яросл. ‘бучало, омут под мельничным колесом’ и другие рус. диал. факты (Даль 1, 102; СРНГ 3, 46, 53), к этимологии (Ан. РЭС 3, 303–304).

К числу архаизмов, возникавших еще в праславянский период, относится *Сопот*, л. пр. Стабёнки, л. пр. Щеберёхи, п. пр. Полы, не попавшее, впрочем, в письменные источники. Эту же основу показывают новг. *Сопотно* д. Бельского пог., *Сопотово* д. Щепецкого пог., XV–XVI вв. (НПК V, 450, 540), зап.-укр. *Сопот* п. пр. Стрыя в Галиции (Трубачев 1968, 263), польск. *Sopot*, *Sopotnik*, *Sopotnica*, чеш., словац. *Sopotnice*, макед. *Sopotnica*, сербохорв. *Sopot*, *Šopot*, *Sopotnica* (к *šopot*, *sopot* ‘сырой источник’), словен. *Sopotnica*, *Sopot*, *Sopota*, *Supot* и т.п., цит. по (Snoj ESSZI, 389). Такие гидронимы отмечали “издающий сопение, шумный” поток воды. Ср. пск. *сопот*, *сопоть* ‘с шумом горящий сильный огонь, пламя’, ‘свод русской печи’, ‘одышка, храп у лошади’, волог. ‘быстро бегущая лошадь’, пск., осташк. твер. ‘хлопоты’, пск., осташк. твер. *сопотень* ‘тот, кто все время сопит’, пск., смол. *сопотать* ‘пыхтеть, сопеть’ (СРНГ 39, 341–342).

Архаизмом скорее древневосточнославянской эпохи является назв. *Свирь* руч. между озз. Большое Свирское и Малое Свирское, связанными с р. Кривица, оз. Мариница и далее с оз. Охват. В плане номинации назв. *Свирь*, как и *Сопот*, отмечало быстрое и шумное движение воды в речке, будучи производным от глагола новг., пск. *свирить* ‘о движении воды (в водовороте)’: «Так и свирила вода, водополь была, снег таял»; «Из-под плиты в ключе так и свирит» (СРНГ 36, 295). Этимологически данный глагол следует объединить с пермск. *свирить* ‘играть на свирели’, ср. *свирью свирить*

(Там же), *figura ethymologica*, показательная в аспекте производства назв. *Свирь*. Среди межтерриториальных соответствий: юж.-пск. *Свира* (*Свирянка*) и зап.-твер. *Свирица* для двух рек бассейна Ловати, *Свирица* (*Свирянка*) р. в Минской обл. Белоруссии, *Świrz* р. системы Днестра в Галиции²².

Половь руч. в вол. Велила 1495/96 г. (НПК II, 743), *Половинник* Осташковского у. 1770-х гг. (ГМ-Ост, № 786, 787), он же *Плавинец* 1770-х гг. (ГМ-Ост, ч. 3), *Половинец* 1853 г. (Мнд), совр. *Половинец*, л. пр. Каменки в истоках Пола. Хотя балтское происхождение *Половь* не исключено (ср. балт. *Полово* с р. *Половизьма*), склоняемся к версии славянского (др.-рус.) происхождения этого гидронима, ввиду родственных балтским славянских диалектизмов, таких как новг. *половина* 'низкое место, заливаемое весной водою' Дем., новг. *Половиниха*, *Половинка* как названий сенокосных угодий и особенно *Половинник* – болотистое место: «Тут болото у Половинника, перехватывает болотинка» Люб. (НОС, 888), сюда же пск. *половина* 'затянувшиеся мхом яма, колодец и т.п.', ленингр. *полова* 'заливной луг', *половье* 'заливное место' и *половая вода* 'полая вода, половодье' на р. Урал, 1976 г. (СРНГ 29, 86, 89, 95, 96).

Пережиточный облик весьма старого гидронима показывает *Домна* п. пр. Мостовлянки, р в оз. Половское 1853 г. (Мнд), впадает ниже совр. д. Мосты Пен. Идет от ранней формы *Дъмьна(*ја*), к праслав. *дъмьпъ(*јь*) 'связанный с дутьем', от которого производны др.-рус. и совр. *домна*, обозначение печи для выплавки железа, рус. *дъмница* (*домница*) 'домна' и 'предприятие для выплавки сыродутного железа' (Срезн. МС I, 759; СЛРЯ XI–XVII 4, 309), новг. *дъмник* 'большая кадка' (НОС, 225), сев. 'чан для варки пива', арх. 'отверстие для выхода дыма в потолке над печью курной избы', костром. *дъмница* 'кузнечный горн' (СРНГ 8, 119). Применительно к водоему адекватив *домный* (< *дъмьпъ(*јь*)) (ср. еще диал. сиб. *домные печи* 'доменные печи' (ССОД 1, 122, цит. по Ан. РЭС 14, 110) характеризовал реку, в которой есть теплые струи, течения, образующие

попыньи, испарения над речной поверхностью.

Фиксируемое планом Осташковского у. 1770-х гг. назв. *Цавница* закреплено за притоком Волкоты (ГМ-Ост, ч. 4), который на карте 1853 г. подписан как руч. *Крутой* (Мнд), а сегодня именуется р. *Горенька*. Хотя фиксация единична, можно предполагать исходным вариант *Чавница в «цокающем» произношении, наблюдаемом порой в местных говорах. Несмотря на позднюю фиксацию, *Цавница* относится к ряду топонимов *Чавницы* дд. (дважды), *Чавно* д., *Чауни* д., которые в (Васильев 2012, 512) считаются древненовгородскими маркерами сырых, топких мест. Форма *Чавница, будучи образованием от глагола типа укр. *чавити* 'жать', указывала на "нажимное место", подобно новг. *нажим* 'топкое место, где скапливается вода из родника', *нажимина*, *нажомина* 'сырое место, где стоит вода' (НОС, 596). Действительно, русло Цавницы целиком пролегает по топкому моховому болоту.

Назв. *Кур* острова на оз. Волкота в истоке р. Волкота приравнивается к др.-рус. *кур* 'петух'. Это древнее наименование острова, наминавшего формой клюв или гребень петуха. От такой же «петушиной» метафоры, полагаем, образованы и некоторые другие средневековые топонимы новгородских пятин, в частности *Кур на Ловати*, согласно «Списку древнерусских городов» кон. XIV в., позднее – *Курск* (*Курецк*, в НПК II, 584–689 – *Курско*) применительно к средневековому городку на высоком правом берегу Ловати (ныне *Курское* городище, рядом с дд. *Курско* и *Старокурско* Поддорского р-на), а также назв. *Курско* для селений Егорьевского Лусского, Никольского Ястребинского, Логовещского и Быстреевского погостов (НПК III, 40, 759, 760; V, 91, 474, 481), сюда же *Курско* оз. со стоком в р. *Петух* (!) бассейна Суды, и т.п.

Назв. *Лезная* (*Лезна*) для р. и прилегающей к ней мстн. Торопецкого у. 1539–1541 гг.: «пустошь [на] Лезной», «на пустоши на Лезне», «в Лезне» (ПКНЗ 4, 653, 654) продолжилось в совр. *Лезно* ур. к северу от оз. Каменное Андр. Поблизости,

²² Однако название крупной р. *Свирь*, впадающей в Ладожское оз., по отношению к *Свири* на ВВДП выступает гетерогенным омонимом: севернорусский гидроним объясняют от фин. *syvä* 'глубокий', см. (Фасм. ЭСРЯ III, 580).

в 3 км западнее ур. *Лезно*, сегодня протекает р. *Лизовка*, п. пр. Волкоты в ее истоках, книга Холмского у. 1620-х гг. возле этой речки помещает т. н. «Торопецкий рубеж» (ИАДП 1, 12). Похоже, соседние созвучные гидронимы *Лезная* XVI в. и совр. *Лизовка* этимологически гомогенны и в разном суффиксальном оформлении репрезентируют общий корень *лѣз-* такой же, как в рус. *лезть*, праслав. **lězti* 'лезть; ползти; медленно двигаться, тащиться'. Гидроним *Лезная* принадлежит к числу производных с суф. *-н-* от **lězti* типа чеш., словац. *lezný*, в.-луж. *lězny* 'пресмыкающийся, ползущий' (ЭССЯ 15, 36–40), в свою очередь гидроним *Лизовка* (из **Лѣз(о)вка*, с изменением *ѣ > и*, фонетически возможным, но не без сближения с *лизать* и т. п.) проявляет суф. *-в-*, как и вост.-слав. *лѣзиво*, *лѣзво*, *лѣзвие* 'лезвие', тоже производные от **lězti* (Варбот 2012, 312–313), сюда же попадает диал. *лѣзовый* 'бойкий, ловкий, пронырливый, изворотливый' (СРНГ 16, 339). Для гидронимии понятие ползания, медленно-го движения применительно к воде – ожидаемый мотивировочный признак. *Лезная* и *Лизовка* (ср. ко второму еще *Лезовец* п. пр. Цны бассейна Мсты Васильев 2017а, 34) указывают на речку, "которая лезет, пролезает" через кусты, заросли.

Оз. *Пупово* вол. Велила 1495/96 г. (НПК II, 784), позднее – *Пуповское* (*Пупово*) в соединении с р. *Пуповка* Осташковского у. 1770-х гг. (ГМ-Ост, № 792; ГМ-Ост, ч. 3) локализуется в истоках р. Марёвки на границе Тверской и Новгородской областей. Название объяснимо по-разному в силу полисемантической слова *пуп*, которое применительно к местности обозначает разные выпуклости, небольшие круглые возвышения (наряду с производными диал. *пупырь*, *пупыш* и др.) или, напротив, небольшие круглые водоемы, напоминающие пуп человека, как ленингр. *пуп* 'озеро среди леса' (см. СРНГ 33, 126–129), ср. еще *пупки* 'пни, корни, стволы, оставшиеся от вырубленного леса', *пупок* 'остров или полуостров' в соседних говорах Приселигерья (Слгр 5, 207). Менее вероятна мотивировка *Пупово* (*Пуповское*) на основе новг. *пупок*, *пупка* 'икра рыбы' (НОС, 980) в виде указания на "икорное (озеро)", хотя она тоже допустима с учетом расположения озера в истоках реки, где нерестится рыба.

Иловка п. пр. Каменки бассейна Полы, в материалах 1770-х гг. написанное с искажением как *Плавица* (ГМ-Ост, ч. 3, № 787) (правильнее: *Иловица*), существовало в эпоху ранее XVI в. в вариантной форме **Иловец*: о ней сообщает явно отгидронимное перенесенное название прибрежной д. *Иловец* вол. Велила 1495/96 г. (НПК II, 745), в 1560–1561 гг. ставшей п. *Иловец* (ПКНЗ 5, 370, 371), затем ус. *Пловье* (*Иловье*) 1770-х гг. (ГМ-Ост, № 787) и д. *Иловка* 1853 г. (Мнд), или *Иловье* на р. *Иловка* 1862 г. (СНМ-Ост, № 9402); кроме того, материалы 1770-х гг. отмечают близости д. *Спас на Илу* (ГМ-Ост, № 787), она же совр. *Спас* ур. Мар. при впадении Иловки в р. Каменку. Образование от др.-рус. *иль* скорее всего в значении 'глина', *иловьи* 'глинистый', о почве, трудной для обработки (СлРЯ XI–XVII 6, 223, 224), *на илу* 'на глине', ср. еще диал. *иловый* 'глинистый, илистый (о почве)' Пск., Осташк. Твер. 1855 г. (СРНГ 12, 184).

Самоочевидным является название средневекового бол. *Великий Мох* 1483 г. (ДДГ, № 77, с. 291), локализуемого между рр. Чернушка и Заборовка, впадающими справа в р. Руну бассейна Волги. Компонент *Великий* несет древнерусское значение 'большой'.

Несколько гидронимов ВВДП – *Источно*, *Корино*, *Заболоцкое*, *Боковецкая* – фиксируют отдельные особенности взаимного иерархического расположения водоемов. Оз. *Источно* вол. Велила 1483 и 1495/96 гг. (ДДГ, № 77, с. 292; НПК II, 742, 784), позднее – *Истошно* 1770-х гг. (ГМ-Ост, № 769, 771), *Истошня* 1853 г. (Мнд), совр. *Истошня*, имеет сток в р. Руна бассейна Волги. Судя по названию, считалось источным для р. Руны в ее среднем и нижнем течении, поскольку выше оз. Источно разводная грамота 1483 г. отмечает *Верхнюю Руну*. Оз. *Корино* Вселуцкой вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 216) и затем Осташковского у. 1770-х гг. (ГМ-Ост, № 798, 799, 800, 801, 813), *Корнево* 1853 г. (Мнд), совр. *Корено* является самым верхним в цепи озер (Корено – Долгое – Среднее – Слаутинское), стекающих в р. Мостовлянка и далее через оз. Половское в р. Кудь. Озерное имя *Корино* отразило данное обстоятельство гидрографии: будучи переоформленным по типу посессива из *Корено* (< **Коренно* < **Коренно*), оно характеризует озеро "коренное,

расположенное в истоке”, т.е. выступает древнерусским адъективом от *корень* в метафорическом обозначении водного источника; ср. арх. *кóрень* ‘исток реки’, *коренная вода* ‘вода, прибывающая с верховьев реки’: «Коренная вода текет с самого корня Оби» Новосиб. (СРНГ 14, 319, 323). Оз. *Заболоцкое* вол. Буец 1560–1561 гг. (ПКНЗ 5, 406) сообщает о расположении “за болотом”, хотя и осталось не ясным, о каком конкретно болоте идет речь. *Боковецкая* р. Вселуцкой вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 218), позднее

известная как р. *Бакровка* с впадающим слева руч. *Бакровской* 1770-х гг. (ГМ-Ост, ч. 4), отождествлена с правым притоком р. Заелинки, впадающей в оз. Отолово бассейна Западной Двины. Назв. *Боковецкая* получено от *Боковец, вероятно, прежнего, нерасширенного вариантного имени этой же речки, которое, в свою очередь, образовано от др.-рус. *боковыи*, рус. *боковой* ‘расположенный сбоку от чего-либо’. В основу номинации, надо полагать, лег признак бокового расположения речки по отношению к Заелинке.

Поселенческая топонимия с отражением объектов природного ландшафта

Топонимы, изложенные в данном разделе, образованы от апеллятивной лексики, преимущественно от ландшафтной терминологии, реже от слов иных тематических классов, метафорически перенесенных в ландшафтную терминологию. Те из них которые локализованы, представлены на рис. 6. Такие топонимы первоначально указывали на расположение новопоставленного селения рядом (или смежно) с каким-либо объектом природного ландшафта, обозначенным мотивирующим словом. Первичная топонимия селений, по сравнению с многочисленной вторичной топонимией, полученной переносами готовой гидронимии на населенные пункты, представлена в пределах ВВДП отдельными редкими фактами индивидуального происхождения.

Заозерейцо д. в вол. Морева 1495/96 г. (НПК II, 717), *Заозерье* п. 1560–1561 гг. (ПКНЗ 5, 387, 388), *Заозерьа* д. Холмского у. 1780-х гг. (ГМ-Хлм, № 985), совр. *Заозерье* ур. близ оз. Глухое Мар. Перед нами продолжение др.-рус. деминутива *Заозерььце*, семантически – “малое заозерье”, причем распределение гласных в *Заозерейцо* удостоверяет появление топонима в период существования редуцированных гласных в др.-новг. говорах, т.е. не позднее XIII в. Образования с суф. *-це*, *-цо* от названий-ориентиров на *-ье* выглядят архаичными для современного русского языка. Замещение др.-рус. *Заозерейцо* на совр. *Заозерье* произошло в 1-й пол. XVI в.

На Ручье д. в вол. Лопастницы 1495/96 г. (НПК II, 800). Не локализована, но ясно, что расположена на берегу некоего ручья. Форма локатива с предлогом показывает стадию

начального ойконима (т.н. предойконима), характерную для недавно поставленных деревень, ср. в пределах ВВДП пчч. *На Ветши*, *На Лугу*, *На Лъсь*.

Зарьчье д. Стержской вол. 1495/96 г. (НПК II, 699), *Заречье* сц. Осташковского у. 1770-х гг. (ГМ-Ост, № 425), *Зарьчье* д. на р. Песчинка 1853 г. (Мнд), *Заречье* сц. при р. Песчанка 1862 г. (СНМ-Ост, № 9086). “Поставленная за рекой”, под которой подразумевается совр. р. Песчинка, впадающая в оз. Стерж.

Межток д. «над озером Охватом» в Замошской переваре Торопецкого у. 1539–1541 гг.: «с Мештка за Двину у деревни у Бдыни» (ПКНЗ 4, 667, 668). Находилась возле перешейка у оз. Охват вблизи д. Бдыни Пен. Особенности топографии деревни обусловили появление этого названия, ср., напр., верхневолжск. *мештók* ‘узкое место в озере’, Ост. и Дем. р-ны (Слгр 3, 280).

На Острову д. в вол. Лопастницы 1495/96 г. (НПК II, 804), *Остров* д. 1560–1561 гг. (ПКНЗ 5, 376, 377), *Остров (Дасомное)* сц. (по книге 1627–1629 гг., см. ИАДП 2, 188, № 9182), *Остров (Насомное)* сц. Холмского у. 1780-х гг. (ГМ-Хлм, № 1607). Осмысление назв. гадательно из-за многозначности термина *остров*. Поскольку средневековый пункт локализуется (ИАДП 2, 110, № 9182) на берегу оз. Бросно у его северо-западной оконечности, оптимально предполагать размещение д. *На Острову* на прибрежной возвышенности, основание которой частично затапливалось в половодье, что напоминало остров; ср. распространенное диал. *óстров* ‘возвышенное сухое место среди болот’ (СРНГ 24, 80–81).

Клин (Семендяев) п., «что был починок» на р. Руна Вселуцкой вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 217), она же д. *Передний Клин* Осташковского у. 1770-х и 1853 гг., противопоставленная д. *Задний Клин* (ГМ-Ост, № 771; Мнд), *Клин* (*Передний*) д. при р. Руна 1862 г. (СНМ-Ост, № 9397), совр. *Верхний Клин* ур. рядом с ур. *Клин*, но выше по течению Руны, Пен. р-н. Назв. *Клин* отметило расположение первоначального починка (датируемого, надо полагать, XVI в.) на выразительно большой излучине р. Руна, напоминавшей клин, что и обусловило появление данного топонима. Ср. др.-рус. *клинъ* ‘участок земли, чаще всего остроугольной формы’ (СлРЯ XI–XVII 7, 172), рус. диал., в том числе новг., пск., твер. *клин* ‘участок земли в форме треугольника’, пск., смол. ‘большой участок земли, луга, леса’ и т.п. (СРНГ 13, 296–297). По мотивационной семантике особенно близким кажется назв. *Клин* у гор. Холм Новгородской обл., известное с древности и относящееся к клинообразному участку суши в месте впадения Куньи в Ловать. Второе назв. *Семендяев* отметило принадлежность починка лицу по имени *Семендяй*, которое производно от полного *Семен* < *Симеон* (Суп. СНФЛИ, 286).

Несколько поселенческих топонимов ВВДП восходит к термину *рог* в значении ‘мыс’. Обозначения мысов *рог*, *роговина*, *рожок* хорошо сохранились в современных говорах Верхневолжья (Слгр 6, 85, 89, 94). Назв. *Рог* д. в вол. Буец 1495/96 г. (НПК II, 821) отражает мысовое расположение средневековой деревни, которая локализована (ИАДП 2, 111, № 9280) на полуострове северо-восточного берега Лучанского оз. близ о-ва Пахотник. Д. *Рогово* вол. Буец 1495/96 г. (НПК II, 820) стояла рядом с д. *Рог* (ИАДП 2, 111, № 9274), по ней стали именовать р. *Раговка* со стоком в оз. Лучан, указанную в 1780-х гг. (ГМ-Хлм, № 1623). Д. *Рожкова* (*Рог*) значилась во Вселуцкой вол. 1588–1589 гг. при озз. Боложе и Заболоже (ПКРВ, 221). Местоположение сщ. *Рожок* Торопецкого у. 1539–1541 гг. (ПKNЗ 4, 656) остается не раскрытым, и не ясно, можно ли его отождествить с д. *Рожок* Вселуцкой вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 212).

Над Выскидью пч. в вол. Велила 1495/96 г. (НПК II, 756). Был поставлен на месте, заваленном упавшими деревьями, ср., напр., за-

писанное в говорах Пеновского р-на *выскодь* ‘корень дерева, вывороченного ветром’, ‘дерево, вывороченное ветром с корнем’, ‘место в лесу, где грозой, ветром повалены деревья; бурелом’ (Слгр 1, 155).

Шеломя п. Вселуцкой вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 228), не локализовано. Приравняется к др.-рус. *шеломя* (*шоломя*) ‘гора, холм, гряда холмов’ (Срезн. МС III, 1587), отмечая расположение пустоши на холме, возвышенности. Реликтивно сохранилось на путях древненовгородской колонизации территорий к северо-востоку, ср. арх. *шóломя* (*шóльмя*) ‘пригорок, холм’ (наряду с *шóломя*) (Шахматов 1915, п. 260, по Зализняк 2004, 40).

Пукавица пч. в вол. Велила 1495/96 г. (НПК II, 743), не локализовано. Трактовка не однозначна. Первоначально являлось собственным именем какого-то объекта ландшафта, от которого перешло на починок. Дериват от др.-рус. *пукав(ыи)*, надо полагать, семантически близкого к новг. *пукáтый*, уменьш. *пукáтенький* ‘выпуклый, утолщенный’ в говорах Мар. р-на (НОС, 979), т. е. на территории, где находилась вол. Велила.

В Ясну Ляховичи д. в вол. Велила 1495/96 г. (НПК II, 758). Компонент *В Ясну* нашел отражение в названии р. *Ясенка* Холмского у. 1770-х и 1853 гг. (ГМ-Хлм, № 935; Мнд), отождествляемой с совр. Сизовкой, л. пр. Руны, п. пр. Полы. *В Ясну* означает расположение д. Ляховичи “на открытой, безлесной местности”, будучи локативной формой с предлогом, ср. др.-рус. *ясьно* ‘открытое место’ (Срезн. МС III, 1668), рус. диал. *ясьнá* ‘прогалина, чисть, прозрачное, голое место, поляна’ (Даль 4, 681). Похоже, *В Ясну* – это локатив все же не от *ясьно*, а от *ясьнь мужского рода, которое продолжается в новг. *ясьень* ‘свет’ (НОС, 1332). В рассматриваемом случае следует предполагать не сам др.-рус. термин, а произведенный от него топоним, характеризовавший открытую местность в верховьях Полы и легший в основу гидронима *Ясенка*. По поводу *Ляховичи* см. с. 156.

Зарази пч. в вол. Велила 1495/96 г. (НПК II, 743) без дальнейших сведений и уточнения локализации. Возможно, восходит к др.-рус. *заразы* ‘неровное, овражистое место’, 1301, 1568, 1671 гг. (СлРЯ XI–XVII 5, 285). В. И. Даль отметил этот термин в Под-

московье под вопросом: *зарáзы* (?) «изрытое или самое неровное, овражистое место» Руз. Моск. (Даль 1, 626)²³, однако, похоже, такого термина в живом речевом обиходе XIX в. уже не было, и автор опирался на исторический материал и/или на топонимию *Воробьевские Заразы*, *Кунцевские Заразы* в Подмоскowie, *Заразы* дд. в Московской, Рязанской и Тульской обл. Ср. на ВВДП еще *Заразино* д. в вол. Буец 1495/96 г. (НПК II, 823) с неясным местоположением. Возможно, *Заразино* стояла на берегу оз. Бросно, поскольку в описании одной из деревень на оз. Бросно упомянут двор Сидорика Заразова и сына его Скворца, а в другой деревне над этим же озером – двор Степанко Заразина и сына его Сысойко (НПЛ II, 814–815, по Носов 1994, 45–46). Наличие антропонима *Заразин* ослабляет версию образования топонима *Зарази* от др.-рус. термина ландшафта *заразы*, хотя и не отрицает ее полностью.

Кроваи д. 1853 г. (Мнд), сегодня ур. *Кравай* Мар. у р. Косировка в верховьях Пола. Вероятно, от *коровай* в ландшафтном значении ('что-то круглое, выпуклое на местности: горка, лес и др.'), ср. твер. *каравáй* 'большой участок леса' (ТСГТО 1, 48), новг. *Каравáй* – поле в Оп. р-не, *Каравáшечка* – круглая горка в Дем. р-не (НОС, 368). *Кроваи* показывает диалектный др.-новг.-пск. рефлекс неполногласия, свидетельствующий о возникновении топонима в древненовгородскую эпоху.

Грива д. в вол. Стерж 1540–1541 гг. (ПКНЗ 4, 331), расположение не ясно. Мотивировано признаком расположения на гриве – продолговатой возвышенности среди болота, низменностей; ср., напр., в говорах Верхневолжья *грива* 'сухое место на болоте' Ост. (ТСГТО 1, 42), 'узкая полоса леса или часть леса, выступающая по очертаниям на общем фоне; несколько разросшихся деревьев в поле' Пен., Ост., 'сухое возвышенное место в болоте' Пен., Ост., Фир. (Слгр 1, 201).

Узмень (*Узма*, *Шейна*, *Шечна*) сц. при оз. Вселук Вселуцкой вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 231), оно же *Узмень* на правом берегу оз. Стерж 1853 г. (Мнд), сц. *Узьмень* при оз. Вселук 1862 г. (СНМ-Ост, № 9059), находившееся неподалеку от д. Адвори-

ца и с. Ширково Пен., ранее – пог. Ширков Осташковского у. Ойконим отметил расположение селения на узком возвышении, узкой полосе земли, ср., напр., новг. *узьмень* 'узкое место' (НОС, 1225), твер. *узьмень* 'узкое место в реке, озере' Ост. (Слгр 7, 351). Второе, параллельное имя этого сельца – *Шейна* (и *Шечна* как искаженно переданное *Шейна*) – произведено от метафорического *шея* 'узкое место' (ср. *перешеек*) и семантически приравнивается к назв. *Узмень* (*Узма*). Неподалеку от сц. *Узмень* значилась п. *Узмень* (*Болашово*, *Болашева*) на ручье 1588–1589 гг. (ПКРВ, 232).

Плоское д. при оз. Лопастига Вселуцкой вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 215), она же д. *Плоское* Осташковского у. 1853 и 1862 гг. (Мнд; СНМ-Ост, № 9473), совр. *Плоское* д. Пен. Вблизи этого пункта картографические материалы 1770-х и 1853 г. гг. (ГМ-Ост, № 836; Мнд) отмечают д. *Плоская*. Подчеркнуто размещение на ровной, плоской местности. См. еще *Плоской* пч. при оз. Вербино Вселуцкой вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 217). Сходным образом объяснимо назв. *Ровное* п. при оз. Долгое Вселуцкой вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 228).

Звоз (*Взвознай*) пч. на оз. Охват, выстроен из д. Красная Езжинской вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 203), позднее – д. *Извоз* 1770-х гг. (ГМ-Ост, № 630), *Извоз* (*Лавуга*) при оз. Охват 1853 г. (Мнд), *Извоз* (*Лауги*) 1862 г. (СНМ-Ост, № 9207), совр. *Лауга* д. Пен. Ранний вариант *Звоз* указывает на починок, поставленный на *взвозе* – подъеме, возвышенности, куда надо подниматься, въезжать. С XIX в. вытесняется топонимом *Лауга* отантропонимного образования, ср. неподалеку ур. *Лаужкины Шалашки* Пен. (от прозвища *Лаужка*).

Чистцы д. и *На Чистьцы* пч., оба относились к вол. Велила 1495/96 г. (НПК II, 755, 756) и находились примерно в той местности, где сегодня осталось ур. *Чисти* Пен. между озз. Колпино и Меглинское. Топонимы отмечали селения, поставленные на *чисти*, т.е. на свободном от леса и кустов месте или даже возле чистого, безлесного болота, что соответствует реальной топографии ур. *Чисти*. Ср. новг. *чисть* 'расчи-

²³ Из Далевского словаря слово попало в (СРНГ 10, 378) и (Мурз. СНГТ 1, 222).

ценное или незаросшее место в лесу, болоте', *чистина* 'свободное от деревьев, кустов место', 'безлесное место в болоте' и т. п. факты (НОС, 1282). На ВВДП имеется заметный ряд топонимов на *Чист-* (*Чисти*, *Чистенькая*, *Чистый Мох* и т. п.), и все они приурочены к безлесным болотам.

Средневековая документация включает много поселенческих названий от *гора*, *горка*, *горица*, *горуша*, которые подчеркивали размещение деревень на небольших возвышенностях, моренных холмах, являющихся заметной особенностью ландшафта ВВДП. При р. Кудь значился пч. *Гора* (*Безлепицына*), выставленный из д. Тупицы на Вселуцкой вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 235). Д. *Ксеновская Гора* относилась к вол. Лопатицы 1560–1561 гг. (ПKNЗ 5, 376), вероятно, ее следует приравнять к д. *Оксеново* (*Аксенова*) на р. Лукое Вселуцкой вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 220), она же д. *Аксенова Гора* Осташковского у. 1770-х гг. (ГМ-Ост, № 828). Семантика топонимии очевидна: «деревня, на возвышенности, принадлежащая Аксену». Д. *Горка* вол. Буец 1495/96 г. (НПК II, 811, 823), она же п. *На Горке* 1560–1561 гг. (ПKNЗ 5, 405), она же сц. *Горки* Холмского у. 1780-х гг. (ГМ-Хлм, № 1623), приравнивается к совр. *Горки* д. Андр. у восточного берега Лучанского оз. Сюда же д. *Гара* «Селище тож, стоит надвое» на руч. Каменный в Езжинской вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 202). Остаются нелокализованными д. *Горка* вол. Велила 1495/96 и 1560–1561 гг. (НПК II, 746; ПKNЗ 5, 370) и д. *Горуша* вол. Лопатицы 1495/96 г. (НПК II, 788, 790). К др.-рус. *горица* 'небольшая гора' XI–XII вв. (СлРЯ XI–XVII 4, 85) непосредственно восходит назв. *Горица* двух смежных деревень вол. Буец 1495/96 г. (НПК II, 816, 823), на месте которых фиксируют п. *На Горицах* 1560–1561 гг. (ПKNЗ 5, 405), она же сц. *Гарицы* Холмского у. 1780-х гг. (ГМ-Хлм, № 1599) и совр. *Горицы* д. Андр. у северо-восточного плеса оз. Бросно, который называется *Горицкая Лука*.

Пч. *Холм* Езжинской вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 204) следует идентифицировать с д. *Холм*, указанной при колодце в Осташковском у. 1770-х, 1853 и 1862 гг. (ГМ-Ост, № 628; Мнд; СНМ-Ост, № 9237) и совр. нежилой д. *Холм* Пен. к северу от оз. Охват. Неподалеку от починка стояла д. *Холмец*, выставка из д. Мокрининская Езжинской вол.

1588–1589 гг. (ПКРВ, 204), она же д. *Холмец* 1770-х, 1853 и 1862 гг. (ГМ-Ост, № 629; Мнд; СНМ-Ост, № 9236), совр. *Холмец* ур. Пен. в 3 км севернее ур. *Холм*. Самоочевидные названия селений, поставленных на холме, возвышенности. В Новгородско-Псковском регионе топонимы от *холм*, др.-рус. *хълмъ* редки сравнительно с многочисленной топонимией от *гора*, *горка*.

Боровое (*Безлепицына*) д. при озз. Пено и Осиновец Вселуцкой вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 235), она же д. *Боровая* при оз. Пено 1853 г. (Мнд), д. *Боровое* 1862 г. (СНМ-Ост, № 9408), совр. *Боровое* д. Пен. Осмыслиется как "поставленная в бору, на боровине", ср., напр., в современных говорах ВВДП и прилегающих территорий *бор* 'лес преимущественно из хвойных пород', 'лес на холмах', 'лиственный лес', *боровина* 'сухое поле, ничем не засеянное', *боровое место* 'сухой хвойный лес', *боровой лес* 'сосновый лес', *боровой хвойный* (Слр 1, 60, 61; ТСГО 5, 7).

Заборье (*Палцово*) д. на р. Рябцова и при оз. Полово Вселуцкой вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 231), локализуется на месте совр. д. Полово Пен. Топоним отмечает расположение новопоставленной деревни "за бором". Не исключена соотносительность с д. *Заборовье* на р. *Заборовье* бассейна Руны (см. ниже), поскольку эти средневековые пункты были поставлены на одной дороге, соединявшей р. Руну с оз. Полово бассейна Куди.

Заборовье и *Другое Заборовье Малое* – две дд. Вселуцкой вол. 1588–1589 гг., вторая указана выставкой из первой (ПКРВ, 218), на их месте стояла д. *Заборовка* Осташковского у. 1770-х гг. (ГМ-Ост, № 769), позднее – *Заборовка* (*Уткина*) 1853 г. (Мнд), *Заборовка* (*Уткино*) 1862 г. (СНМ-Ост, № 9396), совр. *Заборовка* д. Пен. Семантически – "расположенная за бором, боровым местом", ср. *Заборье*. По д. *Заборовье* стала именоваться, во-первых, близтекущая р. *Заборовье* 1588–1589 гг. (ПКРВ, 218), *Заборовка* 1770-х и 1862 гг. (ГМ-Ост, № 767, 769; СНМ-Ост, № 9396), совр. *Заборовка*, п. пр. Руны бассейна Волги, и, во-вторых, озеро, начинающее реку, ставшее оз. *Заборовье* 1770-х гг. (ГМ-Ост, № 766), *Заборовка* 1853 г. (Мнд), совр. *Заборовское*. В грамоте 1483 г. р. *Заборовье* (*Заборовка*) именуется *Половизна* (*Половизнь*) (см. с. 78), следовательно, новое имя закрепилось за рекой, очевидно, не ранее XVI в.

Еще один топоним *Заборовье* носили три дд. в вол. Лопастницы 1495/96 и 1560–1561 гг. (НПК II, 801; ПКНЗ 5, 377), на их месте позднее появилась п. *Заборовья* Холмского у. 1780-х гг. (ГМ-Хлм, № 1647), а на пустоши выросла совр. д. *Заборовье* Андр. на р. Волкота, в настоящее время снова нежилая.

Два средневековых селения именовались *Заболотье*: один – д. *Заболотье* (*Онтонова*) в Замошской перевале Торопецкого у. 1539–1541 гг. (ПКНЗ 4, 659), она же д. *Заболотье* Езжинской вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 204); второй – пч. *Заболотье* (*Селигеров*), выставленный из д. Тупица Вселуцкой вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 234). Смысловые трактовки самоочевидны: “расположенные за болотом, возле болота”.

Загузие д. в вол. Лопастницы 1560–1561 гг. (ПКНЗ 5, 376), не локализовано. В русских говорах *гуз* – частое обозначение задней или нижней части чего-либо (снопа, мешка, птицы, рыбы, насекомого, части туловища, в том числе задницы человека), сюда же *гузно* ‘задница человека и животного’ (НОС, 201; СРНГ 7, 206, 207–209; Даль 1, 406). *Загузь* выглядит пренебрежительным наименованием селения, расположенного “за *гузом*”, т. е. за задами, в плохом месте.

Тулово д. в вол. Лопастницы 1560–1561 гг. (ПКНЗ 5, 376), не локализовано. Топоним, похоже, был присвоен из-за труднодоступности расположения деревни, “где можно скрыться, спрятаться”, ср., напр., новг. *тулиться* ‘прятаться, таиться’, *Тулея* – назв. болота (НОС, 1209), саратовск. *тула* ‘скрытое, недоступное место для защиты, приюта’ и «с этим может быть в связи название города» [*Тула* – В. В.] (Даль 4, 441).

На Судках пч. в вол. Велила 1495/96 г. (НПК II, 742), не локализовано. Ср. *судки* твер., влад. ‘посудная полка в одну или две полки во всю стену от устья печи’ (СРНГ 42, 166), новг. ‘полочки для посуды и т. п.’ (НОС, 1156). Применительно к местности *судки* становится метафорическим обозначением узкой горизонтальной площадки на склоне холма, возвышенности, берега, ср. ниже сходную топонимацию д. *Наполице* от *полица* ‘полка’. Починок, поставленный на такого рода террасной площадке, стали именовать *На Судках*.

Наполице д. Стержской вол. 1495/96 г. (НПК II, 700), *На Полицах* 1540–1541 гг.

(ПКНЗ 4, 331), она же д. *Полиц* (*Залучья*), по данным писцовой книги 1623–1625 гг. (ИАДП 2, 183, № 8649), а позднее – сц. *Залучье* (*Залучья*) Осташковского у. при колодце в 1770-е, 1853 и 1862 гг. (ГМ-Ост, ч. 3, № 783; Мнд; СМ-Ост, № 9095). Рядом с этой деревней писцовая книга кон. XV в. описывает вторую д. *Наполице* и починок этого же имени (НПК II, 699, 700); на их месте материалы межевания 1770-х гг. указывают сц. и д. *Палицы* (ГМ-Ост, № 783, 774), а материалы сер. XIX в. – д. *Полица* (*Палицы*) при колодце рядом с д. Межник (Мнд; СМ-Ост, № 9094). Ранний вариант *Наполице*, относившийся к трем соседним селениям, отсылает к локативной форме *на полиць* существительного, которое представлено в др.-рус. *полица* ‘отворот, околыш у шапки’ (Срезн. МС II, 1128), рус. диал. *полица* как обозначения ‘полки для посуды, куханной утвари, продуктов’, ‘отвала у сохи’ и др., см. (СРНГ 29, 75–77), новг. ‘полка для посуды’: «Полица – доска, приделана на ребро к стене» (НОС, 887). При переносе в сферу топографии и использовании в топонимии слово *полица* должно метафорически обозначать горизонтальные площадки, уступы, террасы на склонах, что вполне объясняет назв. *Наполице* особенностями расположения деревни на склоне.

Залесье Филитово д. Стержской вол. 1495/96 г. (НПК II, 699), она же д. *Залесье* 1540–1541 гг. (ПКНЗ 4, 325), д. *Залесье* (*Житенево, Башево*) на р. Пещанке, согласно писцовой книге 1623–1625 гг. (ИАДП 2, 183, № 8644), ставшая п. *Башево* (*Башевшина*) 1770-х гг. (ГМ-Ост, № 426). Семантически – “поставленная за лесом, у леса и принадлежащая Филиту”, здесь *Филит* – искаженно записанное *Филипп* или *Филист*, второе является др.-рус. вариантом имени *Феликс*. В 1-й пол. XVI в. деревня входила в поместье Ивана Петрова Башева (ИАДП 2, 183, № 8653), что объясняет более позднее ее назв. *Башево* (*Башевшина*). Д. *Залесье Филитово*, судя по атрибутиву в составе топонима, могла быть связана общим возникновением с еще одной д. *Залесье* Стержской вол. 1495/96 г. (НПК II, 697), она же д. *Пронина* (*Залгсье*) рядом с д. *Залгсье* (*Андргьевское*) 1853 г. (Мнд), или *Залесье Пронино* 1862 г. (СМ-Ост, № 9070), совр. *Залесье* ур. Пен. у правого берега Руны в нижнем течении.

Подлесье д. в вол. Буец 1560–1561 гг. (ПКНЗ 5, 401), не локализовано. Топоним подчеркивает расположение селения на краю леса или возле леса.

Мишеного Болота (Окулово) д. в Замошской переваре Торопецкого у. 1539–1541 гг. (ПКНЗ 4, 659). “Расположенная возле мохового болота”; в ойкониме наблюдается пропуск предлога *у*, правильнее: *У Мишеного Болота*.

Проанализированные ойконимы отражают размещение средневековых селений среди разнообразных форм природного ландшафта. Чаще всего это возвышенные

места, сухие боровые места и места возле боров, холмы и ровные площадки на склонах, подходящие для строительства дома. Селения ставились также на окраинах болот и на возвышениях посреди болота, на лесных опушках, на окраинах лесных массивов, в укромных местах вдалеке от дорог, на лесных полянах, возле буреломных лесных участков, прогалинах, на открытой, ровной или, напротив, на неровной местности, на неудобьях, на перешейках между водоемами, на узкой полосе берегов, на излучинах рек, на мысах озер и т. д.

Топонимия от терминологии флоры и фауны

Имеется некоторое количество средневековых названий ВВДП, преимущественно гидронимов, отражающих местную флору и фауну. Сравнительно небольшое их число (рис. 6) обусловлено не только ограниченным фондом привлекаемого к исследованию материала, но и избирательным характером топонимии как таковой: имядатель при номинации географических объектов обычно исходит из реалий (в рассматриваемом случае – из реалий местного растительного и животного мира), хорошо ему известных, выразительно приметных и/или имеющих определенную весомость, прежде всего хозяйственную, в его жизни. Топонимы, обсуждаемые ниже, отражают роды водной и сухопутной растительности (аир-сабельник, хвощ, крапива, осока, ель, орешник, ольха, сосна, осина, береза, дуб, лоза, верба), что касается фауны, то это отдельные виды рыб (лещ, укляя, плотва), птиц и зверей, живущих у воды (колпица, гоголь, чайка, бобр).

В системе р. Кудь находится оз. *Сабленцо* Вселуцкой вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 223), на двухверстной карте 1853 г. – *Сабля* Осташковского у. (Мнд), сегодня – оз. *Саблино* Пен.

к западу от оз. Витьбино. Гидроним восходит к др.-рус. *сабълныи* = *сабельный* ‘сабельный’ (Срезн. МС III: 239), но в рассматриваемом случае использованному применительно не к холодному оружию, а к водной растительности. На Русском Северо-Западе *сабельной* травой издревле считались заросли тростника (*Arundo Phragmites*) или аира, растущие в воде и мокрых местах, ср. твер. *сабельник* ‘растение *Arundo Phragmites* L., сем. злаковых’, пск. *сабельнюк* ‘растение *Acorus Calamus* L., сем. ароидных; аир тростниковый’ (СРНГ 36, 12), новг. *сабольник* ‘вид травы’: «Сабольник по мокрому месту растёт <...> У ключка-то сабольником заросше, так им коровы и объевши» Мош. (НОС: 1053). Тростник, но особенно аир с его прямостоячим трехгранным остроугольным стеблем и узколинейными листьями действительно напоминают своей формой вертикально поставленные в воду клинки или сабли. Таким образом, средневековые славяне при именовании оз. Саблино сочли важным подчеркнуть наличие в нем больших зарослей водных растений, скорее всего аира²⁴.

²⁴ Для названий на *Сабл-*, встречающихся в Новгородско-Псковских исторических землях (помимо оз. *Сабленцо*, имеются еще оз. *Саблино* бассейна Ловати возле Андреаполя, р. *Саблинка* бассейна Невы, д. *Саблѣ* Батецкого р-на Новгородской обл. на месте пог. *Сабле*, известного с 1240 г., и нек. др.) предпочтительнее вести речь о мотивировке собственно обозначением аира (“поросшее аиром”), более редкого в Новгородско-Псковском регионе растения, чем тростник и камыш. Местное население знало аир тростниковый (иначе – аир обыкновенный) не только из-за его характерного вида. Аир издревле считался полезным растением, корневища использовались в пищу и с медицинскими целями. Семантически едва подразделяемые диалектные обозначения тростника и камыша (*тростá*, *трестá*, *ситá* и т. п.) и так уже реализованы на Русском Северо-Западе типовыми мотивационными моделями повторяющихся водных имен (*Трос(т)но*, *Трес(т)но*, *Трестино*, *Тростянец*, *Ситно*, *Ситино*, *Ситенка* и т. п.), поэтому относить к их числу немногочисленные *Сабл-*названия кажется излишним.

В системе волжской Руны лежит оз. *Хвоцно* 1483 г. (ДЦГ, № 77, с. 292), *Хвоцно* вол. Велила 1495/96 г. (НПК II, 784), Торопецкой земли 1540–1541 гг. (ПКНЗ 4, 333), *Хвошня* (*Хвашня*, *Хошня*, *Хвоцня*) Вселуцкой вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 217), *Хвошня* 1770-х и 1853 гг. Осташковского у. (ГМ-Ост, № 769; Мнд), совр. *Хвошня*, соединенное протокой с оз. Истошня. Название первоначально характеризовало поросшие водяным хвощом низменные берега озера. Гидронимия от обозначений хвоща часто встречается на Русском Северо-Западе.

Берега, поросшие крапивой, отметило назв. *Крапивно* оз. в Торопецкой межевой книге 1629–1630 гг. (Носов 1994, 50), оно же *Крапивно* со стоком в р. *Крапивна* на карте 1863 г. (ВТКЗверст). Сегодня этот водоем бассейна Западной Двины именуется *Коростинское оз.*, по прилегающей деревне. Гидроним намного старше даты первого письменного упоминания, судя по названию располагавшейся на его берегу д. *Кропивино* вол. Буец 1495/96 г. (НПК II, 819), она же д. *Крапивна* Холмского у. 1780-х гг. (ГМ-Хлм, № 1693, по ИАДП 1, 119; 2, 110, № 9266).

Вострое д. в вол. Лопастницы 1560–1561 гг. (ПКНЗ 5, 381), не локализовано. От др.-рус. (*в*)*острыи* ‘острый’, но семантика не очевидна. Скорее всего в более точной передаче должно быть записано как *Вострее* (*Острее*), ввиду нескольких назв. *Острее* для деревень в разных погостах Новгородской земли XV–XVI вв. (НПК II, 595; IV, 366, 378): из др.-рус. собирательного *острыје* ‘режущая трава, осока’, ‘сорная трава, сорняки’, ср. пск., смол. *острѣц* ‘осока’, калин. ‘сено, в котором много болотной травы – осоки’, новг. ‘сено, в котором много сорной травы остреца’ (СРНГ 24, 78–79), новг. *остречѣк* ‘вид травы’, *Острык* – сенокосное угодье (НОС, 743, 745).

К обозначению елей, елового леса, росшего по берегам, восходит название оз. *Елно* вол. Буец 1495/96 и 1560–1561 гг. (НПК II, 809, 810, 823, 825; ПКНЗ 5, 405), позднее фиксируемого под вариантами *Заеленье* (*Еленье*) Вселуцкой вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 225), *Заелье* (*Заеленье*, *Еленье*) Осташковского у. 1770-х гг. (ГМ-Ост, № 750, 751, 752), *Заеленье*

1853 гг. (Мнд), но с сер. XIX в. водоем стали именовать *Ордовское* под 1862 г. (СНМ-Ост, № 9460), сегодня – оз. *Ордо́нико́льское*. С озером смежны, во-первых, р. *Заеленка* Вселуцкой вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 238), Осташковского у. 1770-х и 1862 гг. (ГМ-Ост, № 747, 750; СНМ-Ост, № 9457), на карте 1853 г. – *Кличовка* (Мнд), сегодня – р. *Заелинка* (*Заглинка*²⁵), протекающая из оз. Ордо́нико́льское в оз. Отолово системы Волкоты, и, во-вторых, руч. *Елин* (*Елинский*) 1588–1589 гг. (ПКРВ, 219), или *Заелений* (*Заеленка*) 1770-х гг. (ГМ-Ост, ч. 4, № 751), показанный на уездном плане впадающим в озеро с северной стороны. Книга кон. XV в. относит Елно к «лешим озерам», т. е. к небольшим по размеру озерам посреди леса. Ранний вариант *Елно* (в современной орфографии – *Ельно*) идет от др.-рус. *ельныи* ‘еловый’ (откуда совр. *ельник*, *ельняг*).

Изложенный материал показывает, что в старорусское время XVI–XVIII вв. устоялись производные варианты лимнонима *Заеленье* (*Заелье*), перенесенные на озеро от наименования мстн. “за Ельном озером” и вытеснившие др.-рус. вариант *Елно*. Мстн. *Заеленье* прилегала к западному побережью оз. Ельно, поскольку там локализируются несколько деревень *В Заеленье* 1560-х гг., которые, надо полагать, продолжили ряд более ранних дд. *Над Ельным озером* кон. XV в. Производное название было закреплено и за речкой, вытекающей из озера с юга (р. *Заеленка*), и за ручьем, впадающим в озеро с северной стороны: руч. *Заелений* (*Заеленка*) 1770-х гг., который в XVI в. именовался *Елин* (< др.-рус. *Ельнь*), по оз. *Ельно*. В XVI в. производное *Заеленье*, вероятно, еще не распространилось на южный плес совр. оз. Ордо́нико́льского, который тогда считался самостоятельным оз. *Еленье*, отделяемым от оз. *Заеленье* перешейком, см. в источнике: «Селцо Марково, а Заеленье тож, у оз. у Заеленья... Да под тем же селцом озеро Еленье в длину на версту, а поперек на четверть версты» 1588–1589 гг. (ПКРВ, 225).

Любопытно, что аналогичная ситуация с возникновением в старорусский период многочисленных производных ориентирных наименований *Заеленье* от др.-рус.

²⁵ Этот вариант, тиражируемый современными топографическими картами, обязан появлением случайному замещению буквы *e* похожей буквой *z* при написании формы *Заелинка*.

Елно повторяется на другой территории ВВДП – в вол. Велила, где писцовая документация тоже отмечает оз. *Елно* под 1495/96 г. (НПК II, 743). Локализация велильского оз. *Елно* предположительна, похоже, оно приравнивается к совр. оз. Мокролуцкое, называемому так с XIX в. (впервые на ВТКЗверст 1863 г.), расположенному в самых истоках Полы²⁶. При этом велильском озере, как и при буецком *Елно*, в средневековое время стояли несколько починков и деревень *Заеленье*, *Заелинье* (подр. на с. 130).

По берегам рек и озер нередко растут деревья и кусты орешника, лещины *Corylus avellana*. Эту особенность флоры Русского Северо-Запада отражают “ореховые” топонимы, нередкие в Новгородско-Псковских исторических землях. Среди них назв. *Ореховно* (*Орехово*) оз. Торопецкого у. 1539–1541 гг. (ПКНЗ 4, 661), *Орехово* 1770-х гг. (ГМ-Ост, № 841), *Орѣхово* 1853 г. (Мнд), совр. оз. *Орѣхово* возле д. Астратово Пен. С озером связана р. *Ореховна* 1539–1541 гг. (ПКНЗ 4, 661), *Ореховка* 1770-х гг. (ГМ-Ост, № 840, 843, 844), *Орѣховка* 1853 г. (Мнд), сегодня – руч. *Орехово*, вытекающий из одноименного озера и впадающий в оз. Аталское бассейна Куди. Еще одна р. *Ореховка* приходилась на Езжинскую вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 202), позднее – р. *Большая Ореховка* (*Большая Ореховна*) 1770-х гг. (ГМ-Ост, ч. 4, № 450, 452), *Орѣховня Большая* 1853 г. (Мнд), совр. *Ореховка* р. со стоком в оз. Пено. Рядом с Большой Ореховной с XVIII в. отмечают р. *Малая Ореховка* (*Малая Ореховна*) 1770-х гг. (ГМ-Ост, ч. 4, № 467), *Орѣховня Малая* 1853 г. (Мнд).

Олюшина р. вол. Стерж 1495/96 г. (НПК II, 700) идентифицируется с руч. *Лешинской* 1770-х гг. (ГМ-Ост, № 782) и совр. *Алешинка*, л. пр. Песчанки, л. пр. Стабѣнки, л. пр. Щеберѣхи, п. пр. Полы. Гидроним отсылает к устаревшему диал. новг. обозначению ольхи: *Олюшина* значит “ольховая”, ср. сохранение арх., волог. *олюха* ‘ольха’ (СРНГ 23, 194) на путях древненовгородской колонизации Русского Севера.

Сосна р. Осташковского у. 1770-х гг. (ГМ-Ост, № 442, 444), иначе – *Сосенка* р., впадающая в оз. Вселуг 1853 г. (Мнд), приравнивается к совр. р. *Слободская*. Несмотря на позднюю письменную фиксацию, следует отнести к категории старых гидронимов не младше древнерусской эпохи. Морфологически выступает формой женского рода от бессуффиксального др.-рус. *сосный (< *соснь(*ь*)), замененного впоследствии рус. *сосновый*. Межтерриториальные параллели встречаются на Украине, в Белоруссии (несколько оз. *Сосно*) и Польше (оз. *Sosno*), аналогии видят в др.-рус. *березыи ‘березовый’, *дубыи ‘дубовый’, донесенных только топонимией (Шульгач 1998, 255).

Аналогично трактуется *Сосное* «над озером над Стержью» д. Стержской вол. 1495/96 г. (НПК II, 698), *Сосное* д. 1540–1541 гг. (ПКНЗ 4, 318), *Соснова* (*Соснева*) п. Осташковского у. 1770-х гг. (ГМ-Ост, № 434), *Сосново* д. на оз. Стерж при Безымянном ручье 1853 и 1862 гг. (Мнд; СМ-Ост, № 9080), совр. *Сосново* д. Ост. Здесь топонимически закреплена форма среднего рода др.-рус. *сосный, отметившая место “сосновое, поросшее сосновым лесом”. Показательно, что топоним *Сосное* дооформился суфф. -*ов-*, подобно апеллятиву *сосновый*.

Ур. *Сосница* возле д. Абаканово Андр. носит название, характерное для гидронимии²⁷ и скорее всего было поименовано по одному из малых притоков Жаберки. Структура *Сосница* содержит намеки на раннюю эпоху возникновения ввиду архаичности основы (см. *Сосна*, *Сосное*) и наличия старого речного форманта -*ица*.

Исконный гидроним *Оснец (или *Осенец) предполагается формой локатива *На Осенецъ* – названия двух деревень и двух починков вол. Велила 1495/96 г. (НПК II, 742, 744). Предложно-падежная ойконимическая форма предполагает перенос имени водоема, ручья или озера на поставленные рядом селения, соседившие друг с другом. В свою очередь *Оснец* выступает

²⁶ Идентификация *Ел(ь)но* = *Мокролуцкое* подкрепляется наличием пч. *На Озеръ на Елнь*, упомянутого писцовой книгой вслед за пч. *На Усть-Селены* (см. НПК II, 743), т.е. на устье совр. руч. *Силин*, впадающего в Полу в 2 км от оз. Мокролуцкое. Кроме того, оз. Мокролуцкое довольно заметное по площади, самое крупное в местности вокруг истока Полы.

²⁷ В современной гидронимии Новгородско-Псковских земель, по нашим прикидкам, имеется пять рр. *Сосница*, оз. *Сосница*, руч. *Сосницкий*.

дериватом др.-рус. *осный* (< *осньнъ(*ьн*)) 'осиновый', адъектива с суф. -*ьн*- от *оса*, праслав. *osa 'осина', см. ниже *Осье*, *Подосье*, а также другие топонимы от *осньнъ(*ьн*), *оса, приведенные в (Васильев 2012, 453–456).

Осье д. в вол. Велила 1495/96 г. (НПК II, 753), она же (?) В Другом *Осье* п. 1560–1561 гг. (ПКНЗ 5, 371), (?) *Осьянка* д. Холмского у. 1780-х гг. (ГМ-Хлм, № 1004), совр. *Большая Осьянка* ур. и *Малая Осьянка* ур. Мар. По д. *Осье* именуется р. *Осьянка* 1770-х гг. (ГМ-Ост, № 793), совр. *Осьянка*, п. пр. Сизовки, л. пр. Руны, п. пр. Пола. Семантика топониминации – "поставленная возле осин, осинового леса", ср. в местных говорах ВВДП *осё* 'дерево осина' Тороп., 'молодой осиновый лес' Тороп., Пен., 'осиновые бревна' Андреап., Тороп. (Слгр 4, 266), новг., пск., смол. *осё* 'осиновый лес, осинник' (СРНГ 24, 101; НОС, 747) – собирательное производное от бессуффиксального *оса*, праслав. *osa 'осина'; последнее забыто русским языком, но сохраняется, в частности, блр. диал. *асá* 'осина' (Яшк. БГН, 15), чеш. диал. *osa*, польск. *osa*.

Д. *Подосье* вол. Буец 1560–1561 гг. (ПКНЗ 5, 401) не локализовано. Семантически трактуется так же, как вышеприведенное *Осье*: "поставленная под осинами, т.е. возле осин, осинового леса".

Оз. *Вербино* Вселуцкой вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 217) не идентифицируется уверенно с каким-либо современным водоемом²⁸. Гидроним самоочевидно указывает на поросшие вербой берега озера.

Залазье (*Залазина*, *Залазино*, *Захажье*) д. при оз. Вселук Вселуцкой вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 234), *Залозье* д. на оз. Вселуг 1770-х и 1853 гг. (ГМ-Ост, № 444; Мнд), *Залязье* д. 1862 г. (СНМ-Ост, № 9353), совр. *Залозье* д. Пен. Мотивировка двойственна: или от *лоза* 'вид ивы', или от *лаз*, *лазить*. Если от *лоза*, то исконной топонимической формой была *Залозье*, сохраняющаяся по сей день, тогда как средневековые *Залазье* (*Залазина*, *Залазино*) объяснимы аканьем (ср. второе название этой деревни – *Захажье*, данное в «акающей» форме вместо *Захожье*). Название указывало на поставленную "за лозой, лозняком" деревню, и она действительно

стоит на озерном берегу, где заросли лозняка вполне ожидаемы. Вместе с тем нельзя исключать сравнения с *залазить* 'влезать, залезать куда-л.', равно как с волог. *лаз* 'лесная тропа', моск. *лазы* 'лазейка', твер. осташк. *лазіна*, *лазэя* 'небольшое отверстие, дыра, щель для прохода, пролезания, лазейка' (СРНГ 16, 241, 243, 244) и т.п. лексикой. В таком случае *Залазье* характеризовало деревню, поставленную в стороне от дорог, куда добирались лесными тропами, проходами через заросли.

Дубровка д. «над Лучяном озером» в вол. Лопастницы 1495/96 г. (НПК II, 800), ставшая п. *Дубовик* над озером над Лучяном 1627–1629 гг. (ИАДП 2, 111, 187, № 1964), п. *Дубовик* Холмского у. 1780-х гг. (ГМ-Хлм, № 1642). Судя по соотносению с *Дубовик* XVII в., назв. *Дубровка* в рассматриваемом случае, в отличие от нескольких других подобных названий ВВДП (*Дубровицы*, *Дубровка*, их анализ дан на с. 145), скорее указывает на обустройство деревни возле дубовой рощи, дубравы. В сер. XIX в. один из расположенных поблизости островов на оз. Лучан именовался *Дубовик* (ВТКЗверст). В этой связи следует указать на записанное в местности неподалеку от Лучанского оз. слово *дубро́* 'дубовая роща' Андреап. Любино (Слгр 2, 51)²⁹, пск. *дубро́-вушка* 'дубовая роща' (ПОС 10, 34).

Дубна вол. Торопецкой земли 1489 г. (Сб. РИО, 36, № 8), мстн. в Замошской переваре Торопецкого у. 1539–1541 гг. (ПКНЗ 4, 657, 658, 660, 663, 664, 668, 671, 672). Семантически: "поросшая дубами", от др.-рус. *дубный* 'дубовый'.

Поддубье д. в вол. Буец 1495/96 г. (НПК II, 809). Семантически: "рядом с дубами, там, где растут дубы". Деревня остается без точной локализации, хотя, привлекая контекст перечисляемых вместе с д. *Поддубье* топонимов писцовой книги, можно предполагать расположение этого селения в местности между озз. Илиговское и Ордоникольское.

Березоватица д. в вол. Велила 1495/96 г. (НПК II, 746), она же п. *Березоватица* (*Березоватица*) 1560–1561 гг. (ПКНЗ 5, 369), д. *Березовка* 1770-х гг. (ГМ-Ост, № 788; Мнд; СНМ-

²⁸ Впрочем, нельзя исключить, что *Вербино* – это вторично преобразованный на русский лад (сближенный с фитонимом *верба*) балтизм *Скорбино*.

²⁹ На самом деле, попавшее в словарь *дубро́* – это случайно недописанный термин *дубро́ва* 'дубовая роща'.

Ост, № 9401, совр. *Березовка* ур. Пен. в 4 км северо-западнее оз. Меглинское. Сообщает о местности, некогда покрытой отдельными березами. Др.-рус. вариант с суф. *-оват-* (с выражением неполноты проявления признака) и *-ица* заместился в XVI в. распространенной поздней структурой на *-овка*.

Фаунистическая топонимия ВВДП включает около десятка имен. Большинство из них повторяются во многих локусах Новгородско-Псковского региона.

Название оз. *Кльцино*, смежного с р. *Кльциница* 1483 г. (ДДГ, № 77, с. 292), иначе – оз. *Клицино* вол. Велила 1495/96 г. (НПК II, 784), *Клецино* с р. *Клецинка* 1770-х (ГМ-Ост, № 796, 797, 813, 814) с повторением на карте 1853 г. (Мнд), совр. *Клецино* оз. бассейна волжской Руны, отметило “лещевое” озеро. Относится к довольно заметной группе новгородско-псковских гидронимов на *Клецин-/Клицин-* (подр. Васильев 2012, 409–412). Такие гидронимы произведены от обозначения рыбы лещ (*Abramis brama*), которое в др.-новг., др.-пск. говорах встречается в фонетическом облике *клець*.

Оз. *Уклеино*, оно же (?) *Уклевец* Уломского десятка вол. Велила 1495/96 г. (НПК II, 746, 784), *Уклеино* 1540–1541 гг. (ПКНЗ 4, 333, 335), *Уклеино* (*Клепно*) Осташковского у. 1770-х гг. (ГМ-Ост, № 814, 796), *Уклеино* 1853 г. (Мнд), приравнивается к совр. оз. *Уклеино*, связанному через р. *Уклеино* с оз. Лопино бассейна волжской Руны. Очевидное производное от обозначения рыбы уклеи: “уклейное; озеро, где водится уклея”.

Оз. *Плотично* вол. Велила 1495/96 г. (НПК II, 784), позднее – оз. *Плотишно* (*Плотишиное*, *Платишиное*), смежное с р. *Плотица* (*Платица*) 1770-х гг. (ГМ-Ост, ч. 3, № 794, 795, 796, 817, 818, 820), или *Платишиное* 1853 г. (Мнд), отождествляется с совр. оз. Полевое, имеющим сток в р. *Плотица* и оз. *Уклеино*. Назв. отметило “плотичное, где водится плотва” озеро, ср. верхневолжск. (Селигер) *плотичный* ‘предназначенный для ловли плотвы’, *плотица* новг., смол. ‘плотва’, пск., новг., твер. ‘красноперка’ (СРНГ 27, 151). Имена рек и озер от обозначений плотвы нередки на Русском Северо-Западе, в том числе в субстратной прибалтийско-финской гидронимии. Вероятно, они подчеркивали недостаточные рыбные качества озер, в которых обычно ловили плотву и другие

малоценные виды рыб. Показательна в рассматриваемом случае смежность «рыбных» имен оз. *Плотично* и р. *Плотица* с оз. *Уклеино* и руч. *Уклеино*, благоприятствующая предлагаемому осмыслению. Менее вероятно соотнесение *Плотично* с др.-рус. *плот* ‘ограда, плетень’, ‘плотина’, что отмечало бы перегораживание данного источника озера с рыболовными целями (см. *Плотино*); ср. в этой связи синонимичное др.-рус. *плотичный* ‘плотнический’: «Сперть досками и дровищем тесанымъ плотичнымъ образомъ» (Срезн. МС II, 969).

Несколько водоемов в изучаемых пределах ВВДП носят имена с основой *Колпин-*. Один из них – оз. *Колпино* Уломского десятка вол. Велила 1495/96 г. (НПК II, 748, 784), *Колпино* Осташковского у. 1770-х и 1853 гг. (ГМ-Ост, № 771; Мнд), совр. оз. *Колпино* с прот. в оз. Истошня системы волжской Руны. Второй – оз. *Колпино* (*Колпинское*, *Колпинка*) Вселуцкой вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 212), *Колпино* 1770-х и 1853 гг. (ГМ-Ост, № 747; Мнд), совр. оз. *Колпинское*, впадающее в речку, именованную *Колпенка* под 1539–1541 гг. (ПКНЗ 4, 655), позднее – *Колпенка* (*Колпянка*, *Колпинка*) Вселуцкой вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 212), *Колпинка* 1770-х гг. (ГМ-Ост, № 747, 754), *Колпина* 1853 г. (Мнд), совр. р. *Колпинка*, п. пр. Волкоты бассейна Западной Двины. С *Колпенкой* была связана еще р. *Колпица* 1539–1541 гг. (ПКНЗ 4, 656), которая предположительно соотносится с руч. Канагаровский (Мнд), л. пр. *Колпины* 1853 г. к северу от д. Заборье Пен. Гидронимы *Колпин-* произведены от др.-рус. *къль* (> *коль*), обозначения колпицы, птицы семейства ибисовых (СлРЯ XI–XVII 7, 254), как и совр. рус. *коль*, *колпик*, *колпица*, новг. *колпчик* (СРНГ 14, 195). Однако в древнерусское время *къль* могли считать обозначением разных птиц, связанных с водоемами: не только собственно колпи, но и аиста, пеликана, лебедя, ср. др.-рус. *къльпина* ‘мясо аиста, пеликана’ (СлРЯ XI–XVII 7, 254), укр. *колпець* ‘род пеликана’, в.-луж. *kolp* ‘лебедь’ и др. Гидронимия на *Колп-*, *Колпин-* широко распространена в Новгородско-Псковских исторических землях (более 30 имен), в Верхнем Поднепровье и Поочье, она маркирует водоемы, где гнездятся (или садятся при пролете) разные водоплавающие птицы.

В пределах ВВДП имелась еще пара дд. *Колтино* вол. Буец 1495/96 г. (НПК II, 823), остающихся без точной локализации (где-то в окрестностях оз. Бросно). Ввиду гидронимического характера основы *Колтин-*, предполагается, что на эти селения перенеслось название некоего водного объекта.

Назв. *Чаицы* оз. Осташковского у. 1770-х гг. (ГМ-Ост, № 803), *Чайцы* 1853 г. (Мнд), совр. оз. *Чайцы* со стоком в оз. Скорбино волжской Руны, конечно, намного старше своей письменной фиксации. Означает буквально “чайки”, восходя к др.-рус. *чаица* ‘чайка’, известному по «Слову о полку Игореве» (Срезн. МС III, 1471) и сохранившемуся, надо полагать, на путях новгородской колонизации Севера, ср. арх. *ча́йца* (Подвысоцкий, 186), олон. *цэи́ца* ‘чайка’ (Опыт, 252). На территорию ВВДП приходится также оз. *Чаец* 1863 г. (ВТКЗверст), совр. *Чайка* в истоках р. Волкоты. В сопредельных с ВВДП

районах известны оз. *Чаица* со стоком в р. Ловать на юге Псковщины и оз. *Чаяцы* среди притоков Пола (по НПК II, 690 – оз. *Чаицо*) с восточной р. *Чаенка*.

Боброво д. в вол. Буец 1495/96 г. (НПК II, 811), *Боброва* д. Холмского у. 1780-х гг. (ГМ-Хлм, № 1550), *Бобровы Луки* д. 1863 г. (ВТКЗверст), совр. *Бобровая Лука* ур. на оз. Волкота Андр. Указывает на “бобровое место; место, где селятся бобры”. Такому осмыслению способствует расположение пункта при *луке* (заливе) оз. Волкота, удобном для расселения бобров, деривация от личного имени *Бобр* менее предпочтительна. На территории ВВДП фиксируется еще одна д. *Боброво* в Замошской переваре Торопецкого у. 1539–1541 гг. (ПКНЗ 4, 664), без привязки к точному локусу.

Гоголиново д. в вол. Велита 1540–1541 гг. (ПКНЗ 4, 333) отметило места охоты на *гоголей*, одного из видов диких уток (подр. на с. 150).

Водные и сухопутные коммуникации по топонимическим данным

Во 2-й пол. I тыс. н. э. – в период расселения восточных славян по пространствам Восточной Европы – территория водораздела великих рек Волги, Западной Двины и Днепра отличалась повышенной облесенностью, о чем, собственно говоря, прямо свидетельствует его балтско-славянское наименование *Оковский Лес* (подр. на с. 90). Сухопутных дорог в лесистой местности было немного, их роль в процессе масштабных раннеславянских миграций была второстепенной по сравнению с водными путями, которые использовались и зимой и летом. Пути по земле прокладывались на короткие расстояния, а на водораздельных участках служили продолжениями водных путей, соединявшими верхние участки рек разных бассейнов, реже – рек одного бассейна. Для обозначения такого рода сухопутных соединений древнерусская но-

менклатура закрепила специальный термин *волок*, не известный в иных славянских языках³⁰. На Волжско-Двинско-Днепровском водоразделе Оковского Леса переправы через волоки издревле имели повышенную значимость для миграций ранних восточных славян к северу и востоку. Обилие волоков в Оковском Лесу приводило к переосмыслению назв. *Оковский Лес*, которое в отдельных древнерусских письменных источниках предстает как *Волоковский Лес* или *Волконский Лес* (в частности, в записках С. Герберштейна)³¹. Исследователи давно уже обратили на наличие “волоковой” топонимии летописного Оковского Леса в попытках установить размещение древних волоков (Иванов 1962, 100–108; Алексеев 1974, 7, 9; 2006, 8–9; Жучкевич 1979, 51–54; Афанасьев 1979, 58, 59, 62; Трубачев 1997, 160–162; 2005, 112–113). На своей карте Оков-

³⁰ Иногда полагают, что появление значения ‘перешеек, переход’ у вост.-слав. *волок* не обошлось без прибалт. влияния, учитывая фин. *valkama* ‘пристань, гавань’ и то соображение, что волок пролегал между двумя местами отправления и прибытия судов, см. (Ан. РЭС 8, 159, со ссылкой на статьи Попова, Мищенко и др.).

³¹ Более подр. сводку вариантных наименований дает ЭСБЕ (т. XII, с. 36): «Летописец называл его [Оковский Лес – В.В.!] и *Оковским*, и *Воковским*, и наконец *Волоковским*; последнее название особенно ясно указывает на происхождение его от слова «волок» <...>. Иностранцы, посещавшие Русь в XVI и XVII вв., называли его *Волконским* (Герберштейн) и *Волковским* (Гванини). В XVIII веке он назывался *Волковым*. До сих пор лес, из которого вытекает Днепр, называется *Волковским*».

ского Леса Л. В. Алексеев приводит шесть “волоковых” топонимов: *Волок* (трижды), *Волочек*, *Переволочье* и *Перевоз* (Алексеев 2006, 9). Хотя древнерусские источники не конкретизируют специфику волоков, принято считать, что древний *волок* – это ‘пространство земли, водораздел между двумя судоходными реками и путь, по которому перетаскивают суда, грузы’, ‘место скопления грузов и товаров для перевозки по волоку; поселение на волоке’ (СлРЯ XI–XVII 3, 5–6), «пространство, преодолеваемое судами, перетаскиваемыми посуху» (Трубачев 2005, 115). Полагаем, перетаскивание лодок практиковалось на первоначальных этапах славянского расселения, но по мере обустройства системы волоков лодки вряд ли уже перетаскивали посуху: проще было их разгрузить и на телегах по сухопутью перевезти грузы (или зимой перетащить на санях), а в конце волока перегрузить на другие суда. Одновременно прокладывались дороги вдоль рек и озер, поскольку передвижение по воде зависело от количества осадков. По малым речкам и ручьям, зачастую с крутыми заросшими берегами и узким руслом, передвижение на лодках вряд ли было возможно даже по высокой воде, поэтому прокладывались пути по суше вдоль таких водотоков. Практика перевозки (а не волочения) уже в древнерусское время привела к расширению «сухопутной» семантики термина *волок*, который, помимо прочего, стал обозначать ‘дорогу от одного населенного пункта до другого в малообжитых местах’ (СлРЯ XI–XVII 3, 6). В современных русских диалектах древнее “водное” значение термина забылось, а более позднее “сухопутное” значение отмечается на Европейском Севере и в Сибири не южнее Ленинградской обл. и западнее восточных районов Новгородской обл. (новг. *вóлок*, *вóлока* ‘участок лесной дороги’ в восточных районах области: Хв., Пест. НОС, 123), кроме того, указывают блр. *вóлак* ‘гужевая лесная дорога; дорога, по которой волочили товарные бревна’ (ЭСБМ 2, 187–188).

Вместе с тем трудно согласиться с мнением Е. Н. Носова о том, что топонимы, производные от термина *волок*, на территории древненовгородской волости Буйцы, являющей собой часть исследуемой нами местности ВВДП, соотносятся только с сухопутны-

ми дорогами, а не с водными путями (Носов 1994, 53–54). Имеется два обстоятельства, препятствующие этому мнению. В народных говорах ВВДП и, шире, всего летописного Оковского Леса *волок* как обозначение сухопутной дороги для езды на колесах не засвидетельствовано, зато сохраняются термины, напоминающие по смыслу др.-рус. *волок* как обозначения места, где тащили, волокли что-либо, перетаскивали грузы на короткое расстояние. Таковы смол. *волоковѣще* ‘место, по коему что тянули’ Бельск. (Добровольский, 80) или *вóлок*, *волóк* ‘след на земле, оставшийся от волочения чего-н.’, как говорят в Осташковском р-не (Слр 1, 119). Но главное – вся зафиксированная *волоковая* топонимия ВВДП оказывается приуроченной не к сухопутьям, а именно к водоемам и верховьям рек (рис. 7).

Даже само название Западной Двины подразумевает наличие раннеславянских водных коммуникаций через волоки в Оковском Лесу. Напомним, что, по изложенной ранее версии (подр. на сс. 72–73), славянский гидроним *Двина* указывал на “двойную реку”, из которой можно было добраться в две соседние речные системы – в Ильмень-Волховскую, через волоки между притоками Торопы и Ловати, и Волжскую, через *волок* между р. Межа и р. Тудовка, где до сих пор сохранился «говорящий» топоним *Перелаз*. Второй древний *волок* межрегионального значения, соединявший Западную Двину и Волгу, локализуется на изучаемой территории ВВДП. О нем сигнализирует название д. *Волочок* (*Волочек*) Замошской перевары Торопецкого у. 1539–1541 гг. (ПКНЗ 4, 659, 660, 662, 670), позднее – д. *Волок* Езжинской вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 203). Деревня сохранялась еще в XIX в.: *Волоки* близ оз. Двинец 1853 г. (Мнд), или *Волок* при болоте Осташковского у. 1862 г. (СНМ-Ост, № 9206). От этого пункта, располагавшегося в болотистых истоках Западной Двины, по сухопутью не более 3–4 км до оз. Соблаго, от которого по р. Орлинка добирались к Волге.

В пределах ВВДП известна еще одна д. *Волок* Андр., стоящая на р. Волкота, п. пр. Зап. Двины, близ впадения рек Говшица, Иставница и Бросница. Хотя средневековых свидетельств об этом пункте не сохранилось (первые сведения о д. *Волок* Холмского

у. дает ВТКЗверст 1863 г.), он вполне может быть связан с событиями ранней эпохи. Есть предположение, что данный топоним подтверждает наличие древнего волока между Двиной и Полой (Алексеев 1974, 9), однако прилегающая местность приходится целиком на бассейн Волкоты. Рядом в Волкоту впадают речки Бросница и Говшица. Поэтому здесь скорее предполагается обустройство волока местного значения, обеспечивавшего движение по этим речкам (или вдоль этих речек) в сторону оз. Лучан или оз. Бросно, рядом со вторым находился древненовгородский волостной центр Буец.

К числу средневековых волоковых топонимов ВВДП относится ориентирное название п. *Заволокино* при оз. Вотолово Вселуцкой вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 226). Судя по этому названию, пустошь находилась где-то “за волоком (за волокой)” у оз. Отолово бассейна Зап. Двины.

Несколько поселенческих топонимов в зоне ВВДП получены закреплением термина *перволока*. В. И. Даль в своем словаре сближает его с др.-рус. *волок*, приводя без указания места рус. диал. *перволо́к*, *перволо́ка*, *перволо́чье* «межиречье, сырть, полоса материка меж двух речек, через которую перетаскивают лодки или перевозят товар...» (Даль 3, 40). Необходимо, впрочем, учесть, что соотносимые с термином *перволока* топонимы ВВДП обладают общей топографической особенностью: они закреплены за селениями, поставленными на коротких протоках и перешейках между озерами. Таково назв. *Перволока* д. в вол. Лопастницы 1560–1561 гг. (ПKNЗ 5, 376), она же д. *Перволока Старая* при оз. Видбино Вселуцкой вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 215), позднее – д. *Старая Перволока* 1770-х гг. (ГМ-Ост, № 808), д. *Перволока Старая* 1853 г. (Мнд), приравняемая к совр. д. *Большая Перволока*, стоящей при узком перешейке между озз. Пнево и Витьбино, Пен. р-н. Поблизости обнаружено позднесредневековое селище (на месте соседней д. Загороденья 1495/96 г., см. ИАДП 2, 187, № 9101), свидетельствующее о давней освоенности этого межозерного локуса. Очевидно, в XVI в. из д. *Перволока* обособился выселок – д. *Новое Перволока* (*Новая Перволока*), поставленный при оз. Видбино Вселуцкой вол. 1588–1589 (ПКРВ, 215), позд-

нее – д. *Новая Перволока* 1770-х гг. (ГМ-Ост, № 753), *Перволока Новая*, или *Перволока* д. 1853 и 1862 гг. (Мнд; СНМ-Ост, № 9468), совр. *Малая Перволока* д. Пен. на южном берегу оз. Витьбино. Второе назв. *Перволока* приходится на деревню в вол. Велила 1495/96 г. (НПК II, 754, 756), она же д. *Перволок* Осташковского у. 1770-х гг. (ГМ-Ост, № 771), *Перволока* 1853 и 1862 гг. (Мнд; СНМ-Ост, № 9391), совр. *Перволока* д. Пен. между озз. Истошня и Колпино рядом с прот. Нижица в водосборе р. Руны Волжского бассейна. Третье назв. – *На Перволокъ* – связано с деревней вол. Буец 1495/96 г. (НПК II, 816). А. А. Фролов локализует этот средневековый пункт в совр. д. Дядькино, стоящей на перешейке между озз. Бросно и Долоссо. Здесь находится крупнейшая курганная группа древнерусского времени – 68 насыпей (ИАДП 2, 189).

Судя по изложенному материалу, в отличие от др.-рус. *волок* в классическом его понимании (как соединительного пути по суше между разными реками или между участками русла одной реки), *перволокой* на ВВДП обозначали ‘путь (по суше или по протоке) между двумя озерами’, а также и саму ‘озерную протоку’. По сравнению с др.-рус. *волок*, явно более поздний термин *перволока* был конкретизирован в качестве обозначения локальной коммуникации между двумя небольшими озерами в одной местности. В самом деле, аналогичное значение термина *перволока* «прочитывается» также в гидронимах более широкого новгородского ареала; ср. *Перволока* – прот. между двумя озерами в Старорусском р-не Новгородской обл. (НОС, 802), *Перволока* (*Перволок*) – прот. из оз. Меревское в р. Луга в Лужском р-не Ленинградской обл., наряду с арх. *перволо́ка* ‘перешеек’ (СРНГ 26, 55, 56).

Топоним *Бенёк* д. Андр. между оз. Волкота и оз. Бросно, ранее – д. *Бенек* на карте Холмского у. 1838 г. (http://www.etomesto.ru/map-novgorod_holmskiy-uezd-1838/), хотя и не связан со специализированной терминологией волоков, тоже может считаться индикатором средневековых водных путей. Несмотря на поздние фиксации, он содержит архаическую основу *Бен-* (< *Бън-*), которую показывают имена оз. *Бънцыно* оз. Новоржевского у. 1911 г. (Шкапский,

94), оз. *Бенцо* (*Бенецкое*) со смежными д. *Бенцы* и с прот. *Беница* (*Бенчица*) в Западно-двинском р-не Тверской обл., д. *Беница* в Минской обл. Белоруссии, Молодечненский р-н, с XV в. Из апеллятивной лексики на *бен-* отмечают костр. *бэньки* 'рогатки, вилашки, вилы для подачи снопов при кладке скирд и при молотье', ярсл. *бенечка?* 'вилка' (Даль 1, 81), сюда же, надо полагать, и распространенные в ср.-рус. говорах *бянки*, *бяньки*, *бяны* как обозначениявил (СРНГ 3, 360; Мызн. РДЭС, 106–107), к деталям этимологии из **bēn-* или **bъjan-*, далее к **biti*, рус. *бить*, см. (ЭССЯ 2, 87–88; Ан. РЭС 3, 96–97). Метафорическое приложение к местности такой хозяйственной лексики предполагает в первую очередь *развилку*, *разветвление* (дорог, водоемов); деревня, поставленная на *беньке* (развилке), получает наименование, соответствующее своей топографии. В данной связи заслуживает внимания наблюдение краеведа А. Попова о том, что д. *Бенёк* стоит на развилке трех древних водных путей из пог. Буйцы через оз. Бросно: один путь шел направо в р. Бросница, другой – налево в сторону дд. Горицы и Ломинское, третий – прямо, волоком через Бенёк из оз. Бросно в р. Волкота (Попов 2009, 77)³². Здесь был перекресток местного, внутрирегионального масштаба.

Славяне, пришедшие с юга на ВВДП, не только создавали новые водно-волоковые маршруты, но и безусловно пользовались в какой-то мере старыми коммуникациями, проложенными до их появления. Ранними славянами, надо полагать, использовался и основанный балтами путь Руна – Мезгитно – Руна (подр. на сс. 88–89), удобно выведивший с Волги на Полу и в бассейн Ильмена. По Рунскому пути могли пе-

редвигаться лодки первых славянских переселенцев сер. I тыс. н. э. – особенно в период с кон. IV до кон. VI вв., когда значительная увлажненность климата Верхневолжья привела к разрастанию болот и повышению уровня рек и озер (см. Олейников 1992, 75). В последующие столетия количество осадков на Верхней Волге сократилось³³, что затруднило или сделало невозможным передвижение по Рунскому пути, проложенному через малые речки и ручьи водораздела, особенно через полавскую Руну и ее притоки. Участок пути по полавской Руне был более трудным из-за малых размеров речки, поэтому славяне иногда называли ее уменьшительным именем *Рунка* (ПКНЗ 5, 372: *Над Рункаю над речкою* п. 1560–1561 г.) или **Руница* (более ранний вариант деминутива с суф. *-ица*, из которого благодаря плюрализации возникло назв. прибрежной д. *Руницы* Мар.)³⁴, отчетливо противопоставляя более полноводной волжской *Руне*. Впрочем, передвижение могло продолжаться не по речным руслу, а вдоль рек. Рунской водно-волоковой коммуникацией, конечно, уже не пользовались во II тыс. н. э., только топонимия сохранила глухой намёк на нее в виде назв. *Верхняя Руна* грамоты 1483 г., относившегося к современной р. Чистенькая выше нынешнего истока волжской Руны (с. 89).

Реализованная благодаря древнему Рунскому пути модель охвата одним балтским гидронимом двух сближенных истоками рек – волжской *Руны* и полавской *Руны* – впоследствии стала применяться для номинации и других речек ВВДП, объединенных сухопутными участками путей. В частности, аналогичным способом дублирования гидронимии соседних водоемов

³² Менее вероятна иная, балтская трактовка верхнедвинского назв. *Бенек*, сближающая его с *Vienē* (*Viena*, *Vena*) р. в Литве, *Vienes*, *Vieņi*, *Vienēni* и особенно с *Beņieki*, именами селений в Латвии (Endzelins 1956, 102, 117) (последнее – *Beņieki*, – кстати, суффиксально сближается с верхнедвинск. *Бенек*), а также с *Мокрой Бенск* р. в Верхнем Поочье (Смол. ГБО, 23), основу которых тоже объясняют из и.-е. **bhei-/*bhi-* 'бить', однако не конкретизируют мотивов номинации, см. (Van. LH, 63; Топоров 1988, 169).

³³ Следующий этап повышенной увлажненности, вызвавший уход населения Верхневолжья из речных пойм на возвышенные участки, наблюдается в кон. XIII – сер. XIV вв. (Олейников 1992, 80).

³⁴ Интересно, что в нижнем течении полавская Руна именовалась раньше *Старая Руна*, которая на трехверстной карте 2-й пол. XIX в. (ВТКЗверст) ошибочно обозначена особой речкой, правым притоком Полы. На самом деле р. Руна в низовьях протекает параллельно руслу Полы и за пару десятков верст до впадения в Полу соединена с ней короткой протокой, которая и была *Старой Рунной*. Похоже, эта протока искусственного происхождения, прокопанная некогда для облегчения судоходства по полавской Руне. Действительно, назв. *Старая Руна* прямо указывает на *старое* русло, *староречье* применительно к нижнему участку Руны, в который лодки уже не заходили, а добивались до р. Полы (как и обратно – от Полы до Руны) через протоку.

славяне ВВДП удвоили балтизмы *Половизьма* и *Илигово*. В первом случае благодаря этому способу появилось средневековое речное имя *Половизна* (*Половизнь*), донесенное жалованной разводной грамотой 1483 г. (ДДГ, № 77, с. 291, 292). Оно принадлежало правому притоку волжской Руны, который начиная со 2-й пол. XVI в. стали называть иначе: р. *Заборовье* 1588–1589 гг. (ПКРВ, 218), *Заборовка* 1770-х и 1862 гг. (ГМ-Ост, № 767, 769; СНМ-Ост, № 9396), совр. *Заборовка*. Грамота 1483 г. отождествляет *Половизну* с притоком Руны («да вниз Половизню да в реку Руну»), хотя по современным данным река с созвучным именем *Половизьма* (*Половизна*) относится к системе р. Кудь. Очевидно, исконное балт. *Половизьма*, характеризовавшее речку, вытекающую из оз. *Полово*, было перенесено местными славянами на соседнюю речку (совр. *Заборовку*), протекающую в 6–8 км севернее этого озера. Основанием переноса наверняка послужил локальный сухопутный путь, связывавший округу оз. *Полово* бассейна Куди с р. Руна и ее притоками. Вероятность такого пути поддается сомнению, так как сходящимися истоками речки, впадающей в оз. *Полово*, и речки *Заборовки*, судя по крупномасштабной карте местности, более того, карта показывает наличие дороги между оз. *Половским* и р. Руна вдоль *Заборовки*³⁵.

Следующий подобный случай перенесенного гидронима демонстрирует р. *Илиговка* (*Плиговка*), известная с 1770-х гг. в Осташковском у. (ГМ-Ост, № 832, 833), *Иличевка* 1853 г. (Мнд), совр. *Илиговка* (*Лиговка*) р. в оз. Витьбино бассейна Волги. Здесь мы предполагаем трансфер балтского названия оз. *Илигово*. Это озеро хоть и относится к другой речной системе – бассейну Западной Двины, расположено совсем близко от течения р. *Илиговки*. В средневековье через эти водоемы, надо полагать, проходил один из путей (оз. Лучанское – оз. *Илигово* – водораздельный участок – р. *Илиговка* – оз. Витьбино), локально связывавший системы Двины и Волги, ибо только на-

личие такого пути объясняло бы перенос гидронима от озера на соседнюю, хотя и не смежную речку *Илиговку*.

Более позднюю, уже собственно славянскую разновидность переносов с коммуникационной подоплекой показывает р. *Хвошчица* 1770-х гг. (ГМ-Ост, № 769), иначе – *Хвошница* 1853 г. (Мнд), совр. *Хвошня*. Она начинается возле оз. *Хвошня*, прослеживаемого по письменности со 2-й пол. XV в. (оз. *Хвошно* 1483 г., см. с. 114), течет на юг и впадает в оз. Среднее возле ур. Сосновцы Пен., смежное с оз. Слаутинское. Мотивационная связь имен озера и реки здесь безусловна, хотя эти гидрообъекты принадлежат системам разных рек – Руны и Куди. Надо полагать, р. *Хвошчица* получила свое имя благодаря локальному пути вдоль этой речки от оз. *Хвошня* к озз. Среднее и Слаутинское.

Повторы названий населенных пунктов, стоящих на разных участках речного русла, тоже могут сигнализировать о древних путях передвижения по реке или вдоль реки. В микросистему повторяющихся поселенческих топонимов ВВДП включено *Вверх Моревы* д. в вол. Велила 1495/96 г. (НПК II, 754), позднее – *Верхмарево* д. 1770-х гг. (ГМ-Ост, № 789), *Вихмарево* д. 1853 г. (Мнд), *Верх Марево* (*Вихмарево*) д. 1862 г. (СНМ-Ост, № 9385), совр. *Верхмарёво* д. Пен. близ оз. Алхимцево. Безусловная соотносительность топонима *Вверх Моревы*, во-первых, с именем с. *Морева*, упоминаемого под 1431, 1440–1447, 1470–1471 и 1495/96 гг., центра одноименной волости (см. ГВНП, 105–106, 115–116, 129–132; НПК II, 703, 704) (по более поздним данным – пог. *Морева* Холмского у. 1780-х гг. ГМ-Хлм, № 967, совр. с. *Марёво*, центр Марёвского р-на Новгородской обл.) и, во-вторых, с именем д. *Усть-Морева* вол. Морева 1495/96 г. (НПК II, 723) (= совр. д. *Усть-Марёво* Мар.) намекает на некогда оживленный водно-сухопутный путь по р. *Морея* (*Морева*) или вдоль р. *Морева* (совр. *Марёвка*), связывавший отмеченные селения. Одно из пары селений располагалось в устье *Моревы*, другое – *Вверх Моревы* – в верховьях *Моревы*

³⁵ Любопытно, что наряду с удвоением *Половизьма* – *Половизна*, удвоились также имена гидрографически связанных с ними речек. Название р. *Мостовлянка*, впадающей в оз. Половское и р. Половизьма, было продублировано в системе бывшей р. Половизны: эта вторая *Мостовлянка* сегодня впадает в оз. Заборовское и через него в р. Заборовка. Возникновение гидронима *Мостовлянка* и его удвоение относятся к поздней эпохе XVIII–XIX вв., следовательно, не имеет отношения к древним коммуникациям.

возле ее истока из оз. *Моревское* (совр. Алхимцево). Показательно, что д. *Вверх Моревы* (= совр. *Верхмарёво* Пен.) была поставлена не на р. Моревы в ее верхнем течении, а на соседней речке бассейна волжской Руны, впадающей в оз. Любцы; кроме того, рядом начинается р. *Верхница*, названная по д. Верхмарёво, которая впадает в оз. Колпино, тоже соединяющееся с Руной. Размещение д. *Вверх Моревы* в системе волжских речек подсказывает, что движение по р. Моревы или вдоль р. Моревы не замыкалось одной этой рекой, а предполагало выход на Волгу через двухверстный сухопутный отрезок до указанной деревни и далее с передвижением уже по речкам Волжской системы.

Известно, что по территории бывшей древненовгородской волости Буец, приходившейся на ВВДП, пролегла большая средневековая дорога, соединявшая Южную Русь через города Смоленск и Торопец с Великим Новгородом. Реконструированная Е. Н. Носовым трасса этой сухопутной дороги, которую исследователь называет *волоком*, проведена вдоль рек и водоемов. С юга на север от села Буец она проходит по побережьям озер Бойно, Брисцо, Бросно, соединенных протоками и далее к оз. Шатун и вдоль р. Бросница, затем идет вдоль рек Волкота и Говшица, затем вдоль восточного побережья оз. Лучан к оз. Любенец, оттуда вдоль ручья выходит на Полу и тянется вдоль Полы (Носов 1994, 43). Обрисованный отрезок пути напоминает первоначальный раннеславянский маршрут по смежным озерам и речкам, соединенным в верховьях короткими волоковыми проходами по суше, параллельно которому впоследствии обустроили сухопутную дорогу. Слово *волок* для этой дороги, на наш взгляд, лучше подходит в плане исторической реконструкции. Поздним топонимическим маркером дороги Смоленск – Новгород на данном участке является *Порецкой Ям* – почтовая станция Торопецкого у. 1540 г. (ПКНЗ 4, 682), обустроенная не ранее кон. XV в., ее местоположение определяет-

ся по современной д. Ям и оз. Ямское Андр. у речки Говшица близ истока из оз. Лучан.

По одной из предпочтительных версий, благодаря соседству с этой большой дорогой были поименованы в раннедревнерусскую эпоху несколько топообъектов на пограничье вол. Буец со средневековой Смоленской землей: оз. *Буец* вместе с волостным с. *Буиць* и соседнее оз. *Буино*. Оз. *Буец*, впервые упомянутое под 1495/96 и 1560–1561 гг. на территории вол. Буец (НПК II, 818, 819, 823, 825; ПКНЗ 5, 402), в более поздних вариантах – оз. *Буйце* Холмского у. 1780-х гг. вместе с р. *Буйца* (ГМ-Хлм, № 1697; ИАДП 2, 188, № 9185), оз. *Буйцо* 1863 и 1911 гг. (ВТКЗверст; Шкапский, 114), *Забуйцо* 1885 г. (СНМРИ-ПГ, № 14736), идентифицируется с современным оз. Бакановское³⁶, короткой протокой соединенным с оз. Бойно. Лимноним *Буец* (< *Буиць* или *Буице* до утраты редуцированных) закрепился задолго до даты первой фиксации кон. XV в. – по меньшей мере в раннедревнерусский период 2-й пол. XII в., поскольку стоявшее на его берегу с. *Буиць*, центр одноименной волости, упомянуто впервые под 1130 г.: «отдати [Буи]цѣ святому Георгиеви» (ГВНП, 116, гр. 81). Названия озера и села восходят к др.-рус. прилагательному *буи* или к более раннему, др.-вост.-слав. *biъь*, имевшему множество разных значений: 'буйный', 'дерзкий', 'сильный', 'глупый', 'быстрый' и др. – из праслав. **biъь* 'сильно разросшийся, мощный, высокий'³⁷. При безусловности производства от *буи* / *biъь*, не очевидно, какое из взаимосвязанных значений полисеманта было использовано в процессе топонимации. Из синкретического смыслового спектра праслав. **biъь* и его суффиксального деривата **biъьнъ(ъь)* (Ан. РЭС 5, 77) новгородские и псковские диалекты, среди прочих, развили также значение 'людный, оживленный': новг. *буй* 'людное, оживленное место', 'бойкое, людное место', *буйный* 'людный, оживленный (о месте)' (СРГК 1, 134; НОС, 81), пск. *буй* 'людное, бойкое место', 'шумное сборище', *буйно* 'многолюдно, шумно', *буйный* 'такой, по которому часто ездят и ходят', 'людный, бойкий' (ПОС 2,

³⁶ Назв. *Бакановское* закрепилось не ранее кон. XIX в. в связи с появлением на берегу д. *Баканово* (Боканово) Холмского у. 1885 г. (СНМРИ-ПГ, № 14736), совр. *Баканово* Андр.

³⁷ Наиболее исчерпывающая сводка значений этой лексемы и ее производных в разных восточнославянских языках и русских говорах дана в этимологическом словаре (Ан. РЭС 5, 76-78).

303, 204, 205). Новг., пск. *буй*, *буйный* часто характеризуют именно дорогу. Напр., *буйной дорогой* на юге Псковщины (район Пустошки) называют большую дорогу, противопоставляя *стежинке* – маленькой дороге (ПОС 2, 205), в районе Новгорода подобный смысл у слова *буй*: «Вот там дорога, ездят очень, очень где беспокойно, и говорят: «Живет на бую» (СРГК 1, 134). В свете диалектных данных возникает гипотеза, что средневековые славяне, оставившие средневековые назв. *Буец* и *Буиць*, акцентировали признак расположения озера и смежного с ним поселения³⁸ в людной местности возле большой наезженной дороги.

Имеет право на существование и собственно «природно-ландшафтная» трактовка назв. *Буец*, ставящая во главу угла обозначение возвышенных и открытых мест, ср. ст.-рус. *буи* ‘возвышенное место’ 1587 г. (СлРЯ XI–XVII 1, 349–350; СОЛЯМР 1, 301), новг. *буй* ‘возвышенное открытое место; холм’, ‘открытое высокое место, доступное всем ветрам’ и т. п. (НОС, 80–81), пск. ‘возвышенное открытое место, бугор, холм’ (ПОС 2, 203), смол. ‘возвышенное, открытое для ветра место; горка’, ‘ветер, дующий на открытом, ничем не защищенном месте’ (ССГ 1, 281), *буйна* ‘горка, возвышенность, открытая для ветра’ (Там же, 281, 282) и т. п. По этой трактовке, *Буец* указывало на расположение на возвышенной и/или открытой местности³⁹. Впрочем, окрестности бывшего оз. *Буец* не выделены отчетливым возвышением рельефа, достойным наименования, хотя открытой, безлесной эта местность, конечно, могла предстать взору пришедших сюда славян. Такое предположение вряд ли отрицает представленную выше версию о людном месте возле большой дороги, поскольку понятия людного и открытого места ассоциированы или по крайней мере не противоречат одно другому.

В нескольких сотнях метров от оз. *Буец* лежит более крупное оз. *Буино* (*Боино*) вол.

Буец 1495/96 и 1539–1541 гг. (НПК II, 817, 818, 825; ПКНЗ 4, 641, 645, 647, 649, 653), *Буино* под 1560–1561 гг. (ПКНЗ 5, 405), позднее – *Бойно* Холмского у. 1780-х и 1863 гг. (ГМ-Хлм, № 1704; ВТКЗверст), совр. *Бойно* с прот. в оз. Бросно. Этимологическое тождество лимнонимов *Буец* и *Буино*, восходящих к *буи* / *виъ* и его деривату *буинь(ъ)* / *виънь(ъ)*, сомнений не вызывает, особенно ввиду того, что волостное с. *Буиць* локализуется прямо на узком перешейке между двумя этими озерами (см. ИАДП 2, 111, 188, № 9185, 9306). В рамках предложенной гипотезы появление назв. *Буино*, как и *Буец* мотивируется прилеганием большой (*буйной*) дороги, проходившей через село и вдоль берегов двух водоемов. В этой связи не менее показателен вариант анализируемого озерного названия – *Боино*, конкурировавший в XV–XVI вв. с ранним *Буино* и впоследствии ставший единственно возможным. Семантически он соотносится с южн.-пск. *бóйный* ‘наезженный, укатанный’, используемым во всех контекстах применительно к дороге (ПОС 2, 79). В свою очередь вариантность лимнонима *Буино* (*Боино*) имеет отношение к нередкому смешению прилагательных *буйный* и *бóйный*, наблюдаемому в псковских и калужских говорах (см. СРНГ 3, 67, 260).

Из разводной грамоты 1483 г. мы знаем о *Литовской дороге* (ДДГ, 292). Е. Н. Носов (1994, 51–52) реконструировал ее участок от оз. Корнево (Корено) до оз. Лопастница и далее к северным окрестностям оз. Лучан, где она соединялась с дорогой, связывавшей Смоленск, Торопец и Новгород. Следовательно, *Литовская* дорога кон. XV в. выводила к литовскому Торопцу, что, по мнению Носова, объясняет ее наименование. Впрочем, объяснение может лежать в иной плоскости: *Литовская* потому, что дорогу проложили и использовали в более раннее время литовцы. Вряд ли случайно к этой дороге приурочен топоним-литуанизм

³⁸ Соотносительные названия оз. *Буец* и с. *Буиць* не появились одновременно, одно из них было получено переносом другого. Скорее нужно говорить о первичности названия озера, по которому стали называть с. *Буиць*. Обратная версия именования водоема по селу тоже допустима, но не вписывается в механизм славянского топонимобразования, в рамках которого ойконимы-плативы могут быть легко произведены от сингулятивных гидронимов, а не наоборот. За аналогичными примерами далеко ходить не надо: поблизости от с. *Буиць* в более позднее время появилось сд. *Бросницы* Холмского у. (ВТКЗверст 1863 г), названное по р. *Бросница*.

³⁹ Производными от др.-рус. *буи*, рус. *буй* в этих значениях считаются, напр., названия вол. *Буй-город* Смоленской земли XV–XVI вв. (Сб. РИО, 395, 400, 486), и гор. *Буй* Костромской обл., известного с 1536 г.

Вышеголас: «от Вышеголаса прямо на поперечный мост к Литовской дорожке» (см. с. 87), а сама дорога скорее всего не заканчивалась на оз. Корнево у д. Княжево, а уходила далее на северо-восток к Верхневолжским озерам, где отмечаются, помимо гидронимических балтизмов, даже литовские поселенческие названия (д. *Шеш*, сс. 77–78).

Топонимические ориентиры трасс сухопутных дорог – это главным образом имена, указывающие на мосты и броды через реки. Средневековая топонимия ВВДП знает д. *Мостище* (*Мост*) Вселуцкой вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 227), она же д. *Мост* Осташковского у. 1770-х гг. (ГМ-Ост, № 805), иначе д. *Мосты* д. 1853 и 1862 гг. (Мнд; СМ-Ост, № 9337), совр. *Мосты* д. Пен. Здесь был мост через реку, именованную в XVI в. р. *Славина*, или *Славотина* (ПКРВ, 227), в XVIII в. – р. *Скорбинка* (ГМ-Ост, ч. 3) и начиная с XIX в. – р. *Мостовлянка*⁴⁰, которая течет из оз. Слаутинское в оз. Половское бассейна Куди. К д. *Мосты* сходятся несколько дорог, и безусловно, судя по названию, мост в ней традиционно строили по меньшей мере с XVI в., он показан на современных и старинных картах местности. На этой же р. Славотина XVI в. отмечена д. *Мостища на Нижнем Устье* (иначе – д. *Загородень*, *Загороденье*, *Загорденье*) Вселуцкой вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 231)⁴¹, в XVIII в. ставшая п. *Мостища (Загородье)* (ГМ-Ост, № 804). Второе название данного средневекового пункта позволяет приурочить его местоположение к совр. д. Загородечье Пен., расположенной в 3 км от д. Мосты выше по течению Мостовлянки – бывшей Славотины. Топоним *Мостища на Нижнем устье* безусловно связан микросистемно с названием

соседней д. *Мостище (Мост)*, но появился он, похоже, не путем вторичного переноса, а самостоятельно – благодаря обустройству также и в этой местности второго моста через реку, показанного на старинных картах⁴².

Несколько топонимов ВВДП отсылают к слову *брод* в значении ‘мелкое место во всю ширину реки, залива, озера, где можно перейти или переехать; гряда, перекап, порог’ (Даль 1, 129). Д. *Бродишно* над Двиною в Замошской перевале Торопецкого у. 1539–1541 гг. (ПКНЗ 4, 660) стояла возле каменистого брода через Западную Двину, носившего самостоятельное назв. *Камен Брод*⁴³. Именная форма относительного прилагательного *Камен* в XVI в. уже не употреблялась в живой речи, что свидетельствует о закреплении данного топонима в древнерусскую эпоху – не позднее кон. XV в. На изучаемой территории ВВДП имеются еще д. *Брод* на р. Руна Вселуцкой вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 217) и д. *Брод* при оз. Вселук Вселуцкой вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 232), Осташковского у. 1770-х, 1853 и 1862 гг. (ГМ-Ост, ч. 4; Мнд; СМ-Ост, № 9060). Первое назв. *Брод* сообщает о броде через р. Руну где-то рядом с оз. Хвошня, а второе – о броде через узкое место оз. Вселуг, который использовался не только во времена средневековья, но и, судя по карте Мнд 1853 г., в XIX столетии. Вообще говоря, селения, возникавшие возле речных бродов через водоемы, нередко отмечали этот важный признак местоположения, поэтому соответствующая топонимия получила повсеместное распространение, см., напр. (Мурз. СНГТ 1, 101–102).

В письменности не ранее 2-й пол. XVIII в. зафиксированы такие топонимиче-

⁴⁰ Гидроним получен скорее не прямо по д. *Мост (Мосты)*, а через посредство наименования жителей этой деревни – *мостовляне.

⁴¹ Этот же источник (Там же) отмечает д. *Загородень Мостища* на р. Славотине, выставленную из д. Загородень на Нижнем Устье.

⁴² Локативный элемент топонима – *на Нижнем Устье* – подсказывает, что деревня стояла неподалеку от истока Славотины (Мостовлянки) из оз. Слаутинское, что отвечает расположению совр. д. Загородечье. Таким образом, *Нижнее Устье* в книге XVI в. отнесено к речному истоку из озера, но в этом нет ничего необычного, поскольку *устьем* в средневековых Новгородско-Псковских землях обозначали не только собственно ‘устье, место впадения реки’, но и ‘исток реки’, чему находится немало примеров (ср. хотя бы *Устрека* д. в Новгородской обл., семантически – “расположенная на устье реки”, хотя населенный пункт стоит при истоке р. Уверь из оз. Корбожа). Если было *Нижнее устье*, значит оно противопоставлялось *Верхнему устью, под которым следует понимать наименование протоки, соединявшей оз. Слаутинское с озз. Корено, Долгое и Среднее, расположенными выше и стекающими в оз. Слаутинское.

⁴³ По сообщению Торопецкой книги, на д. *Бродишно* «пашут две нивы за Двиною повыше Камени броду» (ПКНЗ 4, 660).

ские индикаторы дорог ВДВП, как *Переезное, Перелаз, Кресты*. Назв. *Переезное* (*Березное*) 1770-х гг. (ГМ-Ост, ч. 4, № 747) оз. с прот. в оз. Заборье бассейна Западной Двины означает “расположенное возле переезда”. Здесь дорога в д. Заборье проходит по перешейку между озерами. В д. *Перелаз* при р. Колпина 1770-х, 1853 и 1862 гг. (ГМ-Ост, № 747; Мнд; СМ-Ост, № 9445), совр. *Перелаз* ур. Пен. при р. Колпинка имеется мост и проходит дорога через р. Колпинку, *Пере-*

лаз означает “переход, переезд”. Д. *Кресты* на оз. Половское 1853 г. (Мнд), *Кресты* (*Половы*) 1862 г. (СМ-Ост, № 9361) сегодня составляет часть д. Полово Пен. Топоним отметил расположение на перекрестке дорог, ср. верхневолжск. *крест, крёст, кресты* ‘перекресток’ (Слгр 3, 133). Поздняя письменная фиксация, непринадлежность к разряду славянской топоархаики оставляет под вопросом средневековую древность данных названий.

Именование населенных пунктов по озерам и рекам

Средневековое славянское население осваивало в первую очередь побережья крупных озер и рек, служивших путями сообщения, источниками воды, местами рыболовства и охоты, крутые берега служили защитой при обустройстве укреплений, а пологие долины были удобны для земледелия, сенокосения и пастьбы скота. Заметные реки и озера именовались в первую очередь, и, следовательно, в массе своей гидронимия предстает наиболее ранним классом имен. Второй главный топонимический класс – поселенческие названия (ойконимы) – как правило образуются намного позже гидронимов, быстрее утрачиваются, динамично меняют фонетический облик и во множестве случаев выступают производными от гидронимии. Два главных класса названий постоянно взаимодействуют, вступая в системообразующие отношения, преимущественно метонимического характера. Уступая гидронимам в возрасте, ойконимы обладают несомненным преимуществом в локализации: первоначальные локусы их появления определены географическими координатами населенных пунктов, тогда как крупные водоемы и протянувшиеся на десятки и сотни километров большие реки именовались без точного адреса на протяженных участках озера или речного русла.

Регулярный характер деривационной зависимости поселенческих названий от имен соседних водоемов и рек учитывается методикой локализации средневековых сел и деревень, исчезнувших в докартографический период или не нанесенных на карты и планы местности. Результаты та-

кого поиска, помимо собственно ономастической значимости, выходят на культурно-историческую географию региона, для которой важны не столько имена, сколько средневековые селения, стоящие за ними, эпоха возникновения этих селений, вскрываемая средствами археологии и письменностью, экономическая составляющая, состав населения, вхождение в более крупные административно-территориальные единицы и т. д.

Именование населенных пунктов по соседним рекам и озерам легко обосновывается формальными показателями. От гидронимные ойконимы либо полностью дублируют гидроним-мотиватор со всеми его выразительными чертами, не типичными для ойконимического класса, либо получают основу гидронима, дооформленную ойконимическими аффиксами, либо представлены предположно-падежными номинациями, включающими гидронимы обычно в форме местного, иногда – родительного падежа. Способ предположно-падежных номинаций наиболее характерен для рассматриваемой ниже отгидронимной ойконимии ВДВП. Разумеется, локализация возможна, если известны имя, гидрографическая иерархия, иные особенности водного объекта (реки или озера), по которому данное селение было названо и на берегах которого, следовательно, оно и располагалось. Местоположение населенного пункта у воды можно дополнительно уточнить по принадлежности его к определенному погосту, волости, по контексту соседних локализованных пунктов, входивших в тот же самый или иные соседние погосты, и т. д.

Единообразное именование групп кучно расположенных населенных пунктов, прежде всего деревень, по озерам и, реже, по рекам – самая выразительная особенность славянской средневековой ойконимии ВВДП в эпоху писцовых описаний XV–XVI вв. Большинство повторяющихся имен селений и имена практически всех территориальных центров ВВДП, известных в XV–XVI вв., были образованы от гидронимов вне зависимости от балтского или исконно славянского происхождения последних. Трудно сказать, встречается ли где-либо еще в Новгородско-Псковских землях столь масштабное применение данного способа именования. Обратимся далее к изложению конкретных фактов.

По Верхневолжским озз. *Стержь* и *Вселук* (*Вселуг*) были поименованы древнерусские города *Стержь* и *Селук*, указанные в летописном Списке городов раньше письменных дат упоминания самих озер. Гор. *Стержь*, стоявший при впадении Волги в оз. Стерж, в летописях отмечен среди градов Залесских около 1375 г. (НПЛ, 477; ПСРЛ VII, 241, к хронологии списка Янин 1998, 67), позднее указан писцовой книгой кон. XV в. как пог. *Стерж*, центр одноименной волости (НПК II, 689, 690), книгой 1539 и 1541 гг. – как пог. *На Стержи* (*Стержь*) (ПКНЗ 4, 317, 329). Первые упоминания вол. *Стержь* относятся к 1440–1447 и 1470–1471 гг. (ГВНП, 116, 131), под 1483 г. сообщается о *Стержской* вол. (ДДГ, № 77, с. 291).

Гор. *Селук*, названный по оз. *Вселук*, в летописном списке около 1375 г. перечислен среди градов Литовских (НПЛ, 476, см. еще Янин 1998, 67). Имя озера также дало наименование входившей в Ржевский уезд вол. *Вселук* (*Всолук*, *Вселуцкая*), первые сообщения о которой дают грамоты 1483 и 1506 гг. (ДДГ, № 77, с. 291–292, № 98, с. 407), подробное описание содержит писцовая книга 1588–1589 гг. (ПКРВ, 76, 89, 211, 229 и след.). На месте средневекового города в кон. XVIII в. значилось с. *Вселук* (ГМ-Ост, ч. 4), в XIX в. – пог. *Обселуг* 1853 г. (Мнд) и с. *Вселуки* 1862 г. (СНМ-Ост, № 9334), сегодня – д. *Вселуки* Ост.

Назв. *Буиць* с., центра одноименной волости с первыми упоминаниями под 1130 г. («отдати [Буи]ць святому Георгиеви» ГВНП, 116, гр. 81) и 1232 г. (село «святого Геор-

гия» НПЛ, 280), скорее всего тоже перенеслось на древненовгородский территориальный центр от соседнего озера, известного по историческим источникам как оз. *Буец* (*Буйце*) (< *Буиць* или *Буице*), но с кон. XIX в. именуемого оз. *Бакановское*. Писцовая книга 1495/96 г. содержит описание волостного центра *Буец* с церковью Покрова на погосте и деревень вол. *Буец* (НПК II, 806, 823). Поселенческое назв. *Буиць* образовано от *Буиць* (> *Буец*) древним морфологическим способом плюрализации, как и некоторые иные древненовгородские ойконимы (см. с. 124). Хотя ойконим исчезает из исторических источников, соотносимое с ним средневековое селение все же удалось локализовать (ИАДП 2, 111, 188, № 9185) между озз. Бакановское и Бойно, где сегодня стоит д. Жуково Андр. О производном наименовании вол. *Буицы* (*Буиць*) новгородская письменность сообщает многократно: под 1130, 1440–1447, 1470–1471 гг. (ГВНП, 116, 131, 140), в писцовой документации 1495/96, 1522, 1526–1527 и 1560-х гг. фигурирует вол. *Буец* Деревской пятины (НПК II, 818–823; ПКНЗ 5, 400–407; Сб. РИО, 639, № 93; 745, № 102), она же *Буйск*: «и Буйску, и инымъ волостемъ», 1494 г. (Сб. РИО, 126, 129, № 24).

Кроме древненовгородского волостного центра, по оз. *Буец* были поименованы еще д. *Буец* (*Буйцы*), несколько пп. *Над Буйцом* и п. *На Буйце Шулеева*, 1560–1561 гг. (ПКНЗ 5, 401, 405, 402, 403, 405). Была еще *Над Буйцом Юркина* д. в вол. *Буец* 1495/96, 1560–1561 гг. (НПК II, 818, 819, 823; ПКНЗ 5, 405).

Другой территориальный центр – пог. *Лопастница* с церковью Великий Никола, который описывает писцовая книга 1495/96 г. (НПК II, 784), – был назван по оз. *Лопастница*, связанному проливом с оз. Витьбино системы р. Кудь. Источники обычно описывают не само это селение, а тяготевшую к нему вол. *Лопастницы* под 1431, 1440–1447, 1470–1471 гг. (ГВНП, 105, 116, 131), 1494 и 1526–1527 гг. (Сб. РИО, 126, 129, № 24; 639, № 93; 745, № 102), иначе – вол. *Лопастницкая* Аркажа монастыря 1483 г. (ДДГ, 292, № 77), *Лапастница* (*Лопастницы*), XVI в. (ПКНЗ 4, 495–496; ПКНЗ 5, 176). Образование плюрального ойконимного варианта *Лопастницы* (< *Лопастница*) аналогично образованию *Буиць* (< *Буиць*, позднее *Буец*), см. выше.

Центральное с. *Морева* в Моревской вол., упомянутое впервые в летописном сообщении о набеге литовцев 1229 г. (НПЛ, 28, 275), безусловно названо по р. *Морева*, притоку Полы. Появление данного поселенческого названия (и, быть может, самого с. *Морева*), продублировавшего гидроним, допустимо связать с эпохой середины или 2-й пол. XII в., поскольку грамота великого князя Всеволода 1134 г. (Янин 1981, 231) дает иной вариант речного имени – *Морея*.

Имена территориальных центров *Стержь*, *Селук*, *Буиць*, *Лопастница*, *Морева*, появившихся задолго до первых письменных свидетельств о них, безусловно относятся к ранним образцам вторичной отгидронимной топонимии ВВДП. Образованные таким же способом названия многих деревень, починков и пустошей отсылают к более позднему времени.

Около десятка деревень и пустошей кон. XV в. – 2-й пол. XVI в., принадлежавших вол. Буец, а затем отчасти и Вселуцкой вол., стояли вблизи оз. *Илигово* и назывались по этому небольшому водоему. Таковыми были: 1) д. *Илигово* 1495/96 г. (НПК II, 806), она же д. *В Илигове* 1560–1561 гг. (ПКНЗ 5, 402); 2) д. *На Виложгом*⁴⁴ 1495/96 г. (НПК II, 807), ставшая п. *На Илигове* 1560–1561 гг. (ПКНЗ 5, 402); 3) д. *Над Илиговым же* д. в вол. Буец 1495/96 г. (НПК II, 807), она же п. *На Илигове* 1560–1561 гг. (ПКНЗ 5, 402); 4) д. *На Илиговым же* 1495/96 г. (НПК II, 807), она же п. *В Илигове* 1560–1561 гг. (ПКНЗ 5, 403); 5) д. *Над Илиговым же* 1495/96 г. (НПК II, 807), позднее – п. *В Илигове* 1560–1561 гг. (ПКНЗ 5, 403); 6) д. *Над Илиговым же* 1495/96 г. (НПК II, 807), ставшая п. *На Илигове озером* 1560–1561 гг. (ПКНЗ 5, 405); 7) д. *Над Шиговым*⁴⁵ «пуста» 1495/96 г. (НПК II, 823); 8) д. *Илигова* и 9) д. *Илогова*, обе под 1588–1589 гг. (ПКРВ, 219).

Возле оз. *Вотолово* в 1-й пол. XVI в. значились одноименные сц. *В Отолове* Вселуцкой вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 213) и несколько деревень Торопецкого у. 1539–1541 гг.: д. *Вотолово* Пантелеевской перевары, д. *В Вотолове* Замошской перевары, д. *У озера у Волотова* и д. *Над озером над Ватолом* (ПКНЗ 4, 646, 654, 655).

При оз. *Стеклино* описывались д. *В Стеклине над озером над Стеклиным* Торопецкого у. и мстн. *Стеклино* в Замошской переваре Торопецкого у. 1539–1541 гг. (ПКНЗ 4, 656).

По берегам оз. *Волкота* (*Волкото*, *Волотка*, *Володка*) стояли пара дд. *На озеръ на Володкѣ* и четыре дд. *На озеръ на Волоткѣ*, все в вол. Лопастницы 1495/96 г. (НПК II, 795, 796, 805). Позднее на их месте писцовая книга указывает три пп. *На Волкоте* и д. *Волкота* 1560–1561 гг. (ПКНЗ 5, 376, 406). На берегу вытекающей из этого озера р. *Волкота*, притока Западной Двины, указана д. *На реке на Волкоте* вол. Вотолово Торопецкого у. 1539–1541 гг. (ПКНЗ 4, 646).

Средневековое назв. *Маринцо* (*Маринцо*, *Маринцово*) озера, известного сегодня как оз. *Мариница* неподалеку от северо-восточного побережья оз. Охват, отражается в наименованиях д. и сц. *Мариницы* Замошской перевары Торопецкого у. 1539–1541 гг. (ПКНЗ 4, 661, 662), позднее здесь фиксируется д. *Маринцово* на оз. *Маринцово* Езжинской вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 202), она же д. *Маринница* Осташковского у. 1770-х гг. (ГМ-Ост, № 629), ставшая совр. *Мариницы* д. Пен. По озеру именовали также пог. *На земле на оз. Маринцове* «а на погосте церковь Петра и Павла» Езжинской вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 211), где позднее значился пог. *Петра и Павла* Осташковского у. 1770-х гг. (ГМ-Ост), разоренный при литовском нашествии (Плетнев 1903, 35).

Много средневековых деревень XV–XVI вв., стоявших по берегам оз. *Лучян* кон. XV в., именовались по этому водоему: одна д. *Над Лучяном озером* входила в вол. Лопастницы 1495/96 г. (НПК II, 799), три дд. *Над Лучяном озером* (*Над Лучяном*) и д. *Над Лучяном озером Колотилово* принадлежали вол. Буец 1495/96 г. (НПК II, 810, 811, 822), впоследствии на месте одной из буецких деревень появился пог. *Лучин* Холмского у. 1780-х гг. (ГМ-Хлм, № 1625), он же пог. *Лучане* 1863 г. (ВТКЗверст), локализуемый на восточном берегу Лучанского оз., где сегодня сохраняется кладбище. Писцовая книга 1560–1561 гг. отмечает на берегах озера п. *На Лучахне*, п. *Лучанех Сергеева* и п. *Над Лучяном озером Ивашикова* в вол. Буец (ПКНЗ 5, 404, 406).

⁴⁴ Правильнее: *Над Илиговым*.

⁴⁵ Правильнее: *Над Илиговым*.

Значительную концентрацию из почти двух десятков селений вол. Буец кон. XV в. фиксируют на берегах сравнительно небольшого оз. *Долостцо*. Все эти деревни в соответствии со своим расположением носили незначительно варьирующиеся назв. *Над озером над Долостцом, Над Долостьцом, Над Долостьцом озером, Над Долосьцом, На Поповъ над Долостьцом, Над Долостьцом же Росляковы*, см. (НПК II, 813, 815, 823), к локализации (ИАДП 2, 110). Позднее указывают п. *Над Долосцом* 1560–1561 гг. (ПКНЗ 5, 403).

Возле расположенного севернее второго оз. *Долосцо* находилось сц. *Над озером над Лосцем* в Стеклине Торопецкого у. 1539–1541 гг. (ПКНЗ 4, 656).

При оз. *Полово* значились д. *Полово* и д. *Игнатово Полово* Вселуцкой вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 227, 231), на их месте стоит сегодня д. *Полово* Пен. при оз. Половском.

Оз. *Двинец*, связанное ручьем с оз. Охват, оставило след в названии д. *Над Винцом Савкинская* в Замошской переваре Торопецкого у. 1539–1541 гг. (ПКНЗ 4, 659). В ту пору в этой деревне жили Фомка Коракин и Иванко Коракин, фамильное прозвание которых объясняет появление современного назв. *Коракино* для оз. Двинец. Кроме того, существовал пч. *Двинец* при оз. Двинец в Езжинской вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 204), ставший п. *Двинец* к 1770-м гг. (ГМ-Ост, № 627).

Оз. *Меглино* распространило свое название на соседившую с ним д. *Меглино* вол. Велила 1495/96 и 1560–1561 гг. (НПК II, 746; ПКНЗ 5, 366, 369, 370, 375), задокументированную и более поздними источниками; местоположение средневекового пункта уточняет совр. *Меглино* ур. Пен. На озерном берегу стояла еще д. *На Меглинъ Горъ* вол. Велила 1495/96 и 1560–1561 гг. (НПК II, 746; ПКНЗ 5, 369), на карте 1853 г. она подписана как д. *Маглина* (Мнд). Из озера течет р. *Меглинка*, л. пр. волжской Руны, возле которой значилась д. *Над рѣчкою над Мегленкою* тоже Велильской вол. кон. XV в. (НПК II, 755), кроме того, в паре верст северо-восточнее оз. Меглино локализуют д. *Слоботка над Мглином озером* Стержской вол. 1495/96 г. (НПК II, 701).

Оз. *Буино* (*Боино*) закрепило второй, более поздний вариант своего имени за д. *Бойно* вол. Буец 1495/96 г. (НПК II, 823), ставшей сц. *Боино* Замошской перевары Торопецко-

го у. 1539–1541 гг. (ПКНЗ 4, 649), а также за несколькими дд. *Над Боином* 1495/96 г. (НПК II, 817, 818), где впоследствии оказалась п. *Над Буйным озером* 1560–1561 гг. (ПКНЗ 5, 405).

Оз. *Видбино*, совр. *Витьбино*, начинающее р. Кудь, дало наименования *Над Витьбином озером* (*Над Видбиным озером, Над Витьбиным озером*) четырем деревням вол. Буец 1495/96 г. (НПК II, 822, 823), которые локализуются, по более поздним материалам, на южном побережье этого водоема, где спустя сотню лет значилась д. *Видмино* (*Видбина*) Вселуцкой вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 215), а сегодня сохраняется д. *Витьбино* Пен. Кроме того, писцовая книга уезда Ржевы Володимеровой 1588–1589 гг. отмечает сц. *Видбино* (*Видмино, Загороден*) на оз. Видбино (ПКРВ, 214), ставшее д. *Видбина* (*Загородье*) 1770-х гг. (ГМ-Ост, № 810).

Небольшое оз. *Кочюжье*, примыкающее к оз. Лопастаца, отразилось в названиях нескольких дд. *Над Кочюжим озером* (*Над Кочужом озером*) 1495/96 г. и д. *Закочюжье* (*Закочужье*) 1495/96 и 1560–1561 гг., они все относились к вол. Лопастацы (НПК II, 786; ПКНЗ 5, 380). Книга уезда Ржевы Володимеровой 1588–1589 гг. отмечает при озз. *Закочужье* и *Лопасница* д. *Закочужье* (*Бурминское Городище, Плоскутово*) и д. *Закочужье* (*Морозово, Закучерье*) Вселуцкой вол. (ПКРВ, 216); первая из них дана материалами межевания 1770-х гг. как д. *Закачужа* (*Пласкатунова*) (ГМ-Ост, № 812), а вторая отождествляется с д. *Закочужье*, показанной на карте 1853 г. (Мнд).

Этимологически не проясненное назв. *Иньтово* маленького озера кон. XV в. (НПК II, 784), оно же оз. *Нетово* 1770-х гг. (ГМ-Ост, ч. 3), совр. оз. *Инетово* вблизи озз. Хвошня и Любцы системы волжской Руны, распространилось на три дд. *Иньтово* вол. Велила 1495/96 г. (НПК II, 743, 754, 756).

По оз. *Бросно* именовался большой ряд деревень и пустошей вол. Буец кон. XV и XVI вв. Писцовые книги отмечают семь дд. *Над Бросном* 1495/96 г. (НПК II, 814, 815) и семь пп. *На Бросне* (*Над Бросном*) 1560–1561 гг. (ПКНЗ 5, 402, 405). Отдельными пунктами значились д. *На Бросном* и д. *Над Бросном* 1495/96 и 1560–1561 гг. (НПК II, 816, 817; ПКНЗ 5, 403), а также д. *Над Бросном озером* 1495/96 г. (НПК II, 813), она же д. *Над*

Бросном над озером (Машилева) 1560–1562 гг. (ПКНЗ 5, 402), ставшая п. *Машина* Холмского у. 1780-х гг. (ГМ-Хлм, № 1659). Еще одна д. *Над Бросном же Гущино* 1495/96 г. (НПК II, 814) стала сц. *Гущино* Холмского у. 1780-х гг. (ГМ-Хлм, № 1660). Отмечены еще п. *На Бросне Родивонкова* и п. *На Бросне Хоткова*, под 1560–1561 гг. (ПКНЗ 5, 401, 404). Все деревни кон. XV в. кучно локализируются на западном плесе оз. Бросно (см. ИАДП 2, 110). Имя р. Бросница, вытекающей из оз. Бросно, перешло на д. *Над рекою над Бросницею* 1539–1541 гг. (ПКНЗ 4, 649), она же сц. *Бросницы* Холмского у. 1863 г. (ВТКЗверст).

Название оз. *Корино* отразилось по меньшей мере в наименованиях двух средневековых дд. Вселуцкой вол., одна из них – д. *Княжое Корино* (*Княжое, Мандино, Мальдино*) 1588–1589 гг. (ПКРВ, 216), которую продолжает сегодня д. *Корено-Княжево* Пен. Другая деревня, указанная книгой 1588–1589 гг. с описательным наименованием *Бурная Заозерье тож у озера у Корина*, сохраняется сегодня как д. *Корено-Бубново* Пен.

Рядом с небольшим оз. *Пуново*, лежавшим вблизи самых истоков р. Полы, имелись средневековые дд. *Пупково* и *Кузьминская Пуново*, принадлежавшие разным волостям. Д. *Пупково*, входившая в вол. *Велила* 1495/96 г. (НПК II, 755), стала п. *В Бохоту Селища Пуповская* к 1560–1562 гг. (ПКНЗ 5, 371), а д. *Кузьминская Пуново* вол. *Морева* 1495/96 г. (НПК II, 717) обратилась в п. *В Пунове* 1560–1561 гг. (ПКНЗ 5, 396), она же п. *Пунова Кузнецова* к северу от оз. *Пуповское* Холмского у. 1780-х гг. (ГМ-Хлм, № 991).

Оз. *Камено*, связанное р. *Каменец* с оз. *Лучан*, дало наименования д. *На Каменом* вол. *Лопастницы* 1495/96 г. (НПК II, 797), д. *На Каменом* вол. *Буец* 1495/96 г. (НПК II, 821), а также п. *На Камене Тихонова* вол. *Буец* 1560–1561 гг. (ПКНЗ 5, 404).

Не вполне локализованное оз. *Менцо* (= *Мишенцо*) отразилось в названии п. *Мишенцо* и в составном наименовании д. *Над озером над Менцом* в мстн. *Теребета* Торопецкого у. 1539–1541 гг. (ПКНЗ 4, 655, 656).

Оз. *Елно*, идентифицируемое с теперешним оз. *Ордоникольское* системы р. *Волкоты*, дало наименования шести дд. *Над Ельным озером* (*Над Ельным*) вол. *Буец* 1495/96 г. (НПК II, 809, 810, 823) и несколькими пустошам вол. *Буец* эпохи 1560–1561 гг.:

1) п. *Над Ельным озером* «а бывала деревня *Фролкова*»; 2) п. *В Заеленье Шанева*; 3) п. *В Заеленье Феткова* и 4) п. *В Заеленье Ондриянкова* (ПКНЗ 5, 401, 405). В более позднюю эпоху, вероятно, по этому водоему были поименованы селения *Вселуцкой вол.*: сц. *Марково* (*Заеленье*) при озз. *Заеленье* и *Еленье* и д. *Филипьева* (*Заеленье, Залесье*) при оз. *Зоеленье*, 1588–1589 гг. (ПКРВ, 223, 225).

Второе средневековое оз. *Елно*, предположительно отождествляемое с теперешним оз. *Мокролуцкое* в истоках *Полы*, тоже перенесло свое название на целый ряд обустроенных поблизости починков и деревень вол. *Велила* 1495/96 г. Здесь, согласно (НПК II, 741, 742, 743, 744), в кон. XV в. находились: пч. *На Озеръ на Елнъ*, пч. *Над Елинъем озером* и пч. *На Елнъ Кузнецов*, два пчч. *Заелинье* и пара дд. *Заелинье*, соотносимых с д. *Заеленье* 1540–1541 гг. (ПКНЗ 4, 339), где в XIX в. значилась д. *Заеленье* (*Болотное*) при колодце 1862 г. (СНМ-Ост, № 9434), иначе *Болотная* (*Базаны*) 1853 г. (Мнд), совр. *Бузаны* ур. в 3–4 км юго-восточнее оз. *Мокролуцкое*.

По небольшому оз. *Колпино*, имеющему сток в р. *Колпинка*, л. пр. *Волкоты*, именовались д. *Колпино* и д. *Колпинское* (*Быковская, Микитино*) *Вселуцкой вол.* 1588–1589 гг. (ПКРВ, 212, 238), первая из них впоследствии стала д. *Колпина* *Осташковского у.* 1770-х гг. (ГМ-Ост, ч. 4) и находилась скорее всего там, где сегодня находится ур. *Колпино* Пен. на восточном берегу оз. *Колпинское*. По р. *Колпинка* (*Колпница*), вытекавшей из оз. *Колпино*, были названы стоявшие при этой речке д. *Колпина Большая* (*Колпенка*) и выставленная из нее д. *Колпинки Малая* (*Колпинская*), обе указаны во *Вселуцкой вол.* *Ржевского у.* 1588–1589 гг. (ПКРВ, 214). Речной гидроним отразился еще в названии д. *Колпинская* над *Глубоким озером* в *Замошской переваре* *Торопецкого у.* 1539–1541 гг. (ПКНЗ 4, 655), она же д. *Колпина* *Осташковского у.* 1770-х гг. (ГМ-Ост, ч. 4), локализуемая рядом с северной окраиной совр. д. *Заборье* Пен. в среднем течении р. *Колпинки*. Кроме того, назв. *Колпино* закрепилось за целой местностью вокруг оз. *Колпино* и р. *Колпинки* в *Замошской переваре* *Торопецкого у.* 1539–1541 гг. (ПКНЗ 4, 655).

С названием оз. *Заборье* соотносится назв. *В Заборье на Ветши* (*В Заборовье*), закреп-

ленное за парой соседивших дд. в Замошской переваре Торопецкого у. 1539–1541 гг. (ПКНЗ 4, 655, 656), затем на их месте значилась д. *Заборье (Середина)* Вселуцкой вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 212), она же д. *Заборье* при оз. Заборское Осташковского у. 1770-х, 1853 и 1862 гг. (ГМ-Ост, № 747; Мнд; СМ-Ост, № 9447), совр. *Заборье* д. Пен. возле оз. Заборское со стоком в рр. Новинка, Городница и далее в Волкоту. В этой же местности фиксируется еще п. *В Заборье на Колнице* 1539–1541 гг. (ПКНЗ 4, 656).

При другом оз. *Колпино*, имеющим сток в оз. Истошня и р. Руну, стояли одноименные две дд. *Колпино (Колпи)* вол. Велила 1495/96 г. вместе с двумя пчч. *Колпино* (НПК II, 743, 744, 754). Сегодня на их месте остались нежилые дд. *Колпино-1* и *Колпино-2* Пен.

Соседство с оз. *Уклейно* в верховьях волжской Руны раскрывает пара пчч. *На Уклейнъ* Уломского десятка вол. Велила 1495/96 г. (НПК II, 742).

Название оз. *Хвоцино* было распространено на прилегавшую д. *Хвоцино* вол. Велила 1495/96 г. (НПК II, 743), она же д. *Над Хвоциным озером* 1540–1541 гг. (ПКНЗ 4, 333), стоявшая на месте совр. д. *Старина* Пен. В более позднюю эпоху при этом озере значился пог. *Хвошня* 1770-х гг. (ГМ-Ост, № 770; Мнд; СМ-Ост, № 9390), он находился в южной части совр. пос. Рунский Пен.

Название оз. *Плотично* в истоке волжской Руны, известное в настоящее время как оз. Полевое, дублируют три соседившие с ним дд. *Плотично* вол. Велила 1495/96 и 1540–1541 гг. (НПК II, 738; ПКНЗ 4, 332). Сегодня в 3 км к северо-востоку от оз. Полевое сохранилось ур. *Плотично* Пен.

Оз. *Любино* отразилось в составных наименованиях *На озеръ на Любинъ (На Любинъ озеръ, На озеръ на Любинъ)* десятка кучно расположенных прибрежных деревень вол. Лопастницы 1495/96 г. (НПК II, 784, 785, 788, 793). Ко 2-й пол. XVI в. на их месте оставались отдельные пустоши с названиями, отражавшими имена крестьян, которые жили в деревнях кон. XV в.; одна из них – п. *Над озером над Любиным Зехнова Дятлова* 1560–1562 гг. (ПКНЗ 5, 379), она же п. *Зехнова* Холмского у. 1880-х гг. (ГМ-Хлм, № 1532), названная по имени Зехно Дятлова, жившего в д. *На Любинъ озеръ* в кон. XV в.,

см. (ИАДП 2, 187, № 9093, 9088). Сегодня на месте скопления средневековых селений кон. XV в. остается д. *Любино* Андр.

По оз. *Обрътенье* получили варьирующиеся составные наименования *Заобрътенье на озерцъ на Обрътенье (На Обрътеньъ на озеръ, На Обрътенье на озеркъ, Заобрътенье)* пять прилегавших к озеру деревень вол. Лопастницы 1495/96 г. (НПК II, 794, 795), на их месте в 1560–1561 гг. значилась одна д. *Заобретенье* (ПКНЗ 5, 376). Рядом с этой группой селений, между озз. *Обрътенье* и *Оталец*, находилась д. *Заобрътенье над Оготалцом* 1495/96 г. (НПК II, 785), она же п. *На Оталске* 1560–1561 гг. (ПКНЗ 5, 379). На короткой прот. *Обретомья* (= р. *Абретинка* 1770-х гг. ГМ-Ост, № 839), связывавшей озз. *Обрътенье* и *Оготалец*, локализуется п. *Над Обретомью Юркина над рекою* вол. Лопастницы 1560–1561 гг. (ПКНЗ 5, 379).

Возле оз. *Жабера* (сегодня оз. Дешковское), восточного для р. *Жабера*, писцовая книга Торопецкого у. 1539–1541 гг. отмечает одноименные мстн. *Жабера* с тремя дд. *Жабера* и сщ. *В Жабере*; кроме них, на берегах р. *Жабера* указаны еще три д. *Жабера* (ПКНЗ 4, 655, 656, 657, 665). Мстн. *Жабера* охватывала участок течения р. *Топорница*, давшей наименование д. *На речке на Топорнице в Жабере* Торопецкого у. 1539–1541 гг. (ПКНЗ 4, 655).

Название оз. *Соблаго* было перенесено на д. *Над Соблагом озером* Торопецкого у. 1539–1541 гг. (ПКНЗ 4, 661). В свою очередь книга Ржевского у. отмечает д. *Соблаго* д. на оз. *Соблаго* Езжинской вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 203), вероятно, она же д. *Соблаго* Осташковского у. 1770-х и 1853 гг. (ГМ-Ост, № 629; Мнд), д. *Соблое* под 1862 г. (СМ-Ост, № 9205). Сегодня известен пос. *Соблаго* Пен.

Название оз. *Городно* со стоком в р. Сермяженка бассейна Ловати распространилось на шесть приозерных дд. *Городно* вол. Буец 1495/96 г. (НПК II, 812). Обыскная книга 1560–1561 гг. на месте живых деревень кон. XV в. находит одни пустоши: две пп. *На Городне*, п. *На Городне Панкратовская*, п. *На Городне Окулина*, п. *На Городне Логинова*, п. *На Городне Яшкова* (ПКНЗ 5, 402, 405, 406).

При маленькой р. *Городня* (*Городенка*) и смежном с речкой оз. *Городно* в истоках Полаы именовались несколько селений

кон. XV в., судьба которых прослеживается и по поздним документам: 1) д. *На Городенке* вол. Велила 1495/96 г. (НПК II, 739), она же д. *Городенка* 1540–1541 гг. (ПКНЗ 4, 334), *Городенко Нижнее* (*Городенка Нижняя*) на р. Городенка и р. Задена Вселуцкой вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 223, 224), она же д. *Городенка Нижняя* Осташковского у. 1770-х гг. (ГМ-Ост, № 822), *Городенка* 1853 г. (Мнд), *Нижняя Городенка* д. при р. Городенка 1862 г. (СНМ-Ост, № 9377), совр. *Городенка* нежилая д. Пен.; 2) д. *Над Городенкою* вол. Велила (НПК II, 739), она же д. *Городенка Верхняя* (*Комарова*) Вселуцкой вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 224), позднее – д. *Городенка Верхняя* 1770-х гг. (ГМ-Ост, № 820), ставшая в XIX в. сц. *Ново-Александровское* 1853 г. (Мнд), или *Александровское* (*Верхняя Городенка*) при р. Городенка 1862 г. (СНМ-Ост, № 9376); 3) д. *Городенка Средняя*, выставленная из д. *Городенка Верхняя* Вселуцкой вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 224); 4) д. *Над Городнею* вол. Велила 1495/96 г. (НПК II, 760), отождествляется с д. *Городенка* Осташковского у. 1770-х гг. (ГМ-Ост, № 820).

Оз. *Погорьлово*, ставшее современным оз. Пнёво Пен. р-на, оставило след преждего своего имени в составном наименовании д. *Над озером над Погорьловым* вол. Лопастницы 1495/96 г. (НПК II, 787), она же д. *Гора* (*Погорелая*) Вселуцкой вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 214), д. *Гора Погорелая* Осташковского у. 1770-х гг. (ГМ-Ост, ч. 4), д. *Гора* (*Погорелицкая Гора*) при оз. Пнева на карте 1853 г. (Мнд) и в списках селений 1862 г. (СНМ-Ост, № 9440), сегодня – д. *Гора Погорелицкая* на оз. Долгое и Пнево Пен. Кроме того, рядом с оз. *Погорьлово* в XVI в. значилась еще д. *Погорелицы* вол. Лопастницы 1560–1561 гг. (ПКНЗ 5, 381), она же д. *Погорелицы* (*Средняя*) при оз. Долгое Вселуцкой вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 214), д. *Погорелица* (*Средняя Погорлицы*) Осташковского у. 1770-х гг. (ГМ-Ост, ч. 4, № 807), д. *Погорьлица* 1853 г. (Мнд), д. *Погорелица* при оз. Пнева 1862 г. (СНМ-Ост, № 9439), совр. *Погорелица* д. Пен.

По оз. *Тонец* (*Отонец*) с прот. *Отоница* именовались прилегавшие к этому водоему сц. *Отанец* и д. *Отанец* Вселуцкой вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 227), она же д. *Отонец* Осташковского у. 1770-х и 1862 гг. (ГМ-Ост, № 766; СНМ-Ост, № 9366), *Атонец* на карте 1853 г. (Мнд), совр. *Отонец* нежилая

д. Пен. На прот. *Отоница* была одноименная п. *Отоницы* Вселуцкой вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 228).

По оз. *Зальзено* (*Желзьно*, *Железно*), закрепившему впоследствии за собой назв. Лопино, именовались две соседние деревни кон. XV в. Первая из них – д. *Железина* вол. Велила 1495/96 г. (НПК II, 738), или *На Железне* около 1540–1541 гг. (ПКНЗ 4, 333), превратившаяся в п. *В Железине* 1560–1561 гг. (ПКНЗ 5, 368), а затем в д. *Железина Большая* (*Железниково*) д. на руч. Ратмон Вселуцкой вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 225), она же д. *Железина* 1770-х гг. (ГМ-Ост, № 815), она же д. *Соснова* (*Железниково*) 1853 г., стоявшая на пересечении р. Рахманки с дорогой в паре верст к западу от оз. Лапино (Мнд), она же сц. *Сочнево* (*Железниково*) при р. Рахманка 1862 г. (СНМ-Ост, № 9413). Второй названный по озеру населенный пункт – это д. *В Железне* вол. Велила 1540–1541 гг. (ПКНЗ 4, 334), ставшая п. *Другое Железино* 1560–1561 гг. (ПКНЗ 5, 368), но возрожденная снова в д. *Железино Малое* (*Железина Малое*, *Бобарино*) Вселуцкой вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 225).

С гидронимом *Теребето* для озера в истоках современной р. *Треботка*, л. пр. Западной Двины сопрягаются названия прилегавших к озеру дд. *Теребетово* и *Теребота* и мстн. *Теребета* в Замошской переваре Торопецкого у. 1539–1541 гг. (ПКНЗ 4, 655, 656).

Название маленького озера *Осечно*, которое отождествляется с оз. Глухое 1862 г. (СНМ-Ост, № 9463) близ оз. Ордоникольское бассейна Западной Двины, соотносится с названиями трех дд. *Осечно* (*На Осечню*) вол. Буец 1495/96 г. (НПК II, 809). На их месте была п. *В Осечне* 1560–1561 гг. (ПКНЗ 5, 401, 403) и, вероятно, д. *Осечен Большой* возле руч. Елин Вселуцкой вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 219), затем д. *Осишня* (*Осъшина*) Осташковского у. 1770-х гг. (ГМ-Ост, ч. 4, № 750), д. *Осешна* 1853 г. (Мнд), она же д. *Осично* рядом с д. *Осеченская* (*Спадывева Гора*) д. при озере Глухое 1862 г. (СНМ-Ост, № 9463, 1964).

Название оз. *Бохотское* (= совр. оз. Алхимцево в истоке Марёвки) соотносится с именем стоявшей поблизости д. *Бохот* вол. Велила 1495/96 г. (НПК II, 755) и с составным наименованием соседней п. *В Бохоту Селища Пуповская* Велильской вол. 1560–1562 гг. (ПКНЗ 5, 371). Первый из этих пунктов позднее был известен как д. *Бохот Большой* Осташ-

ковского у. 1770-х гг. (ГМ-Ост, № 792), она же д. *Бохоты Большие* на карте 1853 г. (Мнд), *Большой Бохот* при безымянном ручье 1862 г. (СНМ-Ост, № 9384), совр. *Большой Бохот* ур. Пен. на р. Марёвка. На месте средневековой п. В *Бохоту Селища Пуповская* выросла д. *Бохот Малый* 1770-х гг. (ГМ-Ост, № 792), она же д. *Бохоты Малые* 1853 г. (Мнд), *Малый Бохот* при безымянном ручье 1862 г. (СНМ-Ост, № 9383), совр. *Малый Бохот* нежилая д. Пен. на р. Марёвка. С одной стороны, производная форма гидронима *Бохотское* предполагает именование водоема по д. *Бохот*, т.е. вторичность гидронима, но, с другой стороны, основа *Бохот-* свойственна гидронимии, а не ойконимии (анализ на с. 105). Поэтому возникает предположение, что оз. *Бохотское* ранее называлось *Бохот и этот ранний гидронимный вариант стал также именем приозерной д. *Бохот*, равно как и всей прилегавшей к озеру местности.

По соседству с небольшим оз. *Столл*, предположительно идентифицированным с совр. оз. Глубокое и/или с оз. Саблино у западной оконечности оз. Витьбино, стояли шесть дд. *Столл* вол. Лопастичи 1495/96 г. (НПК II, 792, 793, 796). Книга уезда Ржевы Володимировой отмечает во Вселуцкой вол. 1588–1589 гг. д. *Столл (Столлина)* при оз. Видмине (Видбине) и выставленный из нее пч. *Столл* при оз. Сабленцо, а также соседнюю с ними п. *Столбово (Лебезгино)* при оз. Дряхля (ПКРВ, 219, 220, 223). В более позднюю эпоху в этой озерной местности отмечается д. *Столб* при колодце 1770-х, 1853 и 1862 гг. (ГМ-Ост, № 837; Мнд; СНМ-Ост, № 9436), стоявшая неподалеку от оз. Дрегля, западнее его. Материалами межевания Осташковского у. 1770-х гг. в этой же местности отмечена также п. *Столб (Лизбихина)* (ГМ-Ост, № 837).

На водоеме, именовавшемся *Оснец или *Осенец (см. с. 115), были поставлены две дд. *На Осенецъ* и два починка этого же имени в вол. Велила 1495/96 г. (НПК II, 742, 744).

Именования одного только селения по близлежащему озеру в XV–XVI вв. исчерпываются более редкими случаями.

По оз. *Моревское* (имевшему второе назв. *Бохотское*, см. выше) была поименована сто-

явшая поблизости д. *Над озером над Моревским* вол. Велила 1495/96 г. (НПК II, 756).

По оз. *Оталец* (сегодня оз. *Атальское* неподалеку от оз. Лопастичи) поименована д. *Над Оталцом озером* вол. Лопастичи 1495/96 г. (НПК II, 788), она же (?) д. *Оталско* 1560–1561 гг. (ПКНЗ 5, 376).

По оз. *Луко (Лук)* именовалась прилегавшая к нему д. *Над озером над Луком* вол. Лопастичи 1495/96 г. (НПК II, 792), вероятно, она же д. *Залукое* на р. Залукая Вселуцкой вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 221), ставшая д. *Залуковье* при колодце 1770-х, 1853 и 1862 гг. (ГМ-Ост, № 838; Мнд; СНМ-Ост, № 9437) на месте ур. *Залуковье* Пен. близ оз. Заболотье, стекающего в оз. Лопастичи.

К оз. *Должехто (Должинец)* вблизи оз. Бросно в 1560–1561 гг. прилегала п. *Над озером над Должинцом на Бросне*, «а бывала деревня Смыкова» вол. Буец (ПКНЗ 5, 405).

При оз. *Орлино* XVI в. (или *Орлинце* в XV в.) стояла равноименная д. *Орлино* Торопецкого у. под 1539–1541 гг. (ПКНЗ 4, 659), Езжинской вол. Ржевского у. под 1588–1589 гг. (ПКРВ, 203), на месте которой до наших дней сохраняется ур. *Орлино* близ юго-западного берега оз. Орлинское Пен.

При оз. *Кудино* именовалась соседняя д. *Пудиновская*⁴⁶ в мстн. Колпино Торопецкого у. 1539–1541 гг. (ПКНЗ 4, 655), указанная позднее как *Кудинова* к северу от д. Заборье Вселуцкой вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 212), этот пункт существовал до XX в.

По довольно большому оз. *Источно* в течении Руны поименован единственный пч. *Над Источном озером* вол. Велила 1495/96 г. (НПК II, 742).

Забывтый ныне гидроним *Болого* – древнее имя теперешнего оз. Заболотье близ оз. Лопастичи, был перенесен на д. *Над озером над Бологом (Над Бологом же озером)* вол. Лопастичи 1495/96 г. (НПК II, 791), а название неидентифицированного оз. *Либиница* закрепилось за д. *На озере на Либинице* вол. Буец 1495/96 г. (НПК II, 813).

Название средневекового оз. *Беретец (Беридец)*, идентифицируемого с современным оз. Березуг неподалеку от впадения Руны в Верхневолжское вдхр., распространилось на пч. *Беридца (Беретца)* Вселуцкой

⁴⁶ Правильнее: *Кудиновская*.

вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 232), впоследствии здесь указана д. *Беретицы* Осташковского у. 1770-х гг. (ГМ-Ост, ч. 4), она же д. *Беречье* при оз. Беретцо 1853 г. (Мнд; СМ-Ост, № 9065), а сегодня нежилая д. *Заберечье* Пен.

Не конкретизируется местоположение оз. *Заболоцкое*, где был обустроен пч. *Над озером над Заболоцким* «а бывал починок Слугин» вол. Буец 1560–1561 гг. (ПКНЗ 5, 406), оз. *Чермное*, где стояла д. *На Чермном озеркѣ* вол. Велила 1495/96 г. (НПК II, 741), и оз. *Имно*, имя которого, возможно, передавалось д. *Имново* Торопецкого у. 1539–1541 гг. (ПКНЗ 4, 661).

Единственный случай переноса собственного названия болота на селение иллюстрирует д. *На Красном Болоте* в Замошской перевае Торопецкого у. 1539–1541 гг. (ПКНЗ 4, 659), она же д. *Красная* на пруду и на колодезе Езжинской вол. Ржевского у. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 203), она же д. *Красная* Осташковского у. 1770-х гг. (ГМ-Ост, № 629), сохранявшаяся до кон. XIX в. Бол. *Красное* XVI в. сегодня называется *Красный Мох* и находится между р. Жукопа и оз. Охват. К этому болоту привязывают (Фролов 2013, 86) средневековое ур. *Красный Борок*: «по Красной борокъ» 1449 и 1494 гг. (ДДГ, № 53, 160; Сб. РИО, 126, 130, № 24).

В отличие от регулярного процесса именования населенных пунктов по озерам, номинация по рекам и ручьям не приобрела столь заметного размаха в топонимии ВВДП. Множественными переносами речных гидронимов на селения характеризуются немногие реки, чаще сравнительно крупные на изучаемой территории.

Несколькими переносами речного имени на возникавшие вдоль речного русла селения XV–XVI вв. отмечена р. *Кудь*. При ней были поставлены следующие селения Вселуцкой вол., описываемые книгой 1588–1589 гг.: 1) д. *Куть* «что было преже сего слободка соколничья»; 2) пч. *Куть* «выставлен из деревни Кути»; 3) п. *Куть* на р. Кутня «ставлен из деревни ис Кути»; 4) д. *Куть* «на реке на Куди»; 5) п. *Куть* «что была деревня» и 6) п. *Онкудиново Рылово Куть* (ПКРВ, 228, 229, 234, 236). Только одно из перечисленных селений сохраняется до сего дня – д. *Кудь* Пен., стоящая в нижнем течении Куди.

Имя р. *Руна*, впадающей в Волгу, перенеслось на д. *На Руно Головково* и д. *На Рунѣ*,

обе относились к вол. Велила 1495/96 г. (НПК II, 755, 756), на месте второй из них вырос пос. *Ру́нский* при оз. Хвошня Пен. Писцовая книга уезда Ржевы Володимеровой описывает еще д. *Руно* (*Руна*) во Вселуцкой вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 233), она же д. *Руна* Осташковского у. 1770-х гг. (ГМ-Ост, № 438), д. *Руна* по материалам XIX в. (Мнд; СМ-Ост, № 9067), отмечаемая сегодня нежилой д. *Руно* Пен. близ впадения р. Руны в Верхневолжское вдхр.

Река *Руна* бассейна Полы отмечена переносами своего гидронима на д. *Руново* вол. Морева и д. *На Рунѣ* вол. Велила, обе под 1495/96 г. (НПК II, 719, 753), вторая из этих деревень стала п. *Над Рункаю над речкаю* 1560–1561 гг. (ПКНЗ 5, 372) и впоследствии возродилась в совр. *Руницы* д. Мар.

К р. *Ореховня* (*Ореховка*) прилегали дд. *Орехово* и *На Ореховне* Торопецкого у. 1539–1541 гг. (ПКНЗ 4, 661). Более поздняя документация отмечает д. *Орехово* (*Орехова*) на р. Ореховка Езжинской вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 202), она же д. *Ореховня* при р. Ореховня 1853 и 1862 гг. (Мнд; СМ-Ост, № 9235).

При впадении р. *Селена* в Полу стоял пч. *На усть-Селены*, возле руч. *Половь* в истоках Полы – пч. *Над Половью*, оба пункта вол. Велила 1495/96 г. (НПК II, 743).

По р. *Олюшина* (= совр. *Алешинка* в верховьях Полы) именуется д. *На Олюшине* Стержской вол. 1495/96 г. (НПК II, 700), она же д. *Олюшина* 1540–1541 гг. (ПКНЗ 4, 321), затем п. *Олюшино* на Пещанке (согласно писцовой книге 1623–1625 гг., см. ИАДП 2, 183, № 8651), ставшая д. *Лешина* к 1770-м гг. (ГМ-Ост, № 782), д. *Люшина* 1853 г. (Мнд), д. *Люшино* при безымянной речке 1862 г. (СМ-Ост, № 9093), где сегодня осталось ур. *Люшино* Ост.

Средневековый руч. *Межник*, отождествляемый с теперешней р. Иловка в истоках Полы, закрепил свое название за д. *Над Межником* Молвятицкого пог. 1495/96 г. (НПК I, 664), она же д. *Межник* Старорусского у. 1780-х гг. (ГМ-Ст, № 623), д. *Межна* на карте 1853 г. (Мнд), совр. *Межник* ур. Мар.

На специфику единообразного именования групп селений ВВДП по близлежащим водоемам ранее уже обращалось внимание исследователей. Е. Н. Носов (1994, 49) полагает, что «незакрепленность системы

топонимов в волости Буйцы в конце XV в. была связана с процессом активного освоения ее территории крестьянами, образования новых деревень, толчком к чему явился значительный приток дополнительного населения в этот район». Более основательно вопрос исследован А. А. Фроловым, который обнаружил довольно точные аналогии «буецкой и лопастицкой топонимической модели» гнездовому типу расселения в Обонежье и Заонежье, о чем писал ранее М. В. Витов. Подобно тому, как происходило на Русском Севере, в волостях Буйцы и Лопастницы кон. XV в. при помощи общих локативных форм названий озера именовались «гнезда» деревень, соответствующих одной общине из родственных групп землевладельцев. Локативные топонимы указывают не столько на топографическую связь с озером, сколько на принадлежность некой общине, владевшей землями вокруг озера. Поскольку ответственность по платежам в пользу помещика несла вся крестьянская община, населявшая «гнездо» деревень, индивидуальные названия деревень в писцовой документации отражения не находили (Фролов 2013, 187–190; 2014, 88).

Дополнительным топонимическим подкреплением справедливости данных выводов, на наш взгляд, является наличие в изучаемых пределах ВВДП многих отгидронимных территориальных названий окрестностей водоемов и участков рек. Собственные названия местностей (т. н. хоронимы) обычно сопрягаются с локативными отгидронимными названиями кучно располагавшихся деревень (рис. 8). Формальным показателем употребления хоронимов можно считать сочетание локативной формы топонима с предлогом *в*. Таковы, в частности, однотишные локативы *В Илигове*, *В Вотолове*, *В Стеклине*, *В Пупове*, *В Заеленье*, *В Колпине*, *В Жабере*, *В Теребете*, *В Железине*, *В Осечне*, *В Бохоту*, *В Заборье* и др., встречающиеся в писцовой документации XVI в. Все они указывали на окрестности оз. *Илигово*, *Вотолово*, *Стеклино*, *Пупово*, *Ельно (Заеленье)*, *Колпино*, *Жаберо* (с р. *Жабера*), *Теребето*, *Железино*, *Осечно*, *Бохот*, *Заборье*, при которых в кон. XV в. фиксируются по несколько или более деревень, именованных по одному и тому же водоему. Надо полагать, перечисленные *Илигово*, *Вотолово*, *Стеклино* и др.

служили не только гидронимами, но и устойчивыми собственными именами приозерных местностей, которыми издавна владели сложившиеся при водоемах крестьянские общины. Территориальные наименования данного типа ожидаемы и для других аналогичных случаев номинации больших групп деревень по одному водоему, поскольку вписаны в общую модель прямого топонимического трансфера 'река, водоем' > 'прилегающая территория', весьма актуальную в древненовгородский период (судя по массовости имен древненовгородских погостов и волостей, дублирующих имена водных объектов).

Обрисованная ситуация намекает на то, что ранние славянские заселители Волжско-Двинско-Полавского водораздела обживали в первую очередь окрестности озер, где селились родственные группы землевладельцев, разросшиеся со временем в крестьянские общины. Группы родственников, разумеется, селились и вдалеке от берегов водоемов, о чем тоже позволяет судить топонимия (как, напр., «внеозерное гнездо» деревень с назв. *Внучки*, отметившим древнерусское расселение членов одной патронимии, подр. на с. 157).

Некоторые имена (*Столы*, *Осечно*, *Теребето*, *Заборье* и нек. др.), судя по их первичной «сухопутной» мотивировке, скорее всего закрепились за озерами вторично, а первоначально они появились в качестве названий местностей, прилегавших к озерам. В таких случаях прямой мотивационной зависимости поселенческого топонима от гидронима могло не быть, т. е. и топоним и гидроним появились независимо от названия местности.

Единообразные номинации «гнезд» деревень по рекам ВВДП редки, по крайней мере исследуемый микрорегион ВВДП в этом отношении не отличается от иных районов Новгородско-Псковских земель. Деревни, именованные по одной и той же реке, сравнительно немногочисленны, но главное – почти все они не обнаруживают кучности расположения, наблюдаемого при озерах. Если селения локализуются на отдаленных участках русла одной реки, то они чаще всего не связаны единством территории и общностью возникновения, а их отгидронимные названия возникли независимо друг от друга.

Топонимия с корнем *город-*

Топонимы данной структуры хотя и принадлежат преимущественно к числу многочисленных производных от поселенческой терминологии (рис. 9), тем не менее составляют на ВВДП заметную отличительную группу имен населенных пунктов, урочищ, рек и озер. Своеобразие топонимии с корнем *город-* в том, что она как правило сопряжена так или иначе с топообъектами, представляющими несомненный археологический интерес, следовательно, важна с точки зрения индикации средневекового славянского освоения территории. Чаще всего такие топонимы конкретизируют местоположение древних укрепленных или огороженных селений, обычно стоявших на возвышенностях, холмах, но иногда также места древних огороженных могильников (напр., др.-рус. жальников).

У Городища «над Стержью над озером» д. Стержской вол. 1495/96 г. (НПК II, 700), (?) *Городешья* д. 1540–1541 гг. (ПКНЗ 4, 325), позднее – п. *Городок* в 1770-х гг. (ГМ-Ост, 421), ур. *Городок* XIX в. при входе Волги в оз. Стерж, в виде круглой насыпной горы, где стоял Стерженский крест 1133 г. (Плетнев 1903, 6). Средневековый топоним подсказывает, что рядом с деревней в древнерусское время находилось укрепленное, огороженное поселение – *город*. Деревня *У Городища* локализована (ИАДП 2, 92, № 8652) примерно в одной версте к северу от древнерусского города Стерж, который запустел в XV в., хотя оставался еще погост. Действительно, форма *У Городища* прямо сообщает, что в кон. XV в. в этой местности оставался не *город*, а *городище*, понимавшееся уже тогда как место бывшего города⁴⁷.

Городецкая д. Стержской вол. 1495/96 г. (НПК II, 700), (?) *Згордеица* д. 1540–1541 гг. (ПКНЗ 4, 325). Название подчеркивает расположение деревни вблизи средневекового городка (*городца*) Стерж. О локализации по Стержскому городку пишут А. А. Фролов и Н. В. Пиотух (ИАДП 2, 92, № 8653).

Загородья д. Осташковского у. 1770-х гг. (ГМ-Ост, ч. 4), ставшая в XIX в. д. *Заозерье* 1853 г. (Мнд), иначе *Загородье* (*Зазерье*) при

оз. Витбино 1862 г. (СНМ-Ост, № 9471). Этот населенный пункт XVIII–XIX вв. находился на северном берегу оз. Витьбино, немного южнее соединения оз. Лопастецкого с оз. Витьбино, где предположительно локализируют (ИАДП 2, 186–187, № 9085) средневековый пог. Лопастец, центральное село одноименной волости, и где обнаружено небольшое городище. Отсюда следует, что топоним *Загородья* ориентировал расположение деревни по отношению к *городу*, под которым понимался этот средневековый территориальный центр. В таком случае появление топонима *Загородья*, зафиксированного не ранее XVIII в., следует отнести к домосковскому периоду Новгородской земли.

Городец р., указанная разводной грамотой 1483 г. (ДДГ, № 77, с. 292), она же р. *Городенка* 1770-х гг. (ГМ-Ост, № 802, 807, 811, 812, 821, 822), *Городня* 1853 г. (Мнд), совр. *Городня* р. в оз. Витьбино бассейна Западной Двины. Р. *Городец* вытекала из бол. *Городецкой Мох* 1483 г. (ДДГ, № 77, с. 292), а сегодня остается ур. *Городенский Мох* в истоках Городни. При впадении реки в оз. Витьбино выявлено небольшое городище, где, как предполагают, находился средневековый центр вол. Лопастецы и стояла деревня с «говорящим» назв. *Загородья* (см. выше). Поэтому вероятно, что реку стали называть средневековым именем *Городец* как раз по *городской* топографии ее устья, иными словами, обозначение укрепления (*городица*) перенеслось на устье ближайшей речки и далее на всю речку. По иной, менее предпочтительной версии, гидроним появился на основе признака *перегораживания* реки с целью рыболовства.

На плане Осташковского у. 1770-х гг. отмечен руч. *Городецкой*, впадающий справа в р. Сырыченку (ГМ-Ост, ч. 4). На современной топографической карте этот ручей не показан, но истоки Сырыченки находятся всего в 5–6 км от истоков Городни. Ручей безусловно был поименован благодаря соседству с истоками р. Городни, называвшейся *Городец* в кон. XV в. Перенос р. *Городец* >

⁴⁷ Одной из главных функций суф. *-ище*, прослеживаемого с праславянского периода, является образование производных со значением места, где прежде находился предмет или происходило действие.

руч. *Городецкой*, п. пр. Сырыченки, не случаен: он обусловлен тем, что «...от Городецког(о) верхов(ь)я <...> на Сырычинское верхов(ь)е» проходил рубеж, разделявший в XV в. новгородскую Лопастичскую вол. и ржевскую вол. Вселук (ДДГ, № 77, с. 292). Тожеством гидронимов здесь было подчеркнута единство средневековой рубежной линии, проходившей от одного водотока к другому.

Не ясно, имеется ли микросистемная, территориальная связь р. *Городец* (*Городня*), бол. *Городецкой Мох* и руч. *Городецкой* с оз. *Городецкое* Вселуцкой вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 228). Точная локализация водоема не определена.

Загородень д. в вол. Лопастичи 1495/96 г. (НПК II, 787), *Загороден* (*Видбино*, *Видмино*) сц. на оз. Видбино Вселуцкой вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 214), *Загородье* (*Видбина*) д. 1770-х гг. (ГМ-Ост, № 810). Топоним подчеркивал расположение деревни “за городным” (т.е. огороженным, укрепленным) местом”. Деревня была соотнесена с позднесредневековым сц. Переволока I (ИАДП 2, 105, 187, № 9101).

Наименование залива (*луки*) оз. Бросно – *Городинская Лука* (*Городцкая Лука*) 1495/96 гг.: «въ Броснѣ озерѣ въ Городинской Лукѣ четвертой учястокъ», «въ Броснѣ озерѣ въ Городцкой Лукѣ половина» (НПК II, 803, 805), – полагаем, относилось к длинному плесу в юго-западной части оз. Бросно. На берегах этого плеса и примыкающего к нему оз. Долосцо отмечено заметное скопление средневековых селений кон. XV в. (ИАДП 2, 110), здесь же находился пог. Бросно с церковью Троицы, поставленный на высоком берегу озера. Гидроним *Городинская Лука* (*Городцкая Лука*) подсказывает, что либо поблизости от озерной луки было некое древнее укрепленное поселение, либо угодья всей группы дд. *Над Бросном* кон. XV в., относившихся к одной крестьянской общине (см. сс. 129–130) и располагавшихся по этой луке, были огорожены, обнесены изгородью, частоколом.

Подобным же способом – учитывая «гнездо» смежных селений – предпочтительно объяснить происхождение гидронима *Городно* оз. в вол. Буец 1495/96 и 1560–1561 гг. (НПК II, 825; ПKNЗ 5, 402), Холмского у. 1780-х гг. (ГМ-Хлм, № 1033), совр. *Городно*

оз. со стоком в р. Сермяженка бассейна Ловати. На северном берегу оз. *Городно* имеется свое не менее крупное скопление буецких деревень кон. XV в. с общим назв. *Городно*, перенесенным от озера (см. с. 131). По-видимому, гидроним *Городно*, как и *Городинская Лука*, сохраняет память об огораживании гнезда приозерных деревень одного крестьянского коллектива или о еще более раннем укреплении в этой местности.

Данным типом номинаций конкретизируется также название р. *Городня* 1540–1541 гг. (ПKNЗ 4, 337), иначе – р. *Городенка* Вселуцкой вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 224), *Городенка* под 1853 г. (Мнд), совр. *Городёнка* п. пр. Полы в ее истоках. В истоке речки лежит оз. *Городно* 1770-х и 1853 гг. (ГМ-Ост, № 820, 822; Мнд), оно же совр. оз. *Городенка*. Возле речки и озера опять же фиксируется гнездо селений вол. Велила кон. XV в., единообразно именуемых *На Городенке*, *Над Городенкою*, *Над Городнею* (см. сс. 131–132).

Не исключаем трактовку в таком же ключе и названия р. *Городница*, л. пр. Волкоты неподалеку от ее впадения в оз. Охват (на плане Осташковского у. 1770-х гг. переданное с искажением – *Гредница* ГМ-Ост, ч. 4).

Сельцо *Загородье Агафоново* (*Шишкино*), иначе – *Загорья* (*Агафонова*, *Шишкина*) Осташковского у. 1770-х гг., стоявшее при оз. Видбино (ГМ-Ост, № 752, ч. 4), приравнивается к средневековой д. *Загорье* (*Шишкина*, *Агафоново*) Вселуцкой вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 215). Форма *Загорье* топонима XVI в. является все же вторичной, сокращенной из первичной формы *Загородье*, отметившей первоначальное размещение селения “за городом, городком”, т.е. за укреплением. Уездный план кон. XVIII в., показывает сц. *Загородье Агафоново* в южной части современной д. Витьбино Пен. По сведениям нач. XX в., вблизи сельца находилось ур. *Городок*, которое описывают как «насыпная, продолговатая, довольно высокая гора с довольно большой площадью наверху» (Плетнев 1903, 31). Следовательно, можно думать, что топоним *Загородье Агафоново* подчеркивает расположение селения именно “за городком”, о котором сообщает В. А. Плетнев, тогда как вариантная форма этого топонима – *Загорья* (*Загорье*) – смещает фокус ориентации с Городка на гору, подчеркивая расположение “за горой Городок”.

Д. *Загородень на Нижнем Устье* (*Загородень, Загородень, Мостица*) вместе с выставленной из нее д. *Загородень Мостица*, обе на р. Славотина Вселуцкой вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 231), отождествляется с п. *Загородье (Мостица)* возле оз. *Загородень* Осташковского у. 1770-х гг. (ГМ-Ост, № 804), в XIX в. в этой местности значилась д. *Загородье* 1853 г. (Мнд), *Загородье (Загородечье)* д. 1862 г. при р. Мостовьянка (СНМ-Ост, № 9368), а сегодня – д. *Загородечье* Пен. при р. Мостовлянка. В пользу идентификации с совр. *Загородечье* способствует порядок описания писцовой книгой средневековой д. *Загородень на Нижнем Устье* вслед за деревней, «что был починок, Петров на озере на Славотине» (ПКРВ, 231), приравниваемой к совр. д. Петрово Пен. возле д. Загородечье. Топоним *Загородень (Загородень, Загородень)* указывал на деревню “за городным, огороженным местом”, под которым нужно понимать некое укрепленное селение, находившееся по соседству. Остатками этого древнего *городного* селения (*городца, городка*) мы вправе считать соседнее ур. *Городок (Генеральская Гора)* XIX в., которое относилось к круглой горе с крутыми склонами и находилось в поле в одной версте от *Загородечья* (Плетнев 1903, 22). В свою очередь локативный элемент топонима – *на Нижнем Устье* – подчеркивал расположение *Загороденья (Загороденя)* вблизи истока р. Славотины (нынешней Мостовлянки) из оз. Слаутинское (см. *Мостица*, где дана более подр. трактовка локатива *на Нижнем Устье*).

Затруднительно что-либо сказать о точном местоположении оз. *Загородное* 1770-х гг. (ГМ-Ост, № 802), как и о семантике его названия, на современных крупномасштабных картах местности этот водоем не обнаруживается.

В обследуемом микрорегионе ВВДП, помимо отмеченных выше п. *Городок* XVIII в. при впадении Волги в Стерж и горы *Городок* близ Мостовлянки, известны и другие объекты возвышенного ландшафта, именуемые *Городок*: 1) насыпная гора «с идущим от нее сажень на 100 или более бугром в виде вала» близ д. Торг на оз. Вселуг; 2) круглая, вероятно, насыпная, с крутыми скатами гора при впадении Слаутины в Кудь, ближе к д. Боровенец; 3) насыпная продолговатая довольно высокая гора с большой площадкой наверху возле д. Витьбино; 4) деревня 1770-х гг. (ГМ-Ост, № 771), она же сельцо нач.

XIX в., стоявшее на продолговатой круглой горе в 4 верстах к северу от пог. Хвошня (по Плетнев 1903, 10, 20, 22, 23, 31), сегодня известно как д. *Колпино-1* Пен.

Хотелось бы подробнее остановиться на специфике многочисленных топонимов *Городок*, которые мы ранее подробно изучили на широком ареальном фоне (Васильев, Вихрова 2020). Эти географические имена повторяются многократно, во многих десятках, а скорее – в сотнях локусов на территории Новгородской, Тверской, Смоленской и Псковской областей. Судя по многим материалам, *Городками* отмечены места, где в древности стояли укрепленные или просто огороженные поселения (по СлРЯ XI–XVII 4, 93, – ‘укрепление’, ‘укрепленное поселение’, ‘временное укрепление, ограда’, ‘огражденный участок земли’), а иногда – места древних жальников, огороженных погребений. Даже если вблизи *Городков* не выявлены следы культурных древностей, эти древности априори ожидаемы. Данные названия сами по себе надежный ориентир для историко-археологических разысканий на местности. Они являют собой абсолютное употребление (прямую топонимизацию) новгородско-псковско-тверского ландшафтного термина *городок*, дефинированного нами со значением ‘возвышенное место, урочище, с которым связывают пребывание древних людей’. Имеющиеся сведения позволяют обрисовать концентрированный и компактный новгородско-тверской и, в меньшей степени, псковский ареал топонимии *Городков*. Исторически этот ареал укладывается в пространство южных пятин (Деревской, Бежецкой, Шелонской) Великого Новгорода эпохи XV–XVI вв. Уже тогда южные новгородские пятинны обильновали *Городками*, указатель к первым шести томам НПК отмечает более 50 селений XV–XVI вв. с этим названием.

Термину *городок* синонимичен термин *городец* (по СлРЯ XI–XVII 4, 91 – ‘небольшой укрепленный город’), но хронологические рамки живого употребления термина *городец* ограничены все же древнерусской эпохой, тогда как *городок* стал более употребителен, вероятно, с XV в. и по сей день хорошо знаком народным новгородским и псковским говорам. По всей вероятности, отдельные древнерусские топонимы на *Городец-* были замещены более поздними *Городками*.

Топонимия от поселенческой терминологии

Средневековая топонимия ВВДП включает названия населенных пунктов, образованные от поселенческих терминов *сельцо, селище, заселье, новоселье, сгѣдки, слободка, заход, захожье, торг, печище, конец, ям*. Один из этих терминов (*сгѣдки*), пожалуй, можно считать гапаксом, встреченным только в зоне ВВДП. Поселенческие термины *заход, захожье*, прежде почти не изучавшиеся и пропущенные главными словарями древнерусского языка (Срезн. МС; СДРЯ XI–XIV; СЛРЯ XI–XVII), получают у нас особую дефиницию. Тип рассмотренной ниже топонимии, представленной в локализованной своей части на рис. 9, преимущественно формируется благодаря непосредственному, абсолютному ономастическому закреплению терминов, указывавших на бывший, уже утраченный статус населенного пункта. Нижеследующие названия практически все закреплены за деревнями и пустошами, которые, следовательно, были обустроены на местах более ранних средневековых селений с иным статусом.

Назв. *Селца* было закреплено за пятью деревнями вол. Буец 1495/96 г. (НПК II, 820, 823), места которых, возможно, занимали две пп. *На Селцах над Озером* и две пп. *На Селцах* вол. Буец 1560–1561 гг. (ПКНЗ 5, 401, 403, 404). Деревни располагались в близком соседстве, ибо перечисляются одна за другой. Локализуются с сомнением. Поскольку пп. *На Селцах над Озером* книгой 1560–1561 гг. перечисляются сразу же за пп. *На Городне*, возникает предположение, что все эти пункты находились неподалеку от оз. *Городно*, вблизи которого есть связанное с ним оз. *Подсеlegовское*. Необычной формой *Подсеlegовское*, похоже, с искажением был передан гидроним *Подсельцовское, семантически “озеро под сельцами”, что раскрывало бы местоположение всей группы средневековых дд. *Селца*. Название закрепились за деревнями, возможно, потому, что они были поставлены на месте прежнего, запустевшего населенного пункта – *сельца*. В новгородских пятинах *сельцом* обыкновенно обозначали селения с господским двором. Ойконимия от термина *сельцо* наиболее распространена в Новгородской, Санкт-Петербургской, Ярославской и Московской губ. (Лемтюгова

1983, 27–31). Плюральная форма назв. *Селца* подсказывает, что на месте прежнего сельца поставили несколько соседивших деревень (или несколько крестьянских дворов).

В Буецкой вол. кон. XV в. значились еще две жилые и две нежилые дд. *Селцо* (НПК II, 819, 820, 823, 824), оставшиеся не локализованными. Кроме них, отмечена д. *Селцо* вол. Морева 1495/96 г. (НПК II, 716), позднее – п. *Костенево Селцо* Холмского у. 1780-х гг. (ГМ-Хлм, № 993), совр. *Марьино* ур. Мар.

Селища д. Езжинской вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 202), она же д. *Селища* Осташковского у. 1770-х гг. (ГМ-Ост, № 629), *Селище* к западу от оз. Свирское Бол. 1853 г. (Мнд), *Селищи* при колодце 1862 г. (СНМ-Ост, № 9233). Ойконим информирует, что в древнерусскую эпоху на месте д. *Селища* находилось неукрепленное селение, жильё, деревня, позднее запустевшая, ср. др.-рус. *селище* ‘место, где было селение, ценимое как хозяйственное угодье’ (СЛРЯ XI–XVII 24, 45–46). Древнерусский словарь фиксирует *селище* и в более общем значении ‘селение, поселение’, и в земледельческом ‘поле, пашня’, ср. *селище земли* (Там же), но «земледельческие» смыслы все же вторично развились из первого, который поддержан «внутренней формой» деривата с суф. *-ище*. Наибольшее количество ойконимии от *селище* приходится на Новгородскую губ. (Лемтюгова 1983, 33). Собственное конкретное название исчезнувшего древнерусского села (или деревни), предшествовавшего д. *Селища*, не передалось этой новопоставленной деревне XVI в.

Неподалеку в Езжинской вол. писцовая книга 1588–1589 гг. фиксирует еще д. *Селище (Гара)* на руч. Каменный (ПКРВ, 202), принадлежавшую тому же владельцу, что и вышеуказанная д. *Селища*. Торопецкая книга 1539–1541 гг. отмечает д. *Ероховское Селище* над оз. Соболом (ПКНЗ 4, 662), по первоначальному смыслу названия – это деревня, “принадлежавшая Ерохе (Ерофею), поставленная на месте запустевшего селения”.

Новоселье (Новоселье на Любинь озеръ) д. в вол. Лопастницы 1495/96 г. (НПК II, 787), *Новоселье* д. 1560–1561 гг. (ПКНЗ 5, 376). “Вновь выстроенная, новопоставленная

деревня”, ср. ст.-рус. *новосельный* ‘недавно поселившийся; недавно образовавшийся (о селениях)’ XVII в. (СлРЯ XI–XVII 11, 410), пск., осташк. твер. *новоселье* ‘вновь выстроенный поселок, селение’ (СРНГ 21, 257, 258). Свидетельствует, что ранее на этом месте было какое-то старое селение со своим особым названием, которое не сохранилось. Самая высокая концентрация ойконимии *Новоселье* наблюдается в северо-восточной части Белоруссии, в Смоленской и Псковской областях (Лемтюгова 1983, 47). См. еще *Заселье*, ниже.

Заселье (*Застънье*, *Залесье*) д. в вол. Лопатицы 1495/96 г. (НПК II, 789), *Заселья* д. Холмского у. 1770-х гг. (ГМ-Хлм, № 1624), идентифицируется с д. *Новоселье* сер. XIX в., показанной трехверстной картой 2-й пол. XIX в. (ВТКЗверст) неподалеку от северного берега Лучанского оз. Семантически: “поставленная за селом, в стороне от дороги”, ср. яросл. *заселье* ‘село, расположенное вдали от большой дороги’, ряз. ‘окраина поселения; пустырь за селом’ (СРНГ 11, 28). В Торопецкой земле XVI в. был весьма употребителен сходный с *заселье* термин *заселица*, повторяющийся в наименованиях многих селений (*Жилина Заселица*, *Исакова Заселица*, *Огафонова Заселица* и др., по Торопецкой книге 1539–1541 гг.), приведенный словарем древнерусского языка в значении излишне обобщенном – ‘поселение, выселок’ (СлРЯ XI–XVII 5, 295). Вариантные формы *Застънье*, *Залесье* ойконима *Заселье*, похоже, были переименованы из *Заселье*, но и эти вторичные «переделки» отмечали деревню, поставленную где-то в стороне, за лесом, за сѣнью (*сѣнь* ‘тень’). Второе назв. *Новоселье* сер. XIX в. подсказывает, что д. *Заселье* в кон. XVIII – нач. XIX вв. запустела и снова отстроилась под новым именем.

Стѣдки д. в вол. Велила 1495/96 г. (НПК II, 760, 767), она же сщ. *Сетки* «а бывала деревня» и пп. *В Сетках*, по обыскной книге 1560–1562 гг. (ПКНЗ 4, 367, 373, 374), локализована на месте п. *Сетки* Холмского у. 1770-х гг. (ИАДП 2, 90, 186, № 8992, 9023). По форме это дериват от др.-рус. *стѣдѣти*, *сидѣти* в значении ‘жить’, ‘владеть, пользоваться’ (Срезн. МС II, 889–891). Безусловно относится к числу поселенческих терминов. Более частым его вариантом является термин *садки* ‘поселение’ и т.п. подобные

образования от *садитися* ‘селиться’ (*усадыба*, *усадые*, *садиба*, *исад* и др.). Семантически и деривационно узколокальный термин *стѣдки*, устоявшийся как ойконим, очень близок к термину *стѣденье* (*сиденье*) ‘двор вместе с земельным участком’, ‘крестьянское владение’, который часто использовался в области новгородских пятин XV–XVII вв. и в Двинской земле (Лемтюгова 1983, 106).

Целый ряд средневековых ойконимов ВВДП отражают термин *слободка*. Среди них название д. *Слоботка над Мглином озером* Стержской вол. 1495/96 г. (НПК II, 701), она же п. *Слободка* 1770-х гг. (МГМ-Ост, № 772; ИАДП 1, 269). Название характеризует селение, временно освобожденное от тягла, оброка, ср. др.-рус. *слободка*, *слобода*, обозначение небольшого селения, жители которого временно освобождались от уплаты податей и повинностей (СлРЯ XI–XVII 25, 91–93). Действительно, в описании д. *Слоботка над Мглином озером* писцовая книга сообщает, что в этой деревне 8 дворов, «а оброка не дают» (НПК II, 701). Возможно, данный населенный пункт считался слободкой к моменту описания кон. XV в., хотя был записан обычной деревней. Локативный компонент ойконима – *над Мглином озером* – подчеркивает расположение неподалеку от оз. *Мглино*, совр. *Меглинское*. Благодаря соседству с этим населенным пунктом были поименованы смежные озз. *Большое Слободка* и *Слободка Малое* 1770-х гг. (ГМ-Ост, № 772), они же *Слободское Бол.* и *Слободское Мал.* 1853 г. (Мнд), совр. озз. *Большое Слободское* и *Малое Слободское*, соединенные протокой и имеющие сток в р. Понеклица, л. пр. Меглинки, л. пр. Руны бассейна Волги.

Бурмакина Мартынова Слободка (*Мартвинова Слободка*, *Бурмахино*, *Лежнева*) д. на ручье Вселуцкой вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 230), она же *Аржинова Слободка* (*Лежнева*) д. 1770-х гг. (ГМ-Ост, № 442), *Слобода* д. при безымянном ручье 1853 и 1862 гг. (Мнд; СНМ-Ост, № 9355), совр. *Слобода* ур. Пен. Владельцем слободки – селения, временно освобожденного от тягла, возникшей, вероятно, в XV–XVI вв., был Мартын Бурмака, память о котором сохранилась, кроме того, в названии соседней пожни *Бурмакина* 1770-х гг. (ГМ-Ост, № 452) и соседних дд. *Болиое Бурмакино* (*Болиие Бурмакина*, *Заречье*) и *Малое Бурмакино* (*Малая Бурмаки-*

на, Заречье), стоявших при оз. Вселук во Вселуцкой вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 233); в 1770-х гг. эти пункты именуется д. Бурликина и д. Малая Бурликина (ГМ-Ост, № 442), под 1853 г. – Бурмакина Бол. и Бурмакина Мал. 1853 г. (Мнд), а в более поздних материалах – Заргъчье, совр. Заречье д. Пен. В этой же местности известна сегодня р. Слободская р., впадающая в Верхневолжское вдхр. (в оз. Вселуг).

Слободка Нежданская Степановская (Нежданьская, Степановское, Торг) д. «что была оброчная за слободчики» близ оз. Вселук Вселуцкой вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 229), она же д. Торг (Нежданова Слобода) 1862 г. (СНМ-Ост, № 9352), д. Нежданова Слободка (Торг) при оз. Вселук (Плетнев 1903, 10). Судя по составному наименованию, первоначальным владельцем слободки был Неждан Степанов.

Остаются не локализованными несколько пустошей XVI в., отражающих термин *слободка*. Таковы: п. **Слободка Микулина** и п. **Слободка Офонасова** Вселуцкой вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 213), п. **Слободка** «что была деревня Слободка» и п. **Слободина**, обе в Замошской переваре в Торопецком у. 1539–1541 гг. (ПKNЗ 4, 656). Очевидно, все эти пустоши находились на местах бывших жилых селений «во льготе», запустевших незадолго до момента регистрации писцовыми книгами.

Назв. **Заход** связано с шестью деревнями вол. Буец и с двумя деревнями вол. Лопастницы 1495/96 г. (НПК II, 785, 786, 807, 808). Судя по топонимическому контексту описаний, буецкие дд. *Заход* стояли где-то между озз. Илиговское и Ордоникольское бассейна Волкоты, а лопастицкие – между озз. Обретенье и Любино бассейна Куди. Безусловно, мы имеем закрепленный в топонимической функции поселенческий термин. Он отражен во многих ойконимах Деревской и Шелонской пятин XV–XVI вв. (*Заход, Заходцы, Заходец, Заходное, Захожай*, судя по указателю к НПК, повторяемые десятки раз) и в нередкой топонимии современных деревень на юге и в центре Псковской обл., реже в юго-западных районах Новгородской обл. (Холмский, Демянский, Парфинский р-ны) и северной части Тверской обл. (Вышневолоцкий р-н). Однако термин *заход* в поселенческом значении почти не попал на страницы исторических источников

и не знаком лексикографическим изданиям. В перемирной грамоте 1526–1527 гг. термин *заход* употребляется вместе с термином *село*: «Во всѣ тѣ села и заходы Рѣчитцкие великому князю не вступатись» (с перечислением названий принадлежавших городу Речица сел и заходов), см. (Сб. РИО, 752, № 102). Похоже, под *заходами* в этой грамоте понимаются находившиеся в стороне от сел небольшие жилые пункты, хотя бы временные, в каких-то урочищах, бывших угодьях. В современных русских говорах обнаруживаем *заход* как обозначение угла, тупика, выражение *шататься по заходам*, т. е. «по задам, хлевам, задним дворам» (Даль 1, 660), смол. *захóжий* 'глухой, отдаленный, крайний' (СРНГ 11, 158). В говорах Приселигерья, образующих общий континуум с говорами ВВДП, записано слово *заход* в значении не вполне четком: 'место, заросшее лесом, травой; пустошь, покос в лесу' Ост. Пачково (Слгр 2, 156), в котором читается намек на прежде жилое, но запустевшее место, расположенное в отдалении, в лесу угодье или урочище.

Таким образом, исходя из имеющихся свидетельств, древнерусский поселенческий термин *заход*, оставивший значительный след в средневековой топонимии южных пятин Новгородской земли, можно приблизительно определить со значением 'жилье, строение, поставленное в отдалении, на задах, в стороне от дорог и селений'. В микрорегионе ВВДП, этот поселенческий термин был весьма активен. Помимо указанных восьми дд. *Заход* в волостях Буец и Лопастницы, на ВВДП отмечены еще д. **Печицо в Заходе** вол. Буец 1495/96 г. (НПК II, 790, 791, 823), п. **В Заходе** и ур. **Сопрыгинской Заход**, приходившиеся на мстн. Стеклино Торопецкого у. 1539–1541 гг. (ПKNЗ 4, 656, 657). Примечательно, что все перечисленные пункты не подтверждены более поздними данными и не получают отчетливой локализации, что скорее говорит о *заходах* как временном, непостоянном жилище.

Захажье (*Залазье, Залазина, Залазино*): «Залазино, Захажье тож, на оз. Вселуке» д. при оз. Вселук Вселуцкой вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 234), в более поздних материалах – *Залозье, Залязье, Залазье* (см. с. 116). Очевидно, *Захажье* – «акающая» форма назв. *Захожье*, закрепившего термин *захожье*, вариантный термину *заход* в ойконимии *Заход, Заходы, Заходец,*

Заходцы. Назв. *Захожье* тоже указывало на жилище, скорее временное, где-то на задах, в стороне. Ср. смол. *захóжий* 'глухой, отдаленный, крайний' (СРНГ 11, 158), наряду с именами средневековых дд. *Захожаи*, *Захожай* в новгородских пятинах (НПК I, 225, 408, 447, 557, 677, 743, 756, 789, 800; II, 326, 474; V, 348).

Приведенное нами выше составное наименование д. *Печищо в Заходе* вол. Буец 1495/96 г. (НПК II, 823) содержит, наряду с термином *заход*, поселенческий термин *печище*. В народных говорах ВВДП (Тор., Андр., Пен., Ост. р-ны) *печище* означает 'место, где был родительский дом; родное пепелище', 'остатки сгоревшего дома; пепелище', 'основание, фундамент печи' (Слгр 4, 373). Термин использует обыскная книга 1560–1562 гг., упоминая исчезнувшие дд. Ляховичи вол. Велила: «в Леховичах печища, а бывала деревня» (ПКНЗ 4, 373). Название д. *Печищо в Заходе* подсказывает, что деревня была отстроена на месте сгоревшего двора прежней д. *Заход* или д. *В Заходе*.

Торг (Нежданская, Степановское, Слободка Нежданская Степановская) слобода во Вселуцкой вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 229), она же д. *Торг* д. на оз. Вселуг 1853 г. (Мнд), д. *Торг* (Нежданова Слободка) 1862 г. (СНМ-Ост, № 9352) и кон. XIX в. (Плетнев 1903, 10), совр. д. *Торг* Пен. Очевидно, прежняя слободка уже в XVI в. стала местом, где продавали товары (*торг* – 'место торговли'). Название сообщает о торговом прошлом ремесленной слободы, стоявшей на крупном озере Верхневолжья.

Д. *Тимохин Конец* и выставленная из нее д. *Тимошкин Конец* Вселуцкой вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 222, 223), идентифицируются с д. *Тимошина* 1853 г. (Мнд), совр. *Тимохино* ур. Пен. К поселенческому новг., пск. термину *конец* 'часть деревни, села' (НОС, 425–426), 'часть сельского населенного пункта, традиционно выделяемого его жителями', 'окраина деревни' (ПОС 15, 155–156). *Тимохин Конец* именовало двор некоего Тимохи, поставленный

на краю селения, в некотором отдалении от других дворов. В названии соседней выставленной д. *Тимошкин Конец* фигурирует имя *Тимошка*, вероятного сына *Тимохи*, что прямо подсказывается уменьшительной формой антропонима.

Порецкой Ям почтовая станция Торопецкого у. 1540 г. (ПКНЗ 4, 682), отождествляется с д. и сц. *Ям* Торопецкого у. 2-й пол. XIX в. (ВТКЗверст) и совр. д. *Ям* и оз. *Ямское* Андр. у речки Говшица близ истока из оз. Лучан. Дата упоминания этой ямской станции примерно соответствует дате ее устройства в 1-й пол. XVI в., так, писцовая книга 1560–1562 гг. при описании вол. Велила, сопредельной с Торопецким у., сообщает об учреждении *Велильского яма* в этом же 1540 г. (ПКНЗ 5, 368).

К топонимии, образованной от терминологии поселений, примыкает название д. *Выборово* (Баковская) Вселуцкой вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 221), она же д. *Выборова* (Позелена) Осташковского у. 1770-х гг. (ГМ-Ост, № 840), д. *Выборова* к югу от оз. *Выбор* 1853 г. (Мнд), *Выборово* д. при колодце 1862 г. (СНМ-Ост, № 9427). Возле деревни находилось оз. *Выборово* 1770-х гг. (ГМ-Ост, № 840), *Выбор* 1853 г. (Мнд), совр. оз. *Выборское* оз., стекающее в руч. Орехово и далее в оз. Аталское системы р. Кудь. Скорее всего средневековое *Выборово* первоначально прилагалось к деревне, "размещенной на заранее выбранном месте" или "приобретенной по выбору". Ойконимия на *Выбор-* встречается в Новгородско-Псковских исторических землях, ее появление относится к древнерусскому времени: *Выбор* – дд. Дмитриевского Городенского пог. 1500 г., Пажеревицкого пог. 1539 г. (НПК III, 202, 245, 248, 250, 259; IV, 383), *Выбор* – псковская крепость, заложенная в 1431 г. (сегодня – д. *Выбор*. Новоржевского р-на), *Выбор* д. Весьегонского р-на. Нельзя исключать специализации др.-рус. *выбор* как поселенческого термина, значение которого пока точно не установлено.

Топонимическое отражение земельных угодий

Славянская топонимия, отражающая типологию средневековых земельных угодий (подсечно-огневых, пашенных, сенокос-

ных, пастбищных), преобладает по численности и детализации над топонимическими маркерами иных видов антропогенного

ландшафта ВВДП. В основе такой топонимии преимущественно лежит разветвленная древнерусская терминология подсечно-огневого и пашенного земледелия, тогда как обозначения сенокосных и пастбищных угодий, тоже формирующие топонимы, не всегда терминологически обособлены от земледельческой терминологии. Это и понятно, поскольку жизнь русского крестьянина зависела в первую очередь от земледелия. В пределах ВВДП, как и в других регионах Славии, топонимы являются «одним из источников утраченных или слабо сохранившихся терминов раннего земледелия» (Куркина 2011, 32). Общая особенность рассматриваемой ниже топонимии в том, что стоящие за ней денотаты (селения, водоемы, реки и др.) зачастую именуются по уже освоенным прежде местам и местностям, где раньше был вырублен или выжжен лес под пашню, расчищены луга под сенокосы и пастбища. Значительная доля (до 40%) средневековых названий данного типа остается без конкретизированной географической привязки, остальные нанесены на рис. 10.

Названия двух новопоставленных пчч. *На Ветшии* на территории вол. Лопастницы и Велила и двух дд. *На Ведши* и *На Ведшы* вол. Лопастницы кон. XV в. (НПК II, 740, 789, 797, 795) сообщают об обустройстве селений на ранее заброшенной, утратившей плодородие пашне. Иных сведений об этих селениях кон. XV в. не известно. Ср. сохранившееся в местных говорах ВВДП диал. *ветшиá* 'запущенное, непаханное поле' Ост. (Слгр 1, 97), равно как и арх. *вѣтошь* 'заброшенная подсека' (СГРС II, 84), новг. *ветчá* 'давно не паханное поле' Холм.; неплодородие почв на заброшенной подсеке привело к появлению у новг. *вѣтошь* значений 'земля с белым подзолом' Дем., 'ничтожный урожай' Мар. (НОС, 105, 106). Пчч. *На Ветшии на Добрецкой* вол. Велила 1495/96 г. (НПК II, 741), судя по локативному компоненту ойконима, локализуется в окрестностях руч. *Добрый (Добрица)*, впадавшего в р. Гусинка, п. пр. Полы, вблизи д. *Доброе* вол. Велила (= совр. д. *Доброе* Пен.).

Новообразованные деревни-починки ставили не только на *ветшии*, но и на *новях*, т.е. на участках, недавно или впервые расчищенных из-под леса, кустарников. Тако-

вы два пчч. *На Новь* в вол. Велила 1495/96 г. (НПК II, 742, 756). Кроме того, починки основывали прямо в лесу и на открытой полевой местности, о чем сообщают названия пчч. *На Лесь* и пчч. *На Поле* в вол. Велила 1495/96 г. (НПК II, 743). Предложно-локативная форма всех перечисленных ойконимов свидетельствует о начальных селениях, появившихся непосредственно в эпоху писцового описания, т.е. в 1490-е гг.

Новинки д. при оз. Хвошня Вселуцкой вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 217), позднее *Новинка* д. Осташковского у. 1770-х гг. (ГМ-Ост, № 769), *Новинки* д. 1853 г. (Мнд), *Новинка* сц. при оз. Хвошня 1862 г. (СНМ-Ост, № 9389), совр. *Новинка* – нежилая д. при оз. Хвошня Пен. Название отметило деревню, поставленную на впервые расчищенном месте, ср., напр., др.-рус. *новина* 'в первый раз вспаханная земля; поле' (Срезн. МС II, 458), верхневолжск. *новина́* 'место, расчищенное под пашню' Ост. (Слгр 4, 137), блр. *навіна́*, *навінка* 'новое поле, целина на месте рощи, вспаханный сенокосный луг' (Яшк. БГН, 118). Принадлежит к числу самых частотных ойконимов в исторических Новгородско-Псковских землях.

Р. *Топорница*, указанная книгой Торопецкого у. 1539–1541 гг. (ПКНЗ 4, 655), не идентифицирована с современной рекой, но протекала где-то рядом с р. *Жаберка* вблизи истока Западной Двины из оз. Охват, судя по упоминанию д. *На речке на Топорнице в Жабере* Торопецкого у. 1539–1541 гг. (ПКНЗ 4, 655). Это явно старое, еще древнерусского или даже древневосточнославянского времени наименование реки, протекавшей в местности, где когда-то вырубался лес под пашню. Прилагательное *топорный*, от которого образовался гидроним *Топорница*, ранее означало 'расчищенный под пашню' («роспашь топорная земля Обарковской участокъ», XV в., по ГВНП, 268, гр. 260) и даже в XX в. со старым значением подсеки кое-где сохранялось на Русском Севере. По свидетельству Ю.И. Чайкиной, в говорах Белозерья существовал термин *топорня* 'земля на месте вырубленного леса', в северодвинских говорах *топорная земля* издавна обозначало 'вырубленный и подготовленный под посев участок леса, подсека' (Чайкина 1988), то же на Среднем Урале: свердловск. *топóрная земля́* 'земля на месте

корчевания леса' (СРНГ 44, 254). Из гидронимии ср. еще *Топорная р.*, *Топорня оз.* на Вологодчине (Кузнецов 2010, 218), *Топорная земля* (Куркина 2011, 148). Кстати, р. *Топорница* Торопецкой книги 1539–1541 гг. текла где-то поблизости от озера и реки тоже с «подсечными» именами *Теребето* и *Треботка*, см. ниже.

Теребето (*Теребитово*) оз. в Замошской переваре Торопецкого у. 1539–1541 гг. (ПКНЗ 4, 655, 656), которое, надо полагать, находилось в истоках совр. р. *Треботка*, л. пр. Западной Двины. Элемент *Тереб-* считается надежным индикатором подсечного земледелия, он отложился в многочисленной топонимии Русского Севера, Северо-Запада, Поочья, Украины и других регионов (Васильев 2012, 275–277, 560–561, ранее: Агеева 1989, 61; Чумакова 1992, 74–75; Куркина 2011, 63–67) и проявляется в апеллятивной лексике, напр., в новг. *теребить* 'расчищать землю из-под леса, кустарника' Волх. (НОС, 1183). В гидрониме *Теребето* эта собственно славянская основа оформлена суф. *-ет-* (и суф. *-ит-* в варианте *Теребитово*), которые, однако, не свойственны славянскому, но часто встречаются в балтской лексике и топонимии (Топоров, Трубачев 1962, 131–132, 133; Vanagas 1970, 139–140, 179). Похоже, этот гидроним демонстрирует проявления языкового симбиоза древних балтов и славян, характерного для кривичской территории (подр. на с. 176). Преобразование *Теребет-* > *Требот-*, отраженное именами р. *Треботка* и средневековой д. *Теребота* (см. с. 132), полагаем, произошло в условиях перехода *e* > *o* (что дало *Теребѣта* [т'ер'еб'ота]) с дальнейшим отвердением губного согласного, ср. казус *Демен-* > *Демон-*, подр. обсужденный в (Васильев 2012, 639–640). Совр. *Треботка*, кроме этого, демонстрирует сходное с польским диал. неполногласие в части древних кривичских говоров, которое sporadически проявлялось в данной основе, см. ниже *Требово*. Это специфический древний рефлекс отражают еще средневековые названия дд. *Требиха*, *Требутици*, сц. *Требех* Шелонской пятины XV–XVI вв. (НПК V, 270, 620; IV, 176, 177).

Требово д. в вол. Лопастиды 1560–1561 гг. (ПКНЗ 5, 376), не локализовано. Дериват от др.-рус. *тереб*, отметивший место, которое *теребили* – расчищали из-под леса под

пашню; ср. пск. *терѣб* как способ подсечной разработки земли, кое-где сохранявшийся еще в XX в. (Попов 1981, 194). Название отражает специфическое др.-новг. неполногласие, вообще свойственное данной топонимии (см. выше *Треботка*), хотя известно и полногласное *Теребово* д. Ситенского пог. кон. XV в. (НПК I, 596).

Поляница р. «у озеро Студенець и устья рѣчки Поляницы мхомъ Студенецкимъ» в вол. Дубна Торопецкой земли 1489 г. (Сб. РИО, 36, № 8), она же р. *Полянка* 1853 г. (Мнд), впадает в оз. Колпинское бассейна Западной Двины. Возле этой реки локализуется д. *Поляна* Осташковского у. 1770-х гг. (ГМ-Ост, № 753), она же *Поляны* южнее оз. Пнево 1853 г. (Мнд), *Полянье* д. при колодце 1862 г. (СНМ-Ост, № 9442), совр. *Поляны* д. Пен. Гидроним характеризовал реку, протекавшую среди открытой местности, полей, участков подсеки, ср. др.-рус. *поляна*, *полъна* 'поле' и 'долина' (Срезн. МС II, 1151, 1153), рус. диал. *поляна* в значениях 'кулига, росчисть, подсека' (Даль 2, 258), яросл. 'пахотная земля, пашня вдали от селения', арх., костром. 'расчищенное место в лесу для пашни (иногда и для сенокоса)' и т. п., подр. в (СРНГ 29, 189; Куркина 2011, 206).

Раменье ур. в Замошской переваре Торопецкого у. 1539–1541 гг. (ПКНЗ 4, 657–660), (?) совр. *Раминка* ур. близ р. Новинка Пен. Топоним обозначал "пашню возле леса" или "лес на границе с пашней". Ср. др.-рус. *раменье* как обозначение земельного угодья в грамоте Ивана Калиты 1327–1328 гг. (Куркина 2011, 224) или в значении 'пашня, заросшая лесом', 'заросшая лесом подсека', 'подсека в лесу' и т. п. в деловых грамотах Белозерья (Чайкина 1975, 37 и след.). Термины *рамень*, *раменье*, *раменка* много раз отмечались в современных новгородских говорах, где они обозначают 'поле, граничащее с лесом', 'пашня среди леса', 'опушка леса', 'высокое ровное место', 'лес' и т. п. (НОС, 1003).

Д. *Нивице* (*Нивици*) и пч. *Нивица* (*Нивице*) Езжинской вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 202), где позднее значились д. и п. *Нивици* Осташковского у. 1770-х гг. (ГМ-Ост, № 626, 629), д. *Нивици* при колодце 1853 и 1862 гг. (Мнд; СНМ-Ост, № 9232), локализуемая вблизи совр. д. Борки Пен. Суф. *-ице* подразумевает расположение селений XVI в. на бывшей ниве. Термин *нива* хорошо

представлен в современных говорах ВВДП и прилегающих районов, где им обозначают 'земельные угодья, поле', 'место в лесу, очищенное от пней, поляну после корчевания', 'поляну в лесу', 'отдаленный сенокосный луг', 'заброшенное, невозделываемое поле, поросшее лесом' и т.п. (ТСГТО 1, 51, 60, 68, 71; Слгр 4, 132), равно как в других регионах России и славянских стран, подр. (Куркина 2011, 208–209).

Темная Веретя нива возле д. Жаберка Торопецкого у. 1539–1541 гг. (ПКНЗ 4, 657). Ср. др.-новг. *веретя* 'участок земли': «се купил... лоскут земли орамой, узкую веретею», XIV–XV вв., выражение *веретя земли* (Срезн. МС 1, 244) и вариантное новг. *веретье* в значениях 'участок земли', 'полоса, засеянная одной культурой', 'пашня на возвышенности', хотя термин и его варианты имеют и природно-ландшафтные значения, напр. новг. *веретья* обозначает 'сухое место на болоте, поросшее лесом' и др. (НОС, 98–100). Денотат (нива, т.е. земельное угодье) топонима *Темная Веретя* заставляет думать о его мотивировке скорее «сельскохозяйственным» значением исходного термина.

Сц. *Дубровицы* (*Дубрицы*, *Симоново*) рядом со своей выставкой *Малые Дубровицы* во Вселуцкой вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 230) продолжилось в сц. *Дубровицы* (*Симоново*) Осташковского у. 1770-х гг. (ГМ-Ост, № 441), *Дубровицы* на карте 1853 г. (Мнд). Неподалеку во Вселуцкой вол. 1588–1589 гг. отмечено второе сц. *Дубровицы* (*Дубровицы Малые*, *Симоново*, *Норованово*, *Торобакино*) при оз. *Дубровицы* (ПКРВ, 232), оно же сц. *Дубровицы Малое* (*Симоново Тарабанино*) при оз. *Дубровица*⁴⁸ 1770-х гг. (ГМ-Ост, № 442), сц. *Дубровицы* к западу от д. Симанково 1853 г. (Мнд), *Дубровица* при колодце 1862 г. (СНМ-Ост, № 9356). В актовом письменно-сти XVI–XVII вв. встречаются *дуброва* 'лиственный лес, выросший на выпашанной и заброшенной расчисте; также, вероятно, всякое повторно расчищаемое поле в лесу', *дуброва пашенная* 'лиственный лес, вырастающий на выпашанной расчисте', *лѣсь дубровный* 'вторичный лиственный лес (на заброшенной пашне)' (СлРЯ XI–XVII, 4, 370–371).

Скорее всего название сц. *Дубровицы*, полученное от др.-рус. *дуброва*, сообщает о заложении селения рядом с небольшой рощей лиственного леса, выросшей на месте бывшей распашки. Выразительно большое, более полутора сотен, число топонимов с основой *Дубров-* (*Дуброва*, *Дубровец*, *Дубровица*, *Дубровицы*, *Дубровичи*, *Дубровка*, *Дубровка*, *Дубровы*, *Дубровно* и т.п.) содержат новгородские писцовые книги XV–XVI вв., хотя в современных говорах Русского Северо-Запада термин *дубрѡва* очень редок и склонен к замещению общерус. *дубрава* 'дубовая роща'. Иногда *дубрѡва* семантически не связано с лесом, что наблюдается в говорах более северных территорий, напр. в Карелии термин означает 'лужайку, на которой скошена трава', 'нераспаханное поле' (СРГК 1, 8–9), но эти значения тоже подразумевают связь со средневековым подсечно-огневым земледелием.

Аналогичную связь с древним земледелием предполагаем в названиях д. *Дубровка*, стоявшей на р. Кутева, и пч. *Дубровка* «поставлен после письма» в Замошской перевале Торопецкого у. 1539–1541 гг. (ПКНЗ 4, 658, 659). Однако в отдельных, сравнительно более редких случаях топонимы на *Дубровне* имеют отношения к подсеке, будучи мотивированными обозначением дубовых рощ (см. *Дубровка* на с. 116).

Задена р. Вселуцкой вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 220), она же р. *Заледенка*, впадающая в оз. Гусиное в истоках Полы 1853 г. (Мнд). Ввиду формы *Заледенка*, ранний вариант *Задена* выглядит результатом случайного сокращения средневековым писцом гидронима *Заледена, ориентировавшего расположение речки "за лядой, лядиной – бывшей пашней". Ср. др.-рус. *ляда*, *лядина* 'поле или запущенная пашня, поросшие молодым лесом', XVI в. (СлРЯ XI–XVII 8, 349), новг. диал. *лядина* в значениях 'участок леса, приготовленный под пашню', 'засеянное поле на месте выкорчеванного леса' и т.п., выражения *лядины вѣчистить* 'срубить или выжечь лес на покосе или пашне', *лядины раздѣльвать* (*рубить*) 'готовить под пашню площадь, занятую лесом' (НОС, 535), *лядины прятать* 'сжигать лес под пашню' Ост. (ТСГТО 1, 51).

⁴⁸ Оз. *Дубровицы* (*Дубровица*) предположительно идентифицируется с современным оз. *Селовое*, имеющим сток в р. Слободская бассейна Волги.

Валин Луг – три соседние дд. в вол. Велила 1495/96 и 1540–1541 гг. (НПК II, 741; ПКНЗ 4, 334), на месте которых в кон. XVI в. значились д. *Болишая Валина* (*Ввалина Болишая, Панова*) на руч. Ратман и шесть выставок из нее: д. *Вволна Малая* (*Ввалина Малая, Сафонова*), д. *Ввалиня Малая* (*Чермнева*) и д. *Ввалиня Малая* (*Валина Малая Другая*), д. *Ввалина Малая* (*Михалкино*), пч. *Ввалнов* (*Сухлова*) и пч. *Ввалиня* (*Ввалина, Василево*), все они относились к Вселуцкой вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 224, 225). Впоследствии в этой местности фиксируются: 1) д. *Волна* Осташковского у. 1770-х гг. (МГМ-Ост, № 816), она же д. *Вальна* (*Старина*) 1853 г. (Мнд), *Старина* (*Вально, Евсеево*) при колодце 1862 г. (СНМ-Ост, № 9415), совр. д. *Вально* Пен., ныне нежилая; 2) д. *Волна* Осташковского у. 1770-х гг. (МГМ-Ост, № 827), она же д. *Вальна Бол.* 1853 г. (Мнд), *Вально* (*Большое*) при колодце 1862 г. (СНМ-Ост, № 9414); 3) д. *Волна* (*Михашина, Гоголь*) Осташковского у. 1770-х гг. (ГМ-Ост, № 818), она же д. *Вальна Мал.* (*Гоголь*) 1853 г. (Мнд), *Гоголь* при колодце 1862 г. (СНМ-Ост, № 9372), совр. *Гоголь* ур. Пен.; 4) д. *Волна* (*Васильева*) Осташковского у. 1770-х гг. (ГМ-Ост, № 816), совр. д. *Василево* Пен., уже нежилая; 5) д. *Волна* (*Сухлова ныне Запратники*) Осташковского у. 1770-х гг. (ГМ-Ост, № 814), она же д. *Сухлово* (*Запратники*) при безымянном ручье к югу от оз. Клешино 1853 т 1862 гг. (Мнд; СНМ-Ост, № 9412); 6) п. *Волна* (*Малая Жукова*) Осташковского у. 1770-х гг. (ГМ-Ост, № 817).

Элемент *Валин* в составе самого раннего топонимического варианта кон. XV в. не является посессивом от *Валя*, но, судя по фиксации *Вально, Вальна*, модифицировался из относительного прилагательного *Вальнь. Др.-рус. именные формы относительных прилагательных мужского рода утрачивались в русском языке даже в топонимии, замещаясь либо формами среднего или женского рода на *-о, -а*, либо формами мужского рода на *-ин*, что и наблюдаем в рассматриваемом случае. Таким образом, *Валин Луг* – старое отапеллятивное название древнерусской эпохи. Оно относилось к месту, где был вырублен (*свален*), расчищен лес под пашню, покосы, и само наличие лексического элемента *Луг* в этом составном наименовании намекает на безлесное место, луг, оставшийся после вырубки. Ср. др.-рус. *валь*

‘угодые с лесом, предназначенное для вырубки’ XVII в., *валежь* ‘валка, рубка (деревьев)’ (СлРЯ XI–XVII 2, 12), но особенно пск. *ва́льный* ‘срубленный (о лесе)’ (ПОС 3, 29), производное от глагола, такого как олон. *валить, валять* ‘расчищать и жечь лес под пашню’ (СРНГ 4, 27, 36), новг. (*суки*) *валить* ‘рубить лес для приготовления рощисты, подсеки под пашню’ (НОС 1995, 181), олон. *валеница* ‘участок леса, выжигаемый для посева льна’ Вытегор., 1885–1898 гг., ленингр. ‘срубленные деревья на участке леса, предназначенном для расчистки’ (СРНГ 4, 24) и т.п., подр. (Куркина 2011, 89–90). Очевидно, первоначальный топоним *Вальнь Лугъ (> *Валин Луг*) прилагался к целой местности, локализуемой западнее оз. Уклеино, Лопино, р. Плотица, где из-под леса издревле были расчищены большие площади под пашню и сенокосные луга. О бывшей местности позволяют судить большое число кучно стоявших здесь одноименных селений XV–XVI вв., равно как сама морфология топонимических вариантов с удвоением *в* (*Ввалина* и т.п., по книге 1588–1589 гг.), закрепившихся из сочетаний с предлогом, отмечавших селения *В Вальне*, т.е. “в мстн. *Вально (*Вальнь*)” (рис. 8). Похоже, вся эта местность некогда принадлежала одному клану родственников, разросшемуся со временем в крестьянскую общину.

Вряд ли в этой местности стояла д. *Овалнина на Стегъ* вол. Велила 1495/96 г. (НПК II, 743), ее местоположение остается не проясненным. Наиболее вероятна связь *Овалнина* тоже с валкой, вырубанием леса. Сочетание *на Стегъ* означает ‘на тропе’ (*стега* ‘тропа’, откуда рус. *стежка*), подчеркивая размещение деревни в стороне от проезжих дорог.

Пашни расчищались не только вырубанием, но и выжиганием леса. В нашем материале ВВДП об этом процессе могут сигнализировать *В Жарех, Гарицта, Погорьлово*. Мотивационная семантика этих топонимов двойственна: их появление можно связать не только с целенаправленным выжиганием леса для подсеки, но и с обычным пожаром, уничтожившим лес или селение. Впрочем, места, выгоревшие от стихийного лесного пожара, тоже использовались под пашню. Сщ. *Харино в Жарех* близ д. Голцовская в Замошской переваре Торопецкого у. 1539–1541 гг. (ПКНЗ 4, 659) сообщает о по-

селении некоего человека по имени *Харя* (< *Харитон*) в местности, которая ранее горела. Хотя др.-рус. *жар* иногда обозначало 'пожар', в новгородских пятинах это слово специализировалось в качестве термина земледелия: *жар* 'участок леса, выжженный под пашню', прослеженный по новгородской документации 1389–1415 и 1500 гг. (СлРЯ XI–XVII 5, 75). Локатив *В Жарех* сохраняет др.-рус. флексию исконных *о*-основ.

Гаричта д. на р. Колпинка в Жабере Торопецкого у. 1539–1541 гг. (ПКНЗ 4, 655). Возможно, соотносится пространственно с именами дд. *Гари Большие* и *Гари Меньшие* на р. Колпенка Вселуцкой вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 212), она же сд. *Гари* Осташковского у. 1770-х гг. (ГМ-Ост, № 747), д. *Гари* при р. Волкота и Колпинка 1853 и 1862 гг. (Мнд; СНМ-Ост, № 9449), совр. *Гари* д. на р. Колпинка Пен. Фиксация *Гаричта* 1-й пол. XVI в., похоже, с искажением передает название с суф. *-ище*: *Гарища*, указывавшее на "место, где были *гари*", ср. *гарь* 'выжженное или выгоревшее место в лесу; выжженный участок леса, предназначенный под пашню' (СлРЯ XI–XVII 4, 12). Ойконим подчеркивал обустройство деревни (или деревень) на месте то ли выжженного, то ли выгоревшего леса. Плуральные формы *Гаришта* (= *Гарища*) и *Гари* намекают на немалую площадь сгоревшего до 1540-х гг. леса в местности, где сегодня остается д. *Гари* рядом с р. Колпинкой и оз. Отолово.

Что касается названия оз. *Погорьлово* вол. Лопастницы 1495/96 г. (НПК II, 787), то оно более уверенно подразумевает все же стихийный пожар, нежели целенаправленное выжигание леса, как и *Пагарэлы* поле на месте выгоревшего леса, *Пагарэло*, поле в Белоруссии (МБ 1975, 171, 174, 194). Пожар был у северных берегов озера, где стояли средневековые дд. *Погорелая* и *Погорелицы*, и случился ранее кон. XV в., судя по упоминанию д. *Над озером над Погорьловым* 1495/96 г. Оз. *Погорьлово* в материалах межевания 1770-х гг. именуется уже *Пнево* (*Пниово*) 1770-х гг. (ГМ-Ост, № 753, 807), оно же *Пнева* 1862 г. (СНМ-Ост, № 9440), совр. оз. *Пнёво* с протокой в оз. Долгое и р. Кудь. Гидроним *Пнево* принадлежит к многочисленному гнезду производных от *пень* (< праслав. **рънь*), которые в северных диалектах восточных славян нередко включаются

в терминологию подсечного земледелия, вырубания леса (Куркина 2011, 101–102). На этом ареальном фоне не исключено, что *Пнево* семантически перекликается с ранним *Погорьлово*, поскольку северные окрестности этого озера, погоревшие от случайного пожара, впоследствии распахивались под пашню.

В пределах зоны ВВДП довольно часто повторяются ойконимические номинации по месту расположения деревень на сенокосных лугах. Их носят два плч. *На Лугу*, д. *На Лугу* и д. *На Бьлом Лугу* в вол. Веллила, плч. *На Высоком Лугу* в вол. Морева 1495/96 г. (НПК II, 718, 742, 743, 754), последний локализуется по ур. *Высокуша* Мар. Такие предположно-падежные формы ойконимов, закрепленные за селениями на лугах, присваивались для отличия от селений, поставленных, напр., *на лесе*, *на ветшии*. Все они фиксируют начальный этап существования деревень, часто временных, исчезавших вместе со смертью их основателя, владельца. Более устоявшимися, продолженными в разные эпохи, являются названия дд. *Лугова* и *Лужки*. Первое – *Лугова* д. в вол. Лопастницы 1560–1561 гг. (ПКНЗ 5, 381), она же *Луговая* (*Лугова*) Осташковского у. 1770-х гг. (ГМ-Ост, № 807), *Лугова* при оз. Пнева и Долгое 1853 г. (Мнд), *Лугово* 1862 г. (СНМ-Ост, № 9438), совр. *Лугово* д. Пен. Второе – *Лужки* д. рядом с д. *Лужки Малые* в Замошской переваре Торопецкого у. 1539–1541 гг. (ПКНЗ 4, 661, 661, 668), позднее – п. *Лужки Малые* 1770-х гг. (ГМ-Ост, № 756) где-то неподалеку от совр. д. Марилицы Пен.

Одворица д. «стоит напятеро, двory врозне и пашня поля розные» при оз. Вселук Вселуцкой вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 236), она же *Одворицы* д. Осташковского у. 1770-гг. (ГМ-Ост, ч. 4), *Одворец* 1853 г. (Мнд), *Адворица* д. при оз. Вселук 1862 г. (СНМ-Ост, № 9061), совр. *Адворица* д. Пен. Приравнивается к *одворица* 'земля, примыкающая к деревне; угодья (пахотные или сенокосные) около деревни' Твер., Моск., Яросл., Влад. (СРНГ 23, 6–7), *одворицная земля* 'близкая, около деревни, задворная' (Даль 2, 609) и др., из топонимических параллелей – д. *Адворица* в Ушачском р-не Витебской обл. *Одворица* указывала на деревню, построенную на угодьях соседнего, более раннего

селения (такowymi могли быть, в частности, ближайше расположенные д. Брод или д. Хитино).

Толочница рядом с Большая Толочница – дд. в вол. Морева 1495/96 г. (НПК II, 714), на их месте значилась п. Толошница Холмского у. 1780-х гг. (ГМ-Хлм, № 995), а сегодня остается ур. Толошница Мар. в истоках Пола. Дериват на *-ица* от *толочный* 'находящийся под паром, незасеянный (о поле)' Новг., Курск., Дон. (СРНГ 44, 205). Поля под паром использовали под пастбища, где скот *толочил* траву, т.е. мял, выбивал, вытапывал. Деревню, поставленную на бывшем толочном поле, стали называть *Толочница*.

Осечно оз. в вол. Буец 1495/96 г. (НПК II, 825), отождествляется с оз. Глухое 1862 г. (СНМ-Ост, № 9463), имевшим протоку в оз. Ордоникольское бассейна Западной Двины. *Осечно* отметило место, обнесенное оградой, частоколом; гидроним образован от др.-рус. *остькъ*, равному по смыслу рус. диал. (новг., твер. и др.) *осёк* 'изгородь, ограда', 'огороженный участок (обычно в лесу)'; осеками огораживали выгоны, пастбища, пашни, сенокосы, земли смежных деревень и др., см. (СРНГ 23, 359–361).

Спорница пч. в вол. Велила 1495/96 г. (НПК II, 741), ставший п. Холмского у. 1770-х гг. (ГМ-Хлм, № 939). Первоначально – название спорной пашни или пожни (принадлежность которой оспаривали разные владельцы), перешедшее на починок. В пределах ВВДП имеется также ур. *Спорная Нива* западнее оз. Охват, известное только по современным данным.

Над Межником д. Молвятицкого пог. 1495/96 г. (НПК I, 664), она же д. *Межник*

Старорусского у. (МГМ-Ст, № 623), *Межна* 1853 г. (Мнд), совр. *Межник* ур. Мар. Судя по ранней форме ойконима, деревня стояла над руч. *Межник*, служившем межой, границей между земельными владениями, ср., напр., в верхневолжских говорах *межнѣк*, *мѣжнѣк* 'ручей, текущий по меже', 'граница земельного участка, межа' (Слгр 3, 270).

Любопытна многовековая устойчивость границы по руч. *Межник* (иначе – р. *Иловка*), сохранявшейся со времен средневековья. В кон. XV в. здесь пролежала межа между землями деревень волостей Молвятицы и Велила, в XVIII в. руч. *Межник* служил границей между Осташковским и Старорусским уездами, а в XX и XXI вв. – между Пеновским р-ном Тверской обл. и Марёвским р-ном Новгородской обл. Данный факт демонстрирует, что границы хозяйственных угодий могут со временем становиться участками рубежей, разделяющих большие территории. В этой связи следует отметить *Рубежница* р. в оз. Страдуно со стоком в оз. Торопацкое и р. Торопа, отмеченное на карте 2-й пол. XIX в. (ВТКЗверст). Е.Н. Носов (1994, 47) считает, что по р. *Рубежница* проходил некогда рубеж, разделявший вол. Буец и Торопецкую землю. Действительно, реки с гидронимами *Рубеж* – выступали участками границ разных территорий в Псковских землях, что свидетельствует о многовековой устойчивости отдельных рубежей. Р. А. Агеева (1989, 63) отмечает рр. *Рубеженка*, *Рубежница*, *Рубежинка*, *Рубешка*, которые протекали по пограничьям Опочецкого, Великолукского, Холмского, Невельского, Псковского и Порховского уездов.

Топонимия рыболовства, охоты и других занятий населения

Относящаяся к данному типу средневековая топонимия сравнительно немногочисленна (см. рис. 10). Анализируемые ниже названия преимущественно отражают сферу рыболовства, рыболовных угодий, прочие сферы деятельности отражены единичными названиями.

Имно оз. Лучанской вол. Холмского у. 1911 г. (Шкапский, 112), не идентифицировано, находилось где-то восточнее оз. Лучанское. Учитывая раритетность топоосно-

вы, не исключено, что по оз. *Имно* получила свое имя д. *Имново* в Замошской переваре Торопецкого у. 1539–1541 гг. (ПКНЗ 4, 661), локализация которой тоже не выяснена. *Имно* – безусловный дериват от др.-рус. *имати*, рус. *имать* 'ловить, хватать, забирать', но применительно к озеру лучше привлечь новг. *имать* 'ловить рыбу' (НОС, 350), пск. 'ловить, захватывать живьем (рыбу; дичь)' (ПОС 13, 267), т.е. *Имно* характеризует озеро, "где много ловится рыбы, рыбное".

Тонец (Танец) оз. с р. *Отоница* во Все-луцкой вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 227, 228), оно же оз. *Отонец*, Осташковского у. 1770-х гг. (ГМ-Ост, № 766), совр. *Отонецкое* оз. с прот. *Отоница* в р. Мостовлянка системы Куди. Гидроним характеризовал озеро, «окруженное рыболовными сетями, где много сетей». Вариант *Отонец*, явно первоначальный, несмотря на сравнительно позднюю фиксацию, образован от глагола, который продолжают пск., твер. осташк. *отонить, отонить* ‘окружить тоней (сетью) часть водного пространства’, ‘забрать, выловить неводом’ (СРНГ 24, 257).

Судеревское (Глухое) оз. Холмского у. 1911 г. (Шкапский, 112), совр. *Судеревье* – бессточное оз. близ озз. Макаровское и Волкота в истоках р. Волкоты. Славянский архаизм, объясняемый через др.-рус. *судеревь* или *судеревью* ‘смежно (?)’ под 1508 г., *судеревьнии* ‘смежный, общий’ в Отводных рязанских книгах 1483–1502 г. (Срезн. МС III, 596). Структура членится в виде *су-дерев-*, с выделением префикса *су-*, выражающего совместность, и корня *дерев-*, продолжающего др.-вост.-слав. *dьrva (*dьrvь?*) ‘участок для возделывания, вспашки, расчищенный путем вырубки, раскорчевывания леса и зарослей’, которое точно соответствует лит. *dirvą* ‘вспахиваемая, возделываемая земля, поле’, ‘участок, надел (земли)’, лтш. *dirva* ‘засеянное поле, нива’ (Аникин 1998, 317). Надо полагать, лимноним *Судеревье* указывал на озеро с общими рыболовными угодьями, озеро совместного пользования, что вполне понятно для маленького «лешего» озера, каким и является *Судеревье* (в отличие от более крупных озер, которые делились на рыболовные участки, закрепленные за отдельными хозяевами). Ср. еще *Судеревье* д. неподалеку от Новоржева Псковской обл., указанное книгой 1583 г. (Янин 1998, 146, № 287) и *Судеревка* п. пр. Тверцы в восточных окрестностях Вышне-го Волочка. Вопрос о *Судеревье* осложнен наличием лит. *Sudervė* (*Sudarvė, Sudarvenka*) р. неподалеку от Вильнюса, она же р. *Судеревь* в *Судеревской* вол., по грамоте 1503 г.

(РИБ XXVII, 872). Ванагас полагает, что лит. *Sudervė* – это собственно балтский дериват с корнем *sud-* (как в лтш. *sudit* ‘проворно, скоро быстро идти, двигаться’, *Sudota* р.) и суф. *-ervė* (Van. LH, 318), но предпочтительнее вести речь об усвоении и адаптации балтами ранневосточнославянского гидронима.

Плотинцо оз.: «по озеро по Орлинце наполю, по озеро по Плотинцо, по Красныи борокъ» 1449 и 1494 гг. (ДДГ, № 53, 160–161; Сб. РИО, 126, 130, № 24), из которого, судя по контексту топонимов, вытекала речка, называвшаяся *Плотиченка* в 1770-х и 1853 гг. (ГМ-Ост, № 467; Мнд), она же совр. *Плотиченка* р. в оз. Тиницкое системы Волги (на карте Мнд указана впадающей в оз. Орлинское). Названия озера и реки родственны др.-рус. *плот* ‘ограда, плетень’, ‘плотина’, ‘связь из бревен; помост’ (Срезн. МС II, 969), пск., новосиб. *плот* ‘рыболовное заграждение с мережами, вершами и т.п.’, общерус. *плотина* ‘сооружение, перегораживающее реку для поднятия уровня воды’ диал. ‘настил на дне реки из веток или бревен, на которые крепятся жерди для перегораживания реки, протоки’ Хабар. и т.п. лексике, см. (СРНГ 27, 147–151). Скорее всего отражают перегораживание озера для рыболовства (в озерные истоки рек поднимается на нерест рыба).

Аналогичная трактовка подходит и для **Плотично** оз. «в длину ево на версту, а поперег на полверсты, а в нем рыба: щука, окунь и иная мелкая рыба» во Вселуцкой вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 229); этот водоем предварительно идентифицирован с оз. *Борвенец* Осташковского у. 1770-х гг. (ГМ-Ост, № 764), оно же *Бревенец* 1853 и 1862 гг. (Мнд; СНМ-Ост, № 9336), оно же сегодня – оз. *Барское*, соединенное протокой с р. Кудь⁴⁹. *Плотично* лучше связать не с рыбой *плотва*, а с др.-рус. *плот* ‘плотина’, *плотичнии* ‘плотнический’ (Срезн. МС II, 969), рус. диал. *плотить* ‘плотно соединять, скреплять’, *плотина* и т.п. лексикой (см. выше *Плотинцо*). Небольшие озера, соединенные протоками с рекой, часто перекрывали

⁴⁹ Идентификация оз. Плотично с Барское (Бревенец) зиждется на том, что озеро книги 1588–1589 гг. было за Офонасьем Ивановым сыном Жеребцова, чьи деревни и починки располагались на р. Кудь, т.е. где-то рядом с совр. Барским оз., кроме того, размеры оз. Плотично, данные в описании 1588–1589 гг., соответствуют размерам оз. Барское.

плотинами для ловли рыбы, заходящей из реки в озеро на нерест.

Бранишна (Брань) р. во Вселуцкой вол. 1588–1589 гг.: «по реке по Бранишне», «на реке Брани» (ПКРВ, 236), *Бранишня* р. в оз. Вселуг Осташковского у. 1770-х и 1853 гг. (ГМ-Ост, ч. 4; Мнд), сегодня – залив *Бронижа* Верхневолжского вдхр. (образовался в низовьях русла р. Бранишня). Раннюю форму гидронима передает также название сц. *Бронишна* (Старое) при оз. Вселук, на р. Брани (Бранишне) Вселуцкой вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 236), *Бранишня* д. Осташковского у. 1770-х гг. (ГМ-Ост, ч. 4). Приемлема версия образования от сев.-рус. *брáница* ‘искусственная бухта для больших лодок’ онеж. (СРГК 1, 179), ‘место для карбаса на берегу, расчищенное от камней’ арх. (СГРС 1, 179), хотя она не объясняет появление варианта *Брань*. Похоже, одинокий вариант *Брань* не имеет отношения к др.-рус. *брань* ‘битва, сражение, война’, ‘оборона, защита’, ‘вражда, тяжба, спор’ (СлРЯ XI–XVII 1, 317–318), но являет собой некорректно записанную (недописанную) средневековым писцом локативную форму гидронима *Бранишня*, иными словами, фиксация «на реке Брани» на самом деле передает случайно сокращенный локатив *на реке Брани[шне]*; ср. на том же листе 436 писцовой книги более точную запись: «по реке по Бранишне», см. (ПКРВ, 236).

Заприводино д. в вол. Лопастницы 1560–1561 гг. (ПКНЗ 5, 376), *Заприваднина* д. на р. Талица и при оз. Талское Вселуцкой вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 216), *Запривадина* д. Осташковского у. 1770-х гг. (ГМ-Ост, № 839). Дериват с суф. *-ина* от глагола *заприводить* (или *запривадить*) ‘приучить к одному месту’, ср. олон. *заприваживать* несовершенного вида, но в этом же значении (СРНГ 10, 355). Ойконим, возможно, отмечает место, “где заприваживали”, т. е. привлекали рыбу, или зверей, или птиц привадой (прикормкой) для ловли. На ВВДП сходная топонимация представлена названием лесного ур. *Ванна* Пен. к северу от оз. Витьбино Пен., фонетически преобразованного из *Вадна, деривата от *вадить* ‘манить, привлекать, прикармливать, приваживать’ (Даль 1, 160), сюда же *Ванна* – небольшой лесок между двумя полями, Ст. р-н (НОС, 91).

Гоголиново д. в вол. Велила 1540–1541 гг. (ПКНЗ 4, 333), без внятной локализации. Дериват от др.-рус. *гогольный*, *гоголинный* ‘относящийся к гоголю – виду диких уток’ (СлРЯ XI–XVII 4, 54), указывавший на местность, где водились гоголи и велась охота на них. О промысловом значении гоголей в древности имеется ряд свидетельств, напр. в новгородской Данной грамоте Варлаама Спасо-Хутынского монастырю около 1192 г. сообщается: «Се въдале <...> землю, и огородъ, и ловища рыбьяная и гоголиная» (ГВНП, 161, гр. 104). В новгородских пятинах XV–XVI вв. было в ходу и личное прозвище *Гоголь* вместе с производными *Гоголин*, *Гоголев* (Туп. СДЛСИ, 108–109, 517), которое тоже могло лечь в основу топонима *Гоголиново*, но сугубо предположительно. К личному прозвищу скорее восходит не *Гоголиново*, а назв. *На Гоголевы* пч. в вол. Велила 1495/96 г. (НПК II, 743), иначе д. *Гоголь* 1560–1561 гг. (ПКНЗ 5, 365), совр. *Гоголь* ур. Пен.

Залъзено (*Залезено*) оз., указанное в разводной грамоте 1483 г. (ДДГ, № 77, с. 292), *Залъзино* (*Желъзно*) вол. Велила 1495/96 г. (НПК II, 745, 784), оно же *Железно* 1540–1541 гг. (ПКНЗ 4, 333, 335), но в более поздних материалах – *Лопино* 1770-х гг. (ГМ-Ост, № 796, 797), *Лапино* 1853 г. (Мнд), совр. *Лопино* оз. со стоком в р. Чистенькая системы волжской Руны. Означает буквально “железное (озеро)”, что скорее всего обусловлено наличием и добычей близ этого болотного озера железной руды. Ремесленники, занимавшиеся добычей и переработкой болотной руды, жили, надо полагать, в соседних д. *Железина* (*Железниково*) и д. *В Железне* вол. Велила XV–XVI вв., затем Вселуцкой вол. (подр. на с. 132), причем вариантная форма ойконима *Железниково* XVI в. прямо подразумевает *железников*, работавших с рудой; ср., напр., урал. *желэзник*, *железняк* – обозначения кузнеца или жестианщика (СРНГ 9, 104, 106). Ранние варианты *Залъзено* (*Залезено*, *Залъзино*) XV в. отражают устно-разговорное уподобление начального ж следующему звуку з с дальнейшим сближением начального слога с префиксом *за-*, как в укр. *залізо* ‘железо’ (ЕСУМ 2, 229), ср. *зелэзный*, *залэзный*, варианты к *желэзный*, также в говорах Псковщины (ПОС 1, 182).

Коницъ ур.: «от Городецкого верховья прямо на Коницъ», а от Коницъ на Сарычинское верховье» 1483 г. (ДДГ, № 77, с. 292), локализуемое где-то в верховьях р. Городня (к югу от линии оз. Корено, Долгое, Слаутинское). Трактуются со значением «конюшни; место, где содержали коней», если считать, что перед нами плюральное производное от *коница* в значении 'конюшня' или 'кобыла', которое удостоверяют чеш. *konice*, словац. *konica* 'конюшня', ст.-укр. *коница* 'кобыла' и т.п. продолжения праслав. *konica (ЭССЯ 10, 183). На ВВДП и окрестных территориях Верхневолжья *коница* может считаться диалектизмом верхневолжских кривичей, ввиду второго вероятного проявления этого слова в наименовании бол. *Конеческий Мох* вол. Стерж под 1483 г. (ДДГ, № 77, с. 292), иначе – *Коницкой Мох* под 1623–1625 гг., ло-

кализуемого поблизости от восточного берега оз. Стерж (ИАДП 1, с. 11, сноска 5, с. 19). По морфологической причине вряд ли следует видеть в *Коницъ* производное с формантом *-ицъ* от др.-новг. *конь* 'конец, предел', XV в. (СлРЯ XI–XVII 7, 268, ранее – ГВНП, 274, гр. 272, где *конь* приложено к земельному участку), рус. диал., в том числе пск., твер. *кон* 'участок земли, который подлежал разделу между всеми односельчанами', 'межа, граница участка' и т.п., см. (СРНГ 14, 242–243; НОС, 425; ПОС 15, 148). Слово *конь* мужского рода присоединяло суффиксальное *-иць*, а не *-ица*.

Телятник остров Торопецкого у., принадлежал д. Харинской 1539–1541 гг. (ПKNЗ 4, 667), приравнивается к совр. *Телятник* для острова на оз. Охват в истоке Западной Двины. Раскрывается с первоначальным смыслом «где держали, пасли телят».

Топонимическое отражение реалий язычества и христианства

Названий данного типа сохранилось немного (рис. 10).

Бдыни д. в Замошской переваре Торопецкого у. 1539–1541 гг. (ПKNЗ 4, 667), она же *Бодыни* (*Бдыни*) пч. на оз. Хват и р. Двина, «...да под тем же починком озеро Жаденье в длину на полверсты, а поперег на две десятины» Езжинской вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 205), д. *Бдынь* при оз. Охват Осташковского у. 1770-х и 1853 гг. (ГМ-Ост, № 852; Мнд), *Одыни* д. 1862 г. (СНМ-Ост, № 9238), совр. *Бдынь* д. при оз. Охват Пен. Ср. др.-рус. *бдынъ*: «Ни тръзнь творити ни бдына дѣяти; ни тризница, ни дымы (дыни), ни битвы... не творяху» (Срезн. МС I, 47, 764), которое, по данному не вполне отчетливому контексту, дефинировано в значении 'языческое надгробное сооружение', XVI–XVII вв. (СлРЯ XI–XVII 1, 84). В этимологическом словаре (ЭССЯ 3, 112) др.-рус. *бдынъ* возводят к праслав. *bъdunъ 'надгробное сооружение (столб)', производя от *bъdĕti, рус. *бдеть*, однако скорее прав А.Е. Аникин, который считает для *бдынъ* более точным значение 'бдение (над покойным)' и деривацию термина на древнерусской почве (Аникин 1998, 90; Ан. РЭС 2, 320). Позднее ряд исследователей (З.А. Гриценко, И.Г. Добродомов, В.В. Шаповал) высказали соображения о том, что др.-рус. *бдынъ* (*дынъ*), встречаю-

щееся только в проложных житиях княгини Ольги XVI–XVII вв., возникло вследствие ошибки переписчиков, см. *addenda et corrigenda* в (Ан. РЭС 7, 346–347). Но рассматриваемый древний топоним *Бдыни*, известный с XVI в., фантомом не является и требует объяснения. Перед нами безусловно дериват от др.-рус. *бдѣти* именно в значении 'бдеть над покойным', ср. ст.-рус. *дынити* (< *бъдынити) 'оплакивать', 'поминать', рус. диал. *придынивать* '«пригревать ризой» гроб покойника в сороковой день' (Потебня 1891, 117; ЭССЯ 3, 112) и упоминания о ритуальном бдении у славян (Нидерле 1956, 212). Возле д. Бдынъ обнаружено много археологических памятников: 7 стоянок неолита, 4 группы могильных курганов древнерусского времени, что подкрепляет версию о топониме *Бдынъ* как указании на ранние восточнославянские захоронения, на места, "где бдели над покойными". Дериваты, сходные с *Бдыни* (< *бдѣти*), есть и в балтском: лит. *budŷnė* 'пребывание и моление у тела покойника', *budŷnės* 'то же' при *būdinti* 'отпевать покойника', лтш. *budīne* 'бдение у тела покойного', *budāt* 'бдеть над мертвым' и т.п. (Ан. РЭС 2, 320), но назв. *Бдынъ* показывает исконную славянскую структуру.

Жельбня р., впадает в оз. Стерж близ с. Ивановское Осташковского у. нач. XX в.

(Плетнев 1903). Восходит к более раннему варианту *Желибня, который, наряду с названием д. Жалыбня на берегу Селигера и названием бессточного оз. Желибье (Жалибье) у д. Жалибье 1495/96 г. (НПК I, 139) вблизи Вышнего Волочка (Васильев 2017а, 53), отсылают к *желиба, *жалиба (и *желыба, *жалыба, с отвердением), осмысляемым как 'горесть, скорбь (в том числе по покойному)' и произведенным от др.-рус. *желѣти* 'оплакивать, совершать обряд оплакивания умершего', 'печалиться, сокрушаться, скорбеть' (СлРЯ XI–XVII 5, 84). К этому же древнему диалектизму, суффиксально вариантному к рус. диал. жалоба 'траур' зап., южн. (Даль 1, 525), общерус. жалоба и блр. жалба, восходит древне- и старорусское личное прозвище Желыба, семантически – 'кто печалится, скорбит', отмеченное на территории ВВДП Торопецкой книгой 1539–1541 гг. (ПKNЗ 4, 334); от этого прозвища возникли патроним Желыбин крестьянина Еглинского пог. 1495/96 г. (НПК I, 867) и современные фамилии Жалыбин, Желибин. Гидроним Желыбня подразумевает средневековое кладбище, могильник где-то возле реки, ср. родственное жальник – обозначение древнерусских кладбищ, включая пределы ВВДП, где отмечено жальник 'место захоронения на возвышенности' Пен. М. Переволока (Слр 2, 71). В Торопецком у. имеются еще Желино ур. и оз. в Желинской переваре, Желно сщ. и оз. в Казаринской вол. 1539–1541 гг. (ПKNЗ 4, 635, 637, 639, 676, 678, 679) (= совр. Жельно д. и оз. на р. Торопа).

Нытье остров в оз. Вселуг. Рассматриваем как вероятное производное др.-рус. *ныти* 'печалиться' (Срезн. МС II, 482), которое указывает на место печали, скорби по покойным и, соответственно, маркирует древнее кладбище, могильник, см. выше Желыбня, Жельно, сходные по семантике номинации, но производные иного древнерусского глагола. Глагол *ныти*, рус. *ныть* родствен рус. диал. *навь*, *навье* 'мертвец' (Фасм. ЭСРЯ III, 35). Впрочем, древность *Нытье*, за отсутствием исторических свидетельств, проблематична.

Курган д. в вол. Лопастницы 1495/96 г. (НПК II, 799), стояла где-то вблизи западного берега Лучанского оз. Семантически – "расположенная при кургане", ср. др.-рус. *кургань* 'могильная насыпь, могильный холм', 'крепость', 'холм, бугор' (СлРЯ XI–XVII 8,

136). Основой номинации могли стать разные значения термина *курган*, но скорее самое распространенное из них: 'могильная насыпь, могильный холм', совр. рус. 'высокая насыпь над древней могилой'. Соотнесение с др.-рус. 'холм, бугор' или с пск. *курган* 'холм, горка', 'обрыв' Холм., Тор. (ПОС 16, 383) не предпочтительно, поскольку значения природного холма, горки этого термина сами возникли переносом 'могильного холма', кроме того, «природно-ландшафтную» сферу манифестируют на ВВДП обычно другие термины. По описанию кон. XV в., возле д. Курган находилась пустошь, называемая *Святица*: «Да къ той жь деревнѣ [Курган – В. В.] пашеть на себя Олексѣй пустошь Святицу» (НПК II, 799), что еще более склоняет к мысли о наличии возле д. Курган XV в. древнерусского могильного холма.

Святица д. «над Лучяном озером» рядом с п. *Святица* в вол. Лопастницы 1495/96 г. (НПК II, 799, 800), находились на западном берегу оз. Лучанское. Ойконим присвоен по расположению вблизи какой-то *Святицы*, суф. *-ица* подразумевает некий ландшафтный объект, от которого новопоставленное селение переняло имя. Возможно, следует предполагать наличие вблизи деревни сакрально отмеченного, *святого* водного объекта (родника, речки, озера). Водоемы могли называть *святыми* преимущественно в силу двух причин: 1) из-за нахождения рядом с ними сооружений культа (языческих капищ, могильников, позднее – христианских церквей, часовен, обетных крестов, часто воздвигавшихся на местах языческого культа); 2) из-за сакрально отмеченных свойств воды в водоеме: чистая, светлая, родниковая, проточная и др. (Березович 2000, 220–227); ср. еще др.-рус. *святое мѣсто* 'монастырь' (СлРЯ XI–XVII 23, 212), пск. (на Южной Псковщине, Себеж) *святой ключ* 'естественный колодец', *святѣк* влад. 'родник, колодец', сев.-двин. 'святое озеро' (СРНГ 36, 343; 37, 6).

Столл – шесть соседивших дд. в вол. Лопастницы 1495/96 г. (НПК II, 792, 793, 798). Рядом с ними находилось оз. *Столл* (Там же, 798), за которым следует видеть скорее всего совр. оз. Глубокое, приходящееся на местность, где локализируются средневековые дд. *Столл*. При формальной самоочевидности, семантика назв. *Столл* гадательна из-за мно-

гозначности лексем *столп*, *столб*. Скорее следует говорить о столбовой часовне в каком-то почитаемом месте, ср. др.-рус. *столб* 'придорожный столб с образом': «изъ Зеленьскаго озера внизъ по истоку по столбъ Пречистыя», Ряз. кн. 1483–1502 гг. (Срезн. МС III, 580) или даже о сакральном локусе в виде высокой площадки, высокого камня, где, по местному преданию, молился праведник (*столпник*). Столбовые часовни часто ставили при кладбищах, и д. *Столп* на карте А. И. Менде 1853 г. указана там, где современная карта отмечает кладбище. Маловероятно связывать назв. *Столп* с диал. *столб* 'участок земли', 'нераспаханная узкая полоса между участками поля' и т. п. (СРНГ 41, 199), поскольку земледельческий термин *столб* встречался в более южных русских областях.

Обрѣтенье оз. в вол. Лопастницы 1495/96 г. (НПК II, 794), оно же *Абретно* (*Абретня*) 1770-х гг. (ГМ-Ост, № 839, 848), *Абретня* 1853 г. (Мнд), совр. *Обретенье* оз., протекающее в оз. Аталское системы р. Кудь. Относится к числу довольно редких в средневековую эпоху экклезионимных номинаций водоемов – по церкви. Над оз. *Обрѣтенье*, надо полагать, стояла древняя, исчезнувшая к на-

чалу писцовых описаний кон. XV в. церковь, освященная в честь Обретения главы Иоанна Предтечи либо в честь Обретения Креста Господня. Стоит заметить, что церковь Обретения Креста Господня (постройки 1796 г., сегодня в руинах) находится на берегу оз. Наговье в с. Наговье (Горопеецкий р-н), расположенного всего в паре десятков километров к юго-западу от оз. Обретенье.

Назв. *У Креста* д. в вол. Лопастницы 1495/96 г. (НПК II, 787), по мнению А. А. Фролова (ИАДП 2, 187), возможно, содержит указание на территориальную близость деревни к т. н. Лопастницкому кресту, который был поставлен на берегу пролива, соединяющего оз. Лопастницы и оз. Витьбино возле д. Загородье. Лопастницкий крест принадлежит к типу межевых или пограничных камней, ставившихся на водных путях. По мнению В. Л. Янина, он был поставлен в местности, где в XII–XIII в. находился устойчивый стык границ Смоленского княжества, земель Великого Новгорода и Новоторжской волости. Исследователь датирует Лопастницкий крест временем не ранее 1224 г. и связывает с новоторжским князем Всеволодом Георгиевичем (Янин 1957, 31–34).

Топонимические оценки объектов ландшафта

Заметное количество, не менее десятка, средневековых топонимов ВВДП относятся к аксиологическому типу (рис. 10). Они возникали как отражение позитивной или негативной оценки имядателями конкретных объектов на местности, чаще всего рек и озер (в плане использования их в качестве хозяйственных угодий, удобства для обустройства селений и др.). Преимущественно сюда входят очень старые топонимы, некоторые с явно пережиточными чертами структуры.

Несколько топонимов аксиологического типа выступают дериватами корня *болог-*. Среди них название оз. *Болого* в вол. Лопастницы 1495/96 г. (НПК II, 791, 798), оно же оз. *Боложе* вместе с оз. *Заболоже* во Вселуцкой вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 221), оно же оз. *Заболожье* Осташковского у. 1770-х гг. (ГМ-Ост, ч. 3, № 827, 838, 839, 850), но с XIX в. – оз. *Заболоть* 1853 г. (Мнд), совр. *Заболоть* оз., соединенное прот. Горские Устья с оз. Лопастница

бассейна р. Кудь. Оз. *Заболоже*, по-видимому, не было самостоятельным водоемом по соседству с оз. *Боложе*, скорее так именовался отдельный плес оз. *Боложе* у д. Рожково (Рог), имевший «в длину на полверсты, а поперег на четверть версты» Вселуцкой вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 221). Исконная форма указывает на озеро, «хорошее» в каком-либо отношении (скорее в хозяйственном, т. е. богатое рыбой), восходя к диал. др.-рус. *болог(ыи)* 'хороший, добрый' (< праслав. **bolgъ(jь)*), восточнославянское распространение которого преимущественно ограничивалось, судя по концентрации топонимии на *Болог-*, средневековыми Новгородско-Псковскими землями (Васильев 2012, 330–332) и отчасти белорусскими, ввиду ст.-блр. *бологий* 'хороший, добрый' (ГСБМ 2, 133). Неполногласные соответствия есть в южно- и западнославянских языках. Мена структурных моделей *Болого* на *Заболожье* могла произойти под влиянием омонимич-

ного имени смежной деревни (см. подобную смену в истории соседнего *Закачужье оз.*), а появление совр. варианта *Заболотье* вместо *Заболожье* наверняка обязано закреплению ошибочной письменной записи.

Соблаго оз. Торопецкого у. 1539–1541 гг. (ПКНЗ 4, 661–663), оно же *Соблаго* (*Соблако*, *Соблого*) Езжинской вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 203, 204), *Соблаго* Осташковского у. 1770-х гг. (ГМ-Ост, № 629), *Соблаго* с р. *Соблажица* 1853 г. (Мнд), *Соблого* (СНМ-Ост, № 9205), совр. *Собла́го* оз. со стоком в р. *Соблажица*, приток Орлинки, впадающей в Волгу. Исходной формой скорее всего нужно признать *Соблого*, архаическую славянскую структуру с префиксом *co-* (< **sъ-bolg-*) и с корнем праслав. **bolgъ(jь)* ‘хороший, добрый’, содержащую факультативный др.-новг. (др.-кривичск.) рефлекс данного корня, напоминающий польское неполногласие (см. Зализняк 2004, 40–41). Со временем произошло замещение редкого *блог-* распространенным неполногласным *благ-* (по рус. *благой* и т.п.). Для верхневолжского гидронима имеются точные структурные параллели с обычным полногласным рефлексом в среднем течении Мсты: *Сболога* д. возле с. Любытино Новгородской обл. (под 1564 г. – д. *Збологая*, согласно НПК VI, 876), *Сболога* д. Боровичского у. нач. XX в., *Верхняя Зболога* и *Нижний Зболог*, дд. сер. XIX в., подр. о них (Васильев 2012, 334). Во всех этих топонимах префиксальный элемент *с-/со-* (< *съ-*) усиливал степень качества, как, напр., в лексемах *здоровый*, *счастье*, *смерть*; его объединяют с др.-инд. *si-* ‘хорошо, благо’, авестийск. *hi-*, др.-персидск. *и-*, галльск., др.-ирландск. *si-*, *so-* ‘хорошо’ и др. (Фасм. ЭСРЯ III, 540). Следовательно, архаизм *Соблаго* интерпретируется как “очень хорошее (озеро)”.

Весниболог д. в вол. Морева 1495/96 г. (НПК II, 717), она же п. *Веснеболого* 1560–1561 гг. (ПКНЗ 5, 392, 396), затем снова д. *Веснеболог* Холмского у. 1780-х гг. (ГМ-Хлм, № 986), д. *Веснеболок* (*Яснеболок*) Демянского у. 1909 г. (СНМНГ II, 53–53), совр. *Яснеболок* ур. у р. Косировка Мар. Безусловной межтерриториальной параллелью является пск. *Веснеболог* (*Веснеболого*, *Вескеболого*) крупное оз. в истоках р. Великой, при котором стоял средневековый погост и волостной центр *Веснеболог* (*Веснеболого*) Пусторжевской земли (Янин 1998, 150). Перед нами архаический компо-

зит (*Весни/е-болог*) со вторым компонентом от праслав. **bolg-* ‘хороший’ (ср. *Болого*, *Соблаго* и т.п.) и с мелиоративно-оценочным значением, подчеркивающим хорошее качество места, местности или местного водоема. Первый компонент нуждается в пояснении. Не исключено, что *Весне-* (*Весни-*) передает др.-рус. наречный локатив *веснѣ* ‘весной, по весне’, и, следовательно, сращение *Веснѣболого (> *Веснеболог*) обозначает “по весне хорошее (место)”, т.е., надо полагать, речь идет о сухом месте, не заливаемом весной, или о водоеме, в котором весной ловят много рыбы. В монографии (Васильев 2012, 335) предположены более глубокие истоки данного композитного топонима, который рассмотрен в одном ряду с польск. *Osobloga* л. пр. Одры; в последнем, по версии О.Н. Трубачева, второй компонент идет из праслав. *bolgъ ‘хороший, добрый’, но и первый несет такой же смысл (из и.-е. *uesu-s ‘добрый, хороший’), таким образом, *Osobloga* – это дублетное или глоссирующее наименование с внутренней формой ‘*bonum + bonum*’ (Трубачев ТЭ 2, 164–165). Компонент *Весне-* в новг. -пск. *Веснеболог* тоже может отсылать к этому же и.-е. корню **uesu-* (к которому, в частности, возводят праслав. *veselъjъ, рус. *веселый*, см. Ан. РЭС 7, 18), но расширенному суф. *-n-*: к **ues-n-*. Сегодня такая интерпретация *Веснеболог* кажется мне недостаточно фундированной, поскольку иные проявления и.-е. **ues-n-* не известны.

Доброе с., административный центр Добрецкого десятка вол. Велила 1495/96 г. (НПК II, 738), оно же с. *Доброе*, «а в селе церковь Преображенье Господа нашего Иисуса Христа древена клецки», на р. Задена и при оз. Добрые Вселуцкой вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 220), Осташковского у. 1770-х гг. (ГМ-Ост, № 820), пог. *Доброй* (*Доброе*) с церковью Спаса Преображения 1770-х и 1853 гг. (ГМ-Ост, № 821; Мнд), с. *Доброе* при оз. Спасское 1862 г. (СНМ-Ост, № 9343). Рядом с селом отмечены оз. *Доброе* и руч. *Добрый* (*Жадина*) Вселуцкой вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 221, 222); впоследствии озеро стали называть *Спасское*, а вытекавший из него руч. *Добрый* появляется как р. *Добрица* 1770-х и 1853 гг. (ГМ-Ост, № 820; Мнд), впадающая в р. Гусинку, п. пр. Пола. Ойконимом и гидронимом *Доброе* положительно оценивались прилегающие уголья: др.-рус. и ст.-рус. *доб-*

рая земля – распространенное обозначение хорошей, плодородной земли. При описании с. Доброе писцовая книга 1588–1589 гг. сообщает, что в нем «пашни паханые добрые земли тридцать чети да перелогом дватцать чети в поле, а в дву по тому ж», столь же положительно характеризуется оз. *Доброе*: «в нем рыба всякая» (ПКРВ, 220–221). Село являлось древним десятским центром, а назв. *Доброе* села и соседних с ним водоема и речки разнеслось по целому ряду селений прилегающей округи (десятка). Помимо них, в этой местности отмечаются также: 1) д. *Доброе* вол. Велила 1560–1561 гг. (ПКНЗ 5, 366), она же *Доброе* у оз. Спасское 1853 г. (Мнд), совр. *Доброе* д. Пен.; 2) д. *Добрая* вол. Велила 1540–1541 гг. (ПКНЗ 4, 334), она же д. *Добрая Большая (Харинская)* на руч. Добрый Вселуцкой вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 222); 3) д. *Добрая Малое (Добрая Малая, Тимонина)*, выставка из д. *Доброй Большой* 1588–1589 гг. (ПКРВ, 221), она же д. *Добрая Малая* Осташковского у. 1770-х гг. (ГМ-Ост, № 825); 4) д. *Добрая (Остратова)* д. на руч. Добрый, выставка из д. *Доброй Большой* 1588–1589 гг. (ПКРВ, 222), она же сц. *Астратово* Осташковского у. 1770-х гг. и 1853 г. (ГМ-Ост, № 841; Мнд), совр. д. *Астратово* Пен. в 2 км южнее д. *Доброе*; 5) д. *Третья Добрая (Заболотья)*, выставка из д. Большие Добрые Вселуцкой вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 221); 6) п. *Добрая (Печенкова)* и 7) п. *Добрая (Подъелье)* вол. Велила 1540–1541 гг. (ПКНЗ 4, 335); 8) пч. *На Ветши на Добрецкой* 1495/96 г. и 9) д. *Добрица* 1560–1561 гг. в вол. Велила (НПК II, 741; ПКНЗ 5, 365).

Любино оз. в вол. Лопастницы 1495/96 г. (НПК II, 784, 785, 787, 797), 1560–1561 гг. (ПКНЗ 5, 379, 380), в Холмском у. 1780-х гг. (ГМ-Хлм, № 1536), оно же *Либино* 1863 и 1911 г. (ВТКЗверст; Шкапский, 112), совр. *Любино* оз. со стоком в р. Моссовица системы Куди. Выражена мелиоративная оценка водоема: «которое нравится; дорогое, приятное», ср. др.-рус. *любый* в значении «нравящийся, отвечающий чьим-либо склонностям, вкусам» XI в., *любный* «относящийся к любви» (СлРЯ XI–XVII 8, 328). Форма *Любино* модифицирована из более ранней *Любыно* по модели посессивов с суф. *-ин-*. Но допустима и иная трактовка гидронима

Любино: по принадлежности некоему лицу, носившему имя на *Люб-*, ср. др.-польск. мужское имя *Luba* (SSNO III, 280) и т. п., подр. (Васильев 2012, 263–264).

Высказано предположение, что известное летописное сообщение о набеге литовцев 1229 г. («Тои же зимѣ придоша Литва, и воеваша Любне и Мореву и Серегерьѣ» НПЛ, 68; Лавр. лет., 484–485) относилось к древнерусскому с. *Любно на оз. *Любино* на ВВДП, а не к с. *Любно* на р. Пола (= совр. д. *Любно* Мар.), как обычно считается. Близ оз. *Любино* обнаружено несколько курганных групп, а на самом берегу, на оконечности высокой моренной гряды, открыто поселение, предположительно городище XII–XIII вв. (Носов 1994, 51, вслед за А. Д. Максимовым). Добавим к этому, что, согласно НПК, в кон. XV в. на оз. *Любино* наблюдается скопление деревень, свидетельствующее о давней освоенности местной округи.

Люхче оз. в вол. Велила 1495/96 г. (НПК II, 784), оно же оз. *Лебец (Лебцы)* Осташковского у. 1770-х гг., смежное с р. *Любчица (Лебчица)* и р. *Любинница (Любинка)* (ГМ-Ост, ч. 3, № 789, 769, 790, 791), оз. *Любцы* с р. *Любцы* 1853 г. (Мнд), совр. *Любцы* оз. со стоком в р. *Любчинка* системы волжской Руны. Фиксация *Люхче* с явной ошибкой передает вариант *Любче* XV в. Гидроним трактуется так же, как *Любино*, появившись как выражение мелиоративной оценки водоема, вероятно, из-за его рыбных богатств. *Любче (Любцы)* выглядит дериватом от др.-рус. *любый* «хороший» при помощи суффиксального *-ц-* или *-ч-*. Трактовка *Любче* как посессива от др.-рус. личного имени *Любка* («озеро, которым владел Любка»⁵⁰) менее предпочтительна по морфологической причине: посессивы от личных имен с формантом *-ко* обычно образовывались суффиксом *-ов-*, т. е. *Любка* скорее давало бы форму *Любково*, а не *Любче*.

Либинница оз. в вол. Буец 1495/96 г. (НПК II, 813), локализация не конкретизирована. Из *Любинница с преобразованием *лю-* > *ли-*, встречающимся нередко. Семантически – «озеро, которое нравится», как и оз. *Любино*.

Назв. *Жаденье* оз. Вселуцкой вол. 1588–1589 и Торопецкого у. 1770-х гг. (ПКРВ,

⁵⁰ Такое имя встречалось в древней Руси, напр. в XIV в. был князь Любка Воинов, сын полоцкого князя, 1342 г. (Туп. СДЛСИ, 237).

205; ГМ-Ост, № 745, 746, 852, 628, 629), оно же *Охват-Жаденье* 1848 г. (ВСОРИ-ТГ, 65), *Жеданье* 1853 г. (Мнд) распространялось на северо-восточную половину теперешнего оз. Охват в истоке Зап. Двины, отделенную от юго-восточной части узким перешейком возле пос. Охват Андр. Гидроним выступает производным от др.-рус. *жадѣти* 'сильно желать, хотеть чего-л.', *жадати*, *жадати* 'сильно желать, жаждать, хотеть чего-л.' (СлРЯ XI-XVII 5, 69), являя собой мелиоративную оценку водоема как "желательного, такого, к которому стремились".

Лихое бол., по разводной грамоте 1483 г. (ДДГ, № 77, с. 291), судя по топонимическому контексту документа, находилось в нижнем течении волжской Руны неподалеку от р. Черная, впадавшей справа в Руну (совр. р. Чернушка). Действительно, топографические карты XIX-XXI вв. показывают большое болото в этой местности и, кроме

того, неподалеку от верховий р. Чернушки отмечают д. *Ляхуша* 1853 г. (Мнд), иначе д. *Лихуша* на старой Холмской дороге 1862 г. (СНМ-Ост, № 9365), совр. *Лихуша* ур. Пен., название которой явно произведено от наименования средневекового *Лихого* болота. Топоним *Лихое* восходит к др.-рус. *лихьи* 'плохой, дурной, злой', а применительно к болоту оценивал его как "плохое", т. е. труднопроходимое, опасное.

Хороший Остров ур.: «А в рочищи Павиницю рѣчкою на Хороший островъ, да у Кривицю» в грамоте Казимира 1489 г. (Сб. РИО, 36, № 8), находилось где-то между верхним течением р. Пайница и р. Кривица к северу от оз. Охват. Самоочевидная оценка острова, где *остров* должен быть понят в широко известном значении 'возвышенное место среди болот' (см. *На Острове* д.), поскольку современная карта показывает между Пайницей и Кривицей крупное бол. Пьянишник.

Отдельные топонимы от обозначений и наименований лиц

В эту группу мы отнесли не более десятка названий, размещение большинства из них показано на рис. 10.

Ляховичи – шесть соседивших дд. в Ляховицком десятке вол. Велила 1495/96 г. (НПК II, 758, 759, 760), они же дд. *Леховичи* и пп. *Леховичи*, по книге Торопецкого у. 1539–1541 гг. (ПКНЗ 4, 337), они же пп. *Селища Леховичи* (в *Леховичах*), по обыскной книге 1560–1562 гг. (ПКНЗ 4, 372–373), пп. *Ляховичи* Холмского у. 1780-х гг. (ГМ-Хлм, № 935). Трактуют по-разному: возводят либо к др.-рус. личному имени *Ляхъ* ("селение, основанное Ляхом или Ляховичами"), либо к этнониму *ляхъ* ("селение, основанное ляхами"), см. (Васильев 2012, 233–235, применительно прежде всего к д. *Ляховичи* на р. Ловать). Однозначно утверждать не удается, однако в последнее время у нас появились дополнительные основания поддержать этнонимную гипотезу и связать имя гнезда дд. *Ляховичи* с приходом ранних славян в Приильмень, среди которых, надо полагать, были и группы *ляхов* (лендзян), подр. об этом (Васильев 2018, 512–514).

Княжое (*Княжое Корино*, *Мандино*, *Мальдино*) д. при оз. Корино Вселуцкой вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 216), она же *Корина* (*Кня-*

жое) Осташковского у. 1770-х гг. (ГМ-Ост, № 801), *Княжева* д. при оз. Корино 1853 г. (Мнд), *Княжово* (*Корино*) д. 1862 г. (СНМ-Ост, № 9370), совр. *Корено-Княжево* д. при оз. Корено Пен. От др.-рус. *княжи* 'относящийся к князю, княжеский'. *Княжое* применительно к населенному пункту осмысливается как "принадлежавшее князю угодье, селение".

Д. *Смоленская* и д. *Другое Смоленское* «спущены в одну пашню над озером над Охватом» в Замошской переваре Торопецкого у. 1539–1541 гг. (ПКНЗ 4, 659). Вероятная смысловая трактовка: "где жили выходцы из Смоленска" или "принадлежавшая выходцу из Смоленска", ср. ниже *Селигер* пч.

Селигер (*Заболотье*) пч., выставленный из д. Тупица Вселуцкой вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 234). Принадлежал человеку по прозвищу *Селигер*, выходцу из Приселигерья. Носители подобного типа отгидронимных прозвищ часто отмечаются старорусской документацией, напр., в XVI в. жили *Волга*, посадский человек в Новгороде, Игнатий Матвеев *Ладога*, посадский человек в Переяславле, *Москва*, новгородский крестьянин, по (Веселовский 1974, 70, 176, 204).

Славотино (*Словотино*) оз. Вселуцкой вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 230, 231), *Слаутино*

Осташковского у. 1770-х гг. (ГМ-Ост, № 769, 802), совр. *Слау́тинское* оз. со стоком в р. Мостовлянка бассейна Куди. Книга 1588–1589 гг. отмечает также смежные с озером водотоки. Первый из них – р. *Славина* (*Славо́тина, Лавотена*) Вселуцкой вол. (ПКРВ, 227), она же *Слау́тинка* Осташковского у. 1770-х гг. (ГМ-Ост, № 765, 769, 802, 804, 805), р. *Слау́тина* XIX в., соединявшая оз. с оз. Полово (Плетнев 1903, 22–23), именуемая сегодня р. *Мостовлянка*. Второй – руч. *Великий Славо́тинка* (*Великий Славитин*) Вселуцкой вол. (ПКРВ, 230), он же (?) р. *Слави́ца* 1770-х гг. (ГМ-Ост, № 801). При этом ручье значилась д. *Славо́тина* (*Борзун, Слово́тино, Борзуны*) Вселуцкой вол. 1588–1589 гг. (ПКРВ, 230), которая приравнивается к совр. д. *Слау́тино* Пен. на южном берегу Слау́тинского оз., хотя в XVII–XIX вв. она именовалась *Барзунова* или *Барзуны* (*Новоселки*) (ГМ-Ост, № 802; Мнд; СНМ-Ост, № 9411). Гидроним *Славо́тино* выражает принадлежность (озерных или приозерных угодий) владельцу с др.-рус. именем *Славо́та* (*Славу́та*); личные имена на *Слав-* были популярны у славян (Васильев 2012, 274). По менее надежной версии, перед нами преобразованная форма гидронима **Слову́тьно* аксиологического типа номинации от др.-рус. *слову́тный* ‘известный, прославленный’, с XIII в. (СлРЯ XI–XVII 25, 107), сюда же *Слову́тичь* (“Славный”) – древнерусский эпитет Днепра.

Д. *Сенъг* (*Сенег*) рядом с сщ. *На Сенъге* вол. Велила 1495/96 и 1540–1541 гг. (НПК II, 739, 740; ПКНЗ 5, 365, 375), совр. *Сенега* ур. на р. Пола в ее истоках. От др.-вост.-слав. личного имени *Сенъгъ, которое в самостоятельном употреблении не встречено. Топонимические соответствия есть в новгородской Бежецкой пятине (д. *Сенежье*), Белоруссии, на Украине, подр. см. (Васильев 2012, 101). Критика финской трактовки назв. *Сенъг* изложена на с. 96.

Беззуев остров в оз. Лучанское. Название выражает принадлежность человеку, которого звали *Безуи*. Отсутствие письменных

свидетельств не мешает признать этот топоним архаическим. Аналогичное производное от др.-рус. личного имени *Безуи* (семантически – “не имеющий дяди”, к праслав. *иѣ ‘дядя по матери’) содержит берестяная грамота № 22 из Старой Руссы 1-й пол. XII в.: «оу Безоуеве цетыри коуне» (Зализняк 2004, 337–339). Несколько других средневековых названий Новгородской земли, произведенных от *Безуи*, изложены в (Васильев 2012, 247–248).

Обрадово д. «надъ Лучяном озеромъ» вол. Лопастиды 1495/96 г. (НПК II, 800), она же *Брадово* 1560–1561 гг. (ПКНЗ 5, 376), п. *Обрадова* Холмского у. 1770-х гг. (ГМ-Хлм, № 1642), д. *Абрадово* д. на оз. Лучан 2-й пол. XIX в. (СНМРИ-ПГ, № 14801), локализуется близ юго-западного берега оз. Лучанское. Ойконим идет от др.-рус. (скорее др.-новг. и др.-пск.) личного имени *Обрадъ* (“деревня, принадлежащая Обраду”); о многочисленной межславянской топонимии, соотносимой с данным антропонимом, подр. (Васильев 2012, 249).

Внучки – название семи близко соседивших дд. в вол. Лопастиды 1495/96 и 1560–1561 гг. (НПК II, 803, 804; ПКНЗ 5, 376, 381), на их месте д. *Внучки* Холмского у. 1780-х гг. (ГМ-Хлм, № 1617), совр. *Внучки* ур. Андр. к западу от Лучанского оз. К др.-рус. личному имени *В(ъ)нукъ*, которое отмечается широко в материалах XIV–XVII вв. (Туп. СДЛСИ, 88; Веселовский 1974, 69; ПКОП, 87). Уменьшительная форма *Внучки* безусловно указывала на потомков, основателей всего скопления дд. *Внучки* (“где поселились сыновья Внука”), принадлежавшего в XV–XVI вв. одной крестьянской общине.

Тъшатино д. в вол. Лопастиды 1495/96 г. (НПК II, 786), не локализована. Название восходит к др.-рус. личному имени *Тъшата* (“принадлежавшая Тъшате”), которое проявилось, в частности, в берестяной грамоте № 905 последней четверти XI в. (Зализняк 2004, 248).

К проблеме хронологизации славянской топонимии

Топонимикон любой территории складывается на протяжении многих столетий и тысячелетий. Географические имена, со-

существующие на одном синхронном срезе, появлялись разными путями и в разное время. Хронологизация топонимии была

и остается сложнейшей задачей, в подавляющем большинстве случаев решаемой излишне общо или вовсе неразрешимой. В настоящем разделе мы не претендуем на основательное, многогранное освещение данной проблематики, но намерены вкратце обозначить методологические подходы к хронологизации средневековых славянских топонимов на ВВДП.

Хронологизация топонимии соотносится с ее этноисторической стратификацией, которая исходит, во-первых, из этноязыковой принадлежности названий одного страта и, во-вторых, из свидетельств археологии и этапных событий социальной истории. Стратификация исконно славянской топонимии, локализуемой на русскоязычных территориях, зиждется на общепринятой периодизации истории русского языка, тоже базирующейся на социальной истории, но отличается от общезыковой периодизации влиянием региональных условий. Учет региональной культурно-исторической специфики необходим для периодизации топонимических стратов внутри региона и выделения хронологических горизонтов топонимии. Скажем, хронологическая стратификация древней топонимии региона исторической Новгородской земли ориентирована на выделение дославянского периода, затем древневосточнославянского периода, начало которого связано с появлением в V–VI в. первых славян в регионе, и древнерусского (resp. древненовгородского) периода. Последний оправданно вести с X в., когда возник главный город Новгород, а княгиня Ольга установила погосты по Мсте и Луге, и завершать концом XV в., когда Новгород и Новгородская земля были присоединены к Москве (Васильев 2012, 52). Писцовая документация кон. XV–XVI в. массово фиксирует преимущественно древненовгородский топонимический страт.

Эта общая схема древненовгородской периодизации применима и для микрорегиона ВВДП, тесно связанного исторически с Новгородско-Псковскими землями. Значительная часть исследуемой территории ВВДП с кон. XIV вплоть до кон. XV в. входила в состав Великого Княжества Литовского и только с нач. XVI в. целиком вошла в состав Московского государства. Следова-

но, исходом XV в. целесообразно завершить древнерусский (домосковский) период истории ВВДП.

Точные абсолютные датировки возникновения топонимов возможны в крайне редких случаях. Обыкновенно географические названия допускают более или менее длительный временной диапазон (хронологический период или горизонт), в течение которого они могли появиться. При оценке хронологических горизонтов возникновения топонимов, помимо культурно-исторической составляющей, принимается во внимание комплекс следующих факторов: 1) письменные свидетельства; 2) семантико-мотивационная поддержка топонимов со стороны лексических ресурсов разных языков (корреляции с родственными апеллятивами в разных языках); 3) структурно-фонетическая специфика топонимов (средства и способы деривации, отражение фонетических изменений); 4) ареальный критерий (наличие и распределение топоизоглосс); 5) типология и динамика изменений топонимических денотатов (топо- и гидрообъектов). Возникновение проанализированной нами неславянской субстратной и средневековой славянской топонимии микрорегиона ВВДП, с опорой на связанные с ним культурно-исторические события, в целом укладывается в шесть хронологических диапазонов.

1). Дославянский период (до V–VI вв.). К нему относятся нижние слои топонимического субстрата. В микрорегионе ВВДП и на прилегающих территориях этот хронологический горизонт возникновения показывают гидронимы протобалтские и гидронимы с западнобалтскими чертами, балтские имена сравнительно крупных, заметных озер и рек, водно-волоковых путей, а также вероятные гидронимы древнефинского происхождения.

2). Древневосточнославянский период (VI–IX вв.) связан с приходом и расселением в Оковском Лесу, включая ВВДП, славянских племен, которые создавали здесь свои географические имена. Этот период маркируют сравнительно немногочисленные славянские топонимы-архаизмы, которые несут признаки древненовгородской фонетики дописьменного периода, либо произведены от издревле исчезнув-

ших апеллятивов, не обнаруженных в древнерусском и диалектном русском языковом материале, либо являющихся названиями славянских языческих могильников, либо интерпретируются как славянские гидронимические кальки, заимствования из балтского, топонимические структуры, соединяющие славянские и балтские морфологические элементы.

3). Дославянский и древневосточнославянский период (до X в.) – это время появления балтизмов самого многочисленного, среднего слоя в нашем материале (рис. 4). Балты несколько столетий сосуществовали со славянами, пришедшими в V–VI в., и продолжали создавать свои имена.

4). Древнерусский период (X–XV вв.). В эту эпоху возникли большинство средневековых славянских топонимов, проанализированных нами. Некоторая часть из них содержит разного рода признаки, отличающие древнерусский слой от названий более раннего и более позднего времени. Кроме того, в 1-й пол. II тыс. закрепились отдельные субстратные названия собственно литовского и собственно латышско-латгальского происхождения, единично обнаруженные на ВВДП и окрестных территориях.

5). Древневосточнославянский и древнерусский хронологический горизонт возникновения (V–XV вв.) имеет преимущественная часть славянских топонимов, отнесенных к архаическим (см. ниже). Для конкретизации времени их появления – до или после X в. – недостаточно языковых аргументов.

6). Древневосточнославянский, древнерусский и старорусский горизонт возникновения (до XVII в.) имеют славянские топонимы без архаических особенностей. Потенциал возникновения таких названий обычно сохраняется и после XVII в., включая современную эпоху.

Выявление славянской топонимической архаики является самой важной задачей при хронологизации славянской топонимии. В общем плане оценка архаичности славянского топонима зависит от его территориальной характеристики, приуроченности к определенной местности, территории. Структурно идентичные или сходные топонимы нередко повторяются в разных сла-

вянских языках и регионах, причем в одном регионе они трактуются в качестве архаических, пережиточных, а в другом могут оказаться вполне продуктивными дериватами, которые поддержаны наличными лексическими, словообразовательными и фонетическими средствами современного языка и его говоров.

Славянские топонимические архаизмы характеризуются рядом отличий от фоновой топонимии сравнительно позднего времени, сложившейся из ресурсов того языка, который сегодня господствует в регионе. На старых русских территориях топонимические архаизмы целесообразно считать реликтами древнерусского, реже – восточнославянского или праславянского, времени. Однако между топонимией, возникшей, скажем, в древнерусский период, и славянской топонимической архаикой нет знака равенства: древнерусская топонимия, отраженная в древнерусских письменных источниках, включает как названия архаические, так и – преимущественно! – названия неархаические, вполне объясняемые на почве уже собственно русского языка.

При выявлении топонимического архаизма, наряду с чертами пережиточности структуры, зачастую не менее значим его ареальный контекст, характер межтерриториальных параллелей (топоизоглосс). В общем плане славянские архаизмы в топонимии любого региона квалифицируются по одному главному признаку или, чаще, по двум или нескольким главным признакам, которые подразделяются на мотивационные, структурно-деривационные, фонетические и ареальные.

Мотивационные признаки славянских топонимических архаизмов заключаются в функциональном отсутствии живой лексики, как правило апеллятивной и антропонимической, мотивирующей такие названия, в региональном диалектном континууме. Иногда отсутствие слов-мотиваторов вызвано общеязыковым устареванием апеллятива или антропонима. На ВВДП архаизмами данного, наиболее многочисленного типа выступают назв. *Судеревское, Беззуев, Бдыни, Болого, Видбино, Заход, В Ясну Ляховичи, Весниболог, Внучки, Волок, Волочок, Гоголиново, Городец, Горынка, Двина, Двинец, Желыбня, Зарази, Кониць,*

Кур, Олюшина, Сеньг, Стъдки, Тулово, Цавница, Чаицы и др. Стоящие за этими топонимами апеллятивы и наименования лиц ныне уже не используются и не обнаруживаются в Верхневолжье и Верхнедвинье.

Лексика, которой мотивированы славянские топонимы-архаизмы Новгородской земли, обычно не утрачивается бесследно, а проявляется где-то в современных языках и диалектах. Слово-мотиватор, потерявшее после XV в. употребительность в новгородских пятинах, порой сохраняет функционирование на иных русских диалектных территориях или, что наблюдается чаще, его можно обнаружить в пространстве других славянских языков, отдаленных от Новгородской земли. Так, названия п. *Шеломя* и р. *Бранишна* 1588–1589 гг. на территории ВВДП объяснимы благодаря арх. *шóломя* (*шóлымя*) 'пригорок, холм' и сев.-рус. *брáница* 'искусственная бухта для больших лодок', которые на Русский Север наверняка были занесены древненовгородским колонизационным потоком.

Исчезнувшее слово-мотиватор чаще все же оставляет в регионе некоторые следы в виде производных лексем. В данной связи показательно назв. *Домна* р. среди притоков Куди. Оно приравнивается к форме др.-рус. *дѣмьни* 'связанный с дутьем', откуда пошла общерус. *домна* – обозначение печи для выплавки железа, новг. *дóмник* 'большая кадка' (НОС, 225) и др. производные (подр. на с. 106).

Славянский топонимический архаизм иногда мотивирован исходно-этимологическим, уже забытым значением лексемы, но сама такая лексема или равноосновные ей дериваты в более поздних, вторичных уже значениях могут еще сохраняться в народных говорах региона исторической Новгородской земли и сопредельных территорий. Название крупного оз. *Бросно* бассейна Зап. Двины, которое в неизменном облике регулярно упоминается письменностью XV–XVI вв., скорее всего сближается с зап.-рус. *броснь* 'плесень, гниль', блр. *броснь*, *брóсня* 'плесень', но в первоначальном значении данного слова – 'то, что бродит, закисает', отвечающем природной специфике данного озера (анализ на с. 102).

Структурно-деривационные признаки славянской топонимической архаики

на Волжско-Двинско-Полавском водоразделе представлены собственно древнерусскими или, шире, древнеславянскими средствами и способами топонимобразования, которые давно стали непродуктивными в формировании собственно русской топонимии. Древнерусская специфика слово- и формообразовательной структуры «прочитывается», напр., в назв. *Буиць, Харино в Жарех, Валин Луг, Камен Брод, Меглино, Колшино, Заозерейцо, Сосное* и др. Так, топоним *Заозерейцо* д. в вол. Морева 1495/96 г. обладает ярко выраженной раннедревнерусской структурно-деривационной спецификой. Во-первых, он выглядит продолжением древнерусской формы *Заозерьѣце* (т. е. "малое заозерье"), которая, судя по огласовке форманта, могла появиться в период сохранения редуцированных гласных в древненовгородском диалекте, т. е. не позднее XIII в. Во-вторых, деминутивы с суф. *-це/-цо* от географических имен-ориентиров на *-ѣ* совершенно чужды русскому языку, зато, как показывают материалы писцовых книг кон. XV в., на новгородской территории они были достаточно продуктивны в древнерусскую эпоху. Другой пример – географические имена *Сосна, Сосное, Сосница*, которые восходят к бессуффиксальному *сосньи 'сосновый', после XV в. оформившемся в русском языке в *сосновый*.

Фонетические признаки славянских топонимических архаизмов связаны с отражением результатов фонетических процессов, характерных только для древневосточнославянского и древнерусского хронологических периодов, т. е. для эпохи ранее XVI в. Топонимические архаизмы, приходящиеся на исторические Новгородско-Псковские земли порой отмечены печатью специфических закономерностей древней новгородско-псковской диалектной фонетики, позднее деактуализовавшихся. Такие географические имена в исследуемых пределах ВВДП, как *Требово* сер. XVI в. и совр. *Треботка* выступают производными от др.-рус. *теребѣ* 'росчисть из-под леса под пашню', но с рефлексом др.-новг. -пск. неполногласия (Зализняк 2004, 40–41), что сразу же помещает данные названия в разряд архаических. Похожий пример дает название оз. *Кльщино* 1483 г. на ВВДП, оно же совр. *Клещино* оз. среди притоков волжской Руны.

Это название, наряду с довольно большой группой гидронимов на *Клецин-/Клицин-*, возводится к обозначению рыбы лещ, которое на территории владений древних Новгорода и Пскова встречалось в облике *клець*, с отражением живого для ранней эпохи диалектного рефлекса *kl- < *tl-*, подр. в (Указ. соч., 49; Васильев 2012, 409–412). Особенности древней региональной фонетики отражают также топонимы *Кроваи*, *Соблаго* и нек. др. на ВВДП.

Ареальные признаки топонимической архаики проявляются в дискретности территориальной дистрибуции, в наличии отдаленных топоизоглосс в различных уголках Славии, что подразумевает давнюю эпоху их возникновения. Таковы назв. *Бохотское*, *Выборово*, *Сопот* и нек. др. К таким топонимам обычно обнаруживаются междиалектные и межъязыковые структурные топоизоглоссы в разрозненных зонах восточно-, западно- и/или южнославянского языковых пространств, преимущественно на землях раннеславянского расселения. Иногда ареальный критерий выдвигается на первое место среди прочих признаков, выявляющих топонимический архаизм. Напр., архаичность названия руч. *Сопот* в истоках Пола определяется не столько отсутствием отчетливой апеллятивной поддержки в современных говорах Новгородско-Псковского региона (пск. *сѡпот*, *сѡпоть* отмечены в «нетопонимических» значениях ‘с шумом горящий сильный огонь, пламя’, ‘свод русской печи’,

‘одышка, храп у лошади’ и др. в СРНГ 39, 341–342), сколько вхождением данного гидронима ВВДП в разветвленную сеть межтерриториальных топонимических параллелей по всей Славии (зап.-укр., польск., чеш., словац., сербохорв., макед., словен. топонимия на *Сопот-/Sopot-*). Общеславянская дистрибуция топоосновы свидетельствует о праславянской древности номинационной модели таких названий.

Каждый славянский топонимический архаизм обладает своим набором междиалектных и межъязыковых топоизоглосс. Реже межтерриториальные соответствия топонимических архаизмов ограничиваются пределами того региона, в котором они локализованы, либо топонимический архаизм выступает ареально изолированным дериватом.

Будучи древними именами, длительно функционирующими в регионе, многие топонимические архаизмы обрастают вторичными названиями-иррадиатами, полученными благодаря метонимическим, переносам опорного топонима. В пределах зоны ВВДП таких перенесенных названий наблюдается повышенное количество. Находясь у истоков формирования современного регионального топонимического ландшафта, славянская топонимическая архаика нередко оказывается закрепленной за крупными населенными пунктами (обычно на месте средневековых территориальных центров) либо за сравнительно большими, заметными водными объектами.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ГЛАВАМ 3–4

Картографические материалы

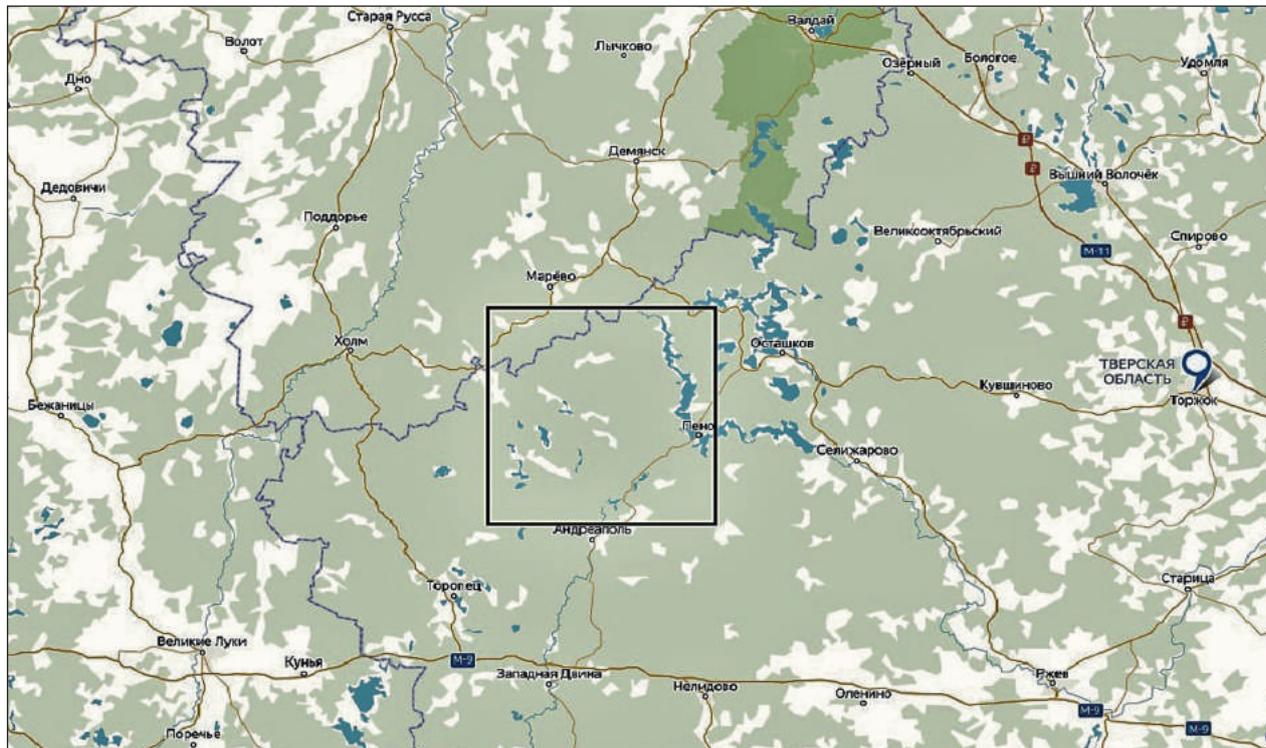

Рис. 1. Географическое расположение исследуемого микрорегиона

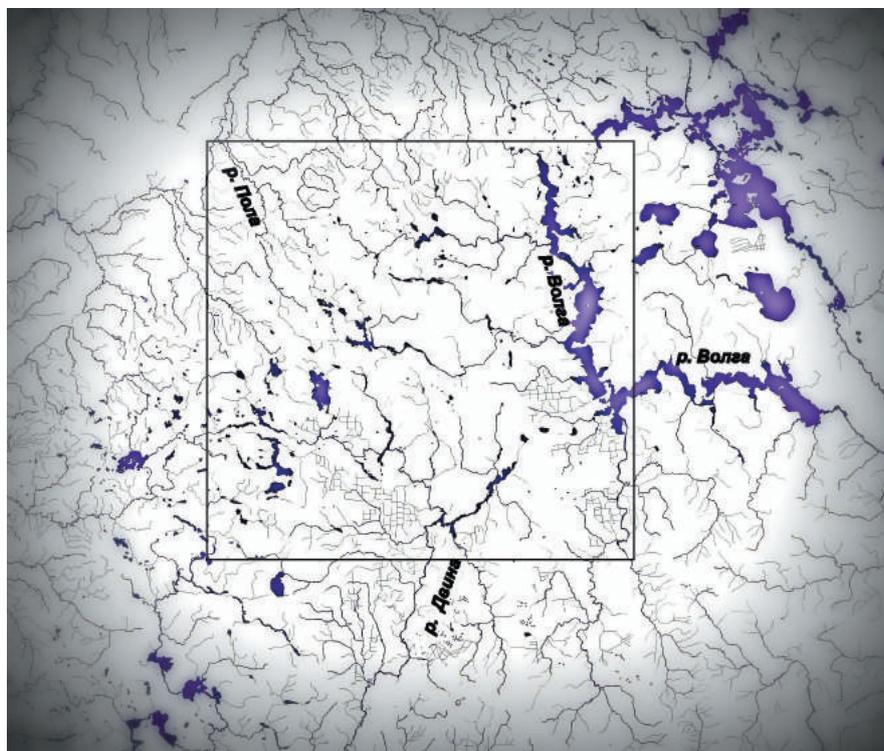

Рис. 2. Верховья главных рек Волга, Западная Двина и Пола

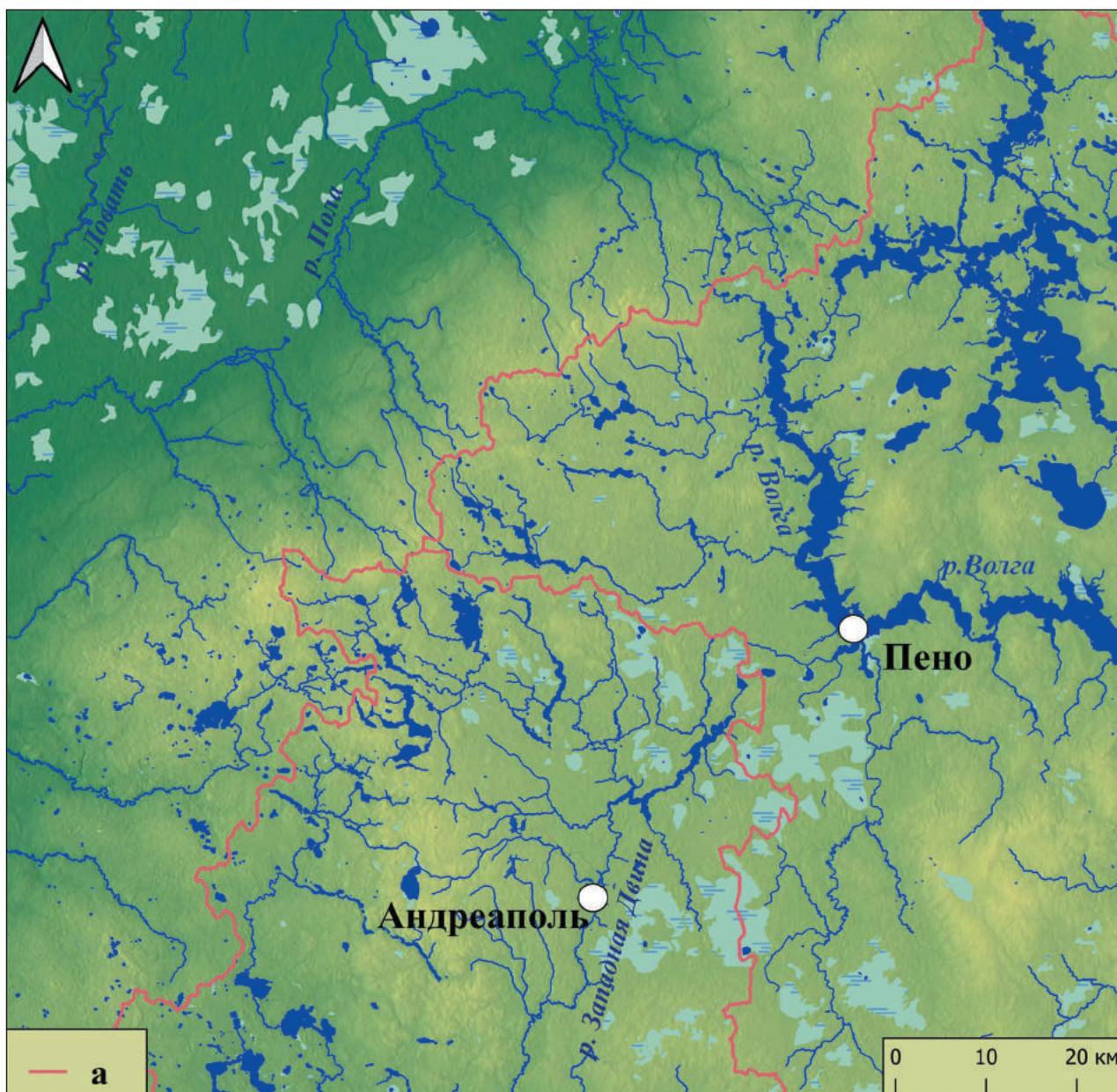

Рис. 3. Линии водоразделов Волги, Западной Двины и Поля

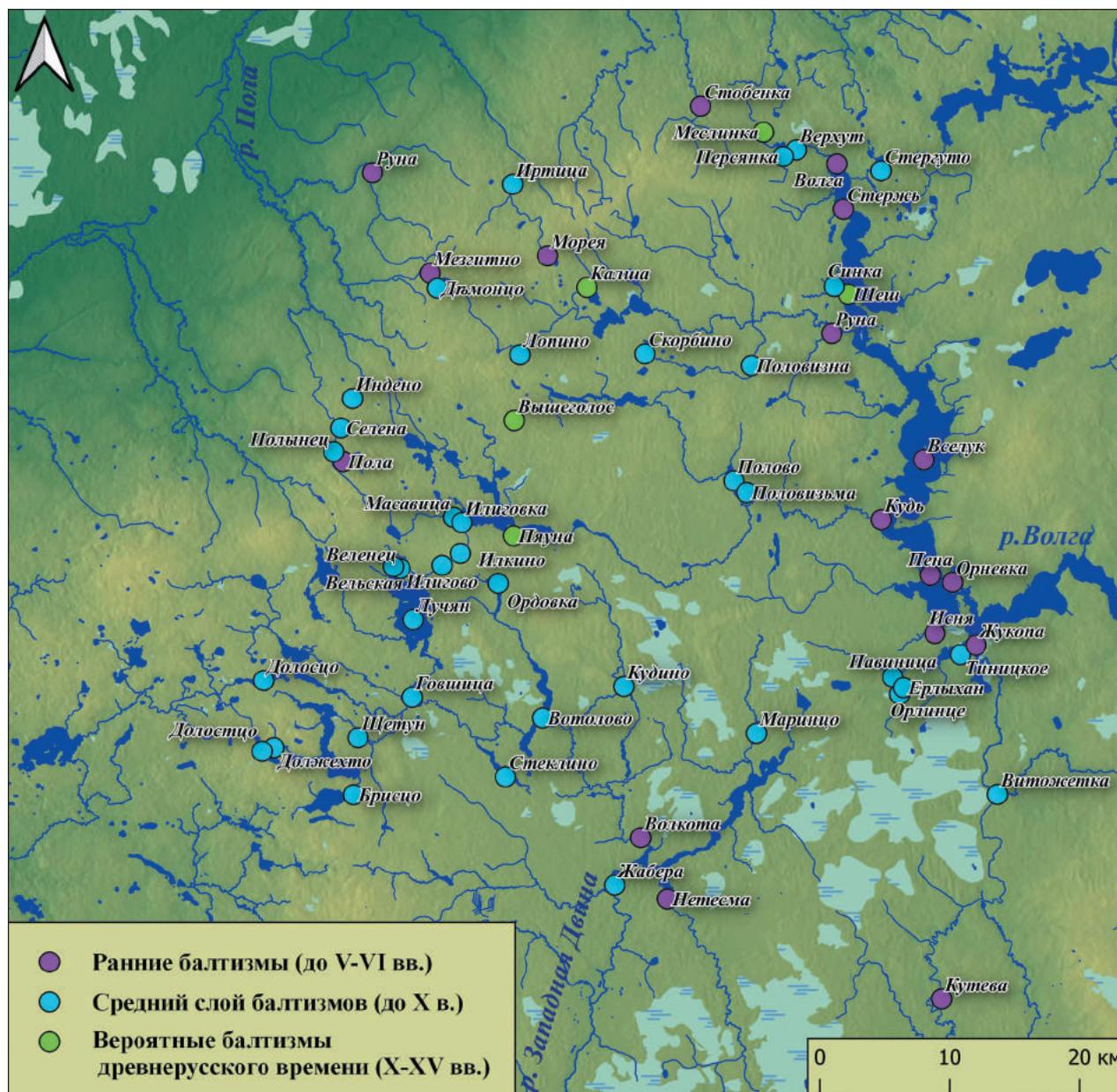

Рис. 4. Балтская топонимия

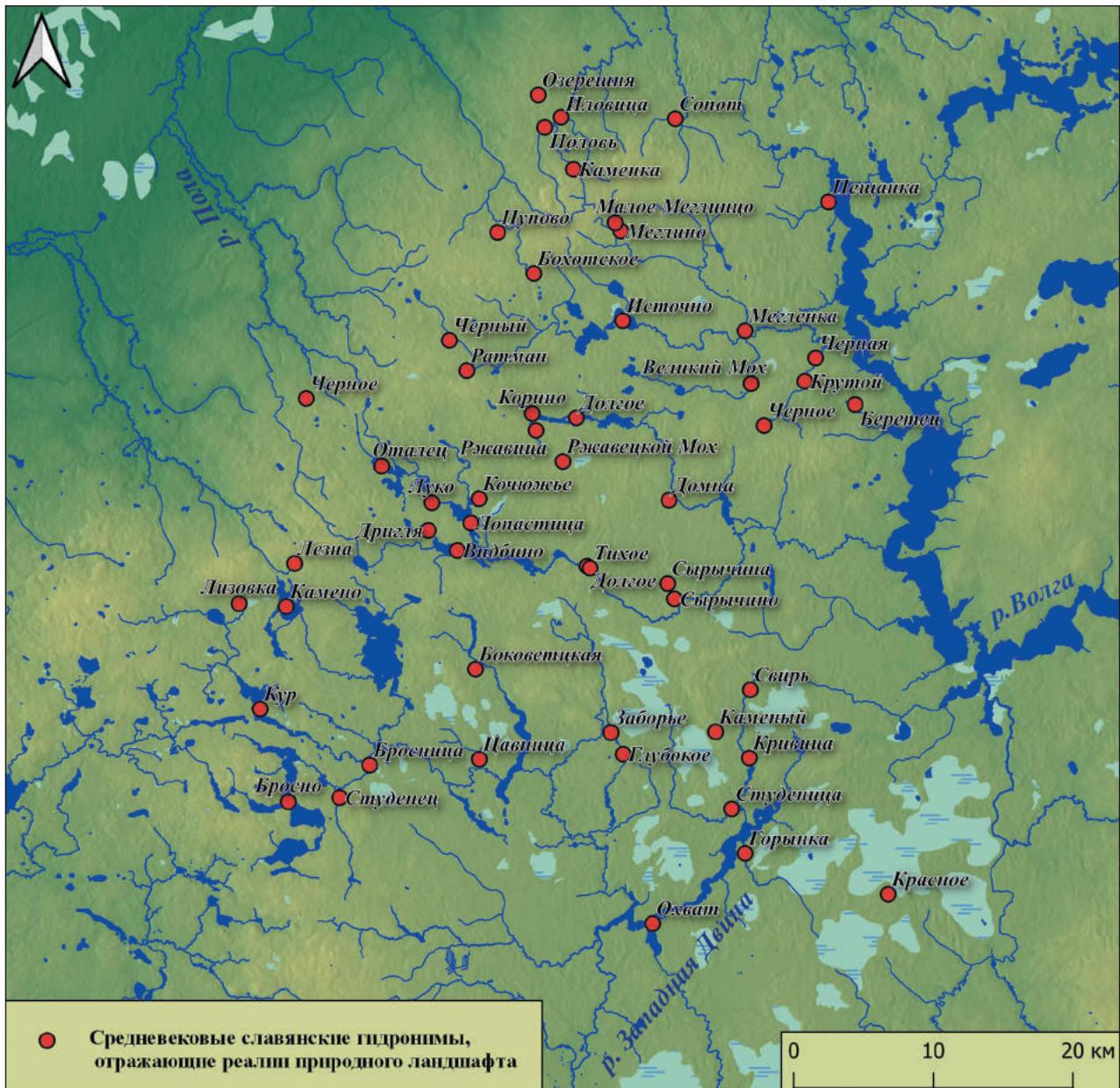
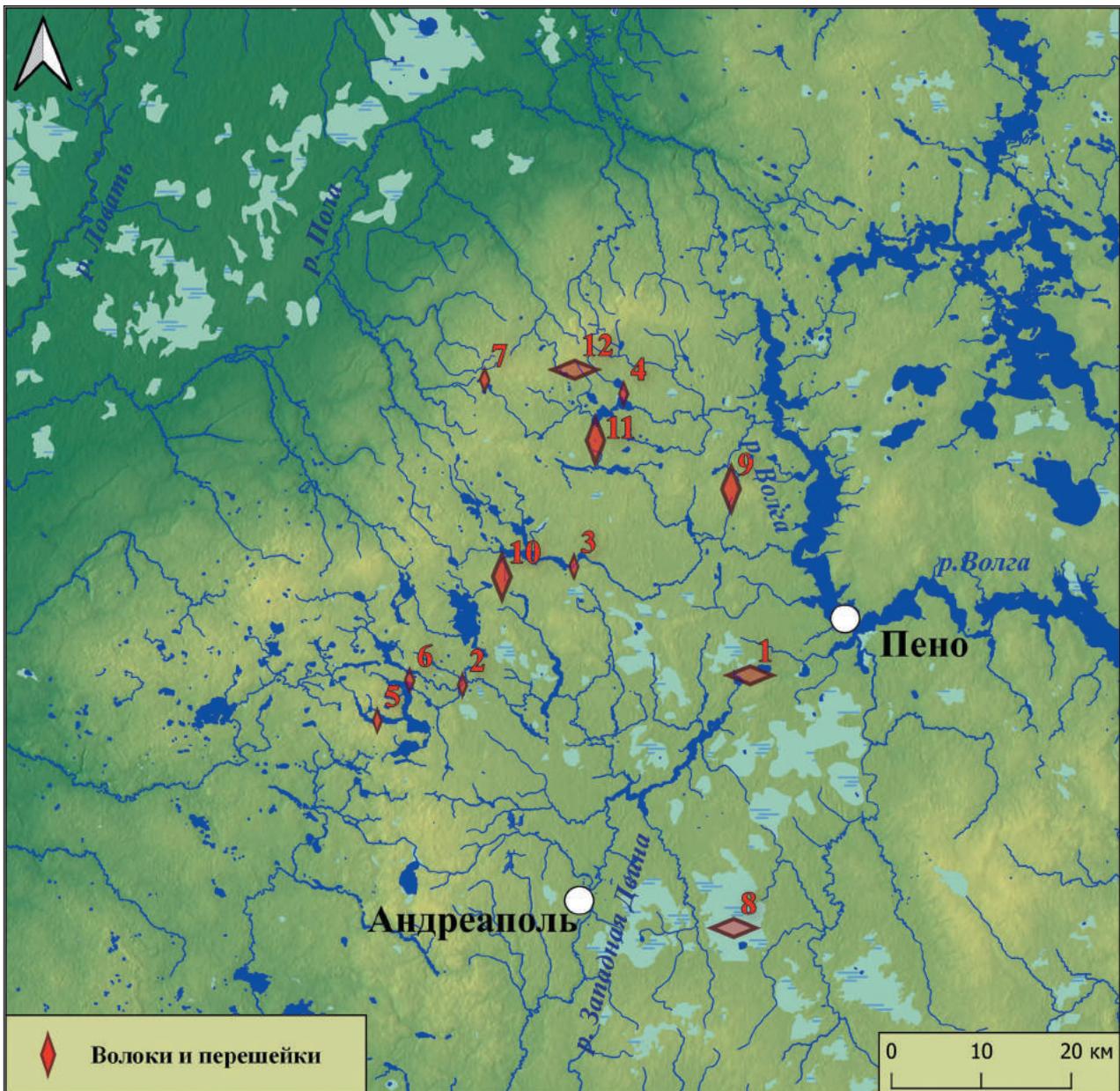

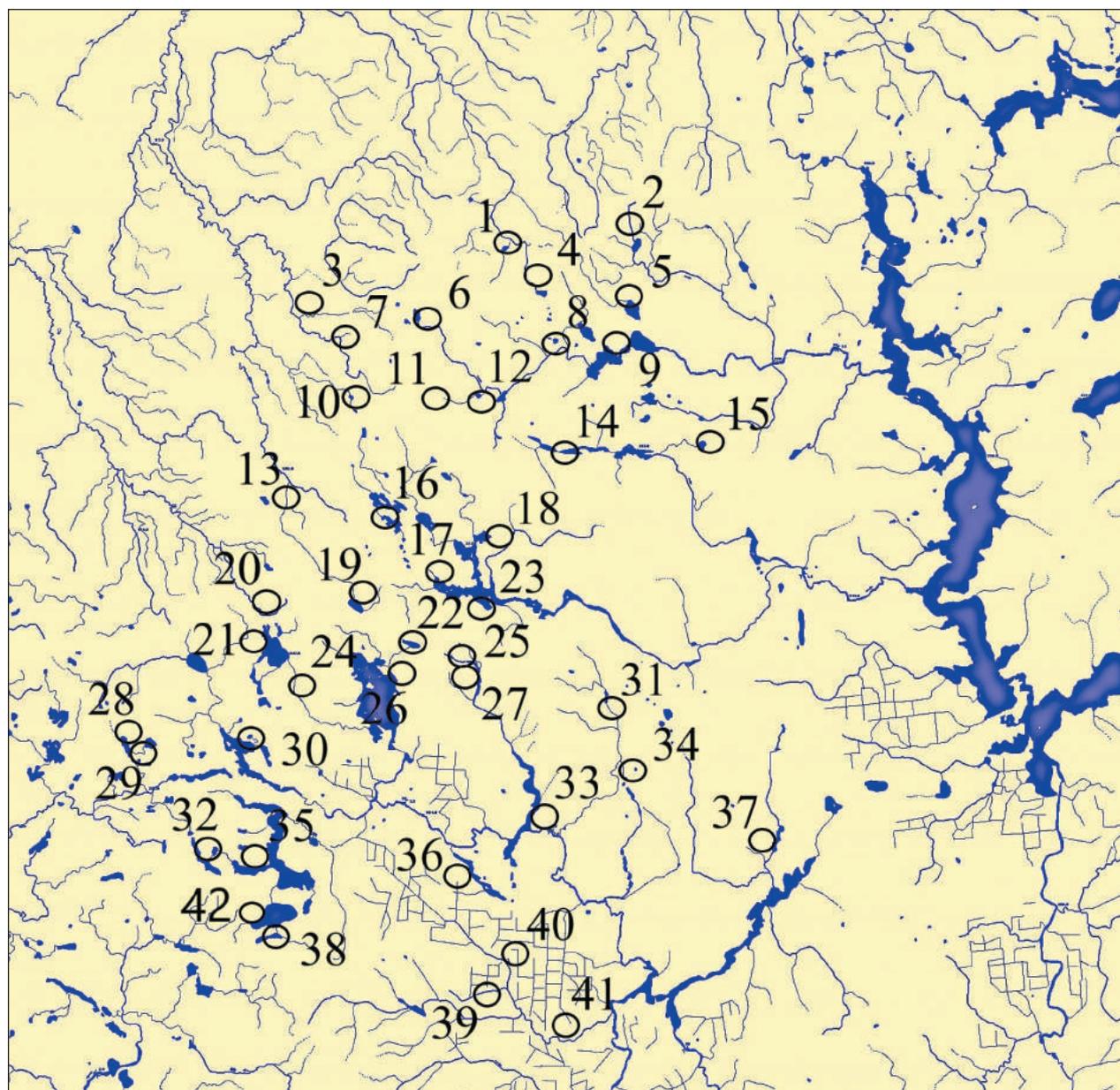
Рис. 5. Средневековая славянская гидронимия, отражающая природный ландшафт

Рис. 6. Средневековая славянская топонимия, отражающая природный ландшафт, флору и фауну

Рис. 7. Топонимические маркеры древних волоков и путей через перешейки
1 – д. Волочок; 2 – д. Волок; 3 – д. Переволока; 4 – д. Переволока; 5 – д. На Переволоке; 6 – д. Бенек;
7 – р. Руна – оз. Мезгитно – р. Руна; 8 – р. Нетесма – р. Кутевка (или Черная?) – р. Жукопа
9 – оз. Полово – р. Половизна; 10 – оз. Илигово – р. Илиговка; 11 – оз. Хвошня – р. Хвошчица;
12 – р. Морева – д. Вверх Моревы – притоки Руны – р. Руна

Рис. 8. Местности и крупные скопления одноименных и/или сходноименных селений (по данным славянской топонимии)

1 - мстн., дд. у оз. Пупово, 2 - дд. у оз. Меглино и р. Мегленка, 3 - мстн., дд. Ляховичи, 4 - мстн., д., п. у оз. Бохотское, 5 - дд., почч. у оз. Колпино, 6 - дд. у оз. Плотично, 7 - дд. у р. Городня и оз. Городно, 8 - дд. у оз. Инѣтово, 9 - дд. у р. Руна, 10 - мстн., с., дд., пш. у оз. Доброе и руч. Добрый, 11 - мстн., дд. Вально, 12 - мстн., дд. у оз. Желѣзно, 13 - дд., почч. у оз. Ельно (Заелинье), 14 - дд. у оз. Корино, 15 - сц., д., п. у оз. Отонец и р. Отоница, 16 - дд. у оз. Обрѣтенье, 17 - дд. у оз. Столп, 18 - дд. у оз. Кочужье, 19 - дд. у оз. Любино, 20 - мстн. у р. Лезна, 21 - дд., п. у оз. Камено, 22 - мстн., дд. у оз. Илигово, 23 - дд. у оз. Видбино, 24-7 дд. Внучки, 25 - мстн., дд. у оз. Осечно, 26 - дд. у оз. Лучан, 27 - мстн., дд., пш. у оз. Ельно (Заеленье), 28 - дд. у оз. Городно, 29 - дд. Сельца у оз. Подселеговское (= *Подсельцовское), 30 - дд. у оз. Волкото и р. Волкота, 31 - мстн., дд. у оз. Колпино и р. Колпинка, 32 - дд. у оз. Долостцо, 33 - мстн. и дд. у оз. Вотолово, 34 - мстн., дд., п. у оз. Заборье, 35 - дд. у оз. Бросно, 36 - мстн., д. у оз. Стеклино, 37 - д., сц., пог. у оз. Маринцо, 38 - пог., д., пш. у оз. Буец, 39 - мстн., дд. у оз. Теребето, 40 - мстн., дд. у оз. Жаберо, 41 - дд. у р. Жабера, 42 - дд. у оз. Боино

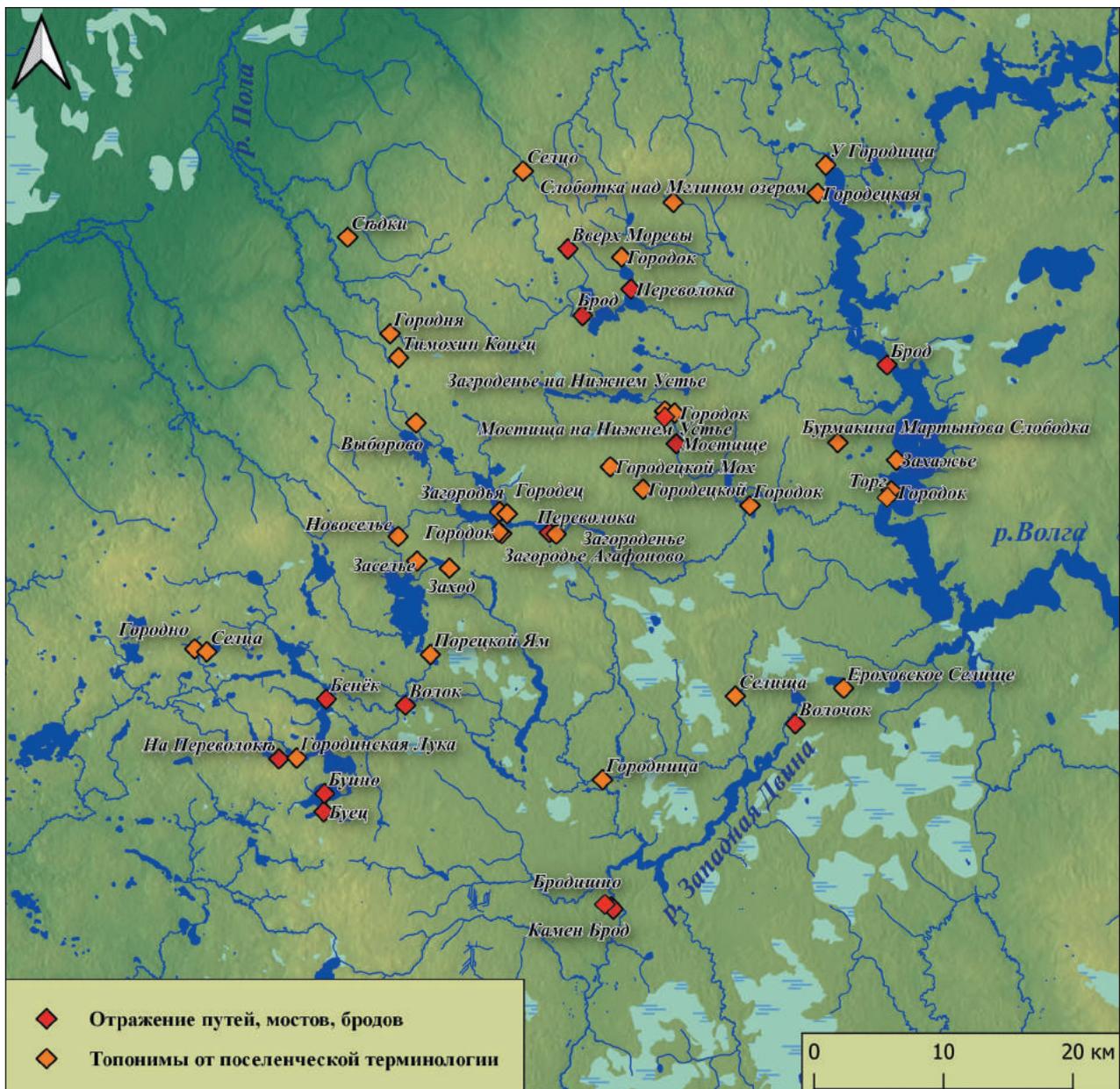

Рис. 9. Средневековая славянская топонимия, отражающая пути, мосты, броды, типы селений

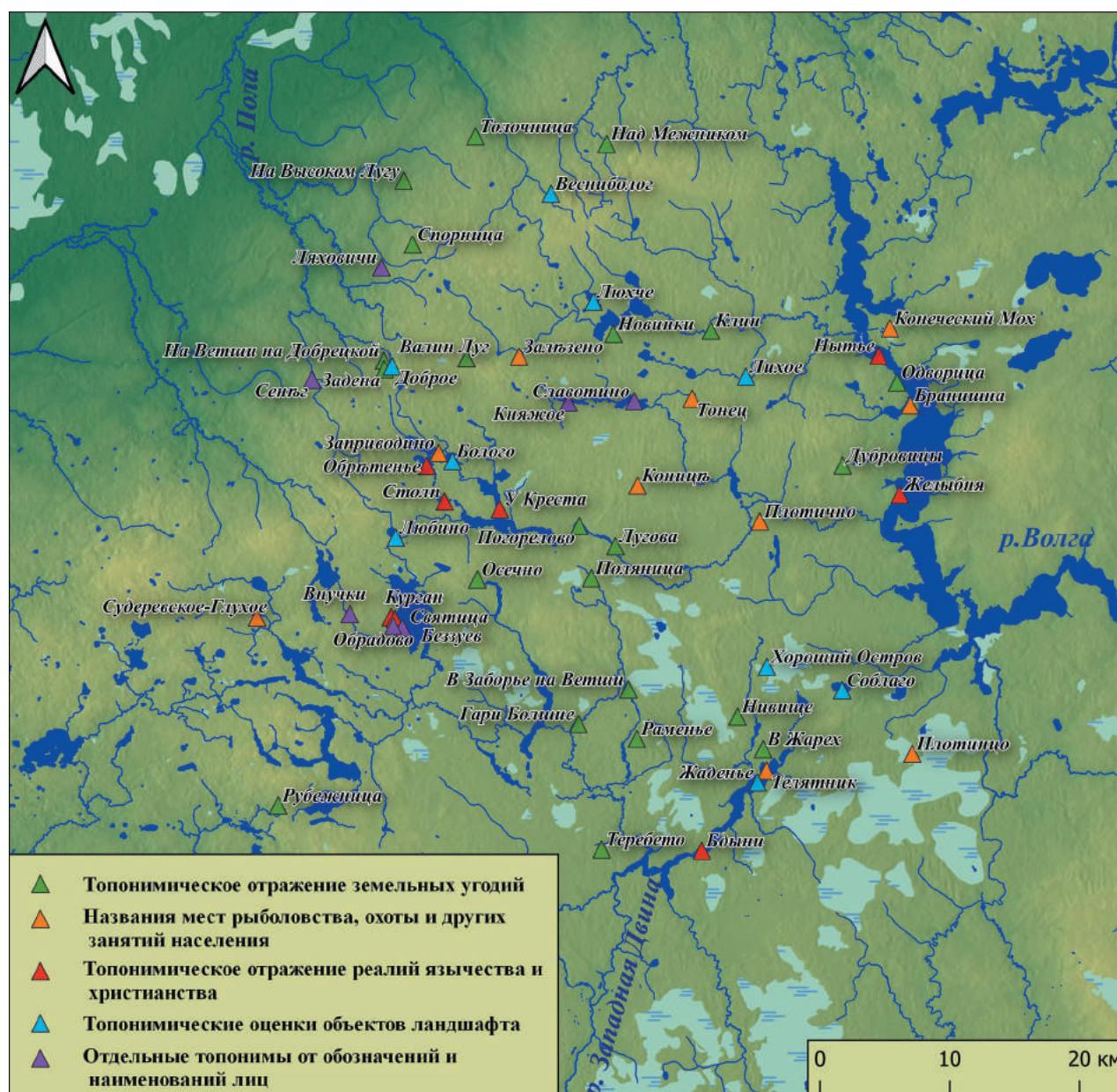

Рис. 10. Средневековая славянская топонимия, отражающая типы угодий, места рыболовства, охоты, места захоронений и др.

ГЛАВА 5.

Взаимодействие ранних славян и балтов в истоках Волги, Западной Двины и Полы

Культурно-историческое развитие региона Оковского Леса в целом и микрорегиона ВВДП в частности может быть прояснено на путях привлечения независимых данных различных наук. Именно такая перспектива нам кажется наиболее плодотворной. Поэтому в завершающей части нашей книги мы делаем попытку объединить результаты наших исследований, выявить общие позиции, а также осветить те вопросы, в решении которых наблюдаются противоречия.

Топонимические данные представляют в этом исследовании наиболее масштабный и разработанный материал. Корпус археологических сведений достаточно объемный, чтобы можно было полагаться на обсуждаемые данные. Уровень исследованности позволяет считать возможным проведение общих демографических оценок заселенного микрорегиона. Однако территория, подвергшаяся более-менее подробным разведкам, существенно меньшая, чем область, в которой прослеживаются множественные топонимы. Привлеченные антропологические данные позволяют нам характеризовать либо обширные области, либо конкретные памятники. Подробная характеристика микрорегиональных особенностей антропологического состава средневекового населения ВВДП пока невозможна как по причине распространения обряда трупосожжения вплоть до X в., так и по причине отсутствия материалов древнерусского времени. Поэтому в основу анализа взаимодействия групп населения положены данные топонимики. Следовательно, эти взаимодействия нами рассматриваются как межэтнические.

Наиболее древний массовый топонимический материал представлен балто-славянским континуумом. Он отражает процесс длительных, разнонаправленных контактов носителей славянского и балтского языков.

Собранные к настоящему времени археологические и антропологические данные указывают на то, что заселение северо-запада Европейской России происходило, в частности, из верховьев Днепра, через

которые поступало население, связанное со сферой влияния киевской археологической культуры. Напомним, что Верхнее Поднепровье также является зоной взаимодействия балтских и славянских групп. Антропологический состав древнерусского населения верховьев Западной Двины в значительной мере был сформирован влиянием Среднего и Нижнего Подвинья.

Территория ВВДП накануне появления памятников культуры псковских длинных курганов (КПДК) выглядит обезлюдевшей. То обстоятельство, что характер расселения в раннем железном веке и в раннем средневековье очень различается, наводит на мысль о серьезной смене культурной парадигмы. Но обязательно ли это связано с изменением состава населения? Вопрос остается открытым. В любом случае, есть явные указания на значительный демографический провал. Похоже, что миграционные процессы середины – 2-й пол. I тыс. н. э. могли быть представлены не традиционной формулой субстрат – суперстрат, а параллельными миграциями из двух или нескольких источников.

Лингвисты, археологи и антропологи придерживаются мнения о том, что важную роль играли миграции с юга – со Среднего Поднепровья вверх по Днепру и его притокам, особенно левобережным. Миграции славян с юга доказываются поясной зоной плотной славянской топонимической архаики, протянувшейся от Новгородско-Псковских земель к украинским землям Среднего Поднепровья, Вольни и Галиции в обход припятских болот и лесных массивов Западной Белоруссии, равно как наличием многих новгородско-псковских топонимических сходений исключительно со Славянским Югом. Со стороны черт древненовгородского диалекта – обосновываются надежной идентификацией этого диалекта как восточнославянского, без особенных сходств – в отрыве от прочих восточнославянских – с западнославянским ареалом, но отличающегося среди других восточнославянских как архаичностью, так и собственными своеобразными

инновациями (Крысько 1998, 80–88). Восточные славяне ранней миграции с юга появились в верхних течениях Великой, Ловати и Западной Двины и приняли участие, в процессе взаимодействия с балтским и финским населением, в создании культуры псковско-новгородских длинных курганов. Позднее, с VIII в., возникает культура сопки в бассейнах Ловати, Западной Двины, в Приильменье и Поволховье. На наш взгляд, именно два этих культурно-исторических явления, в конечном счете, обусловили формирование современных псковских и новгородских говоров как отдельных диалектных общностей (Васильев 2017б). С территории Оковского Леса раннее славянское население V–VII вв., по мнению И.И. Еремеева и О.Ф. Дзюбы (2010, 527–528), проникало на север в бассейн Ильменя несколькими путями: через верховья р. Куньи, через р. Добша к востоку от Торопца и через верховья рр. Пола и Явонь.

В Оковском Лесу и на прилегающих к нему территориях имели место интенсивные контакты двух языков. Интересно, что при этом в древнерусское время оказываются резко выраженными антропологические различия между кривичами смоленскими, кривичами полоцкими, словенами новгородскими. Оговоримся, что эти этнонимы мы используем условно, так как в древнерусское время таких племен уже не существовало. Важно, что наблюдается существенная мозаичность антропологического состава, несмотря на то, что все они могут быть объединены в рамках единого антропологического типа, который распространен в западных областях Восточной Европы. Таким образом, разнообразие проявляется за счет различных сочетаний внутри одной большой антропологической общности, формирование которой восходит к эпохе бронзы.

В настоящее время общность КПДК признается полиэтничной структурой, в которую входят все те же компоненты населения, формирующие население Севера Восточной Европы: носители славянского, балтского и финского языков. Примечательно,

что выделенное летописью как отсталое, дикое племя кривичи («Кривичи и прочие погани» Лавр. лет., 13), характеризуется диалектами, восходящими к балтскому вкладу⁵¹. Судя по отдельным фактам ономастики, на водоразделах Оковского Леса существовало длительное балто-славянское этноязыковое взаимодействие, своего рода симбиоз.

Одной из черт балто-славянского этноязыкового симбиоза видится сам летописный этноним *кривичи*. Похоже, славяне пришли в Оковский Лес без особого этнонаименования (как, впрочем, и летописные *словене ильменские*, за которыми стоит лишь общее имя всех славян). По крайней мере, славянские объяснения древнего этнонима *кривичи* слишком тривиальны (восходит к др.-вост.-слав. *krivъ*, ср. рус. *кривой* 'кривой', или к имени-прозвищу родоначальника племени *Krivъ, соотносимому с этим же адъективом), зато данный этноним удачно объясняется из балтского, если принять в расчет имя и титул верховного жреца у всех балтов *Krive, Krivaitis*, а также частотность основы *Kriv-/Kriev-/Kreiv-* в балтской антропонимии и топонимии и др. (Топоров 2000, 392–395). На территориях, где могли проживать летописные кривичи, есть множество топообразований от бессуффиксальной основы *крив-*. Безусловно, большинство из них – обычные производные от *кривой* (*Кривое, Кривая, Кривец, Кривцово, Кривуха* и др.), но встречаются и такие, в которых подзревается этнооснова *крив-*: дд. *Кривск* близ Пскова, оз. *Кривское* близ западного берега Селигера неподалеку от Осташкова, *Кривско* и *Кривскино* в пог. Демон кон. XV в. (НПК II, 504, 507), локализуемые неподалеку от пос. Демянск в юго-западной части Новгородской обл., п. *Кривско* и оз. *Кривско* в Городенском пог. кон. XV в. (НПК I, 261, 267, 279), локализуемые в местности Валдайского р-на Новгородской обл. Суффикс отношения *-ск-* в таких названиях может указывать на деривацию от собирательного этнонима *krivъ явно неславянского, resp. балтского, типа, построенного по модели бессуффиксальных

⁵¹ Так, В.Н. Топоров (2000, 395–397) изложил многие черты севернокривичского диалекта, которые «совпадают с соответствующими особенностями балтийских диалектов, что делает более чем вероятным единое объяснение общих их черт на единой, по сути дела, территории, где славяне и балты находились <...> в отношении смежности или даже смешанности». Разумеется, субстратное влияние балтов не ограничивалось одним только севернокривичским ареалом.

др.-рус. *весь, чудь, русь, голядь, корсь, либь, меря* и т.п. исконных этнонаименований неславян. Этнооснова *kriiv-*, относившаяся к балтам, жившим на территории Оковского Леса и в верхнем течении р. Великой, перенеслась в том числе на славян, пришедших в эту область речных водоразделов. Первоначально она стала их этнонимом в облике **kriivъ*, судя не только по топонимии типа *Кривско*, но и по латышскому бессуффиксальному *krievs* в значении 'русский', усвоенному именно из сопредельной территории Оковского Леса и его окрестностей. В дальнейшем этноним подвергся морфологической славянизации путем патронимического оформления, превратившись в *кривичи*. За процессом превращения балтского имени в славянский этноним, очевидно, кроется взаимодействие балтов Оковского Леса со славянами.

В исследуемой компактной зоне ВВДП тоже обнаружена микросистема средневековых топонимов с основой *Крив-*, представленная р. *Кривица* в вол. Дубна 1489 г. (Сб. РИО, 36, № 8), возле которой впоследствии значилась пара дд. *Кривицы* Замошской перевары Торопецкого у. 1539–1541 гг. (ПКНЗ 4, 661, 662). По современным данным, это р. *Кривица*, принимающая справа руч. *Кривцовский*, и впадающая в северо-восточную часть оз. Охват через оз. Мариница; на карте 1853 г. (Мнд) истоком речки показано оз. *Кривцово (Свирское)*, именуемое сегодня оз. *Большое Свирское*. Современным продолжением смежных с речкой средневековых дд. *Кривицы*, вероятно, является ур. *Кривицкий Бор* Пен. в верхнем течении *Кривицы*. К сожалению, на основании данной топонимической микросистемы невозможно квалифицировать исконный статус *Крив-*: являются ли изложенные названия знаками былого проживания кривичей вблизи оз. Охват либо просто мотивированы др.-рус. *кривьи* в связи с кривым, извилистым руслом речки.

В материале топонимии ВВДП единично сохранились более отчетливые элементы, сигнализирующие о славяно-балтском этноязыковом взаимодействии К их числу относятся славянские топонимические кальки с балтского, древнейшие славянские

займствования из балтского и славяно-балтские гибридные топонимы.

С приходом на водоразделы Оковского Леса и в частности на территорию ВВДП славяне восприняли значительную долю балтских названий и обычно адаптировали их в соответствии со своей языковой фонетикой и/или с привлечением словообразовательных средств своего языка. Иногда адаптация была семантической, при которой воспринимался апеллятивный смысл неславянского названия, а само это название замещалось славянской переводной калькой. Калька могла полностью заместить прежнее название, или закрепиться параллельно прежнему названию при одном и том же географическом объекте, или метонимически закрепиться за соседним, смежным географическим объектом. Семантическая адаптация предполагает этап языкового взаимопонимания, двуязычия контактирующих этносов, в рассматриваемом случае – балто-славянского двуязычия, предварявшего переход на единый, славянский язык. В пределах ВВДП отмечены следующие факты такого рода.

Один из вполне достоверных примеров калькирования – название р. *Каменка*, письменно фиксируемое с 1770-х гг. (ГМ-Ост, № 786, 787, 788)⁵², *Каменка* под 1853 г. (Мнд), совр. *Каменка* п.пр. Полы в ее истоках. Ранее нами уже обосновывалось (Васильев 2012, 617–618), что этот самоочевидный славизм появился в результате перевода балтского речного имени *Стобенка* (семантически – “каменная”, см. с. 76) и был перенесен на ближайшую к Стобенке параллельно протекающую речку.

Второй надежный пример – название р. *Озерешня* под 1929 г. (Шнк), сегодня – *Озеречня (Зорешня)* п.пр. Марёвки в истоках Полы. Хотя ранних записей этого гидронима, обозначавшего “озерную” реку, не найдено, в древнем появлении его сомнений почти нет. Надо полагать, он возник калькированием речного балгизма *Морея* (семантически – “озерная”), записанного в XII в. и продолженного в совр. *Марёвка* (см. с. 76), с дальнейшим метонимическим переносом кальки с главной реки на приток *Мореи* (Марёвки), см. еще (Васильев 2012, 617).

⁵² На плане Осташковского у. 1770-х гг. эта речка в верхнем течении подписана иным именем – *Меленка* (ГМ-Ост, ч. 3).

Славянской калькой с балтского, правда, менее вероятной, чем *Каменка* и *Озерешня*, можно считать, на наш взгляд, назв. *Охват* оз. Торопецкого у. 1539–1541 гг. (ПКНЗ 4, 659, 660, 662–664, 666–668, 670, 672), позднее – оз. *Охват* (*Хват*) Езжинской вол. Ржевы Володимировой 1588–1589 гг. (ПКРВ, 203, 205), Осташковского у. 1770-х гг. (ГМ-Ост, № 630, 722, 723, 730, 746, 852), совр. оз. *Охв́ат*, источник для р. Западная Двина. Лимноним объясняется особенностями водоема: озеро, разливаясь, словно бы «охватывает» участки русел нескольких рек – Волкоты, Нетесьмы и Западной Двины, расширяя речные русла и объединяя их в единый водоем. Не случайно *Охват* искони относилось только к юго-западной половине озера и только в XIX в. распространилось на его северо-восточную половину, выше д. Бдыни и пос. Охват, искони называвшуюся *Жаденье*. В половодье из-за подпора р. Волкоты течение в оз. Охват направляется не вниз, а вверх, в сторону оз. Жаденье. Несмотря на самоочевидную «славянскость» структуры *Охват*, производной от глагола *охватить*, среди новгородско-псковской гидронимии это озерное имя выглядит изолированным, не находя повторений, не типичен и мотивационный признак соединения водоемов в одно целое. Поэтому в *Охват* мы склонны подозревать славянское переложение некоего неславянского гидронима. В самом деле, заметное озеро в истоке крупной реки, самое большое в местной округе, наверняка носило какое-то балтское имя, но – главное – по соседству с Охватом, менее чем в 10 км от него, расположено озеро с балтским назв. *Отолово*, семантика которого раскрывается с похожим мотивационным признаком соединения, связи, «охвата» нескольких рек (см. с. 83). В данной связи появляются две гипотезы закрепления слав. *Охват*: либо оно калькирует прежнее балтское имя этого же водоема, либо выступает метонимической калькой, перенесенной от названия оз. *Отолово*.

Помимо перевода на славянский язык балтских гидронимов, ранние славянские заселители Оковского Леса и прилегавших земель Русского Северо-Запада восприняли от балтского населения отдельные единицы терминологической лексики с ландшафтной семантикой. Как и топонимические кальки, заимствования субстратной лекси-

ки предполагают тесные славяно-балтские контакты, двуязычие. Раннеславянские заимствования из балтского подразумеваются теми топонимами, которые получают явную балтскую этимологию, но в аспекте ареального отличны от остальных балтизмов довольно плотной дистрибуцией на сопредельных территориях, закреплением за десятками водоемов и местностей. Известно, что древние субстратные названия всегда сохраняются в виде редких, разрозненных следов и не дают отчетливых ареалов. Однако если славяне заимствовали от балтов апеллятивы, особенно из сферы ландшафтной терминологии (или воспринимали некоторые балтские гидронимы в качестве апеллятивов), то они сами получали возможность продуцировать из заимствованных терминов свои собственные названия. Тем самым славяне, ставшие на бывших балтских землях многочисленным доминирующим населением, со временем распространили и существенно увеличили число названий с балтской этимологией.

Один из древнебалтских апеллятивов репрезентирован мощным гнездом гидронимов и топонимов *Дем-/Демен-/Демон-*, насчитывающим не менее четырех десятков единиц: это имена средневекового г. *Демон* на юго-западе Новгородской земли (локализуемого вблизи пос. *Демянск* у р. *Демянка* в Новгородской обл.), озз. *Задеменское*, *Демянское*, *Деменецкое*, *Деменец*, *Деминец*, *Демон*, рр. *Демянка*, *Демица*, *Демячка* и мн. др. преимущественно в Новгородско-Псковских землях и более рассеянно в Верхнем Поднепровье, Поочье, а также на западе Литвы. В пределах ВВДП к данному гнезду относится название оз. *Дьмонцо* вол. Велила 1495/96 г. (НПК II, 784). Безусловно, преобладающая доля этих многочисленных повторяющихся имен вод и прилегающих к водам населенных пунктов была оставлена не балтами, а славянами. Эти водные имена образовались от рано усвоенного от балтов др.-вост.-слав. **dr̥mę* с предполагаемым значением 'грязь, грязное место' (ввиду совр. лит. *dėmė* 'пятно, загрязнение' и с учетом того, что носящие такие имена водоемы характеризуются низкими, грязными берегами и илистым дном), которое оформилось по образцу склонения на **-men* (Васильев 2012, 632–647, с картой ареала на с. 744). Дан-

ный ландшафтный термин, давно вышедший из словоупотребления и отраженный только в географических именах, скорее всего был заимствован славянами ранней миграционной волны на путях их движения от Среднего Поднепровья через земли балтов на Русский Северо-Запад.

Еще один пример подобного рода. Мы писали в предыдущих разделах нашей книги о таких названиях озер в пределах ВВДП, как *Долостцо* и *Долосцо*, восходящих к основе **dal(b)s-*, образованной балтами скорее всего в I тыс. до н. э. Эти озерные имена входят в компактный гидро- и топонимический ареал *Долос-/Долыс-* из двух десятков названий на юге Псковской, западе Тверской и юго-западе Новгородской областей. Возникает предположение, что значительную часть из этих многочисленных названий с балтской этимологией отложили не сами балты, а новые раннеславянские насельники указанной территории. Они восприняли балт. **dal(b)s-* в качестве основы апеллиатива, термина с неким гидрографическим значением, сохранявшим смысловый признак глагола **delbti* 'долбить, выбивать' ('продолговатая впадина, ложбина, залитая водой'⁵³), и использовали его в фонетически славянизированном облике в функции гидронимов *Долос-/Долыс-*.

Вероятным апеллиативным заимствованием из языка местного балтского населения, жившего в районе Верхневолжских озер, включая пределы ВВДП, является, на наш взгляд, диалектный гидрографический термин *ост* (*аст*), имеющий выразительный узколокальный ареал на побережьях озер Стерж, Вселуг и отчасти на западном берегу ближайшего северного плеса оз. Селигер. Он засвидетельствован единственным диалектным словарем (Слгр 1, 18; 4, 259), где *аст*, множ. *асты* – 'родник, ключ', *ост*, множ.

осты или *осты́* – 'полянья; незамерзающая часть реки или озера', 'ключ в озере'. Насколько нам известно, в иных регионах этого слова нет. В топонимии он не отражен в связи с его нетопонимической семантикой подводного ключа. Если обратиться к семантической структуре термина, то его первичное значение, конечно, не 'полянья', а 'родник, ключ', поскольку поляньи появляются благодаря подводным ключам, а не наоборот. С формальной точки зрения, лексемы *ост* и *аст* легко отождествляются друг с другом, причем *ост* является исходной. Ее плюральная форма колеблется акцентологически, и при сдвиге ударения на флексию в условиях аканья обобщение «акающей» основы *аст-* (из [*асты́*]) по всей парадигме является вполне вероятным. Полагаем, термин мог быть заимствованием лит. *úostas*, лтш. *ousts*, обозначающих 'устье реки', 'гавань', но также и 'рот' (Невская 1977, 92); соматическое значение здесь сопрягается с гидрографическими, как и в русском языке; ср. родственные рус. *устье* реки и *уста* 'рот'. Правда, балт. *uo* фонетически скорее должно было преобразоваться в слав. *a*, что давало бы первичную форму *аст*, а не *ост*. Версия балтского заимствования предполагает метафоризацию 'рот' > 'родник (на дне водоема)', и такой переход весьма понятен и вероятен, поскольку соматизмы легко превращаются в ландшафтные термины; ср. *губа*, *голова*, *глаз*, *колени*, *спина* и мн. др. Применительно к соматизму *рот*, ср. гидронимы *Ротно* и *Ротное* в системах Мсты и Чагоды, прикрепленные к карстовым озёрам с воронками на дне. Они получены от новг. *рот* в переносном значении 'отверстие, провал' и семантически сходятся с родственным кашуб. *retk* 'яма в дне' (по [Фасм. ЭСРЯ III: 507]). Если считать *ост* (*аст*) воспринятым от верхневолжских балтов⁵⁴, то заимствование этого термина,

⁵³ Ср. родственные рус., укр., блр. термины типа *колдобина*, *колдобань*, *кадовб* и т.п., обозначающие впадину, яму с водой, глубокую яму, небольшое озеро и т.п. (Толстой 1969, 220-224).

⁵⁴ В одной из прежних наших статей (Васильев 2020) сформулирована и вторая, собственно славянская версия происхождения верхневолжск. *ост* (*аст*) 'родник, ключ'. Суть ее в следующем. Термин признается родственным обозначению пчелиных сот (< праслав. **sъtъ*), но является независимым от этого обозначения континуантом праславянского слова, реликтивно сохранившимся в говорах Верхневолжья. По одной из приемлемых этимологий, праслав. **sъtъ* 'соты' возводят к более ранней праформе **sъ(p)tъ*, произведенной от глагола **suti*, **sъpъ*, итератив **sypati* (Bezl. ES III, 219), обозначающего 'сыпать' и 'лить' (ср. болг. *сипвам* 'сыплю' и 'лью', макед. *сине* 'лить' и 'сыпать', сербохорв. *сипати* 'сыпать' и 'лить', рус. *сыпать* 'сыпать' и диал. 'лить, наливать'). Второе значение 'лить' могло быть унаследовано диалектным прасл. **sъ(p)tъ*, указывавшем на 'место, где льется вода' и проявившемся в *ост* (*аст*) 'родник, ключ'.

сохранившегося остаточного в местных народных говорах, предполагается в более позднюю эпоху, чем терминов **dr̥mę* и **dal(b)s-*.

О языковом симбиозе балтов и славян, взаимодействовавших непосредственно в зоне ВВДП, свидетельствуют отдельные т.н. гибридные гидронимы, соединяющие славянские и балтские морфологические компоненты. Можно отметить как минимум два таких водных названия на ВВДП – *Верхут* (*Верхит*) и *Теребето*, в которых славянские основы *Верх-*, *Тереб-* оформлены суф. *-ут-*, *-ет-*, типовыми для балтской гидронимии, но крайне редкими или фактически чуждыми гидронимии исконно славянской. Основа *Верх-* была фонетически «перекодирована» из родственного балт. *Virš-*, а основа *Тереб-* вовсе не знакома балтам. Такого рода морфологические гибриды отражают реликты двуязычия контактировавших этносов. Чаще, однако, наблюдается замещение балтского суффиксального оформления названий славянским оформлением при сохранении балтской основы. Данный морфологический процесс, сопровождаемый фонетической адаптацией, подразумевает уже не равноправное двуязычие населения, а славянизацию языка и географических имен. Один из ярких примеров такого рода представлен балтизмом *Должехто* оз. кон. XV в., преобразовавшимся в совр. *Должино*.

Некоторые факты, опять же гидронимические, неявно дифференцируются по этноязыковой принадлежности. Иногда трудно или вовсе не удается этимологически отделить балтизмы от водных названий славянского происхождения, особенно архаических, непродуктивных. Таковы, напр., *Маринцо*, *Тиницкое*, предположительно отнесенные нами к составу балтизмов. Это обстоятельство проистекает из значительной близости славянского и балтского языков в I тыс. н. э. Языковое сходство способствовало процессу взаимодействия групп населения.

В 1-й пол. II тыс. уже представители отдельных прибалтийских народов появлялись в этих местах, но их появление было обусловлено общественно-политическими процессами, происходившими в этот период в соседней Прибалтике и на части западнорусских земель. О местах проживания латгалов в Верхневолжье свидетельствует местная топонимия.

Ср. название д. *Латыгола* Молвятицкого пог. 1495/96 г. (НПК I, 653), локализуемой примерно в 10 км севернее истока Волги (к кон. XVIII в. – п. *Латыгоры* Старорусского у., по ИАДП 1, 209): данный ойконим прямо указывает на поселение древнерусской *лотыголы*-латгалов. Немного восточнее оз. Селигер еще одну группу лотыголы маркирует д. *Латыгорево* на р. Поведь Кувшиновского р-на Тверской обл. и в том же районе оз. *Латыгоревское* и ур. *Латыгоревские Сарай*. Там же неподалеку протекает река системы Волги с назв. *Латынь*, показательно перекликающимся с диал. калуж. *латын* 'латыш', моск., яросл. *латынец* 'человек, который картавит или плохо выговаривает слова; косноязычный человек', пск., твер. *латышять* 'картавить, шамкать, говорить неразборчиво, невнятно' и т.п. фактами, изложенными в (СРНГ 16, 292–293).

Во 1-й пол. II тыс. укрепились взаимоотношения усилившегося Литовского государства со Смоленским, Торопецким княжествами и Новгородской землей. Как известно, новгородские юго-западные пограничные волости, приходившиеся в том числе на исследуемый микрорегион ВВДП (Буец, Лопастницы, Велила, Молвотицы и др.), платили налог пушниной (черную куну) в литовскую великокняжескую казну почти до кон. XV в. Отметим, что в древнерусское время на северо-западных рубежах ВВДП появляются памятники с явно выраженными признаками традиций Новгородских земель. Крупные могильники на водоразделах характеризуются каменными обкладками, Таким образом, как исторические источники, свидетельствующие о формировании княжеского домена, так и археологические указывают на становление вектора распространения культурных импульсов в противоположном, по сравнению с ранним средневековьем, направлении – с севера на юг. Также подчеркнем, что этот тренд обусловлен не процессами расселения по всей территории, а выстраиванием коммуникации, объединяющей север с южными регионами Руси. Это событие мы уже рассматриваем в контексте проблем государства и межгосударственных взаимодействий. С XIII в. происходил военный натиск Литвы на Торопецкий и Ржевский уезды, приведший к включению с сер.

XIV до кон. XV в. Торопецкой земли, вплоть до Верхневолжских озер, в состав Велико-го Княжества Литовского. Данные военные события могли рассматриваться литовской стороной как известная реконкиста. Благодаря участию Литвы в эпоху 1-й пол. II тыс. н. э. в жизни Западного Верхневолжья и прилегающих местностей, вероятно, проживанию литовцев здесь в этот период, возникли отдельные поздние литуанизмы позднерусского времени: именно поэтому они вошли в письменность XVI в. еще не будучи полностью адаптированными русским языком (*Пяуна, Вышеголос*). Также можно отметить, что эти давние события вошли в фольклорную память местного населения. При вопросе о том, кто строил курганы, местный житель как правило ответит: «Да тут Литва лежит...».

Многовековая подвижность границ на водоразделах Оковского Леса, периферийность по отношению к устойчивым историко-территориальным объединениям, отсутствие крупных городских центров впоследствии обусловили пестроту уже современного, собственно русского диалектного континуума на этой территории, особенно в северной ее половине. Отсюда не исходили импульсы диалектных изоглосс, зато, как отмечалось ранее, «в целом именно аре-

ал, очерчиваемый границами верховья Западной Двины, – Торопец, Холм, Селигер, озеро Волго, Старица, Ржев, – представляет собой узел сплетения множества изоглосс» (Булкин, Герд 1992, 6), надвигавшихся с запада, севера и юга. Этим узлом изоглосс, собственно говоря, и объясняется смешанный характер местных народных говоров. На обобщающей карте диалектного членения 1964 г. микрорегион ВВДП охвачен Псковской диалектной группой и – в восточной его части – переходными Селигеро-Торжковскими говорами (ДАРЯ, вып. I, к. IV), имеющими сходства как с Псковской группой, так и с Новгородскими говорами (ОСНиСГ, 414). Недаром в зоне ВВДП распространено характерное для псковичей прозвище *скобарь*: «...Пеновские тоже скобарь» (д. М. Перволока Пен.); «Мы здесь скобари, нет, мы козлы, а у лучан скобарь» (с. Октябрьское Пен.)», которое выступает прозвищем и жителей соседних деревень Новгородской обл.: «Наших тверских называли козлам, а новгородских скобарьям» д. Витьбино Пен. (Слгр 7, 88). Изоглоссы Верхне-Днепровской диалектной группы южного наречия (ДАРЯ, вып. I) тянутся южнее ВВДП, поэтому южные (смоленские) говоры повлияли на состав лексики и топонимии изучаемой местности в значительно меньшей степени.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Междисциплинарное исследование, основанное на данных топонимики и археологии, с привлечением палеоантропологического источника, позволяет более объемно видеть события историко-культурного развития территории, чем исследования, проведенные в рамках каждой из наук. Язык как условный этнический маркер и археологическая культура как отражение идентичностей различных порядков, позволяют отойти от преобладания этнической характеристики в анализе исторического развития определенной территории. Подробный анализ топонимов из микрорегиона ВВДП выявил несколько хронологических слоев, характеризующих динамику этнического состава населения за последние примерно две тысячи лет. Древнейший слой топонимов восходит к периоду близости или даже неразделимости балтских и славянских языков, ассоциируемому с индоевропейским расселением и носителями культур бронзового века. В данном случае мы не имеем возможности привлекать данные археологического источника, так как систематические исследования эпохи бронзы в истоках Волги и Западной Двины еще не проведены. Однако, по данным краниологии, на обширных пространствах Восточной Европы от Молдавии до Эстонии прослеживается наличие большого однородного массива населения, которое восходит к культурной общности эпохи бронзы (культура шнуровой керамики) и ассоциируется с носителями индоевропейских языков. Таким образом, просматривается известное единство антропологического облика, культуры и языка. Разрозненность сведений, на основании которых стоит эта гипотеза, пока очень велика, что не позволяет обсуждать ее в контексте локуса ВВДП.

Ранний железный век на севере лесной зоны Восточной Европы – это время формирования новых крупных культурных явлений. Территория ВВДП с первой половины I тыс. до н.э. является контактной для двух крупных археологических культур – днепро-двинской и «текстильной» керамики

(дьяковская культура). Предметно обсуждать соотнесение носителей традиций этих культур с определенными языками сложно, а палеоантропологический материал практически отсутствует ввиду специфики погребального обряда. Также важно отметить, что финал раннего железного века в микрорегионе ВВДП отмечен запустением памятников, которыми преимущественно маркируется этот период, – городищ. Поэтому есть основания предполагать, что местность переживает демографический спад. Это могло отразиться на эффективности передачи топонимики последующим жителям. Тем не менее, еще раз следует обратить внимание на высокую частоту встречаемости древних балтизмов и значительно более редкие топонимы, связанные с финскими языками.

Наиболее ранний период, на протяжении которого возможно соотнесение топонимических и археологических данных, – середина первого тыс. н.э., когда на территорию проникают носители славянского языка с территорий Верхнего Поднепровья. В микрорегионе ВВДП время второй половины I тыс. н.э. представлено многочисленными памятниками культуры псковских длинных курганов. Важно, что археологические памятники в зоне истоков Волги, Западной Двины и Полы представляют единую культурную традицию, в то время как подробный анализ топонимических данных открывает картину симбиоза балтского и славянского языков, который проявляется в многообразии топонимических заимствований, калькирования, формирования гибридных топонимов и др. Причем, это «симбиотическое» сосуществование продолжается длительное время, что отражает устойчивые отношения, способствовавшие сохранению языковых идентичностей в рамках общности, представленной памятниками культуры псковских длинных курганов.

Начало II тыс. запечатлено на территории ВВДП многочисленными топонимами древнерусской архаичности. Распределение археологических памятников древне-

русского времени отличается от тенденций в расселении раннесредневековых жителей. Поселения и могильники ассоциируются в основном с водными и волоковыми транспортными путями, соединявшими Новгородские земли с более южными территориями. Курганные могильники с каменными обкладками маркируют проникновение новгородских традиций на эти транспортные пути, имевшие особое экономическое и геополитическое значение. Здесь, в частности, формируется княжеский домен и находятся пожалованные владения крупных новгородских монастырей. Нельзя не отметить, что в микрорегионе немало географических названий, соотносимых с диалектной лексикой Русского Северо-Запада, прежде всего новгородской и псковской. Наличие поздних балтизмов отражает события средневекового периода, связанные с войнами с Литвой и деятельностью Ливонского ордена. В позднесредневековом и новое время микрорегион утрачивает былую значимость, что отражается в отсутствии топонимической специфики на фоне сопредельных территорий.

Следует подчеркнуть, что топонимы открывают перед нами особый мир средне-

вековой географии, гидрографии, разнообразия важнейших природных ресурсов, которые использовались местным населением. Это, своего рода путеводитель. В топонимии запечатлены характеристики водоемов, земель, характер поселений, хозяйственных угодий и почитаемых мест. Анализ топонимических данных позволяет нам в отдельных случаях увидеть окружающий мир глазами средневековых жителей. Для наших современников внегородской топоним зачастую лишь знак на карте, топографическое имя, которое надо запомнить, тогда как в жизни человека средневековья, тесно взаимодействовавшего с окружающим ландшафтом, топонимы выполняли более важные функции. Насколько облик этих земель, отраженный в средневековых топонимациях, соответствует современным формам ландшафта ВВДП? Можем ли мы, опираясь на результаты изучения природных и антропогенных изменений в микрорегионе в прошлом, «узнать» особенности этих земель в различных эпохах прошлого? На эти вопросы мы сможем ответить, только продолжив наше комплексное исследование с привлечением возможностей современных естественных наук.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

- Агапкина Т.А., Березович Е.Л., Сурикова О.Д. Топонимия заговоров Русского Севера. III: Камни // Вопросы ономастики. 2019. Т. 16. № 2. С. 7–68.
- Агеева Р.А. Географические апеллятивы в гидронимах западной части Калининской области и прилегающих районов Северо-Запада РСФСР // Вопросы географии. Сб. 94. М., 1974. С. 195–203.
- Агеева Р.А. Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации. М.: Наука, 1989.
- АКР 2007 – Археологическая карта России. Тверская область. Ч. 2 / В.С. Нефедов. М.: ИА РАН, 2007.
- АКР 2012 – Археологическая карта России. Тверская область. Ч. 4 / И.В. Исланова, К.И. Комаров, Г.Г. Король, В.С. Нефедов. М.: ИА РАН, 2012.
- Алексеев Л.В. Западные земли домонгольской Руси: очерки истории, археологии, культуры. Кн. 1. М.: Наука, 2006.
- Алексеев Л.В. «Оковский лес» Повести временных лет // Культура средневековой Руси / отв. ред. А.Н. Кирпичников, П.А. Раппопорт. Л.: Наука, 1974. С. 5–11.
- Ан. РЭС – Аникин А.Е. Русский этимологический словарь. М.; СПб.: Рукописные памятники Древней Руси; Нестор-История, 2007–. Вып. 1–.
- Аникин А.Е. Этимология и балто-славянское лексическое сравнение в праславянской лексикографии. Материалы для балто-славянского словаря. Вып. 1. (*а- – *go-). Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998.
- Афанасьев А.П. Исторические, географические и топонимические аспекты изучения древних водно-волоковых путей // ВГ-110. Топонимика на службе географии. М.: Мысль, 1979. С. 56–63.
- Бірыла М.В. Беларуска антрапанімія. 2: Прозвішчы, утвораныя ад апеллятыўнай лексікі. Мінск, 1969.
- Балановская Е.В., Агджоян А.Т., Схаляхо Р.А., Балаганская О.А., Фрейдін Г.С., Черневский Д.К., Черневский К.Г., Степанов Г.Д., Кагазежева Ж.А., Запорожченко В.В., Маркина Н.В., Козлов С.А., Палипана С.Д., Балановский О.П. Генофонд новгородцев: между севером и югом // Генетика. 2017. Т. 53. № 11. С. 1338–1348.
- Балановская Е.В., Балановский О.П. Русский генофонд на Русской равнине. М.: Луч, 2007.
- Балановская Е.В., Пежемский Д.В., Романов А.Г., Баранова Е.Е., Ромашикина М.В., Агджоян А.Т., Балаганский А.Г., Евсеева И.В., Виллемс Р., Балановский О.П. Генофонд Русского Севера: славяне? финны? палеоевропейцы? // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. 2011. № 3. С. 27–58.
- Балановская Е.В., Черневский Д.К., Балановский О.П. Своеобразие Новгородского генофонда в контексте народонаселения европейской части России // Вестник Новгородского государственного университета. 2021. Серия: Медицинские науки. № 3. С. 51–57. DOI: 10.34680/2076–8052.2021.3 (124).51–57.
- Баранов Д.В., Панин А.В., Антонов С.И., Беляев В.Р., Большов С.И., Еременко Е.А., Зарецкая Н.Е. Влияние гляциоизостатических движений земной коры в приледниковой зоне на развитие верховий р. Волги // Вестник Московского университета. 2019. Серия 5. География. № 6, 2019. С. 90–101.
- Белецкий С.В. Знаки Рюриковичей на пломбах из Дрогичина (по материалам свода К.В. Болсуновского) // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 1999. № 6. С. 288–330.
- Березович Е.Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000.
- Бобровский М.В., Куприянов Д.А., Смирнов А.Л., Ханина Л.Г., Добровольская М.В. Хозяйственная активность населения и таксономический состав лесов в раннем железном веке на Верхней Волге // Отражение био-, гео-, антропоферных взаимодействий в почвах и почвенном покрове: Сборник материалов VII Международной научной конференции, посвященной 90-летию кафедры почвоведения и экологии почв ТГУ, Томск, 14–19 сентября 2020 года. Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2020. С. 409–412.

Бобровский М. В., Курприянов Д. А., Смирнов А. Л., Ханина Л. Г., Добровольская М. В. Динамика древесной растительности и антропогенная активность по данным анализа древесных углей из городищ раннего железного века и раннего средневековья на верхней Волге // Геоморфология. 2022. № 53 (5). С. 7–24. <https://doi.org/10.31857/S0435428122050030>

Варбот Ж. Ж. Древнерусское именное словообразование (ретроспективная формальная характеристика). М.: Наука, 1969.

Варбот Ж. Ж. Исследования по русской и славянской этимологии. М.; СПб.: Нестор-История, 2012.

Васильев В. Л. Древнебалтийская топонимия в регионе Новгородской земли // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород, 2007. С. 271–285.

Васильев В. Л. О проблеме древнебалтийского топонимического наследия на Русском Северо-Западе // Вопросы языкознания. 2008. № 3. С. 76–94.

Васильев В. Л. Древнеевропейская гидронимия на Русском Северо-Западе // Балто-славянские исследования. XVIII: Сб. науч. трудов. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 262–278.

Васильев В. Л. Славянские топонимические древности Новгородской земли. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012.

Васильев В. Л. Гидронимия бассейна реки Мсты: свод названий и анализ микросистем. М.: Издательский дом ЯСК, 2017а.

Васильев В. Л. О различиях генезиса говоров псковских и новгородских (по топонимическим и другим языковым данным) // Псковские говоры и их исследователи (к 100-летию со дня рождения С. М. Глушкиной и 50-летию выхода 1 выпуска «Псковского областного словаря с историческими данными»): в 2 ч. Ч. 1 / Под ред. Н. В. Большаковой, Л. Я. Костючук. Псков: ЛОГОС, 2017б. С. 57–66.

Васильев В. Л. Ляхи и поляки в языковой истории Новгородской земли // Rozprawy Komisji Językowej ŁTN. T. LXVI. Łódź: Łódzkie towarzystwo naukowe, 2018. S. 509–522.

Васильев В. Л. Еще раз о названиях рек Волга, Западная Двина и Днепр // Вопросы ономастики. 2019. Т. 16. № 4. С. 9–32.

Васильев В. Л. Гидрографическая терминология истоков Волги и Западной Двины: родники, мели и глубины // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. 2020. № 6 (31). С. 1–6. DOI: 10.34680/2411-7951.

Васильев В. Л. Этимологические заметки о балто-славянской гидронимии исторических Новгородско-Псковских земель (*Вселуг, Долосоц*) // Вопросы ономастики. 2021. Т. 18. № 1. С. 113–127.

Васильев В. Л., Вихрова Н. Н. Топонимика и археология: аспекты взаимодействия // Материалы IV международной научной конференции «Этнолингвистика. Ономастика. Этимология. Екатеринбург, 9–13 сентября 2019 г. С. 323–330.

Васильев В. Л., Вихрова Н. Н. Топонимы и термины *Городок* в новгородско-псковско-тверских землях // Ономастика Поволжья. Материалы XVIII Международной научной конференции. Кострома, 9–10 сент. 2020 г. Т. 2. Кострома: Костромской государственный университет, 2020. С. 21–30.

Веселовский С. Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М.: Наука, 1974.

Восточные славяне. Антропология и этническая история / Т. И. Алексеева, Е. В. Балановская, Т. С. Балуева и др.; Отв. ред. Т. И. Алексеева; НИИ и музей антропологии МГУ и др. М.: Научный мир, 1999.

Воробьев В. М. Волоки на Двинско-Волжском водоразделе и их историко-культурная значимость // Вестник ТвГУ. Серия «История». 2019. № 1 (49). С. 35–54.

ВСОРИ-ТТ – Военно-статистическое обозрение Российской империи, издаваемое по Высочайшему повелению при 1-м отделении Департамента Генерального Штаба. Т. IV. Ч. 4. Тверская губерния. СПб., 1848.

ВТКЗверст – Военная топографическая карта западной части Российской империи (масштаб 3 версты в дюйме) съемок второй половины XIX в. и печати второй половины XIX в. – начала 1900-х гг. (Использованы листы издания 1863 г.).

ГВНП – Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С. Н. Валка. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1949.

Герберштейн – *Герберштейн* С. Записки о Московии: В 2 т. / Под ред. А. Л. Хорошкевич. Т. I: Латинский и немецкий тексты,

русские переводы с латинского А.И. Ма- леина и А.В. Назаренко, с ранненововерх- ненемецкого А.В. Назаренко. М.: Памят- ники исторической мысли, 2008.

Глазов В.Н. Отчет В.Н. Глазова о поезд- ке 1903 года на Верховья Волги и в Демян- ский уезд // Записки отделения русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества. Т. 7. Вып. 1. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1905. С. 97–106.

ГМ-Ост – Материалы генерального ме- жевания 1770-х гг.: Атлас Осташковского уезда. Части 2, 3, 4. РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1; Планы дач. РГАДА. Ф. 1354. Оп. 1265.

ГМ-Ст – Материалы генерального ме- жевания 1780-х гг.: Атлас Старорусского уезда. РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1.

ГМ-Хлм – Материалы генерального ме- жевания 1780-х гг.: Атлас Холмского уезда. РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1.

Голубкова О.В. «Святые камни» в систе- ме мировоззрения русских (по полевым ма- териалам 2012 г.) // Баландинские чтения. 2014. Т. IX. Ч. 1: сборник статей научных чтений памяти С.Н. Баландина, 15–18 ап- реля 2014 г. Новосибирск: Новосибирская государственная архитектурно-художест- венная академия, 2014. С. 45–52.

Гончарова Н.Н. Антропология словен новгородских и их генетических связей // Автореф. дисс. ... канд. биол. наук. М., 1995.

ГСБМ – Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Вып. 1–37. Мінск, 1982–2017.

Даль – Даль В.И. Толковый словарь жи- вого великорусского языка. Т. 1–4. М.: Рус- ский язык, 1998.

ДАРЯ – Диалектологический атлас рус- ского языка. Центр Европейской части СССР. Вып. I. Фонетика / Под ред. С.В. Бромлей, Т.Ю. Строгановой. М.: Наука, 1986.

ДДГ – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Подготовил к печати Л.В. Черепнин. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1950.

Дзермант 2009 – А. Дзермант. Оковский Лес // Режим доступа (свободный). URL: <http://www.diary.ru/~Tverzha/p177662611.htm?oam> [Дата обращения: 15.09.2023].

Джобадзе Т.Ф., Максимов Ю.И. Экспеди- ции Д.Н. Анучина к истокам Волги и эко- номики Двины в 1894–95 гг. (по материалам

фотоархива музея земледения МГУ) // Жизнь Земли. 2017. № 4. С. 444–456.

Дини Пьетро У. Балтийские языки / Пер. с итал. М.: ОГИ, 2002.

Добровольский – Добровольский В.Н. Смо- ленский областной словарь. Смоленск, 1914.

Егорейченко А.А. О времени перехода от эпохи бронзы к железному веку в лес- ной полосе Восточной Европы // Переход от эпохи бронзы к эпохе железа в Север- ной Евразии. Материалы круглого стола 23–24 июня 2011 года / Отв. ред. В.А. Алек- шин. СПб.: ИИМК РАН, ГЭ, 2011. С. 74–80.

Емельяничик О.А. Антропологический со- став средневекового сельского населения по- лоцкой земли по данным краниологии // Вест- ник антропологии. 2012. Вып. 22. С. 161–173.

Еремеев И.И., Дзюба О.Ф. Очерки истори- ческой географии лесной части Пути из ва- ряг в греки. Археологические и палеогео- графические исследования между Западной Двиной и озером Ильмень / Ред. И.И. Ере- меев. СПб.: Нестор-История. 2010.

ЕСУМ – Етимологічний словник україн- ської мови / Ред. кол. О.С. Мельничук, И.К. Білодід, В.Т. Коломієць, Т.Б. Лукино- ва, В.Г. Склиаренко, О.Б. Ткаченко и др. Т. 1–. Київ, 1982–.

Журавлев А.Ф. Язык и миф. Лингвисти- ческий комментарий к труду А.Н. Афа- насьева «Поэтические воззрения славян на природу». М.: Индрик, 2005.

Жучкевич В.А. Топонимические свиде- тельства на водоразделах Днепра и рек бассей- на Балтийского моря // Вопросы географии. № 110. Топонимика на службе географии. М.: Издательство «Мысль», 1979. С. 50–56.

Зализняк А.А. Древненовгородский диа- лект. 2-е издание, переработанное с учетом материала находок 1995–2004 гг. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Захарова Е.В., Кузьмин Д.В., Мулло- нен И.И., Шибанова Н.Л. Топонимные моде- ли Карелии в пространственно-временном контексте. М.: Издательский дом ЯСК, 2018.

ИАДП – Фролов А.А., Пиотух Н.В. Ист- орический атлас Деревской пятины Нов- городской земли (по писцовым книгам письма 1495–1496 годов). Т. 1–3. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2008.

Иванов Ф.И. Значение топонимики при изучении древних водных путей Верх- ней Волги // Вопросы географии. Сб. 58.

Географические названия. М.: Государственное издательство географической литературы, 1962. С. 100–108.

Ильин С. Н. Новый эпиграфический памятник XII века в верховьях Волги // КСИИМК. 1947. Вып. 17. С. 179–181.

Исланова И. В. Отчет о рекогносцировочных работах в Тверской области в 2005 году // Архив ИА РАН. Р-1. 26935. 2006.

Исланова И. В. Городище Отмичи / Отв. ред. Н. А. Кренке. М.: ИА РАН, 2008.

Исланова И. В. Древности в верховьях Волги (ранний железный век и раннее средневековье) / Отв. ред. А. М. Обломский. М.: ИА РАН, 2012.

Исланова И. В. Культурно-исторические процессы во II–VIII вв. н. э. в бассейнах Верхней Волги и Верхней Мсты. Дисс... докт. ист. наук. Москва, 2019.

Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Заговор / отв. ред. Т. М. Николаева. М.: Наука, 1993.

Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд / отв. ред. Т. М. Николаева. М.: Наука, 1990.

Карпухина Н. В., Писарева В. В., Зюганова И. С., Константинов Е. А., Захаров А. Л., Баранов Д. В., Уткина А. О., Панин А. В. Новые данные по стратиграфии разреза у д. Килешино (Тверская область) – ключ к пониманию границ оледенений на Валдайской возвышенности в верхнем неоплейстоцене // Известия Российской академии наук. 2020. Серия географическая. № 84 (6). С. 874–887.

КБЧ – Книга Большому чертежу / подгот. к печ. и ред. К. Н. Сербиной. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.

Кожаринов А. В., Сиринов А. А., Клименко В. В., Климанов В. А., Малясова Е. С., Слепцов А. М. Динамика растительного покрова и климата Западнодвинской низины (Тверская обл.) за последние 5 тысяч лет // Ботанический журнал. 2003. Т. 88. № 3. С. 90–102.

Колчин Б. А. Новгородские древности. Деревянные изделия. М.: Наука, 1968.

Комагорова М. А. История изучения и новые данные о рельефе и четвертичных отложениях западной оконечности Валдайской возвышенности // Рельеф и четвертичные образования Арктики, Субарктики и Северо-Запада России. 2022. № 9. С. 333–338. doi:10.24412/2687-1092-2022-9-333-338

Короткевич Б. С. Ранний железный век в верховьях Западной Двины и Ловати. Дисс... канд. ист. наук. Санкт-Петербург, 2004. 211 с.

Короткевич Б. С. Черная металлургия раннего железного века в верховьях Западной Двины и Ловати / Петербургский археологический вестник. № 9. СПб., 1994. С. 120–129.

Короткевич Б. С., Мазуркевич А. Н. Пять вариантов днепро-двинской культуры / Петербургский археологический вестник. № 2. СПб., 1993. С. 63–82.

Корякова Л. Н., Кузьминых С. В., Бельтикова Г. В. Переход к использованию железа в Северной Евразии // Переход от эпохи бронзы к эпохе железа в Северной Евразии. Материалы круглого стола 23–24 июня 2011 года / Отв. ред. В. А. Алекшин. СПб.: ИИМК РАН, ГЭ, 2011. С. 10–16.

Кренке Н. А. Дьяково городище. Культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. М.: ИА РАН, 2011.

Крысько В. Б. Древний новгородско-псковский диалект на общеславянском фоне // Вопросы языкознания. 1998. № 3. С. 74–93.

Кузнецов А. В. Словарь гидронимов Вологодской области. Тотыма – Грязовец: «Грязовецкая типография», 2010.

Кузьминых С. В., Чижевский А. А. Введение // Ранний железный век Археология Волго-Уралья. Т. III / Отв. ред. А. А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 5–10.

Кузьминых С. В., Чижевский А. А. Введение в археологию ананьинской культурно-исторической области: Северо-Восток Европы в финале бронзового и раннем железном веках // Археология Евразийских степей. 2017. № 3. С. 22–36.

Культовые камни Восточной Европы: Беларусь, Латвия, Литва, Россия / под общ. Ред. В. Г. Мизина. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2018.

Куприянов Д. А., Смирнов А. Л., Ханина Л. Г., Бобровский М. В. Антракологический и морфологический анализ старопахотных и антропогенных почв ландшафтов моренно-водноледниковых равнин Верхневолжья (Пеновский район Тверской области) // Отражение био-, гео-, антропогенных взаимодействий в почвах и почвенном покрове: Сборник материалов VII Международной научной конференции, посвященной 90-летию кафедры почвоведения

и экологии почв ТГУ, Томск, 14–19 сентября 2020 года. Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2020. С. 183–186.

Куркина Л. В. Культура подсечно-огневого земледелия в зеркале языка. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2011.

Лавр. лет. – Лаврентьевская летопись. Подготовлена к изданию Цепковым А. И. Текст печатается по изданию: Летопись по Лаврентьевскому списку. СПб., 1872.

Лаврова Г. А. Отчет об археологических обследованиях участков земельных отводов на территории Тверской области в 2009 году // Архив ИА РАН. Р-1. 38484. 2016.

Лаврович О. Н., Мещерякова И. И. Геология и минерально-сырьевая база центрального региона Российской Федерации: объяснительная записка к геологическим картам масштаба 1:500000 / М-во природных ресурсов РФ, Центр. регион. геолог. центр, Межрегион. центр по геолог. Картографии. М., 1997.

Ларин Б. А. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618–1619 гг.). Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1959.

Лемтюгова В. П. Восточнославянская ойконимия апеллятивного происхождения. Мн.: Наука и техника, 1983.

Линдберг Г. У., Герд А. С. Словарь названий пресноводных рыб СССР. Л.: Наука, 1971.

Макаров Н. А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв. По материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья. М.: Скрипторий, 1997.

Макаров Н. А., Чернецов А. В. К изучению культовых камней // Советская археология. 1988. № 3. С. 79–90

Максимов А. Д. Отчет о разведках и раскопках Калининской области в 1979 году // Архив ИА РАН. Р-1. 7526. 1979.

Малыгин П. Д. Культуры длинных курганов и сопки на территории Верхневолжья в конце I тыс. н. э. и славянское заселение бассейна р. Тверцы // Малыгин П. Д. Археологические памятники Тверской области и история их изучения. Тверь, 2007.

Мансикка В. Й. Заговоры Пудожского уезда Олонецкой губернии // Труды по религии восточных славян. М.: Форум: Неолит, 2016. С. 557–627.

Матв. СТРС – Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера. Т. I–IV. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2001, 2004, 2015.

Микляев А. М. Каменный – железный век в междуречье Западной Двины и Ловати // ПАВ № 9. СПб., 1995. С. 7–42.

Мирецкий А. В. Отчет о разведочных работах на территории Тверской области в 2000 году // Архив ИА РАН. Р-1. 7504. 2001.

Михайлова Е. Р. О так называемых погребальных площадках в культуре длинных курганов // Новгород и Новгородская земля. Великий Новгород, 1993. Вып. 7. С. 110–114.

Михайлова Е. Р. История изучения псковско-новгородских длинных курганов // Stratum plus. 2000. № 5. С. 32–49.

Михеев С. В. Княжеские печати с тамгами и атрибуция знаков Рюриковичей XI–XII в. // Древняя Русь: вопросы медиевистики: ежеквартальное издание 2017. № 4 (70) / Декабрь. С. 17–41.

Мнд – Межевой атлас Тверской губернии / под ред. А. И. Менде. СПб.: Тип. Имп. АН, 1853.

Молчанов А. А. Знаки Рюриковичей: древнерусская княжеская эмблематика // Русь в IX–X веках: археологическая панорама / Ин-т археологии РАН; отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 436–447

Мурз. СНГТ – Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. 2-е изд., перераб. и доп. Т. 1–2. М.: Картгеоцентр – Геодезиздат, 1999.

Мустафин Х. Х., Альборова И. Э., Стасюк И. В. Средневековый генофонд Водской земли Великого Новгорода // Stratum Plus. 2021. № 5. С. 397–410.

Мызн. РДЭС – Мызников С. А. Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов. М.; СПб.: Нестор-История, 2019.

Напольских В. В. Проблема формирования финноязычного населения Прибалтики (к рассмотрению дилемм финно-угорской предыстории) // Исследования по этногенезу и древней истории финноязычных народов. Материалы XVII Всесоюзной финно-угорской конференции. Ижевск, 1990. С. 40–67.

Невская Л. Г. Балтийская географическая терминология (к семантической типологии). М.: Наука, 1977.

Нидерле Л. Славянские древности / пер. с чешск. Т. Ковалевой и М. Хазанова. М.: Издательство иностранной литературы, 1956.

Николаев С.Л. Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. I. Кривичи // Балто-славянские исследования 1986. М.: Наука, 1988. С. 115–154.

НОС – Новгородский областной словарь / изд. подгот. А.Н. Левичкин, С.А. Мызников. СПб.: Наука, 2010.

НОС 1995 – Новгородский областной словарь / Авт.-сост. Л.Я. Петрова, В.П. Строгова; отв. ред. В.П. Строгова. Вып. 10. Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 1995.

Носов Е.Н. Грамота Всеволода Мстиславича на Терпужский погост Ляховичи на р. Ловати (историко-археологический комментарий) // Новгород и Новгородская земля. 1988. Л., 1988. Вып. 1. С. 79–81.

Носов Е.Н. Новгородская волость Буйцы (историко-археологический комментарий) // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XXV. Л., 1994. С. 41–56.

Носов Е.Н. Новгородская волость Буйцы: историко-археологический комментарий // Новгород и Новгородская земля. 1990. Вып. 3. С. 110–114.

Носов Е.Н. О грамоте Всеволода Мстиславича на Терпужский погост Ляховичи на р. Ловати (к вопросу о сложении феодальной вотчины) // Восточная Европа в древности и средневековье. М.: Наука, 1978. С. 27–39.

НПК – Новгородские писцовые книги: в 6 т. СПб.: Имп. Археогр. комиссия, 1859–1910.

НПЛ – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / подгот. к изд. А.И. Цепковым. Рязань: Александрия; Узорочье, 2001.

Олейников О.М. Климат в районе Верхней Волги в средние века // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород, 1992. Вып. 6. С. 69–82.

Олейников О.М. Культура длинных курганов Верхневолжского и Верхнеднепровского регионов // ТАС. Вып. 6. Т. II / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: ООО «Издательство «Триада», 2007. С. 166–184.

Основания регионалистики 1999 – Основания регионалистики: Формирование и эволюция историко-культурных зон Европейской России / В. А. Булкин, А. С. Герд,

Г.С. Лебедев, В.Н. Седых. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1999.

ОФУЯ – Основы финно-угорского языкознания. Прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки. М.: Наука, 1975.

Очерки исторической географии: Северо-Запад России: Славяне и финны / А.С. Герд, Г.С. Лебедев. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2001.

ПВЛ – Повесть временных лет: в 2 ч. / подгот. текста Д.С. Лихачева; пер. Д.С. Лихачева, Б.А. Романова; под ред. В.П. Адриановой-Перетц, М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Ч. 1: Текст и перевод.

Пежемский Д.В. Антропологический состав средневекового населения бассейна Западной Двины // Вестник антропологии. 2012. Вып. 22. С. 174–183.

Пежемский Д.В. Могильник Сельцо по данным палеоантропологии // Вестник Тверского государственного университета. 2014. Серия «История». № 4. С. 93–108.

Пежемский Д.В., Степанова Ю.В., Жукова Е.Н. Древнерусское население Верхневолжья: погребальный обряд и палеоантропология (по материалам Избрижского могильника) // Вестник Тверского государственного университета. 2009. Серия «История». № 12. С. 90–107.

ПKNЗ – Писцовые книги Новгородской земли / Сост. К.В. Баранов. Т. 1. М.: Археологический центр; Древлехранилище, 1999; Т. 2. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999; Т. 3–5. М.: Древлехранилище, 2001–2004.

ПКОП – Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1930.

ПКРВ – Писцовая приправочная книга 1588–1589 годов уезда Ржевы Володимировой (половина князя Дмитрия Ивановича) / Подгот. А.А. Фролов. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2015.

Плетнев В.А. Об остатках древности и старины в Тверской губернии. К археологической карте губернии. Тверь: Типография Губернского правления, 1903.

Подвысоцкий – Подвысоцкий А.О. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1885.

Попов А.С. Дорога к истоку. Записки краеведа. М., 2009.

- Попов А.И. Следы времен минувших. Из истории географических названий Ленинградской, Псковской и Новгородской областей. Л.: Наука, 1981.
- ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными / Ред. А.И. Лебедева, О.С. Мжельская, С.М. Глускина, Л.А. Иващенко, А.И. Корнев, И.С. Лутовинова и др. Вып. 1–27–. Л. / СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 1967–2017–.
- Поспелов Е.М. Географические названия мира: Топонимический словарь. 2-е изд., стереотип. М., 2001.
- Потебня А.А. Этимологические заметки // Живая старина. Вып. III. СПб., 1891. С. 117–128.
- Потресов А.С., Шолохова Е.В. Древние водные пути новгородцев // Ледовое побоище 1242 г. Труды комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища. М.; Л.: Наука, 1966.
- Происхождение и этническая история русского народа по антропологическим данным // Труды института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая»; отв. ред. В.В. Бунак. М.: Наука, 1965.
- Пронин Г.Н. Сопки, курганы, жальники (к вопросу о преемственности) // Краткие сообщения Института археологии. 1981. Вып. 166. С. 11–16.
- ПСРЛ VII – Полное собрание русских летописей. Т. VII. Летопись по Воскресенскому списку. СПб., 1856.
- Рагозин В.И. Волга. Т. 1. СПб.: тип. К. Ригер, 1880.
- РИБ XXVII – Русская историческая библиотека, изд. Императорской археографической комиссией. Т. XXVII. Отд. 1. Ч. 1. Т. 1. Литовская метрика. СПб., 1910.
- Розенфельд И.Г. Керамика дьяковской культуры // Дьяковская культура. Москва, 1974. С. 90–197.
- Рыбаков Б.А. Рогволодов камень // Русские датированные надписи XI–XIV веков. М.: Наука, 1964. С. 33.
- Санкина С.Л. Происхождение антропологических особенностей населения Новгородской земли древнерусского времени (X–XIII вв.) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. Вып. 3 (39). С. 152–157.
- Санкина С.Л. Этническая история населения Новгородской земли по данным антропологии. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH., 2012.
- Сарафанова Н.А., Малыгин П.Д., Фролов А.А. Разведочные работы Новоторжской археологической экспедиции в Тверской области // Археологические открытия. 2003 год / Отв. ред. В.В. Седов. М.: ИА РАН. 2004. С. 195–196.
- Сарафанова Н.А. Работы Новоторжской археологической экспедиции // Археологические открытия. 2002 год / Отв. ред. В.В. Седов; ИА РАН. 2003. С. 171–172.
- Сб. РИО – Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 35. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским, т. 1 (с 1487 по 1533 год). СПб.: Типография Ф. Елеонского и К., 1882.
- СБГ – Словарь брянских говоров: в 5 т. / под ред. В.Н. Чагишевой. Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1976–1988.
- СГРС – Словарь говоров Русского Севера / под ред. А.К. Матвеева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001–. Вып. 1–.
- Седов В.В. Межевой камень XIV в. из Изборска // Советская археология. 1974. № 3. С. 262–264.
- Седов В.В. Славяне: Историко-археологическое исследование. М.: Языки славянской культуры, 2002.
- Сидоренко А.В. Геология СССР. Том IV. Центр Европейской части СССР. Геологическое описание. М.: изд-во «Недра», 1971.
- Слгр – Селигер. Материалы по русской диалектологии: Словарь / Гл. ред. А.С. Герд. Вып. 1–8. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета; Филологический факультет СПбГУ; Нестор-История; Тверь: Твер. гос. ун-т, 2003–2020.
- СлРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. / гл. ред.: С.Г. Бархударов (вып. 1–6), Ф.П. Филин (вып. 7–10), Д.И. Шмелев (вып. 11–14), Г.А. Богатова (вып. 15–26), В.Б. Крысько (вып. 27–). М.: Наука, 1975–.
- Смирнов А.Л., Добровольская М.В., Курьянов Д.А., Ханина Л.Г., Челобаева Е.О., Бобровский М.В. Культурный слой городищ железного века и раннего средневековья в истоках Волги и Западной Двины (Руна-Заборовка, Заборовка-Лихуша, Ворошилово, археологический комплекс Верхмарево) // Археология Евразийских степей. 2023. № 3. С. 198–223. <https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.3.198.223>

Смирнов А.Л., Меньшиков М.Ю., Бобровский М.В., Курприянов Д.А., Клещенко Е.А., Тиунов А.В., Добровольская М.В. Расселение исторически ландшафты на западе Валдая в раннем железном веке и Средневековье // Российская археология. 2021б. № 3. С. 80–96.

Смирнов А.Л., Добровольская М.В., Меньшиков М.Ю. Археологические разведки в Пенновском районе Тверской области в 2018–2019 гг. // Археологические открытия. 2019 год / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: ИА РАН, 2021а. С. 83–87.

Смирнов А.Л., Свиркина Н.Г., Добровольская М.В., Курприянов Д.А., Меньшиков М.Ю. Археологические разведки в Пенновском районе Тверской области в 2020 г. // Археологические открытия. 2020 год / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: ИА РАН. 2022. С. 81–84.

Смирнов К. А. Дьяковская культура: (Материальная культура городищ междуречья Оки и Волги) // Дьяковская культура / Отв. ред. Ю. А. Краснов. М.: Наука, 1974. С. 7–89.

Смирнов К. А. К вопросу о систематизации грузиков “дьякова типа” с Троицкого городища // Древнее поселение в Подмоскowie (Троицкое городище) / Отв. ред. Ю. А. Краснов. М.: Наука, 1971 (Материалы и исследования по археологии СССР; № 184). С. 80–98.

Смол. ГБО – Смолицкая Г.П. Гидронимия бассейна Оки (список рек и озер). М.: Наука, 1976.

СНМНГ – Список населенных мест Новгородской губернии / сост. под ред. Новгородск. губ. стат. ком. В. А. Подобедова (вып. 1–9); Н.П. Володина (вып. 10): в 10 вып. Новгород: Губ. тип., 1907–1912.

СНМ-Ост – Осташковский уезд Тверской губернии // Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Т. XLIII. Тверская губерния: по сведениям 1859 года / обработан ред. И. Вильсоном. 1862.

СНМРИ-ПГ – Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Т. XXXIV. Псковская губерния. СПб., 1885.

СОЛЯМР 1 – Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков / Ред. Мжельская О.С. Вып 1. СПб.: Наука, 2004.

Спрогис – Спрогис И.Я. Географический словарь древней Жомойтской земли XVI столетия. Вильна, 1888.

СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А.С. Герд. Т. 1–6. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 1994–2004.

Срезн. МС – Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I–III. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1893–1912.

Срезневский И.И. Грамота великого князя Мстислава и сына его Всеволода Новгородскому Юрьеву монастырю. (1130 г.). СПб., 1860.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С. А. Мызников. Т. 1–51. М.; Л./СПб.: Наука, 1965–2019–.

ССГ – Словарь смоленских говоров: в 11-ти вып. / Под ред. А.И. Ивановой, Е.Н. Борисовой, Л.З. Бояриновой. Смоленск: Смоленский пед. ин-т/Смоленский гос. пед. ун-т, 1974–2005.

ССОД – Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби: Дополнение. Ч. 1–2. Томск, Издательство Томского университета, 1975.

СССПИ – Словарь-справочник «Слова о полку Игореве»: в 6 выпусках / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); Ин-т рус. яз; Под ред. Б.Л. Богородского, Д.С. Лихачева, О.В. Творогова; Сост. В.Л. Виноградова. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1965–1984.

Станкевич Я.В. К истории населения Верхнего Подвинья в I и начале II тысячелетия н.э. // МИА. № 76. М.: Наука, 1960.

Стасюк И.В., Х.Х. Мустафин, И.Э. Альборова. «Славянская колонизация» Водской земли: историография, проблемы, новые подходы (резюме) // Stratum Plus. 2020. Вып. 5 С. 347–361.

Степанова Ю.В. Могильник Сельцо в Верховьях Западной Двины по данным археологии // Вестник. ТВГУ. 2014. Серия. «История». № 4. С. 155–164.

Столярова Т.И. Геологическая карта четвертичных отложений Лист О-36-XXVIII (Масштаб 1: 200000) // Геологическое управление центральных районов / под ред. В.А. Котлукова. Л.: Картограф. фабрика Госгеолтехиздата Министерства геологии и охраны недр СССР, 1961.

Суп. СНФЛИ – Суперанская А.В. Словарь народных форм русских имен. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010.

Тараканова С.А. Археологические разведки в новгородских пятинах // КСИИМК. 1945. Вып. XI. С. 73–78.

Тараканова С.А. Об археологическом изучении сельских феодальных поселений в пятинах Великого Новгорода // КСИА. 1940. Вып. 5. С. 40–45.

Толстой Н.И. Славянская географическая терминология: Семасиологические этюды. М., 1969.

Топ. ПЯ – Топоров В.Н. Прусский язык. Словарь. Т. 1 (А – D); 2 (E – H); 3 (I – K); 4 (K – L); 5 (L). М., 1975–1990.

Топоров В.Н., Трубачев О.Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М.: Издательство Академии наук СССР, 1962.

Топоров В.Н. Некоторые задачи изучения балтийской топонимии русских территорий // Вопросы географии. Сб. 58. Географические названия. М.: Государственное издательство географической литературы, 1962. С. 41–49.

Топоров В.Н. Baltica Подмосковья // Балто-славянский сборник. М.: Наука, 1972. С. 217–280.

Топоров В.Н. Балтийский элемент в гидронимии Поочья. I // Балто-славянские исследования 1986. М., 1988. С. 154–177.

Топоров В.Н. О характере древнейших балто-финноугорских контактов по материалам гидронимии // Uralo-Indogermanica. Балто-славянские языки и проблема урало-индоевропейских связей. Материалы 3-й балто-славянской конференции, 18–20 июня 1990 г. Ч. 1. М.: Наука, 1990. С. 101–107.

Топоров В.Н. Еще раз о названии *Волга* // Studia slavica. Языкознание. Литературоведение. История. История науки. К 80-летию С.Б. Бернштейна / ред. В.Н. Топоров и др. М.: Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР, 1991. С. 47–62.

Топоров В.Н. О северо-западном локусе балтийской гидронимии (из цикла *По окраинам древней Балтии*) // Res Balticae. Pisa, 1995. Pp. 13–40.

Топоров В.Н. Балтийский элемент в гидронимии Поочья. III // Балто-славянские исследования 1988–1996. М.: Индрик, 1997. С. 276–310.

Топоров В.Н. О балтийском слое русской истории // Florilegium: К 60-летию Б.Н. Флори / сост. А.А. Турилов. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 349–411.

Топоров В.Н. К вопросу о “новгородско-литовском” пространстве и его языковой характеристике (по материалам XIII–XV веков) // Res Balticae. Pisa, 2001. Вып. 7. С. 7–22.

Третьяков П.Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.–Л.: Наука, 1966.

Трофимова Т.А. Кривичи и вятичи и славянские племена Поднепровья по данным антропологии // Советская этнография. 1946. Вып. 1. С. 91–136.

Трошин Е.Н. Новая находка древнерусской надписи и изображения княжеского знака в Смоленске // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 2000. № 6. С. 248–253.

Трубачев О.Н. Названия рек Правобережной Украины. Словообразование. Этимология. Этническая интерпретация. М.: Наука, 1968.

Трубачев О.Н. В поисках единства. Взгляд филолога на проблему истоков Руси. 2-е изд., доп. М.: Наука, 1997.

Трубачев О.Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М.: Наука, 2002.

Трубачев О.Н. В поисках единства: взгляд филолога на проблему истоков Руси. М.: Наука, 2005. 286 с.

Трубачев ТЭ – Трубачев О.Н. Труды по этимологии: Слово. История. Культура. Т. 1–2. М.: Языки славянской культуры, 2004.

ТСГТО – Тематический словарь говоров Тверской области: в 5-ти вып. / Гл. ред. Т.В. Кириллова. Тверь: ТвГУ, 2003–2006.

Туп. СДПСИ – Тупиков Н.М. Словарь древнерусских личных собственных имен // Записки Отд. рус. и слав. археологии имп. Рус. археолог. об-ва / Вступ. ст. и подгот. текста В.М. Воробьев. М., 2004. (Напечатан по изданию: Словарь древнерусских личных собственных имен. Труд Н.М. Тупикова. Т. VI. СПб., 1903. С. 98–913).

Успенская А.В. Раскопки на озере Селигер // Археологические открытия. 1967 г. / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: ИА РАН, 1968.

Фасм. ЭСРЯ – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. Т. I–IV. М.: Прогресс, 1986–1987.

Фролов А. А. Некоторые итоги и перспективы историко-географического изучения средневековых волостей Буйцы и Лопастницы // Историческая география. Т. 2 / Отв. ред. И. Г. Коновалова. М.: Аквилон, 2014. С. 54–104.

Фролов А. А. Новые материалы по средневековой исторической географии земель Ржевы Володимировой // Вестник ТвГУ. Серия «История». 2013. Вып. 4. С. 77–89.

Фурасьев А. Г. Среднетушемлинские памятники Подвинья // Stratum Plus. 2000. № 4. С. 201–208.

Хелимский Е. А. Компаративистика, уралистика: Лекции и статьи. М., 2000.

Хинце Ф. К древнепрусской топонимии Помезании // Балто-славянские исследования 1986. М., 1988. С. 177–195.

Чайкина Ю. И. Географические названия Вологодской области. Топонимический словарь. Архангельск; Вологда: Северо-Западное книжное издательство, Вологодское отделение, 1988.

Чайкина Ю. И. Очерки по лексике севернорусских говоров // Вопросы истории лексики Белозерья. Вологда: Вологодский гос. пед. ин-т, 1975.

Черепанова Е. А. Народная географическая терминология Черниговско-Сумского Полесья. Сумы, 1984.

Чернов С. З. Изучение Кенского волока 1979 года // Археологические открытия. М., 1980. С. 37–38.

Черных И. Н. Отчет о разведках в Осташковском и Пенновском районах Калининской области в 1979 году // Архив ИА РАН. Р-1. 7504. 1980.

Чумакова Ю. П. Расселение славян в Среднем (Рязанском) Поочье по лингвистическим и историческим данным. Уфа: Изд-е Башкирского ун-та, 1992.

Шахматов А. А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг.: тип. Имп. акад. наук, 1915.

Шиндин С. Г. Пространственная организация русского заговорного универсума: образ центра мира // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Заговор / Отв. ред. В. В. Иванов, Т. И. Свешникова. М.: Наука, 1993. С. 108–128.

Шкапский – Озера Псковской губернии (их естественно-историческая характеристика и экономическое значение). С картографией

озерных районов / сост. О. А. Шкапский. Псков: Тип. Псков. губ. земства, 1912.

Шмидт Е. А. Верхнее Поднепровье и Подвинье в III–VII вв. н. э. Тушемлинская культура. Смоленск: Центр по охране и использованию памятников истории и культуры. Смоленск, 2003.

Шмидт Э. А. Племена верховьев Днепра до образования Древнерусского государства. Днепро-двинские племена (VIII в. до н. э. – III в. н. э.). М.: Прометей, 1992.

Шнк – Шанько Д. Ф. Реки и леса Ленинградской области. Л.: Изд. обл. лесного отдела, 1929.

Шульгач В. П. Праслов'янський гідронімний фонд (фрагмент реконструкції). Київ, 1998.

ЭСБЕ – Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1890–1907.

ЭСБМ – Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / Рэд. В. У. Мартынаў (Т. 1–8), Г. А. Цыхун (Т. 9–10). Т. 1–12. Мінск, 1978–2008.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубачева, А. Ф. Журавлева, Ж. Ж. Варбот. Вып. 1–40–. М.: Наука, 1974–2016–.

Юшкова М. А. Эпоха бронзы и ранний железный век на Северо-Западе России. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2011.

Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. М.: Высшая школа, 1977.

Янин В. Л. К вопросу о дате Лопастницкого креста // Краткие сообщения Института истории и материальной культуры. Вып. 68. М., 1957. С. 31–34.

Янин В. Л. Новгород и Литва. Пограничные ситуации XIII–XV веков. М.: Издательство Московского университета, 1998.

Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. М.: Наука, 1981.

Янин В. Л. У истоков новгородской государственности // Вестник Российской академии наук. 2000. Т. 70. № 8. С. 675–681.

Яшк. БГН – Яшкін І. Я. Беларускія геаграфічныя назвы. Тапаграфія. Гідралогія. Мн.: Навука і тэхніка, 1971.

Bezł. ES – Bezłaj F. Etimološki slovar slovenskega jezika. Knj. 1–4. Ljubljana, 1977–2005.

Biolik M. Hydronymia Europaea. Zuflüsse zur Ostsee zwischen unterer Weichsel und Pregel. Stuttgart, 1989.

- Blažek V. Volga – the first river of Europe // *Acta Linguistica Lituanica*. 2019. T. LXXXI. P. 52–96.
- Bobrovsky M. V.; Kupriyanov D. A.; Smirnov A. L.; Khanina L. G.; Dobrovolskaya M. V.; Tiunov A. V. Dynamics of Diversity of Woody Species Taxa under Human Impact in the Upper Volga Region (NW Russia) According to Pedaanthracological Data // *Diversity*. 2023. Vol. 15. P. 403.
- Būga RR – Būga K. Rinktiniai raštai. Sudarė Z. Zinkevičius. Vilnius: Valstybinė politinės ir mokslinės literatūros leidykla, 1958–1961. T. 1–3.
- Bunak V. V. The craniological types of the East Slavic kurgans // *Antropologie*. Praha, 1932.
- Büntgen U., Myglan, V. S., F. Charpentier, McCormick M., Di Cosmo N., Sigl M., Jungclauss J., Wagner S., Krusic P. J., Esper J., Kaplan J. O., De Vaan M. A. C., Luterbacher J., Wacker L., Tegel W., Kirilyanov A. V. Cooling and societal change during the Late Antique Little Ice Age from 536 to around 660 AD // *Nature Geoscience*. 2016. № 9 (3). P. 231–236.
- Dull R. A., Southon J. R., Kutterolf S., Anchukaitis K. J., Freundt A., Wahl D. B., Sheets P., Amaro P., Hernandez W., Wiemann M. C., Oppenheimer C. Radiocarbon and geologic evidence reveal Ilopango volcano as source of the colossal ‘mystery’ eruption of 539/40 CE // *Quaternary Science Reviews*. 2019. V. 222. 2019. P. 105–855.
- Endzelin J. Die lettlandischen Gewässernamen // *Zeitschrift für slawische Philologie*. Wiesbaden, 1934. Bd. 11. H. 1/2. S. 112–150.
- Endzelins J. Latvijas PSR vietvārdi. D. 1. Sēj. 1. Rīgā: LPSR ZA izd., 1956.
- Endzelins J. Latvijas PSR vietvārdi. D. 1. Sēj. 2. Rīgā: LPSR ZA izd., 1961.
- Fr. LEW – Fraenkel E. Litauisches etymologisches Wörterbuch. T. I–II. Heidelberg: Carl Winter. Universitätsverlag; Göttingen: Vandenhoeck + Ruprecht, 1962.
- Ger. AO – Gerullis G. Die altpreuussischen Ortsnamen. Berlin – Leipzig, 1922.
- Hepp D. A. On the synchronisation of climate changes with settlement and landscape developments: limits and challenges, using the example of the 5th and 6th centuries in north-western Germany // *Siedlungs- und Küstenforschung im südlichen Nordseegebiet*. 2022. № 45. P. 133–155.
- HW – Hydronimia Wisły. Cz. I: Wykaz nazw w układzie hydrograficznym / Pod red. P. Zwolińskiego. Wrocław etc., 1965.
- Kalima J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsingfors, 1915.
- Kar. LEV – Karulis K. Latviešu etimoloģijas vārdnīca. Sēj. I–II. Rīgā: «Avots», 1992.
- Krahe H. Sprache und Vorzeit. Heidelberg, 1954.
- Krahe H. Unsere ältesten Flussnamen. Wiesbaden, 1964.
- LKŽ – Lietuvių kalbos žodynas. T. 1–20 / ed. G. Naktinienė. Vilnius: Lietuvių kalbos institutas, 1941–2002 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lkz.lt>
- LUEV–Lietuvos TSR upių ir ežerų vardynas / B. Savukynas, E. Grinaveckienė, J. Senkus et al. Vilnius: Valstybinė politinės ir mokslinės literatūros leidykla, 1963.
- Mazei Y. A.; Tsyganov A. N.; Bobrovsky M. V.; Mazei N. G.; Kupriyanov D. A.; Gaška M.; Rostanets D. V.; Khazanova K. P.; Stoiko T. G.; Pastukhova Y. A.; et al. Peatland Development, Vegetation History, Climate Change and Human Activity in the Valdai Uplands (Central European Russia) during the Holocene: A Multi-Proxial Palaeoecological Study // *Diversity*. 2020. № 12. P. 462. <https://doi.org/10.3390/d12120462>
- Mažiulis V. Prūsų kalbos etimologijos žodynas. T. 3. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 1996.
- Otrębski J. La formation des noms physiographique en lithuanien // *Lingua Posnaniensis*. I. Poznań, 1949. S. 199–243.
- Ramsey C. B. Bayesian analysis of radiocarbon dates // *Radiocarbon*. 2009. Vol. 51. P. 337–360.
- Ramsey C. B. Methods for summarizing radiocarbon datasets // *Radiocarbon*. 2017. Vol. 59. P. 1809.
- Reimer P. J., Austin W. E., Bard E., Bayliss, A., Blackwell P. G., Ramsey C. B., Butzin M., Cheng H., Edwards R. L., Friedrich M., Grootes P. M., Guilderson T. P., Hajdas I., Heaton T. J., Hogg A. G., Hughen K. A., Kromer B., Manning S. W., Muscheler R., Palmer J. G., Pearson C., van der Plicht J., Reimer R. W., Richards D. A., Scott E. M., Southon J. R., Turney C. S. M., Wacker L., Adolphi F., Büntgen U., Capano M., Fahrni S. M., Fogtmann-Schulz A., Friedrich R., Köhler P., Kudsk S., Miyake F., Olsen J., Reinig F., Sakamoto M., Sookdeo A., Talamo S. The IntCal20 Northern Hemisphere radiocarbon age calibration 927 curve (0–55 cal kBP) // *Radiocarbon*. 2020. Vol. 62. P. 725–757.
- Saarnisto M., Grönlund T. Shoreline displacement of Lake Ladoga – new data from Kilpo-

lansaari // *Hydrobiologia*. 1996. № 322. P. 205–215. <https://doi.org/10.1007/BF00031829>.

Savukynas B. Ežerų vardai // Lietuvių kalbotyros klausimai, 1962. T. 5. P. 191–198.

Schmid W.-P. Alteuropäisch und indogermanisch. Wiesbaden, 1968.

Schmid W.-P. *Linguisticae Scientiae Collectanea*. Ausgewählte Schriften. Berlin; New York, 1994.

SKES – Suomen kielen etymologinen sanakirja. O. I–VII. Helsinki, 1955–1981.

Skok ER – *Skok P.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Knj. I–IV. Zagreb, 1971–1974.

Sławski F. Zarys słowotwórstwa prasłowiańskiego // *Słownik prasłowiański* / red. F. Sławski. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Zakład Narodowy im. Ossolińskich. T. 2. 1976. S. 13–60.

SSA – Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. O. 1–3. Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seura, 1992–2000.

SSNO – *Słownik staropolskich nazw osobowych* / pod red. i ze wstęp. W. Taszyckiego (t. 1–6); opr. pod kier. M. Malec (t. 7, Supplement). Wrocław etc., 1965–1987.

Tarasov P. E., Savelieva L. A., Kobe F., Korotkevich B. S., Long T., Kostromina N. A., Leipe C. Lateglacial and Holocene changes in vegetation and human subsistence around Lake Zhizhit-skoye, East European midlatitudes, derived from radiocarbon-dated pollen and archaeological records. *Quaternary International*. 2022. Vol. 623. P. 184–197.

Taszycki W. *Rozprawy i studia polonistyczne*. I: *Onomastyka*. Wrocław; Kraków, 1958.

Van. LH – *Vanagas A.* Lietuvių hidronimų etimologinis žodynas. Vilnius: Mokslas, 1981.

Vanagas A. Lietuvos TSR hidronimų daryba. Vilnius: Leid. Mintis, 1970.

Vasm. BzHVO – *Vasmer M.* Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas. I–IV // *Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften (philos.-hist. Klasse)*. I. 1932. S. 637–666; II. 1934. S. 35–440; III. 1935. S. 507–594; IV. 1936. Berlin, 1932–1936. S. 176–270.

Zeps V. The placenames of Latgola. A Dictionary of East Latvian Toponyms. Madison, Wisconsin, 1984.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Наименования языков, диалектов⁵⁵, территорий

Андр.	– Андреапольский район Тверской области
балт.	– балтский
балто-слав.	– балто-славянский
блр.	– белорусский
болг.	– болгарский
ВДП	– водораздел Волги, Западной Двины и Пола
вепс.	– вепсский
вод.	– водский
вост.-балт.	– восточнобалтский
вост.-слав.	– восточнославянский
греч.	– греческий
дак.	– дакский
диал.	– диалектный
др.-балт.	– древнебалтский
др.-болг.	– древнеболгарский
др.-вост.-слав.	– древневосточнославянский
др.-инд.	– древнеиндийский
др.-исл.	– древнеисландский
др.-новг.	– древненовгородский
др.-норв.	– древненорвежский
др.-польск.	– древнепольский
др.-пск.	– древнепсковский
др.-рус.	– древнерусский
зап.-балт.	– западнобалтский
зап.-рус.	– западнорусский
зап.-твер.	– западнотверской
и.-е.	– индоевропейский
ижор.	– ижорский
иллир.	– иллирийский
кар.	– карельский
лат.	– латинский
латг.	– латгальский
лив.	– ливский
лит.	– литовский
лтш.	– латышский
люд.	– людиковский диалект карельского языка
макед.	– македонский
Мар.	– Марёвский район Новгородской области
мар.	– марийский
нем.	– немецкий
новг.	– новгородский

⁵⁵ Сокращения (территориальные пометы), принятые в словарях современной русской диалектной лексики, в список не включены (за исключением новг., пск., твер.).

общерус.	- общерусский
Ост.	- Осташковский район Тверской области
Пен.	- Пеновский район Тверской области
польск.	- польский
праслав.	- праславянский
приб.-фин.	- прибалтийско-финский
прус.	- прусский
пск.	- псковский
рус.	- русский
сев.-рус.	- севернорусский
сербохорв.	- сербохорватский
сканд.	- скандинавский
слав.	- славянский
словац.	- словацкий
словен.	- словенский
ср.-рус.	- среднерусский
ст.-блр.	- старобелорусский
ст.-пск.	- старопсковский
ст.-рус.	- старорусский
ст.-укр.	- староукраинский
ст.-чеш.	- старочешский
твер.	- тверской
Тор.	- Торопецкий район Тверской области
укр.	- украинский
фин.	- финский
чеш.	- чешский
швед.	- шведский
эст.	- эстонский
южн.-пск.	- южнопсковский

Прочее

бол.	- болото
вдхр.	- водохранилище
вол.	- волость
гор.	- город
губ.	- губерния
д.	- деревня
дд.	- деревни
л.пр.	- левый приток
множ.	- множественное число
мстн.	- местность
назв.	- название ⁵⁶
напр.	- например
обл.	- область
оз.	- озеро
озз.	- озёра
п.	- пустошь
п.пр.	- правый приток
пог.	- погост

⁵⁶ Сокращение используется только перед курсивной записью топонима.

пос.	- поселок
пч.	- починок
пчч.	- починки
пш.	- пустоши
прот.	- протока
р.	- река
Род. п.	- родительный падеж
р.ц.	- районный центр
р-н	- район
рр.	- реки
руч.	- ручей
с.	- село, селение
совр.	- современный
суф.	- суффикс
сц.	- сельцо
сщ.	- селище
у.	- уезд
ур.	- урочище

Расшифровка отдельных знаков

(?) – знак, отмечающий топонимы и топонимные варианты, приводимые с сомнением

() – в курсивных круглых скобках даются варианты топонимов.

“ – в одинарных кавычках даются лексические значения

”” – в двойных кавычках даются первично-этимологические значения топонимаций

УКАЗАТЕЛЬ ОПОРНЫХ ТОПОНИМОВ

- Бдыни*, 151, 159
Беззуб, 157, 159
Бенёк, 120
Березоватица, 116
Беретец, 103, 133
Боброво, 118
Боковетцкая, 108
Болого, 133, 153, 159
Боровое, 111
Бохотское, 105, 132, 161
Бранишна, 150, 160
Брисцо, 86
Брод, 125
Бродишно, 125
Бросно, 102, 129, 160
Бросница, 102
Буец, 123, 127
Буино, 124, 129
Буиць, 123, 160
Бурмакина Мартынова Слободка, 140
В Заходе, 141
В Ясну Ляховичи, 109, 159
Валин Луг, 146, 160
Вверх Моревы, 122
Веленец, 85
Великий Мох, 107
Велская, 85
Вербино, 116
Верхит, 75, 176
Верхут, 75
Весниболог, 154, 159
Видбино, 100, 129, 159
Витожетка, 84
Внучки, 157, 159
Волга, 70, 76
Волкота, 83, 84, 128
Волочок, 119, 159
Вострое, 114
Волок, 119, 159
Вотолово, 83, 128
Вселук, 75, 127
Выборово, 142, 161
Вьшеголос, 87
Гара, 111
Гари Большие, 147
Гаричта, 147
Глубокое, 103
Говишица, 83
Гоголиново, 118, 150, 159
Гора, 111
Горица, 111
Горка, 111
Городец, 136, 159
Городецкая, 136
Городецкое, 137
Городецкой, 136
Городецкой Мох, 136
Городинская Лука, 137
Городница, 137
Городно, 131, 137
Городня, 131, 137
Городок, 137, 138
Горуша, 111
Горынка, 104, 159
Грива, 110
Двина, 71, 159
Двинец, 72, 129, 159
Доброе, 154
Долгое, 103
Должехто, 84, 133, 176
Долостцо, 86, 129, 175
Долосцо, 86, 129, 175
Домна, 106, 160
Дригтя, 101
Дубна, 116
Дубровицы, 145
Дубровка, 116, 145
Дъмонцо, 80, 174
Елно, 114, 115, 130
Ерлыхан, 83
Ероховское Селище, 139
Жабера, 84
Жабери, 84, 131
Жаденье, 155
Жельбня, 151, 159
Жукопа, 84
Заболотье, 112
Заболоцкое, 108, 134
Заборовье, 111, 112
Заборье, 105, 111, 130
Заволокино, 120
Загороденье, 137
Загородное, 138
Загородье Агафоново, 137
Загородья, 136
Загороденье на Нижнем Устье, 138

- Загузие, 112
Задена, 145
Залазье, 116
Залесье, 112
Залесье *Филитово*, 112
Зальзено, 132, 150
Заозерейцо, 108, 160
Заприводино, 150
Зарази, 109, 159
Заразино, 110
Заргъчье, 108
Заселье, 140
Захажье, 141
Заход, 141, 159
Звоз, 110
Илиговка, 81, 122
Илигово, 81, 128
Илкино, 81
Иловица, 107
Имно, 134, 148
Индено, 80
Ингътово, 129
Иртица, 76
Исня, 82
Источно, 107, 133
Калша, 79
Камен Брод, 125, 160
Каменка, 173
Камено, 102, 130
Каменный, 102
Клин, 109
Кльциница, 117
Кльцино, 117, 160
Княжое, 156
Колпенка, 117
Колпино, 117, 118, 130, 131, 160
Конеческий Мох, 151
Кониць, 151, 159
Корино, 107, 130
Кочюжье, 101, 129
Крапивно, 114
Красное, 103, 134
Кресты, 126
Кривица, 104, 173
Кроваи, 110, 161
Крутой, 105
Ксеновская Гора, 111
Кудино, 79, 133
Кудь, 78, 95, 134
Кур, 106, 160
Курган, 152
Кутева, 79, 95
Лезная, 106
Либиница, 133, 155
Лизовка, 107
Литовская дорога, 124
Лихое, 156
Лопастница, 100, 127
Лопино, 80
Лугова, 147
Лужки, 147
Луко, 101, 133
Луцяи, 86, 128
Любино, 131, 155
Ляхче, 155
Ляховичи, 156
Малое Меглинцо, 100
Маринцо, 85, 128
Масавица, 79
Мглино, 100
Мегленка, 100
Меглино, 100, 129, 160
Межник, 134
Межток, 108
Мезгитно, 80
Менцо, 102, 130
Меслинка, 76
Морева, 128
Морея, 76
Моревское, 76, 133
Мостица на Нижнем Устье, 125
Мостице, 125
Мишеного Болота, 113
На Бглом Лугу, 147
На Ведши, 143
На Ведшы, 143
На Ветши, 143
На Ветши на Добрецькой, 143
На Высоком Лугу, 147
На Гоголевъ, 150
На Лесъ, 143
На Лугу, 147
На Новъ, 143
На Острову, 108
На Переволокъ, 120
На Поле, 143
На Ручье, 108
На Судках, 112
На Чистьцы, 110
Над Выскидью, 109
Над Межником, 148
Наполице, 112
Нетесма, 79
Нивица, 144
Нивище, 144
Новинки, 143

- Новоселье, 139
 Нытье, 152
 Обрадovo, 157
 Обрѣтенье, 131, 153
 Овалнина на Стегъ, 146
 Одворица, 147
 Озерешня, 173
 Оковский Лес, 90
 Олюшина, 115, 134, 160
 Ордовка, 82
 Ореховка, 115
 Ореховна, 115
 Ореховно, 115
 Ореховня, 134
 Орлино, 133
 Орлинце, 82
 Орневка, 83
 Осечно, 132, 148
 *Оснец, 115, 133
 Осье, 116
 Оталец, 101, 133
 Охват, 96, 174
 Павиница, 81, 95
 Пена, 75
 Переволока, 120
 Перезное, 126
 Перелаз, 126
 Персянка, 76
 Печищо в Заходе, 141, 142
 Пещанка, 102
 Плоское, 110
 Плоской, 110
 Плотинцо, 149
 Плотично, 117, 131, 149
 Погорѣлово, 132, 147
 Поддубье, 116
 Подлесье, 113
 Подосье, 116
 Пола, 73, 80
 Половизна, 78, 122
 Половизьма, 78
 Полово, 78, 129
 Половь, 106, 134
 Польнец, 80
 Поляница, 144
 Порецкой ям, 123, 142
 Пукавица, 109
 Пупово, 107, 130
 Пяуна, 81
 Раменье, 144
 Ратман, 105
 Ржавецкой Мох, 103
 Ржавица, 103
 Ровное, 110
 Рог, 109
 Рогово, 109
 Рожкова, 109
 Рожок, 109
 Рубежница, 148
 Руна, 76, 77, 94, 134
 Сабленцо, 113
 Свирь, 105
 Святица, 152
 Селена, 81, 134
 Селигеров, 156
 Селища, 139
 Селище, 139
 Селца, 139
 Селцо, 139
 Сеньг, 96, 157, 160
 Сердечко, 103
 Синка, 79, 95
 Скорбино, 80
 Славотино, 156
 Слободина, 141
 Слободка, 141
 Слободка Микулина, 141
 Слободка Нежданская Степановская, 141
 Слободка Офонасова, 141
 Слоботка над Мглином озером, 140
 Смоленская, 156
 Соблаго, 131, 154, 161
 Сопот, 105, 161
 Сопрыгинской Заход, 141
 Сосна, 115, 160
 Сосница, 115, 160
 Сосное, 115, 160
 Спорница, 148
 Стеклино, 83, 128
 Стергуто, 74
 Стержь, 74, 127
 Стобенка, 76
 Столп, 133, 152
 Студенец, 104
 Студенецкий Мох, 104
 Студеница, 104
 Судеревское, 149, 159
 Сырычина, 104
 Сырычино, 104
 Съдки, 140, 160
 Телятник, 151
 Темная Веретя, 145
 Теробето, 132, 144, 176
 Тимохин Конец, 142
 Тиницкое, 82
 Тихое, 103

<i>Толочница</i> , 148	<i>Холм</i> , 111
<i>Тонец</i> , 132, 149	<i>Холмец</i> , 111
<i>Топорница</i> , 131, 143	<i>Хороший Остров</i> , 156
<i>Торг</i> , 142	<i>Цавница</i> , 106, 160
<i>Требово</i> , 144, 160	<i>Чаец</i> , 118
<i>Треботка</i> , 160	<i>Чаицы</i> , 118, 160
<i>Тулово</i> , 112, 160	<i>Чермное</i> , 103, 134
<i>Тъшатино</i> , 157	<i>Черная</i> , 103
<i>У Городища</i> , 136	<i>Черное</i> , 103
<i>У Креста</i> , 153	<i>Черный</i> , 103
<i>Узмень</i> , 110	<i>Чистцы</i> , 110
<i>Уклейно</i> , 117, 131	<i>Шеина</i> , 110
<i>Харино в Жарех</i> , 146, 160	<i>Шеломя</i> , 109, 160
<i>Хвошчица</i> , 122	<i>Шеш</i> , 77
<i>Хвощино</i> , 131	<i>Щетун</i> , 85
<i>Хвоцно</i> , 114	

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Васильев Валерий Леонидович,

доктор филологических наук,
профессор Новгородского государственного
университета им. Ярослава Мудрого (Великий Новгород, Россия)
E-mail: vihnn@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4708-7786

Добровольская Мария Всеволодовна,

доктор исторических наук, член-корреспондент РАН,
зав. Лабораторией контекстуальной антропологии Института археологии РАН (Москва,
Россия)
E-mail: mk_pa@mail.ru
ORCID: 0000-0001-9695-4199

Смирнов Алексей Леонидович,

младший научный сотрудник Института археологии РАН (Москва, Россия)
E-mail: ari1828@bk.ru
ORCID: 0000-0003-2221-8011

Вихрова Нина Николаевна,

кандидат филологических наук, доцент Новгородского государственного университета
им. Ярослава Мудрого (Великий Новгород, Россия)
E-mail: vihnn@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1554-7717

Научное издание

Васильев Валерий Леонидович
Добровольская Мария Всеволодовна
Смирнов Алексей Леонидович
Вихрова Нина Николаевна

НАСЕЛЕНИЕ ВОДРАЗДЕЛА ВОЛГИ, ЗАПАДНОЙ ДВИНЫ И ПОЛЫ В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

**(по данным топонимики, археологии,
палеодемографии)**

Коллективная монография

Корректор *Н. Н. Вихрова*
Компьютерная верстка *В. Б. Степанов*
Дизайн обложки *О. М. Матлаш*

Подписано в печать 01.12.2023. Бумага офсетная. Формат 60×84 1/8.
Гарнитура Book Antiqua. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 23,3. Уч.-изд. л. 25. Тираж 500 экз. Заказ № 01122023.
Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого.
173003, Великий Новгород, ул. Б. Санкт-Петербургская, 41.
Отпечатано: ИП Копыльцов П.И.,
394052, Воронежская область, г. Воронеж,
ул. Маршала Неделина, д. 27, кв. 56.
Тел.: 89507656959. E-mail: Kopyltsow_Pavel@mail.ru